

КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ В.И. ВЕРНАДСКОГО
СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ДЖАВАХАРЛАЛА НЕРУ
УНИВЕРСИТЕТ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ
(МЕГХАЛАЙЯ)
ИНСТИТУТ СЕРБСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРИШТИНА-ЛЕПОСАВИЧ
СТУДЕНЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО
«ШКОЛА МОЛОДОГО ПОЛИТОЛОГА»

**«ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
И СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ:
АКСИОЛОГИЯ ВЛАСТИ
И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ»**

**Сборник научных трудов
XLI Международного Харакского форума**

(Ялта, 25-27 апреля 2023 г.)

Под общей редакцией Т.А. Сеньюшкиной

Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2023

УДК 32 (31)

ББК 74.00

П 50

*Сборник зарегистрирован в системе
Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).*

Ответственный редактор:

Т.А. Сенюшкина, доктор политических наук, профессор.

Научный редактор:

Е.А. Сенюшкин, кандидат политических наук, доцент.

Рецензенты:

Драган Танчич, доктор политических наук, профессор;

Раджив Кумар, доктор политических наук, профессор;

Миодраг Гордич, доктор политических наук, профессор.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционной коллегии.

П 50 **Политическое пространство и социальное время:** аксиология власти и общественный идеал. Сборник научных трудов ХLI Международного Харакского форума 25–27 апреля 2023 г., г. Ялта / Под общ. ред. Т.А. Сенюшкиной; [науч.ред.: Е.А. Сенюшкин] – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2023. – 400 с.
ISBN 978-5-907742-07-9

В сборнике размещены материалы ХLI Международного Харакского форума «Политическое пространство и социальное время: аксиология власти и общественный идеал», состоявшегося в г. Ялта 25-27 апреля 2023 г. Раскрываются актуальные проблемы, связанные с аксиологией власти и общественными ценностями, формирующимися в современном политическом пространстве и социальном времени.

УДК 32 (31)

ББК 74.00

ISBN 978-5-907742-07-9

© Сенюшкина Т.А., 2023

© ИТ «АРИАЛ», макет, оформление, 2023

МЕДИА В ГЛОБАЛЬНОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПОЛЕ КАК СЕГМЕНТ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ

Андреева Ю.В.

*доктор педагогических наук,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
профессор высшей школы журналистики и медиакоммуникаций
ИСФНиМК*

E-mail: andreevsemen@mail.ru

***Аннотация.** Информационное поле представляется как системное явление, которое развивается в определенных условиях, имеет свой инструментарий и методы оценивания, к которому можно применить определенные стратегии управления и моделирования. В информационном поле происходят важнейшие события, которые влияют на развитие цивилизации. Продолжается поиск форматов коммуникации, трансформировался стиль восприятия информации, скорость мышления, настройки эмоционального интеллекта человечества. На смену новым медиа пришли «новейшие», принося все новые технологии коммуникации. Медиа становятся все более влиятельными игроками на рынке креативных индустрий. Информационное поле создает безграничные возможности для медиа как части креативных индустрий, открывая новые технические возможности для интерактивных, системных мультимодальных и трансмедийных медиапроектов. В основе успеха медийного сегмента креативных индустрий лежат такие ресурсы как опора на ценностные модели, особенности мышления и восприятия информации, драматургические структуры и стратегии управления временем и пространством, мотивационные движки современных аудиторий.*

***Ключевые слова:** информационное поле, коммуникация, креативные индустрии.*

MEDIA IN THE GLOBAL INFORMATION FIELD AS A SEGMENT OF CREATIVE INDUSTRIES

Andreeva Yu.V.

*Doctor of Pedagogical Sciences,
Kazan (Volga Region) Federal University, Professor of the Higher School of
Journalism and Media Communications ISFNiMK*

E-mail: andreevsemen@mail.ru

***Abstract.** The information field is presented as a systemic phenomenon that develops in certain conditions, has its own tools and methods of assessment, to which certain management and modeling strategies can be applied. In the information field, the most important events occur that affect the development of civilization. The search for communication formats continues, the style of*

perception of information, the speed of thinking, and the adjustment of the emotional intelligence of mankind have been transformed. The new media have been replaced by the "latest" ones, bringing new communication technologies. Media are becoming increasingly influential players in the creative industries market. The information field creates limitless opportunities for the media as part of the creative industries, opening up new technical opportunities for interactive, systemic multimodal and transmedia media projects. The success of new creative industries is based on: reliance on value models, features of thinking and perception of information, dramatic structures and strategies for managing time and space, motivational engines of modern audiences.

Keywords: *information field, communication, creative industries.*

Глобальное информационное поле не только в России, но и во всем мире становится ареной новых конкурентных столкновений. Цифровизация, которая «правит информационным балом», к настоящему моменту фактически уничтожила газеты и другие бумажные медианосители, но главное, она изменила коммуникативную парадигму: на смену новым медиа пришли «новейшие», принося все новые и новые технологии коммуникации. Новостные информационные гиганты, такие как общественное телевидение, не выдерживает конкуренции с платформами, агрегаторы заменили журналистов, выпуски новостей ведут роботы, а контент формируют боты. Скоро не останется рабочих мест для «живых специалистов», ИИ отвоевывает все новые горизонты профессии. Информационное поле развивается в новых системах координат и выходит за рамки» здесь и сейчас», оно диахромно и диатопно. Информационное поле «всегда и везде» создает безграничные возможности для медиа как части креативных индустрий, открывая новые технические возможности для интерактивных, системных мультимодальных и трансмедийных медиапроектов.

Кризис в менеджменте всегда и во всех сферах определяется как период развития, трансформации, новых возможностей. Мировой кризис в медиа индустрии также может стать новым этапом развития новой коммуникативной культуры, где большую роль сыграет понимание журналистики как сегмента всемирной креативной индустрии. Смерть «газет» очевидна и неизбежна. Дискретное пространство, в котором доживают свой век «традиционные сми и классическая журналистика» все более усложняется и расширяется: размываются границы профессиональной идентичности, все более противоречивыми становятся профессиональные стратегии успеха, уже нет тех четких критериев эффективности СМИ (просмотры, тиражи), искажаются и все быстрее меняются предпочтения (запросы) аудитории, идут противоречивые, парадоксальные изменения в культуре и этике коммуникативных норм, мутируют форматы, меняются законы и нормы, ценности, границы допустимого воздействия. Настройки на аудиторию, даже в виде маркетинговых исследований и аналитических прогнозов, которыми пользовались СМИ, не дают уверенности «точности попадания» контента и не формируют запрос аудитории. Ориентация на

целевые группы и маркетинговые, социологические исследования медиаполя и даже дейта-практики не срабатывают. Аудитории может «зайти» что-то совсем не стандартное (феномен ТИКТОКА) или напротив, очень консервативное (феномен популярности черно белого «немого кино»), уже казалось устаревшее. Парадоксальная тенденция наращивания интенсивности медиавлияния в 2022 г. в России привела к тому, что у масс появилось желание закрыться, тотально избегать информационного воздействия.

В 2021 году наблюдался рост общего числа авторов соцмедиа и достиг 66,4 млн. человек. Авторы написали более 1,1 млрд публичных сообщений - постов, репостов и комментариев (по данным союза предприятий печатной индустрии РФ). По данным 2022 г. число сетевых авторов снизилось до 62 млн., но их активность росла (более 1,5 млрд публичных сообщений). По данным «Коммерсантъ» ТВ в России после событий весны 2022 г. доверяют чуть более 20% населения. Для сравнения: по результатам исследования Аналитического центра НАФИ, 60% россиян – аудитория гейминдустрии, (порядка 88 млн человек). За 4 года число геймеров в России увеличилось более чем в 3 раза. Аудитория облачных игровых сервисов в России в течение пяти лет может вырасти в 10 раз.

Только один из пользователей социальных сетей имеет большую аудиторию, чем федеральные каналы. Так, спортсмен Хабиб Нурмагомедов (в Instagram) набрал уже 34 млн. подписчиков, а современные вечерние новости на 1 канале по данным Mediascore смотрит лишь 3 млн человек. И даже государственные субсидии не всегда способны спасти положение дел. (Государственный телеканал Russia Today в 2022 году получил 28 млрд рублей в виде субсидий).

Что же делать в сложившейся ситуации? Опыт деятельности в информационном поле республики Татарстан показывает: нужно учиться использовать новые технологии и настраивать новые стратегии управления информационным полем. Ничего не стоит на месте, все стремительно «настраивается на аудиторию» и среду. Сегодня даже в кинематографе приобретают популярность проекты, где идут эксперименты с восприятием. Например, не усиливается визуально-аудиальное воздействие, а напротив, идет смягчение цвета и звука, (не яркие, а более нейтральные или мягкие визуальные эффекты, не усиление, а уменьшение звука во время пика действия), многочасовые блокбастеры сменили любовь аудитории к малым форматам (короткие метры, сериалы с хронометражом по 30 минут). В медиаполе вдруг возник «ретро-откат» - возвращение к почти забытым или уже утраченным форматам: в ситуации информационного стресса 2022 г. большую популярность стали приобретать печатные СМИ в электронных форматах: что раньше называлось «новости одной строкой» в доступных миллионам Телеграмм-каналах. Или краткие сводки новостей в формате радио. Вместе с тем лонгриды и все «долгие» формы включения аудитории по узким запросам (профессиональным или специальным) также остались популярными. Что же происходит с медиа как с индустрией развлечений?

Меняется среда и условия полевой парадигмы, трансформируется запрос аудитории, меняется не только дискурс, но и сами формы подачи информации, меняется ландшафт коммуникативного пространства. Ландшафт — это не только условия среды (сеттинг), это и принятый стиль, и нормы языка, и цивилизационные запросы развития, и культурный код. Формирование ландшафта происходит постоянно, и во многом самими журналистами, и их коллегами — из мира креативных индустрий. И сегодня журналистика существует в большой конкурентной среде с геймингом, цифровыми проектами, которые гораздо более интенсивно развиваются и управляют эмоциями аудитории. И есть версия того, что будущее медийных профессий будет выглядеть именно как сегмент креативных индустрий!

Впервые термин «креативная экономика» был использован нью-йоркским журналом Businessweek в 2000 году в статье с аналогичным заголовком, с тех пор это понятие стало достаточно часто использоваться и учеными и экономистами для обозначения особых областей деятельности, связанных с созданием произведений искусства, с творческим действием, демонстрацией их результатов аудитории (как массовой, так и частной). Критерием включения сферы творческого производства в креативные индустрии является так же финансовый интерес сторон: процесс напрямую или опосредовано преследует цель — получение прибыли (материальной), либо оцененной как влияние, впечатление аудитории. Понятие креативные индустрии становится все шире, включая все новые сферы творческой деятельности.

Конференция ООН по торговле и развитию дает следующее определение креативной экономики: креативная экономика — это развивающееся понятие, основой такой экономики становятся креативные активы, за счет которых происходят экономический рост и развитие. Фактически дискурс о роли творчества в экономике затронул за последние два десятилетия многие научные и прикладные направления экономики, философии, социологии, культурологии, коммуникативных практик, медиа. Первыми трудами, в которых были проанализированы преимущества «индустрий творчества» остаются публикации эксперта ООН Д. Хокинса, экономиста и социолога Р. Флориды и экономиста, эксперта «Всемирного банка» Ч. Лэндри. В этих работах дается обоснование успешности сегмента «экономики будущего», построенного на резком увеличении стартапов, инновационных технологий в культурной сфере. Во многом долю рынка креативных индустрий захватили экранные искусства и гейминг во всех его проявлениях. Это вселенная игры: всех продуктов, связанных с ними (сериалы, книги, носители, гаджеты, площадки, трансляции кибер спорта), индустрия производства, продвижения, применения гейминга. Причем эта сфера растет как снежный ком и уже сегодня только в России охватывает порядка 88 миллиона человек. По данным Global Games Market Report в мире насчитывается более 3 млрд игроков, которые принесли мировому рынку только в 2022 г. \$196, 8 млрд. Бизнес не только построен на разработке игр, широком спектре программных продуктов. Активно

развивается индустрия виртуальной и дополненной реальности, которая находит применение в визуальных перформансах, журналистике, рекламе, архитектуре, кинематографии, дизайне и других сферах, связанных с управлением впечатлений.

В социокультурной сфере креативные или творческие индустрии классифицируются как новый тип развития культуры, где объединяющей идеей всегда выступает творческий компонент, но при этом высока роль новых технологий и открытий. Креативная индустрия создает товары и услуги преимущественно для международного рынка. Привязка к определенной локации уже не имеет такого принципиального значения, самую важную роль играют создатели контента, проще говоря — интеллект. Импульс к развитию креативных индустрий дают технологии, например, цифровизация, отвечающая за оперативный доступ к средствам креативного производства, аддитивные технологии, искусственный интеллект.

В современном дискурсе применяется десяток моделей креативных индустрий, некоторые из них построены (Британская модель) на признании главенства основного элемента – творческой деятельности участников. Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр» описывает предназначение данной сферы экономики - как предпринимательскую деятельность, связанных с производством «элементов культуры». И этот подход нам представляется более обоснованным, поскольку даже творчество не всегда может быть созидательным. В данном случае рассматривается не принцип производства, а результат. В американской модели, разработанной ассоциацией «Американцы за искусство», сделан акцент на понимание особого процесса производства как уникального «создания и распространения как любительского, так и профессионального искусства» [2].

В России официальное, регламентирующее понятие «креативные индустрии» появилось в «Основах государственной культурной политики» ещё в 2014 году, а в 2021-м утверждена «Концепция развития творческих индустрий до 2030 года». Однако даже среди представителей творческих профессий нет единого понимания о том, какие возможности дают новые стратегии и новые подходы. Единственное, что нас, как представителей креативных индустрий России объединяет – это бесконечное состязание и порой вынужденное как единственно возможное для развития бизнеса и воплощения своих идей шанс - участие в грантовых процессах. Действительно, благодаря государственной поддержке создано немало фондов, направленных на развитие данного сегмента. Это Фонд «Росмолодежь», Фонд Президентских грантов, Фонд культурных инициатив. По открытым источникам, только в 2022 г. одним из проектов, поддержанных в грантовом поле, стал фестиваль классической музыки в г. Сочи, получивший от государства поддержку в 82,6 млн рублей. При этом, часть финансирования была передана в СМИ, т.к. в концепции фестиваля

заложены были трансляции для возможности просмотра мероприятий из любой точки мира.

В российской концепции развития креативных индустрий дано определение: *«творческие (креативные) индустрии - сферы деятельности, в которых компании, организации, объединения и индивидуальные предприниматели в процессе творческой и культурной активности, распоряжения интеллектуальной собственностью производят товары и услуги, обладающие экономической ценностью, в том числе обеспечивающие формирование гармонично развитой личности и рост качества жизни российского общества»*. Таким образом, речь идет не только о принципе производства, а о качестве критерии результата как создания контента, способствующего развитию личности и улучшению качества жизни. По российской версии, *«к творческим (креативным) индустриям относятся индустрии, основанные на использовании историко-культурного наследия (народно-художественные промыслы и ремесла, музейная деятельность); индустрии, основанные на искусстве (театр, музыка, кино, анимация, живопись, деятельность галерей и др.); современные медиа и производство цифрового контента (кино-, видео-, аудио-, анимационное производство, обработка данных и разработка программного обеспечения, виртуальная и дополненная реальность, компьютерные и видеоигры, блоггерство, печатная индустрия, средства массовой информации, реклама и пр.); прикладные творческие (креативные) индустрии (архитектура, промышленный дизайн, индустрия моды, гастрономическая индустрия и т.п.)*. Современные медиа «заходят» в эту категорию по нескольким группам: это не только самостоятельное производство контента, но и сотрудничество с современными индустриями туризма, искусства, музейной, выставочной деятельности, поскольку сегодня ни одно производство не разворачивается без публичной, информационной поддержки.

Интересно, что аналитики факультета журналистики МГУ еще в 2020 году писали о потенциальных возможностях для новой журналистики в сфере креативных индустрий. Е.Л. Варганова – журналист и специалист в области медиаэкономики, размышляя о роли креативных индустрий, пишет: *«Распространение получил термин «креативные индустрии», хотя очевидно, что он во многом пересекается с классическим понятием «индустрия культуры» Адорно и Хоркхаймера. Многие исследователи подчеркивают, что принципиально различия между определениями «культурные» (cultural) и «креативные» (creative) индустрии нет. Творческие индустрии – это деятельность, в основе которой лежит индивидуальное творческое начало, навык или талант, которая несет в себе потенциал создания добавленной стоимости и рабочих мест путем производства и эксплуатации интеллектуальной собственности. Наступление информационной эпохи меняет контекст осмысления экономики, в которой доля труда людей творческих профессий существенно растет» [3]*.

Возрастает роль медиа как особого инструмента настройки информационного поля, как самостоятельного звена «фабрики

впечатлений». В сфере туризма, например, создание виртуальных экскурсий резко повышает интерес к культурной, исторической фактуре, а значит, повышает прибыльность, увеличивая в разы туристический поток. Музеи с интерактивной экспозицией (например, Музей дерева в Свяжске) и «линейным оформлением» образца прошлого века (музей В.И. Ульянова-Ленина, г. Казань) – это два разных пространства, что сразу видно по финансовым отчетам.

Далее профессор МГУ приводит такие аргументы: «Значение креативной экономики в эпоху Индустрии 4.0 трудно переоценить. Именно на этой сфере сегодня строится бюджет и потенциал развития экономики многих стран. ООН объявила 2021 год международным годом креативной экономики. Объем рынка креативных индустрий в мире уже составляет около 104,2 млрд долларов, а капитализация превышает два трлн долларов. США выступает нетто-экспортером продукции креативных индустрий, начиная с 2006 года, экспортируя в основном дизайнерскую продукцию, печатную и аудиовизуальную продукцию. Только в 2019 г. было создано свыше 30 млн. рабочих мест в креативном секторе. Политика культурных индустрий разрабатывается и реализуется в США на уровне штатов и муниципалитетов, где реализуются различные культурные инициативы и эксперименты, опыт которых анализируется учеными и практиками, занятыми в исследовании популярного в США движения «креативных городов» [3].

Программы развития креативных индустрий есть в разных странах: в Норвегии, Финляндии, Дании и в других странах Европы. В азиатско-тихоокеанском регионе также сделана большая ставка на развитие индустрии. Еще в 2002 году в Сингапуре была принята «Стратегия города Возрождения для искусств и культуры», задуманная авторами как комплексный проект национального строительства и обновления, согласно которой Сингапур должен был стать «новым азиатским культурным хабом».

В глобальном мире интерес к креативным индустриям опосредован рядом факторов.

Во-первых, это новая прибыльная и стремительно развивающаяся сфера экономики, поскольку она базируется на стремительном развитии технологий, возникновении новых «голубых океанов» возможностей и стартапов. По оценкам специалистов, доля мировых рынков креативной индустрии неуклонно растет.

Во-вторых, это возможность создания новых рабочих мест, новых производств и направлений деятельности, а также общественного труда, который обеспечивает занятость населения.

В-третьих, это просветительское, созидательное направление, сохраняющее исторический опыт цивилизации, здесь идет работа, направленная на сохранение идентичности, консолидацию и сохранение нематериальных и материальных артефактов культурного кода нации, этнической группы, державы. Те именно в пласте культурных индустрий сохраняется и преумножается великое гуманистическое наследие

цивилизации. Это процессы на уровне экзистенциального поиска, поскольку осмысливается и создается уникальное и авторское - то, что делает человека человеком. И даже сотворчество с искусственным интеллектом, во всех вариациях его презентации, поскольку идет по принципу главенства вдохновения и человеческой сути, позволит человеку сохранить позицию неповторимости, доминантности.

В-четвертых, это организованное и структурное взаимодействие разных слоев населения. А все, что может объединять массы – интересно в глобальном мире еще и как инструмент социального управления.

Взаимодействие медиа с сектором современного высокотехнологичного производства является одним из ключевых вызовов для современных журналистов и представителей креативной сферы. Так, только в нашем креативном агентстве за последние три года реализовано 7 проектов, где использован потенциал медийных профессиональных стратегий управления информационным полем с использованием технологий AR, VR, нейросети. В основе успеха наших проектов: опора на ценностные модели, особенности мышления и восприятия информации, драматургические структуры и стратегии управления временем и пространством, мотивационные движки современных аудиторий.

Список литературы

1. Никитина И. Что такое креативные индустрии? [Электронный ресурс]. - URL: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/5dd54dbf9-a79471180f57ce7>
2. Каменских М.А. Исследование понятия креативных индустрий и оценка их влияния на экономическое развитие России // Экономический анализ: теория и практика. 2014. № 8 (359). С. 62-68.
3. Вартанова Е. Креативные индустрии // Медиа-тренды. Экспертный взгляд факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова на события в СМИ. 2010. № 2 (7). С.6.
4. Благова И. Ю. Зарубежный опыт развития креативных индустрий // Проблемы современных социокультурных исследований: Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 27 октября 2020 г. Белгород: ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2020. С. 45-48.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ

Арап С.Л.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,

Институт «Таврическая академия», студент

E-mail: arsu_2004@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается влияние цифровых технологий на государственное управление. Переход в информационное общество обеспечило неразрывную связь с цифровыми технологиями, эти технологии стали частью и политической, и экономической сфер общественной жизни человека. Одним из важных факторов, влияющих на трансформацию государства, выступает цифровизация, которая связана с активным использованием цифровых технологий во всех сферах жизни общества. Они уже сегодня существенно меняют работу правительства и государственных учреждений, делая их открытыми и прозрачными, что позволяет обеспечить более эффективное использование бюджетных средств, снизить коррупционные риски и улучшить контроль за выполнением государственных функций. В статье проведен анализ эффективности цифровизации государственного управления в России. Рассмотрены особенности формирования и перспективы развития цифровизации государственного управления в Российской Федерации.

Ключевые слова: государственное управление, цифровая экономика, стратегические программы развития, цифровое управление, информационное общество, цифровые технологии.

DIGITALIZATION OF PUBLIC ADMINISTRATION IN RUSSIA

Arap S.L.

V.I. Vernadsky Crimean Federal University,

Institute «Taurida Academy», student

E-mail: arsu_2004@mail.ru

Abstract. This article examines the impact of digital technologies on state governance. The transition to the information society has provided an inseparable connection with digital technologies, which have become a part of both the political and economic spheres of human society. One of the important factors influencing the transformation of the state is digitalization, which is associated with the active use of digital technologies in all areas of social life. They are already significantly changing the work of the government and public institutions, making them more open and transparent, which allows for more effective use of budget funds, reduces the risk of corruption, and improves control over the performance of state functions. The article analyzes the effectiveness of digitalization of state governance in Russia. The features of the formation and prospects for the development of digitalization of state governance in the Russian Federation are considered.

Keywords: *state governance, digital economy, strategic development programs, digital management, information society, digital technologies.*

Цифровизация государственного управления — это процесс внедрения цифровых технологий и инновационных решений в управление государственными органами и предоставление государственных услуг населению. Целью цифровизации государственного управления является улучшение качества государственных услуг, повышение эффективности работы государственных органов, снижение уровня бюрократизации и повышение уровня удовлетворенности населения.

Цифровизация государственного управления в России является одним из приоритетных направлений развития страны. Особое внимание к цифровой сфере в российской государственной политике началось с 2010-х годов, когда происходила разработка концепции цифровой экономики Российской Федерации, которая предусматривала развитие электронного правительства и электронных сервисов для улучшения качества государственного управления.

В России на цифровизацию экономики направлена национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», целью которой является создание необходимых условий для развития цифровой экономики РФ, в которой данные в цифровой форме являются ключевым фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности, что повышает конкурентоспособность страны, качество жизни граждан, обеспечивает экономический рост и национальный суверенитет» [1].

Основные мероприятия по цифровизации государственного управления сформулированы в федеральном проекте «Стратегическое направление в области цифровой трансформации государственного управления», включенном в состав национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации». Целями цифровой трансформации государственного управления являются «социально-экономическое развитие Российской Федерации (управление отраслями экономики и социальной сферы), выраженное в росте реальных доходов и повышении покупательской способности граждан Российской Федерации, повышение инвестиционной привлекательности государства, обеспечение национальной безопасности и личной безопасности граждан Российской Федерации» [2].

Анализ эффективности государственного управления требует, с одной стороны, выявления четкой взаимосвязи между деятельностью государственных служащих и результативностью их труда» и, с другой стороны, столь же четкого обоснования «объема расходов на государственное управление и объема экономической отдачи от внедрения новых сервисов, и технологий. Нерешенность этих вопросов ведет к «неэффективному использованию ресурсов, неполной реализации возможностей социально-экономического развития страны, недостаточной степени доверия общества к институтам государства» [5, с.100].

В 2019 году Елисеев С.М. и Глухих В.А. провели эмпирическое исследование на основе метода опроса. Опрос проводился с помощью

анкетирования и структурированного интервью. В исследовании приняло участие 880 человек в возрасте от 18 до 50 лет. Цель опроса состояла в выявлении степени участия граждан в процессе внедрения концепции открытого правительства в Российской Федерации.

В результате опроса было выявлено, что 72% (большинство опрошенных) не знали о программе формирования открытого правительства. А 26% респондентов ответили, что постоянно пользуются госуслугами в электронном виде, в основном это возраст 26-35 лет. Респонденты этого возраста отметили, что 56% пользуются госуслугами в электронном виде. А в возрасте 18-25 лет только 26% пользуются госуслугами в электронном виде. Следовательно, 72% опрошенных прибегают к традиционным процедурам, которые предполагают использование бумажного оборота.

Авторы этого исследования пришли к выводу, что главной проблемой трансформации системы государственного управления в РФ является низкая вовлеченность граждан в процессы государственного управления и их фактическое отчуждение от процессов реформирования существующей системы государственного управления. Также, по мнению авторов, «институциональная среда и инфраструктура государства...не готовы к открытому диалогу с гражданами. Значительная часть граждан не имеет необходимых компетенций и не испытывает доверия к органам государственной власти и управлению» [3, с.126].

Если рассматривать статистические данные, которые опубликованы на сайте Федеральной службы государственной статистики (Росстат), то можно заметить, что доля граждан, использующих механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме, с каждым годом растет. Так, в 2013 году этот показатель был равен – 30,8%, в 2014 г. – 35,2%, в 2015 г. – 39,6%, в 2016 г. – 51,3%, в 2017 г. – 64,3%, в 2018 г. – 74,8%, в 2019 г. – 77,6%, в 2020 г. – 81,1%. Министерство экономического развития дает показатель средней оценки удовлетворенности качеством предоставленных госуслуг в 2021 г. – 4 балла из 5. Таким образом, население страны с каждым годом всё больше пользуется и доверяет госуслугам в электронном виде.

Можем заметить также увеличение показателя в 2020-м году, по сравнению с показателем 2019 года, что связано с пандемией COVID–19. Именно пандемия послужила развитию цифровизации государственных услуг, повышению доступности и скорости их оказания населению. По имеющимся данным, по состоянию на 2021 год «российский портал Госуслуг занимает четвертое место в мире по посещаемости сайтов в сфере государственного управления» [4, с. 89].

Цифровизация государственного управления должна основываться на комплексе принципов и действий, направленных на максимальное повышение эффективности в достижении конкретных краткосрочных целей и в реализации проектов развития. В 2022 году Россия заняла 10-е место в рейтинге стран-лидеров по развитию цифровых услуг среди 198 стран мира, набрала 0,897 балла (средний показатель по всем странам мира – 0,552 балла).

В.В.Путин подписал указ о переводе федеральных государственных информационных систем (ГИС) на единую цифровую платформу «Гостех» с 1 апреля 2023 г., а региональных с 1 апреля 2024 г. Концепция «ГосТеха» разработана в рамках федерального проекта «Цифровое государственное управление» государственной программы «Информационное общество». Этот проект должен стать ядром для всех государственных цифровых сервисов, программа определяет основные принципы и этапы формирования системы.

Россия находится на начальном этапе «освоения второго «уровня зрелости» цифрового государственного управления (открытое правительство, платформенные решения), хотя в отдельных ведомствах уже внедряются решения, характерные для третьего уровня «цифровой зрелости». При этом возможность сокращения отрыва от стран-лидеров во многом будет зависеть от того, сможет ли Россия преодолеть межведомственное и межрегиональное «цифровое неравенство» и более последовательно сориентироваться на достижение более продвинутых «уровней зрелости» цифровизации. В том числе «цифровой трансформации государственного управления» [6, с.174].

Одной из ключевых особенностей формирования цифровизации государственного управления в России является то, что этот процесс проводится при поддержке государства и финансируется из государственного бюджета. На протяжении последних лет были выделены значительные средства на развитие электронного правительства и электронных сервисов в рамках национального проекта «Цифровая экономика». Финансирование нацпроекта «Цифровая экономика» из федерального бюджета в 2021-2023 годах составит около 552 млрд рублей. Самым затратным федеральным проектом на период 2021-2023 годов станет «Цифровое государственное управление», на которое в общей сложности потратят 268,7 млрд рублей.

Другой важной особенностью является сосредоточение усилий на повышении качества и доступности государственных услуг для населения и бизнеса. В рамках цифровизации государственного управления были разработаны новые электронные сервисы, которые позволяют получать государственные услуги удаленно, без необходимости посещения государственных органов. Также стоит отметить, что в России внедряются технологии искусственного интеллекта (ИИ) и блокчейн, которые позволяют повысить эффективность государственного управления и ускорить принятие решений.

Анализ эффективности цифровизации государственного управления в России показывает, что эта стратегия имеет потенциал для улучшения качества и эффективности государственных услуг, оптимизации бюрократических процессов, повышения прозрачности и открытости государственных процессов, а также укрепления прав граждан.

Однако существуют некоторые проблемы и ограничения, которые затрудняют эффективную реализацию этой стратегии. Некоторые государственные органы не готовы к цифровой трансформации, не имеют необходимой инфраструктуры или не обладают достаточными компетенциями и навыками в области цифровых технологий.

Таким образом, в России разработаны и функционируют многочисленные проекты в области цифровизации государственного управления (к примеру, «Цифровизация государственного управления»), включая создание единой государственной информационной системы; внедрение электронных сервисов (к примеру, Федеральная налоговая служба, в которой представлено 66 электронных сервисов на сайте, имеет 5 мобильных приложений) и т.д.

Подводя итог сказанному, отметим, что, несмотря на достигнутые результаты, цифровизация государственного управления в России еще не достигла своей полной эффективности и масштабности.

Одним из главных выводов данной статьи является то, что цифровизация государственного управления в России — это длительный процесс, требующий не только технических, но и организационных и культурных изменений, включая повышение компетентности и готовности государственных служащих к использованию цифровых технологий.

Список литературы

1. Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 №1632-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 20.03.2023г.)
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 22.10.2021 г. № 2998-р «Стратегическое направление в области цифровой трансформации государственного управления» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.yandex.ru/docs/view?url=yadisk%3A%2F%2F%2Fdisk%2Fкурсовая%20работа%20%20курс%20Суваде%20%2Fд3uclO4ZFGNKmxCPBXbL4OaMPALluGdQ.pdf&n ame=d3uclO4ZFGNKmxCPBXbL4OaMPALluGdQ.pdf&uid=481649342&nosw=1> (дата обращения: 20.03.2023г.)
3. Елисеев, С. М., Глухих, В. А. Цифровая трансформация государственного управления: оценка результативности и эффективности // Информация–Коммуникация–Общество (ИКО–2021): Труды XVIII Всероссийской научной конференции. — Санкт-Петербург: СПбГЭТУ, 2021. С. 122–127.
4. Плотников, В. А. Перспективы цифровизации процессов государственного управления / В. А. Плотников, А. В. Маслюк // Управленческое консультирование. 2022. № 3(159). С. 87–94. – DOI 10.22394/1726-1139-2022-3-87-94.
5. Сидоренко, Э. Л. Эффективность цифрового государственного управления: теоретические и прикладные аспекты / Э. Л. Сидоренко, И. Н. Барциц, З. И. Хисамова // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 2. С. 93–114.

6. Южаков, В. Н. Цифровая трансформация государственного управления: оценка результативности и эффективности / В. Н. Южаков, Е. И. Добролюбова, А. Н. Старостина. М.: Издательский дом "Дело" РАНХиГС, 2021. 234 с.

**ИССЛЕДОВАНИЕ ЛИДЕРСКОГО ПОТЕНЦИАЛА
И ОСНОВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ЛИДЕРОВ
В МЕСТНЫХ САМОУПРАВЛЕНИЯХ РЕСПУБЛИКИ СЕРБИЯ**

Арсениевич Оля

*доктор управленческих наук,
Институт сербской культуры Приштина / Лепосавич, Республика
Сербия, профессор
E-mail: arsenijevicolja@gmail.com*

Перич Ненад

*доктор коммуникационных наук,
Институт сербской культуры Приштина / Лепосавич, Республика
Сербия, профессор
E-mail: nesaperic@hotmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются лидерские характеристики участников проекта из нескольких муниципалитетов в Центральной Сербии, которые оценивались с использованием личностных качеств лидера в двух измерениях. Одно измерение определяется мерой ключевых качеств, которыми, по мнению лидеров они должны обладать, а в другом измерении лидерские качества определяются сотрудниками, определяющими качества, которыми должен обладать их глава муниципалитета. Участники исследования были отобраны из числа высших должностей в органах местного самоуправления, практически из высшего руководства муниципалитета. В их распоряжении было 56 атрибутов, отличающих лидера, пять из которых следовало выбрать в качестве ключевых.

Ключевые слова: лидеры местного самоуправления, личностные качества лидера, глава муниципалитета, теория лидерства, эффективное лидерство.

**RESEARCH OF LEADERSHIP POTENTIAL AND KEY
CHARACTERISTICS OF LEADERS IN LOCAL SELF-GOVERNMENTS
OF THE REPUBLIC OF SERBIA**

Arsenievich Olya

*Doctor of Management Sciences,
Institute of Serbian Culture Pristina / Leposavic, Republic of Serbia,
Professor
E-mail: arsenijevicolja@gmail.com*

Perich Nenad

*Doctor of Communication Sciences,
Institute of Serbian Culture Pristina / Leposavic, Republic of Serbia,
Professor
E-mail: nesaperic@hotmail.com*

Abstract. *The paper deals with the leadership qualities of the participants in the project from several municipalities in Central Serbia, which was measured using the personality attributes of leaders in two dimensions. One dimension is determined by the measure of key qualities that leaders feel they should possess, and in the other dimension, leadership qualities are determined by associates (co-leaders), by determining the qualities that their mayor should have. Participants in the research were selected from highly structured positions in local self-government, practically from the top management of the municipality. They had at their disposal 56 attributes of a leader, of which five were to be chosen as key traits.*

Keywords: *leaders of local self-government, personal qualities of a leader, the head of a municipality, leadership theory, effective leadership.*

Работа выполнена в рамках научно-исследовательской работы НИО по Договору, заключенному с Министерством образования, науки и технического развития, №: 451-03-68/2022-14 от 17.01.2022.

Введение. Исторически сложилось так, что в контексте более широкого подхода к теории лидерства, лидерские качества в первую очередь стали *искать* через успешных лидеров. Первоначальное предположение заключалось в том, что индивидуальные характеристики свойственны только лидерам (но не и их последователям) в ситуациях, в которых происходит такое взаимодействие и которые имеют решающее значение для организации, партии или любой другой социальной структуры. Личность лидера подчеркивается как ключевой фактор успеха всего процесса. Теория *великого человека* (great man), преобладавшая в первой половине прошлого века, подчеркивает, что ключ к эффективному лидерству — это наличие у лидера определенных качеств. Согласно этому подходу к лидерству, который начинается с практических действий, лидер и его личность занимают центральное место в лидерстве как процессе.

Ученые в 20 веке проявляли большой интерес к личностным качествам (характеристикам) лидера. Это была первая систематическая попытка изучения лидерства. В первые годы 20 века лидерские качества изучались через личные качества великих людей.

Этот подход был назван теорией *великого человека*. Исследователи сосредоточились на выявлении унаследованных качеств и характеристик, которыми обладали великие государственные деятели и военные лидеры (например: Авраам Линкольн, Индира Ганди, Мохандас Ганди, Екатерина Великая, Наполеон Бонапарт и т. д.). Считалось, что они рождены с

лидерскими характеристиками и лидерскими качествами, которыми обладает *великий человек*. Исследование было сосредоточено на выявлении специфических характеристик, которые четко отличают лидеров от последователей [2; 3; 4].

В середине 20 века личностные характеристики лидеров исследовались с позиции универсальности этих характеристик. В большом исследовании Стогдилла [5] было высказано предположение, что не существует последовательного набора лидерских качеств, отличающих лидеров от других сотрудников в разных ситуациях. Человек, который является эффективным лидером в определенной ситуации, может не быть лидером в другой, новой ситуации. Вместо качеств, которыми обладают отдельные люди, лидерство рассматривается как отношение между людьми в социальной ситуации [6].

Теория лидерских качеств вызвала большой интерес среди исследователей в своем объяснении того, как она влияет на лидерство [7]. *Лорд, ДеВейдер и Аллигер* [8] обнаружили, что черты личности тесно связаны с индивидуальным восприятием человека как лидера. Точно так же *Киркпатрик и Локк* [9] заявили, что эффективные лидеры – это люди, которые отличаются от своих последователей в нескольких ключевых аспектах.

Теория лидерских качеств вновь привлекла к себе внимание благодаря тому, что в настоящее время многие исследователи уделяют особое внимание дальновидному и харизматичному лидерству [10, 11, 12, 13, 14, 15].

Харизматическое лидерство оказалось в центре внимания общественных исследователей после избрания Барака Обамы в 2008 году первым афроамериканским президентом Соединенных Штатов. У Барака Обамы, среди многих положительных качеств, также есть лидерская линия.

В исследовании, перед которым стояла задача определить, что отличает харизматического лидера от других людей, Юнг и Сосик [16] обнаружили, что харизматические лидеры обладают постоянными чертами самоконтроля, они занимаются управлением своим имиджем и впечатлением, которое они производят на других людей, они мотивированы на достижение социальной цели и обладают врожденным стремлением к самореализации. Теория личности началась с определения качеств великих людей, затем она перешла к ситуационному влиянию лидера, затем еще раз попыталась указать на критическую роль лидерских качеств эффективного лидера.

Подход к проблеме лидерства как совокупности личностных качеств лидеров, как руководителей определенного процесса, не включает ни отношения лидера к требованиям работы, в определенной ситуации, ни то, что лидеры делают в определенных обстоятельствах. Теория лидерских качеств исходит из предположения, что организация будет функционировать лучше, если будет определен способ, при помощи которого люди, занимающие руководящие должности, выполняют свою работу. Практическая, но существенная задача организации состоит в том, чтобы

найти людей, обладающих таким набором характеристик. В техническом смысле при поиске лидеров обычно используются различные методики оценки личности, такие как: психологические измерители, личностные качества и мониторинг. Гипотезы, на которых основаны эти процедуры, заключаются в том, что профессиональный отбор нужных людей повышает эффективность их функций и, следовательно, организации. Организации могут определить характеристики и качества, важные для них с точки зрения руководства на определенной должности, а затем с помощью методов оценки личности определить, соответствует ли конкретный человек их потребностям.

Проблемы подхода с позиций лидерских качеств ориентированы исключительно на лидеров, а не на последователей или ситуацию, что делает теорию личности более линейной, чем другие подходы. Таким образом определяются доминантные характеристики лидеров, их ищут и находят у лиц, обладающих такими характеристиками [17, 18].

Исследование характеристик лидерства в органах местного самоуправления Республики Сербия

Техника *Johary Window* была предложена *Джошопом Люфтом* и *Гарри Ингхэмом* в 1955 году в США [19], чтобы помочь людям лучше понять свое отношение к себе. Другие исследователи часто использовали эту технику. Методика *Johary Window* в первую очередь предназначена для проверки групп самопомощи и анализа корпоративной деловой среды. Исследованным пользователям было дано 56 прилагательных. Исследование проводилось в двух измерениях. Люди из группы А должны были описать свою личность с помощью 5 или 6 прилагательных. Группа Б получила тот же список, и с помощью 5 или 6 прилагательных они должны были описать каждого члена группы А. Все прилагательные, полученные для членов группы, были скопированы в определенную сеть, на основе которой можно было определить мнение членов группы А о себе, а также мнение членов группы В о каждом члене группы А [20].

Позже *Чарльз Хэнди* и группа ученых под руководством *Стюарда Хазета* провели исследования с использованием этой методики [21]. После исследования была представлена первая концепция под названием *Johary House* с 4 комнатами. Комната № 1 представляет нас самих, как мы видим себя и как нас видят другие. Комната № 2 показывает, как нас видят другие, но мы этого не осознаем. Комната № 3 - самая загадочная, это подсознательная или бессознательная часть нас, которая не видит себя или других. Комната № 4 — это наша конфиденциальность, которую мы храним при себе [22]. Эта концепция была разработана с использованием результатов исследования, на основе которого Карл Густав Юнг сформулировал теорию личности. Техника *Johary Window* определяет 56 качеств: способный, дружелюбный, приспособляемый, отважный, храбрый, спокойный, заботливый, веселый, умный, уверенный, надежный,

достойный, энергичный, экстраверт, друг, щедрый, счастливый, полезный, идеалист, независимый, гениальный, интеллигентный, творческий, интроверт, опытный, образованный, логичный, любовник, зрелый, скромный, нервный, наблюдатель, организованный, терпеливый, сильный, гордый, тихий, вдумчивый, расслабленный, верный, ответственный исследователь, осознающий себя, разумный, сентиментальный, глупый, застенчивый, умный, спонтанный, отзывчивый, напряженный, надежный, теплый, мудрый и остроумный.

Характеристики, не выбранные участниками теста, остаются в неограниченном квадрате и представляют собой результат поведения определенных участников или их мотивы не принимаются. Это связано с тем, что неприемлемые черты не применяются, или потому, что существует коллективное игнорирование существования этих качеств.

Гипотезы исследования.

Гипотеза 0: Лидеры местного самоуправления в Республике Сербия в качестве ключевых характеристик, важных для руководства выбирают: способность, энергичность, надежность, интеллект и ответственность.

Гипотеза 1: Наиболее распространенными атрибутами в оценке лидеров коллегами и сотрудниками являются способность, адаптивность, ответственность, полезность и дружелюбие.

Гипотеза 2: Понятия, которые несут эмоциональный характер, полностью игнорируются как важные для успешного лидерства.

Выборка исследования.

Тестирование проводилось на выборке из 150 участников исследования. Участники отбирались из разных муниципалитетов Центральной Сербии и занимали руководящие должности (мэры или руководители местных самоуправлений и их ближайшие сотрудники). Каждый из респондентов выбрал атрибуты или качества, которые характеризуют его как лидера. Кроме того, сотрудники выбрали параметры, которые определяют лидерские качества, которые он/она считает ключевыми для лидерских качеств и характеристик их мэра руководителя местного самоуправления.

Таким образом, каждый лидер судит о себе по предложенным атрибутам лидерства, а также сотрудники с помощью предлагаемых атрибутов, определяют характеристики, которыми должен обладать лидер, возглавляющий их местное самоуправление.

Результаты исследования.

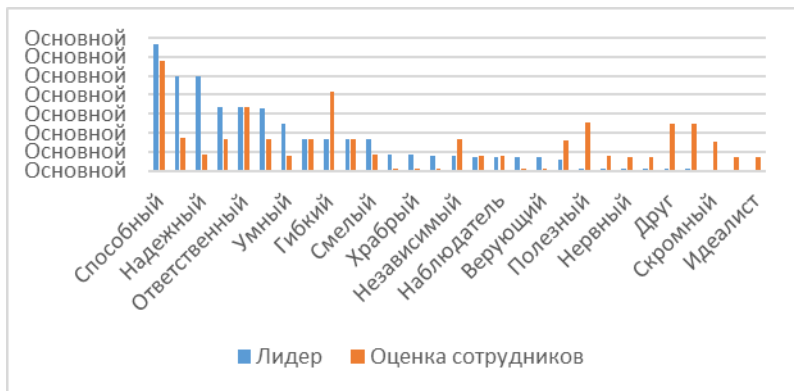

График 1. Сравнение качества лидерства: самооценка лидера и оценка сотрудников.

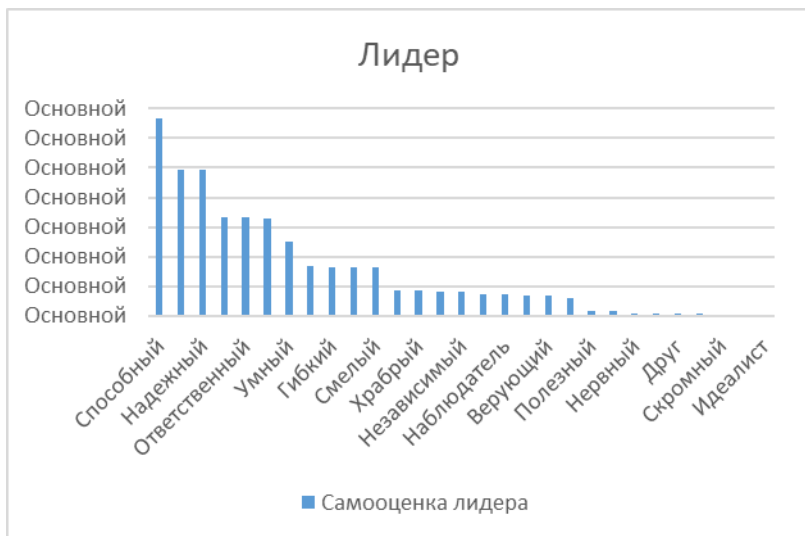

График 2. Качество лидерства на основе самооценки лидера.

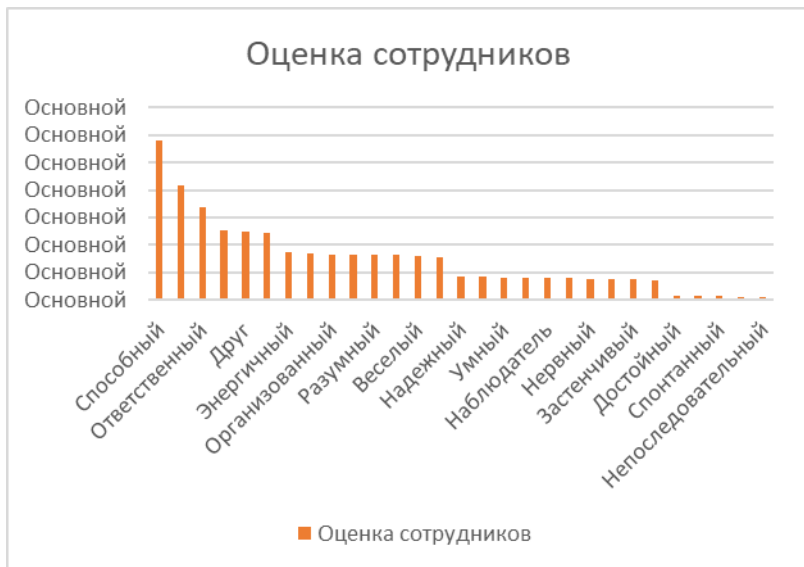

График 3. Качество лидерства с точки зрения сотрудников.

Таблица 1. Числовые характеристики самооценки лидеров.

Лидер	
Способный	133
Энергичный	99
Надежный	99
Разумный	67
Ответственный	67
Организованный	66
Умный	50
Мудрый	34
Гибкий	33
Разумный	33

Смелый	33
Достойный	17
Храбрый	17
Непоследовательный	16
Независимый	16
Расслабленный	15
Наблюдатель	15
Спонтанный	14
Верующий	14
Счастливый	12
Полезный	3
Любовник	3
Нервный	2
Гордый	2
Друг	2
Тихий	2
Скромный	1
Застенчивый	1
Идеалист	1

Таблица 2. Числовые характеристики оценки сотрудников.

Самооценка	
Способный	116
Гибкий	83
Ответственный	67
Полезный	51
Друг	50

Тихий	49
Энергичный	35
Разумный	34
Организованный	33
Мудрый	33
Разумный	33
Независимый	33
Веселый	32
Скромный	31
Надежный	17
Смелый	17
Умный	16
Расслабленный	16
Наблюдатель	16
Любовник	16
Нервный	15
Гордый	15
Застенчивый	15
Уверенный	14
Достойный	3
Храбрый	3
Спонтанный	3
Верующий	2
Непоследовательный	2

Дискуссия.

Анализ данных позволяет определить следующее. Из предложенных 56 атрибутов, связанных с лидерством, респонденты выделили 29 атрибутов, определяющих основное лидерство. Самым распространенным атрибутом для описания лидера является способность, а наименее используемым атрибутом является идеализм.

В связи с тяжелым экономическим и политическим кризисом в Республике Сербия таким атрибутам, как идеализм, спокойствие и дружба, в отличие от исследований, проведенных в Соединенных Штатах, где они занимали высокое место, здесь придавалось меньшее значение, что показывает, насколько глубокий и длительный кризис наблюдается в Республике Сербия. Некоторыми понятиями, носящими эмоциональный характер, полностью пренебрегают в результате переходных стрессов.

Лидеры местного самоуправления в Республике Сербия выбрали в качестве ключевых характеристик, относящихся к лидерству: способности, энергию, надежность, интеллект и ответственность.

Таблица 3. Ключевой потенциал лидеров в органах местного самоуправления Республики Сербия на основе самооценки лидеров

способный
энергичный
надежный
разумный
ответственный

Наиболее частым признаком оценки лидера со стороны сотрудников явилась способность, за которой следуют: гибкость, ответственность, полезность и дружелюбность.

Таблица 4. Ключевые характеристики руководителей органов местного самоуправления Республики Сербия на основе оценки сотрудников

способный
гибкий
ответственный
полезный
дружелюбный

Менее всего используемый атрибут для определения качества лидера - непоследовательность.

Заключение.

Исследования, направленные на выявление ключевых лидерских качеств, начались еще в 1930-х годах и продолжаются до сих пор. На

основании их результатов было предложено несколько систематизаций личностных качеств и их ранжирование. В основном они говорят о взаимосвязи между чертами личности и положением лидера или о том, что определенные черты личности часто более выражены и развиты у лидера по сравнению с другими членами группы. Сравнивая их, можно сделать вывод, что не во всех случаях присутствуют все характеристики положительной корреляции с лидерством. Также замечено, что корреляции часто могут быть очень низкими или находиться на пороге статистической значимости, и часто говорят об эмпирическом обобщении. Однако, несмотря на все ограничения, есть основания принять точку зрения о том, что есть определенные черты, которые помогают отличать лидеров от других членов организации. Хотя эти качества не являются решающими детерминантами, они являются важным фактором в приобретении и сохранении лидерской позиции.

Теория лидерских качеств уходит корнями в теорию лидерства, которая основана на предположении, что некоторые люди рождаются с особыми характеристиками, которые делают их великими лидерами, учитывая, что лидеры и не-лидеры, как часто показывают исследования, отличаются универсальным набором свойств. На протяжении XX века исследователи сталкивались с серьезной проблемой: окончательной идентификацией лидерских качеств.

С середины XX века несколько крупных исследований базировались на предположении, что лидерство определяется одним набором характеристик. В результате такой позиции, внимание сосредотачивается на разделении влияния лидеров и последователей в конкретной ситуации, когда решение требует серьезных изменений в организации. Исследователи начали изучать взаимодействие между лидером и его подчиненными, вместо того чтобы сосредотачиваться только на характеристиках лидера. Было решено, что дальнейшего изучения лидерских качеств не требуется, но позже интерес возобновился, что переориентировало исследования на ключевые атрибуты лидерства, обусловленные текущими глобальными рисками.

Лидерские качества, выявленные в исследованиях в Соединенных Штатах, можно частично сопоставить с исследованиями, проведенными в Республике Сербия. Но есть некоторые различия в результатах оценки критических факторов для эффективного функционирования органов местного самоуправления в Республике Сербия, они являются следствием определенных культурных, ценностных, религиозных, экономических и политических факторов, влияющих на эффективность и действенность организационных единиц и общества.

Список литературы

1. Bass, B. Bass and Stogdill's handbook of leadership: A survey of theory and research. New York: Free Press, 1990.
2. Jago, A. Leadership: Perspectives in theory and research, Management Science. 1982. №28(3). P. 315-336.

3. Nikezic, S., Stojkovic, D, Djurovic, B., Djordjevic, A. LEADERSHIP TRAITS: research of leadership and coleadership personal characteristics in local governments of Serbia as a framework for social change. 7th International Quality Conference, Center of Quality, Faculty of Eneengineering, University of Kragujevac. Kragujevac, 2013. P. 613-628.
4. Stogdill, R. Personal factors associated with leadership: A survey of the literature // *Journal of Psychology*. 1948. № 25. P. 35-71.
5. Northouse, P. Leadership: theory and practice. Sage Publications, Inc, 2013.
6. Bryman, A. Charisma and leadership in organizations. London: Sage Publications, Inc, 1992.
7. Lord, R., DeVader, C., Alliger, G A meta-analisis of the relation between personalty traits and leadership perceptions: An application of validity generalization procedures // *Journal of Applied Psychology*. 1986. №71. P. 402-410.
8. Kirkpatrick, S., Locke, E. Leadeshp: Do traits matter? // *The Executive*. 1991. № 5(2). P. 48- 60.
9. Bass, B. Bass and Stogdill's handbook of leadership: A survey of theory and research. New York: Free Press, 1990.
10. Bennis, W., Nanus, B. Leaders: The strategies for taking charge. New York: Harper & Row, 1985.
11. Nadler, D., Tushman, M. What makes for magic leadership? // W. E. Rosenbach & R. L. Taylor (Eds.), *Contemporary issues in leadership*. Boulder, 1989. P. 135-139.
12. Zaccaro, S. Organizational leadership and social intelligence // R. Riggio (Ed.), *Multiple intelligence and leadership*, Lawrence Erlbaun. New Jersey, 2002. P. 29-54.
13. Zaleznik, A. Managers and leaders: Are they different? // *Harvard Business Review*. 1977. № 55. P. 67-78.
14. Nikezic, S., Stojkovic, D, Djurovic, B., Djordjevic, A. LEADERSHIP TRAITS: research of leadership and coleadership personal characteristics in local governments of Serbia as a framework for social change // 7th International Quality Conference, Center of Quality, Faculty of Eneengineering. University of Kragujevac. Kragujevac, 2013. P. 613-628.
15. Jung, D., Sosik, J. Who are the spell biders? Identifying personal attributes of charismatic leaders // *Journal of Leadership & Organizational Studies*. 2006. №12. P. 12-27.
16. Mihajlović, D., Ristić, S. Liderske kompetencije. Fakultet organizacionih nauka. Beograd, 2011. P. 150.
17. Nikezic, S., Stojkovic, D, Djurovic, B., Djordjevic, A. LEADERSHIP TRAITS: research of leadership and coleadership personal characteristics in local governments of Serbia as a framework for social change // 7th International Quality Conference, Center of Quality. Faculty of Eneengineering. University of Kragujevac. Kragujevac, 2013. P. 613-628.

18. Luft, J., Ingham, H. The Johari window, a graphic model of interpersonal awareness // Proceedings of the western training laboratory in group development. Los Angeles: UCLA, 1950.
19. Luft, J. Of Human Interaction, Palo Alto. CA: National Press, 1969.
20. Hase, S., Davies, A. T., Dick, B. The Johary Window and dark side of organizations. UltiBASE In- Site, 1999.
21. Handy, C. 21 Ideas for Managers. San Francisco: Jossey-Bass, 2000.

МЕЖДУНАРОДНОЕ МОЛОДЁЖНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОСТИ

Афонина А. А.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Институт «Таврическая академия», студент
E-mail: afonina0603@mail.ru*

***Аннотация.** В данной статье рассматриваются международные молодёжные организации как полноценный субъект международного сотрудничества, обладающий определённым потенциалом в условиях глобальных вызовов. Обосновывается положение о том, что, ввиду значительных изменений в политическом и социокультурном мировом пространстве, молодёжная дипломатия как инструмент «мягкой силы» приобретает все большее значение для формирования благоприятного имиджа и климата внешней политики государства, укрепления фундамента механизмов международной коммуникации, а также создания предпосылок для развития гражданского общества. В этом смысле подчеркиваются важнейшие социальные функции молодёжи, а именно воспроизводящая, инновационная и трансляционная. Кроме того, в работе обозначены проблемы молодёжной дипломатии и рассмотрены форматы для выстраивания успешной внешней политики в гуманитарной сфере с помощью молодёжных организаций в рамках межгосударственного объединения БРИКС.*

***Ключевые слова:** дипломатия, «мягкая сила», внешняя политика, Россия, БРИКС, молодёжная дипломатия, международное молодёжное сотрудничество, публичная дипломатия.*

INTERNATIONAL YOUTH COOPERATION IN THE CONTEXT OF GLOBAL CHALLENGES OF OUR TIME

Afonina A. A.

*V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Institute «Taurida Academy», Student
E-mail: afonina0603@mail.ru*

Abstract. *this article considers international youth organizations as a full-fledged subject of international cooperation with a certain potential in the context of global challenges. The article substantiates the position that, due to significant changes in the political and socio-cultural world space, youth diplomacy as a tool of soft power is becoming increasingly important for the formation of a favorable image and climate of the state's foreign policy, strengthening the foundation of international communication mechanisms, as well as creating prerequisites for the development of civil society. In this sense, the most important social functions of youth are emphasized, namely reproductive, innovative and translational. In addition, the article outlines the problems of youth diplomacy and considers formats for building a successful foreign policy in the humanitarian sphere with the help of youth organizations within the framework of the BRICS interstate association.*

Keywords: *diplomacy, soft power, foreign policy, Russia, BRICS, youth diplomacy, international youth cooperation, public diplomacy.*

Вопрос о способах международной коммуникации и сотрудничества с целью достижения устойчивого глобального развития в современных условиях приобретает все большую актуальность. В контексте стремительной глобализации, упадка ценностно-мировоззренческих ориентиров, кризиса духовности, насаждения средствами массовой информации ложных ценностей и искаженных представлений о России молодёжная дипломатия становится эффективным и востребованным механизмом для поддержания межнационального диалога и взаимодействия в различных сферах, включая науку, спорт, культуру и другие общественные сферы деятельности. Автору представляется возможным рассмотреть данное понятие как формы публичной дипломатии, предполагающей использование института молодёжи в сфере гуманитарного международного сотрудничества для продвижения внешней политики государства.

Из Федерального закона от 30.12.2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» следует, что молодёжь - социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно, имеющих гражданство Российской Федерации [1]. В статье 13. «Международное сотрудничество в сфере молодежной политики» указано, что Российская Федерация содействует развитию международного сотрудничества в сфере молодежной политики, участвует в соответствии с международными договорами Российской Федерации в деятельности различных международных организаций в сфере молодежной политики в различных формах. К ним относится разработка и реализация программ и проектов в сфере молодёжной политики, обмен опытом в сфере государственной молодёжной политики, поддержание международных связей и содействие обеспечению представительства интересов молодых граждан Российской Федерации в международных и межгосударственных организациях по вопросам международного сотрудничества, международных молодежных обменов [1].

Перечисленные формы деятельности способствуют развитию двусторонних и многосторонних отношений взаимовыгодного и равноправного партнерства с иностранными государствами, расширение международного сотрудничества на недискриминационной основе, а также усилению роли России в мировом гуманитарном пространстве, распространению и укреплению позиций русского языка в мире, популяризации достижений национальной культуры, национального исторического наследия и культурной самобытности народов России, что соответствует положениям, отраженным в Концепции внешней политики Российской Федерации 2016 года.

Цели и приоритетные задачи молодежной политики в рассматриваемом аспекте, исходя из Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года, определяются следующим образом: «Активное вовлечение молодежи в процесс развития Евразийского экономического союза, укрепления общего гуманитарного пространства Содружества Независимых Государств и привлечение перспективной зарубежной молодежи к реализации российских социально-экономических проектов; поддержка участия российской молодежи и молодежных объединений в международных структурах, а также в работе международных форумов, конференций и фестивалей; содействие в реализации программ двусторонних молодежных обменов, а также развитие сотрудничества с молодежными организациями соотечественников, проживающих за рубежом» [2].

Развитие международного молодежного сотрудничества является приоритетным направлением государственной молодежной политики России, поскольку молодое поколение выполняет ряд важнейших социальных функций. Как отмечает Е.И. Григорьева, «реализация молодежью своих устремлений, направленных на саморазвитие и самореализацию, делает ее главным фактором развития всего российского общества, несущим ответственность за сохранение и развитие своей страны, ее исторического и культурного наследия перед лицом новых вызовов» [3, с. 10]. Рассматривая молодежь как особую социально-демографическую группу, автор считает необходимым обозначить, что молодые люди: а) перенимают опыт, культуру, ценности и традиции предыдущих поколений через воспитание; б) при этом нередко выступают за нонконформизм, способны творчески перерабатывать идеи и генерировать новые; в) способны воспроизводить потомство и передавать собственный опыт, обеспечивая смену и преемственность поколений.

Таким образом, молодежь как политический актор выполняет воспроизводящую, инновационную и трансляционную функции и, кроме того, обладает огромным потенциалом для развития института гражданского общества.

Полноценную площадку для выполнения всех вышеперечисленных функций образуют различные саммиты, форумы, проекты, реализованные с помощью молодежного сотрудничества стран-участниц БРИКС. Из устава

региональной общественной организации сохранения и популяризации культурного достояния, творческого наследия, национальных культурных традиций, поддержки и реализации многосторонних культурных проектов стран-членов БРИКС «БРИКС. Мир традиций» следует: «Основной уставной целью Организации является объединение граждан и негосударственных организаций России для поддержки и реализации общественно-полезных и значимых культурных проектов, сохранения и популяризации национальных культурных традиций, культурного достояния и творческого наследия России и других стран-членов БРИКС для обеспечения их многостороннего культурного сотрудничества; поддержка, разработка и реализация региональных и многосторонних культурных проектов и программ, в том числе, социально-культурных, направленных на материальную и морально-нравственную поддержку граждан и объединений – членов Организации, противодействие разного рода насилию, нравственное и патриотическое воспитание молодого поколения государств-членов БРИКС, просветительскую пропаганду здорового образа жизни, вопросов охраны животных и природы; культурно-просветительская пропаганда духовно-нравственных ценностей среди населения, в том числе, учащихся, студентов и т.д.» [4].

С сентября 2020 года развитием международного сотрудничества молодёжных организаций России и БРИКС занимается Проектный офис международного молодёжного сотрудничества по направлению «Россия-БРИКС», реализовавший более 25 проектов (по состоянию на январь 2022 года) по различным направлениям, включая молодёжное предпринимательство и инновации, креативные индустрии, международные волонтерские инициативы, общественную дипломатию и молодёжное энергетическое сотрудничество. В данном контексте нельзя не отметить Молодёжное энергетическое агентство БРИКС (МЭА БРИКС) – международную молодежную организацию и глобальный флагман в области развития молодежного энергетического сотрудничества в контексте глобальных трендов и вызовов, а также центр компетенций международного молодежного сотрудничества по вопросам климата и энергетики, организовавший в ноябре 2022 года серию мероприятий для молодых специалистов из Армении, Белоруссии, Боливии, Бразилии, Вьетнама, Индии, Казахстана, России, Сенегала, ЮАР, Узбекистана и т. д., посвященных вопросам энергетики, технологий и устойчивого развития. Безусловно, участие в подобных мероприятиях международного масштаба требует высокого уровня профессиональной подготовки участников, следовательно, необходимо создавать условия для подготовки высококвалифицированных и патриотично настроенных граждан для их дальнейшего успешного взаимодействия с иностранными коллегами.

Из этого следует, что создание различных международных молодёжных объединений в рамках БРИКС отвечает на современные глобальные вызовы, способствует разработке новых инструментов народной, культурной и гуманитарной дипломатии. Кроме того, осуществление международного

сотрудничества молодёжи в рамках межгосударственного объединения БРИКС способствует артикуляции и реализации национальных интересов стран-участниц. Вместе с тем, стоит отметить, что международные молодёжные организации и непосредственное долгосрочное взаимодействие их участников укрепляет связи между государствами и их молодыми представителями внешнеполитических ведомств, что, в свою очередь, оказывает благотворное влияние на внешнюю политику в гуманитарной сфере.

Автор подчеркивает, что вышеупомянутые форматы международного взаимодействия молодёжи России способствуют формированию реалистичного образа страны на мировой арене и призваны избавиться от стереотипов, возникающих в медиасфере и негативно сказывающихся на имидже государства. Некоторые исследователи, напротив, отмечают, что «эффект применения молодёжной дипломатии и других инструментов «мягкой силы» может проявиться лишь спустя годы, а на имидж России влияет множество других факторов, в частности восприятие за рубежом событий внутри самой РФ» [5]. Действительно, в условиях стремительно изменяющегося мира у молодой зарубежной аудитории с малой долей вероятности может сложиться целостный и реалистичный образ современной России, поскольку параметры молодёжной аудитории в целом специфичны и подвержены качественным изменениям. При этом стоит принять во внимание тот факт, что за рубежом, в частности в странах «коллективного Запада», могут использовать механизмы «острой силы», направленные на дискредитацию своих идеологических противников и создание неблагоприятного образа той или иной страны.

Таким образом, международное молодёжное сотрудничество является перспективным направлением внешней политики, способным отвечать на многие вызовы современности. Осмысление молодёжной дипломатии как полноценного инструмента «мягкой силы» открывает большие перспективы и возможности для влияния молодого поколения на внешнюю политику и имидж страны в целом.

Список литературы

1. Федеральный закон от 30.12.2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Президент России. Официальный сайт. - URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328> (дата обращения: 22.01.2023).
2. Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Правительство России. Официальный сайт. - URL: <http://government.ru/> (дата обращения: 22.01.2023).
3. Молодежная политика в системе формирования гражданской идентичности современной молодежи: Коллективная монография / Под ред. А.В. Бугаева, Т.К. Ростовской. М.: Издательство РГСУ, 2018. 198 с.

4. Устав Региональной общественной организации сохранения и популяризации культурного достояния, творческого наследия, национальных культурных традиций, поддержки и реализации многосторонних культурных проектов стран-членов БРИКС «БРИКС. МИР ТРАДИЦИЙ». - URL: <https://bricsmt.ru/> (дата обращения: 22.01.2023).
5. Черненко Е. С позиции «мягкой силы». «Ъ» выяснил, как Россия будет улучшать свой имидж за рубежом // Коммерсантъ. 2013. 16 янв. № 6 (5037).

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ «МЕТАВСЕЛЕННОЙ»: ЭВОЛЮЦИЯ ВООБРАЖЕНИЯ ИЛИ ДЕКОНСТРУКЦИЯ РЕАЛЬНОГО

Балтезаревич Боривое В.

доктор культурологии,

Институт сербской культуры Приштина-Лепосавич,

научный сотрудник

E-mail: baltez@yahoо.co.uk

***Аннотация.** В статье исследуется феномен «метавселенной», его генезис, направления развития, потенциальное воздействие на человека и общество в целом, а также скрытые угрозы цивилизационным и культурным ценностям, выработанным веками на гуманистических ценностях. Выбор направления, благодаря экспоненциальному развитию технологически опосредованной виртуализации человеческого общества и идентичности, станет одним из существенных вопросов выбора будущего человечества и является вопросом философского, социального и политического выбора. От этого выбора зависит, будет ли человек человеком в полном смысле этого слова, или, пассивно предаваясь симуляции, он испытает эволюционный и культурный регресс, став дегуманизированным технологическим варваром, т.е. «дарвиновской обезьяной с лазерным пулеметом». Мы можем справедливо задаться вопросом, представляют ли виртуальный мир и цифровые технологии рай для бегства от реальности, в котором мы прячемся от реального мира, с которым избегаем сталкиваться. Действительно ли в онлайн-утопии мы переводим нашу реальную жизнь в офлайн режим, чтобы заменить ее симуляцией, которая обеспечивает мгновенное удовлетворение без каких-либо усилий с нашей стороны? Наконец, в статье исследуется ингибирующий эффект, который виртуальная реальность оказывает на моральное состояние человека, потому что в виртуальной реальности мы не несем ответственности за последствия наших действий. Длительное погружение в виртуальную реальность в будущем несет в себе страх, что со временем мы полностью потеряем чувство реальности, ответственности, личной и социальной идентичности.*

***Ключевые слова:** Метавселенная, виртуальная реальность, дегуманизация, симуляция, технология, идентичность*

PHENOMENOLOGY OF THE "METAVERSE": EVOLUTION OF IMAGINATION OR DECONSTRUCTION OF THE REAL

Borivoje V. Baltezarevich

Doctor of cultural sciences,

Institute of Serbian Culture Priština - Leposavić, research associate

E-mail: baltezb@yahoo.co.uk

Abstract. *This paper explores the 'metaverse' phenomenon, its genesis, development directions, potential effects on man and society as a whole, as well as hidden threats to civilizational and cultural values developed over centuries on humanistic values. The choice of the direction, thanks to the exponential development of technologically mediated virtualization of human society and identity, will become one of the essential questions of choosing the future of humanity and is a matter of philosophical, social and political choice. It depends on that choice whether a person will be a man in the full sense of the word, or, passively indulging in simulation, he will experience evolutionary and cultural regression, becoming a dehumanized technological barbarian, i.e. 'Darwin's monkey with a laser machine gun'. We can rightly question whether the virtual world and digital technology represent a kind of escapist paradise in which we hide from the real world that we avoid facing. In an online utopia, are we actually putting our real lives offline to replace them with a simulation that provides instant gratification without any effort on our part? The paper finally investigates the inhibitory effect that virtual reality has on individual morale, because in virtual reality we are not responsible for the consequences of our actions. Prolonged immersion in virtual reality in the future carries the fear that, over time, we will completely lose the sense of reality, responsibility, as well as personal and social identity.*

Keywords: *Metaverse, virtual reality, dehumanization, simulation, technology, identity.*

Статья подготовлена в рамках научно-исследовательской работы НИО - Соглашения, заключенного с Министерством образования, науки и технологического развития № 451-03-47/2023-01/ 200020 от 03.02. 2023 года.

Введение. Многочисленные исследования [1; 9] показали, что виртуальная реальность, которая является посредником в архитектуре «метавселенной», деконструирует идентичность реального мира, принося пользователям, а значит и сообществу, целый ряд потенциальных проблем и последствий. Эта «релятивизация реального» через чрезмерную сенсорную стимуляцию виртуальных миров приводит к явлению «размытости», при котором наша реальность становится бледной, неинтересной, скучной и немотивирующей.

Здесь можем упомянуть прямую аналогию с апатией, возникающей у героиновых наркоманов, которую они испытывают к окружающей их действительности, а также к сообществу, иначе привыкших к интенсивной стимуляции дофаминовых рецепторов в мозгу, которую не может вызвать никакое событие в реальной жизни. Длительное и частое воздействие виртуальных миров способствует восприятию повседневной жизни как скучной и депрессивной, без критического количества стимуляции, которую обеспечивает имитационное погружение, подобное цифровому эквиваленту героина или «цифровой героин» [10].

Проблема виртуализации человеческого опыта, как и жизни в целом, потихоньку выходит в центр общественного сознания, которое постепенно принимает, что утопия безобидного досуга и технологий может привести нас в антиутопическое будущее. Интересно, что это подтверждается тем фактом, что даже церковные иерархи возвысили голос, предупреждая, что: «Вход в киберпространство может быть признаком подлинного поиска личных встреч, при условии, что будут приняты меры, чтобы избежать опасностей, таких как запертость в своего рода параллельном существовании или чрезмерное погружение в виртуальный мир. В погоне за обменом для «друзей» является выском быть подлинными и верными, а не поддаваться иллюзии создания искусственного публичного профиля для себя» [6].

Виртуальная реальность становится частью повседневной жизни людей, предпочитающих проводить большую часть своего времени в виртуальных пространствах, предупредил футуролог Рэй Курцвейл, который предсказал, что: «К 2030-м годам виртуальная реальность станет полностью реалистичной и убедительной и мы будем проводить большую часть нашего времени в виртуальной среде, мы все станем виртуальными людьми» [3]. В теории, такой вид эскапизма не нов, он присутствует исторически и в предыдущих технологиях, но с экспоненциальным развитием VR технологии, создаваемые ею миры будут становиться все более реалистичными, объяснил Курцвейл, создавая большой потенциал для чрезмерного использования. Это изменение технологической парадигмы приводит к возрастающему уровню погружения, а сам процесс уже начался с публикации «метавселенной». Мы забываем, что мы показали, что глубоко не осознаем ни природу этих нововведений, а особенно их последствия. Вспомним, что Маклюэн утверждал, что «каждое расширение на самом деле является ампутацией» [4], а также что все технологии имеют протезную функцию. Маклюэн также утверждал, что технология приносит с собой не только определенные решения, но и комплекс новых проблем, потому что облегчение имеет свою цену точно так же, как средства массовой информации производят негативные эффекты, неотделимые от их позитивных эффектов. Даже если бы новые технологии были поставлены под некоторую форму централизованного контроля, факт остается фактом, последствия нововведений непредсказуемы, всегда есть неожиданные эффекты. Поскольку социальные системы являются сложными целыми, состоящими из взаимозависимых частей, изменения в системе будут иметь прямые последствия, которые приведут к вторичным эффектам, затем к

третичным эффектам и так далее, при этом различные эффекты будут взаимодействовать друг с другом, создавая эффект лавины и/или эффект бабочки, так что результирующие системные изменения могут быть катастрофическими. Характер изменения не «аддитивный», мы не можем что-то добавить в систему, и в результате получить сохраненную старую систему, расширенную добавлением. Получившаяся система будет полностью и структурно новой системой. Добавьте электронные средства массовой информации и цифровые технологии в современное общество, и мы получим изменения в общении, сознании и культуре, которые продолжают нас удивлять, иногда тревожа, иногда обнадеживая, но создавая постоянное чувство неуверенности в будущем.

Феноменология «метавселенной». Этимологически термин «metaverse» представляет собой сочетание приставки «meta» со словом «universe», концептуально описывающее технологически опосредованную трансцендентную виртуальную среду, связанную во взаимодействии с объективным, физическим миром. Не существует единого официального определения «метавселенной», вокруг которого был достигнут глобальный консенсус, скорее определения термина варьируются в зависимости от контекста и функции. Наиболее распространенная интерпретация «метавселенной» в повседневной речи в основном относится к представлению виртуального мира, который напоминает реальный мир и где пользователи играют партиципативную и интерактивную роль. Термин «метавселенная» впервые был упомянут в 1992 году в научно-фантастическом романе Нила Стивенсона «Снежная катастрофа» [5].

В этом романе Стивенсон определяет «метавселенную» как массивную виртуальную среду, параллельную физическому миру, в которой пользователи взаимодействуют через цифровые аватары. Такие виртуальные среды, хотя и непостоянные, и несвязанные, позволили нам в той или иной степени осуществить цифровую трансформацию. Этот термин был придуман для дальнейшего облегчения цифровой трансформации во всех аспектах нашей физической жизни. Концепция основана на видении иммерсивного Интернета как гигантской, объединенной, постоянной и общей империи. Хотя это может показаться футуристической концепцией, катализируемой новыми технологиями, такими как дополненная реальность (augmented reality), виртуальная реальность (virtual reality) и искусственный интеллект (artificial intelligence), с помощью сверхбыстрой сети 5G, она у нас на пороге, как реальная, так и виртуальная, и уже глубоко проникла в наше личное пространство [2].

Новая концепция «метавселенной», представленная Марком Цукербергом в 2022 году, описывает интегрированную цифровую экосистему, в которой барьеры между виртуальным и реальным миром незаметны для пользователей, позволяя использовать аватары и голограммы для работы, взаимодействия и общения посредством симулирования совместного опыта [3].

Meta Platforms запустила «Horizon Worlds» в 2021 году, где была представлена концепция развития о том, как «метавселенная» потенциально может формировать многие аспекты нашей жизни, работы и социализации, вызвавшая лавину вопросов и многочисленные споры в академических кругах, прежде всего относительно угрожающих последствий и дальнейшего развития с неисчислимыми вредными последствиями для человеческого общества в целом.

Стало очевидным, что такая крупная корпорация как Facebook, хочет монополизировать эту технологию, а огромные средства и человеческие ресурсы, вложенные для этой цели, ставят под сомнение первоначальную предпосылку о том, что «метавселенная» будет местом уважения свободы человека и конфиденциальности данных.

У нас проблемы не из-за технологий, а потому, что коллективно, цивилизованно, руководствуемся мыслью, что она решит все. Мы стали заложниками глобально сконструированного мифа о технологической панацее. Мы не в том положении, чтобы позволить виртуальному миру отделить нас от нашей природы, той первичной, которая не исчезает с отключением электричества.

Симуляция не может стать заменой реальной жизни и реальных ценностей. Давайте спросим себя, чего хочет достичь симуляция, представленная «метавселенной»? Эта новая симуляция требует от нас окунуться в ее глубокие виртуальные воды, заменить нашу естественную среду цифровым падением в бездну «Некии», не сопротивляться, а полностью и экзистенциально сдаться. Но, мы настолько погружены в симуляцию, что нам может стать трудно вспомнить все, что существует вне ее, или даже признать, что не все ею охвачено. Симуляция не только требует погружения, но и создает «я», которое выберет симуляцию. Симуляция предлагает более простые отношения, чем может дать реальная жизнь. Мы привыкаем к редукциям и защитам, которые готовят нас к трансгуманистической модели существования. Если мы одиноки, в «метавселенной» мы можем найти непрерывную связь. Но это может сделать нас еще более изолированными, без реальных людей вокруг нас. В подтверждение этого утверждения давайте вспомним строчку Шекспира из 73-го сонета: «Поглощенные тем, чем мы были питаны» [7].

Генри Дэвид Торо в своей книге «Где я жил и для чего я жил» [8], приводит место и ценности в неразрывную связь друг с другом. Место, где мы живем, не просто меняет то, как мы живем, но это также указывает нам, кем мы стали. Технология виртуальной реальности в настоящее время обещает нам жизнь в утопической симуляции, за пределами материального, объективного мира. Если бы Торо был жив, он спросил бы: «Какие ценности вытекают из этого нового места и кем мы становимся в этом иллюзорном пространстве?»

Список литературы

1. Berger, B. Escaping Reality: Examining The Role Of Presence And Escapism In User Adoption Of Virtual Reality Glasses. Proceedings (ECIS). Guimarães, Portugal, 2017. P. 2518–2528.
2. Damar, M. Metaverse Shape of Your Life for Future // A Bibliometric Snapshot Journal of Metaverse. 2021.
3. Denton, M. Organism and Machine // Jay W. Richards et al., Are We Spiritual Machines? Ray Kurzweil vs. the Critics of Strong A.I. Seattle: META. Discovery Institute Press, 2022. URL: <https://about.meta.com/metaverse/>
4. McLuhan, M. Understanding media: The extensions of man. New York: McGraw-Hill, 1964.
5. Stephenson, N. Snow Crash. New York: Bantam Books, 1992.
6. Pope Benedict. Message Of His Holiness Pope Benedict XVI. For The 45th World Communications Day. Truth, Proclamation and Authenticity of Life in the Digital Age. 2011. June 5. - URL: https://www.vatican.va/content/benedictxvi/en/messages/communications/documents/hf_ben-xvi_mes_20110124_45th-world-communications-day.html
7. Shakespeare, W. Shakespeare's Sonnets: Revised. The Arden Shakespeare Third Series 14, revised. Sonnet 73. New York, 2001.
8. Thoreau, H.D. Where I Lived, and What I Lived For. Penguin Books; Later Printing edition, 2006
9. Honegger, F. Multimodality for passive experience. J Univ Comput Sci 27(6), 2021. P. 582–608.
10. Hudson S, Pallamin, N. Interaction And Immersion In A Virtual Reality Experience. J Bus Res 100, 2019. P. 459–468.

АКСИОЛОГИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ В СТИЛЕ МЫШЛЕНИЯ ПОЛИТИКОВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Баранецкий А. Н.

Кандидат философских наук

Государственное автономное образовательное учреждение

профессионального образования города Севастополя

«Институт развития образования»,

преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин

E-mail: ross60@mail.ru

Аннотация. Идеал социального развития автор предлагает назвать «более совершенное общество» или «совершенствующееся общество». «Пост-капиталистическую» цивилизацию («социализм») определяет как «тоталитаризм профессионалов». Стиль определяется как такой метод

действия, который удовлетворяет эстетические потребности. К эстетическим чувствам относятся только чувства подлинные, совершенные. Пределом социального зла и несовершенства автор считает «Интернационал нарциссов у власти» и подчёркивает, что худшего социального зла человечество не знало, констатируется смерть политики. Для описания будущего мира даются определения сущности товара и сущности денег, сущности социализма и сущности учения Ленина, который требовал быть профессионалами в политических вопросах. Предлагаются критерии профессионализма финансистов и критерии профессионализма специалистов по персоналу. На этом фоне ставится вопрос о технологиях кадровой политики. По убеждению автора, только умение постигать сущность дел и сущность идей может быть главным требованием в выборе лиц, которым можно доверить власть.

Ключевые слова: сущность ленинизма, сущность денег, критерии профессионализма, нарциссизм, стиль мышления, кадровая политика, совершенствующееся общество

THE AXIOLOGY OF POWER AND THE SOCIAL IDEAL IN THE STYLE OF THINKING OF POLITICIANS: THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF GEOPOLITICAL TECHNOLOGIES

Baranetsky A. N.

Ph.D

*State Autonomous Educational Institution of Professional Education of the
city of Sevastopol «Institute of Education Development»,*

Lecturer

E-mail: ross60@mail.ru

Abstract. *The author suggests calling the ideal of social development "a more perfect society" or "an improving society". "Post-capitalist" civilization ("socialism") is defined as "totalitarianism of professionals". Style is defined as a method of action that satisfies aesthetic needs. Aesthetic feelings include only genuine, perfect feelings. The author considers the "International of Narcissists in power" to be the limit of social evil and imperfection and emphasizes that humanity has not known the worst social evil, the death of politics is being stated.*

To describe the future world, definitions are given of the essence of goods and the essence of money, the essence of socialism and the essence of Lenin's teaching, which required being professionals in political matters. Criteria of professionalism of financiers and criteria of professionalism of personnel specialists are proposed. Against this background, the question of personnel policy technologies is raised. According to the author, only the ability to comprehend the essence of affairs and the essence of ideas can be the main requirement in the choice of persons who can be entrusted with power.

Keywords: *the essence of Leninism, the essence of money, criteria of professionalism, narcissism, style of thinking, personnel policy, improving society.*

1. То, что в прошлом воспринималось как идеал, то вчера стало нормативом или даже одним пунктом из перечня норм; так люди, которые жили вокруг костра в пещерах 100 тысяч лет тому назад даже не мечтали о такой «пещере», которая сегодня называется квартирой. Так и современные политики могут оказаться весьма схематично мыслящими людьми по сравнению с политиками будущего.

Когда говорят и пишут об идеалах, то очень редко указывают их количественные характеристики. Но математизация социологии ускоряется.

Идеалы стиля мышления или технологий могут иметь измеримые в цифрах показатели. У В.И. Ленина словарный запас составлял более 40 000 слов, он регулярно задавал вопрос о сущности того, что делается, что осмысливается, к концу жизни постоянно писал об ошибках своего прошлого. Констатации ошибок и упоминание категории «сущность» можно сосчитать по его собранию сочинений. Много ли сейчас политиков говорит о своих ошибках? Им имидж ценнее сущности, это – катастрофа политических идей. Понятие "идеальности" (как мера соответствия идеальному образцу) столь же измеримо и соотносимо, как и понятие меры ценности. Общественным идеалом рано или поздно будет признано *совершенствующееся общество*, так как альтернатива ему – социум деградирующий. Вопрос о мере совершенства – это вопрос о критериях прогресса. Главный критерий прогресса – рост ценности человеческого существования, чему целиком посвящена одна из работ автора 2006 года [1]. Главное условие его – рост ценности социума (семьи, города, народа как субъекта истории). СМИ давно начали игнорировать и отрицать эту иерархию – ради уничтожения патриотизма. Политическая история и история религии показывают, что большинство народов вне империи или аналога империи оказывались беспомощными и беззащитными. Будущее грозит «тотальным уничтожением человека, общества, культуры» [2, с. 92].

Поэтому идеал державы даже не сама «империя», но ГОТОВНОСТЬ И СПОСОБНОСТЬ НАРОДОВ СОЗДАВАТЬ ОБЩУЮ СПАСИТЕЛЬНУЮ СВЕРХДЕРЖАВУ. А оборонительные империи типа Российской и СССР – это частный случай. Критерий отличия империи от монархии – это превращение госаппарата в фабрику вооружённых сил. До рождения империй создание армии было актом, а не перманентным процессом. СССР на первом этапе добавил роль госаппарата как инструмента строительства всех цивилизационных учреждений и институтов. И это тоже измеримо. Интенсивность, глубина рефлексивного обращения политика к вопросу о сущности того, что он делает – измеримы.

2. Стиль мышления политика зависит от той системы ценностей, которой политик придерживается. Где тот социум, которым руководят ценители понимания СУЩНОСТИ государства и права, сущности справедливости и сущности прогресса? Тысячи лет мера ценности

находилась в зависимости от юридического оформления ценностного отношения (денег), что выражалось в переходе к платному получению за деньги той ценности, которую в прежние времена получали не за деньги, а за иные *ресурсно-информационные гарантии (РИГ)*. РИГ предоставляется субъектом истории – державами, мощными хозяйственными субъектами (ТНК, ФМГ). Когда деньги в США начали печатать десятками триллионов, они перестали быть РИГ, субъективная инерция страха и доверия сегодня – основа инерции отношения к доллару как к деньгам, но он уже, в сущности, не РИГ.

Мировая «финансовая элита» состоит вовсе не из финансистов.

Власть способна полноценно функционировать прежде всего благодаря кадровой и финансовой политике; все остальные направления политики – зависимы от этих. *Критерий профессионализма в подборе кадров для финансовой политики – способность финансиста так вкладывать средства, чтобы рост экономики ускорялся. Критерий профессионализма в подборе кадров для кадровой политики – способность кадровиков отделить понимающих сущность дела от подменяющих сущность дела.*

Иные критерии – результат уже состоявшейся подмены сущности, подмены понятия.

В кадровой политике перестали проверять способность придерживаться стойкого и острого ощущения сущности дела и строгого понятия о сущности. Поэтому все деньги планеты взяли под контроль не профессиональные финансисты. Власть захвачена группой акцентированных личностей, которую стоит назвать «интернационал нарциссократии».

В эпоху деградации царит засилье эстетства и диктат каприза. Тотальное засилье эстетства с неизбежностью ведёт политиков к массовому коллективному суициду. Социальное зло, которое гораздо опаснее фашизма, можно назвать **ВСЕВЛАСТЬЕМ ИНТЕРНАЦИОНАЛА НАРЦИССОКРАТИИ**. Нарциссизм в мировой политике стал для Запада мейнстримом, который мифотворчество делает более влиятельным, чем понимание реальности, тотальная извращённость культивирует себя как «новую нормальность». Человечество умеет отделять лица, понимающие сущность своего дела от лиц, которые «не ведают, что творят». Но практикующие власть имущие чаще всего не умеют отделять тех, кто никогда не игнорирует сущность дела от тех, кто игнорирует. Исследователи нарциссизма эксплицируют симптомы «смерти» политики [4, с. 372-376] и констатируют «нарциссическое вырождение правящих элит» [4, с. 76].

3. Сущность стиля мышления в ЭСТЕТИЧЕСКИХ качествах метода, если метод удовлетворяет эстетические потребности, то его называют «стиль». И это не «обёртка», а совершенство: уровень эстетического равен *подлинному чувству* [3, с. 206], которое не сопровождает несовершенство. Если тысячи лет безусловно регулирующий характер носили прежде всего этические категории (обычно в форме непреложных императивов веры, закона или морали), то в XX веке безусловно регулирующий характер

тотально перехватывается категориями «ЭСТЕТИЧЕСКИМИ» и не ценность, не добротность, не благо становится основой для принятия решений, а впечатления от них, имиджи, символы, лик, оболочки, способы подачи и впечатляющие трактовки, то есть материалы для мифотворчества о реальности.

Технология есть итог внедрения научных открытий в практику работы, поэтому для понимания общей картины технологической культуры в той или иной сфере жизни социума надо ставить вопрос о том, какие именно открытия внедрились, чтобы качество и количественные параметры работы встали на недостижимую высоту.

4. Сущность товара – это некая ценность, а сущность денег – ресурсно-информационные гарантии («РИГ»), на которые эта ценность обменивается. Моделирование посткапиталистического общества будет теорией обмена ценностей на ресурсно-информационные гарантии субъекта истории. Субъектом истории сегодня сможет стать только «Общая спасительная сверхдержава-гарант». Создать такую державу сможет только такая, образно говоря, «Политическая партия профессиональных программистов», в которой лидеры ежедневно тщательно успевают осмыслить сущность осуществляемого.

5. Содержание социального идеала детерминировано субъектом нормотворчества. В ближайшие десятилетия это будет «профессионал». Всё положительное, что смогли организовать вожди СССР, было создано профессионалами. Ленин определял капитализм как «школу профессионализма». Он постоянно подчёркивал, что главную роль в будущей политике выполняют «профессиональные революционеры». Сущность ленинизма – в том, что впервые в истории к политике и политикам было на деле предъявлено системно требование работать только профессионально по всему кругу политических проблем.

«Посткапитализм» или «социализм» – это технократический «тоталитаризм профессионалов».

6. Технология – итог внедрения научных достижений в практику работы. Так как управление – это *поток команд*, то информатизация, компьютеризация и автоматизация относительно быстро приведут к исчезновению старого бюрократического аппарата, ведь всё рациональное, что он может – это дать *поток команд*. Но с этим уже любой компьютер справляется лучше. Да, кто-то попытается «обсчитать-обмануть» компьютер и программистов, но это будет трагикомедия. Вся полнота власти сконцентрируется у очень узкого круга лиц, которые создают автоматизированные системы управления.

Деградирующее общество день за днём погружается в энтропию. Совершенствующееся общество наращивает уровень организованности и противостоит энтропии. Совершенствующееся, а не деградирующее общество организует автоматизацию систем управления, и ненависть канализует по направлению к процессам распространения самой ненависти.

В этой плоскости технологический прогресс и прогресс нравственный «шагают в ногу».

В итоге логически возможны три базовых *парадигмы стиля мышления политиков*: А. Парадигма нарциссизма (явная или прикрытая), это капризные политики, которые вели свой народ к катастрофам; Б. Парадигма «прогрессоров», которые мобилизуют все силы общества, после чего социум после великих свершений теряет инициативность, устаёт. В. Парадигма «оптимизаторов», которые «на ощупь» стараются пройти к прогрессу мимо опасности «прогрессивных рывков с перенапряжениями» и мимо опасности провалов с крахом большинства возможностей.

Список литературы

1. Баранецкий А. Н. Исследование логических оснований аксиологии, как путь к созданию логики ценностных отношений // Актуальные проблемы гуманитарного образования и культуры в современных условиях: материалы двух региональных научно - практических конференций. Сборник научных трудов. Сост. А. Н. Баранецкий, А.В. Ставицкий/ Севастополь, 2006. 190 с.
2. Булавка-Бузгалина Л.А. Культура как потенциал модернизации // Философские науки. 2017. № 11. С 90-95.
3. Канарский А.С. Диалектика эстетического процесса. Киев.: Издательство при КГУ изд. объединения «Вища школа», 1979. 216 с.
4. Маклаков А.О., Шевченко А.К. Непристойные наслаждения. К.: СПД Моляр С.В., 2010. 412 с.

ВЛИЯНИЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА НА РОССИЙСКОЕ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО

Баранов А.В.

*Доктор политических наук, доктор исторических наук
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», профессор
кафедры политологии и политического управления
E-mail: baranovandrew@mail.ru*

***Аннотация.** Автор статьи раскрывает влияние Украинского кризиса 2013–2023 гг. на конструирование и укрепление российской нации. Методология исследования – социальный конструктивизм применительно к сферам идентичности и межэтнических восприятий. Методы анализа – анкетный опрос, вторичный анализ результатов социологических опросов. Выявлены изменения представлений населения России за 2013–2022 гг. о целях общественного развития и ценностях, о соотношении государства и общества, о желаемой идентичности. Данные изменения развиваются в направлении консервативных ценностей, признания самобытности российской цивилизации. Украина пребывает на периферии картины мира*

россиян, но выступает контрастным «Другим» – негативным примером выбора западного пути развития. Специальная военная операция стала катализатором ценностных изменений, назревавших в России на протяжении длительного времени. Российская политика идентичности под влиянием Украинского кризиса становится более целенаправленной на формирование российской нации, укрепление государства, воспитание положительного восприятия истории.

Ключевые слова: нациестроительство, российская нация, Украинский кризис, влияние, 2013–2023 гг.

IMPACT OF THE UKRAINIAN CRISIS FOR THE RUSSIAN NATIONAL BUILDING

Baranov A.V.

*Doctor of Political Sciences, Doctor of Historical Sciences
Kuban State University,
professor of the Department of Political Science
and Political Management
E-mail: baranovandrew@mail.ru*

Abstract. *The author of the article reveals the impact of the Ukrainian crisis of 2013–2023 on the construction and strengthening of the Russian nation. The research methodology is social constructivism in relation to the spheres of identity and interethnic perceptions. Methods of analysis - questionnaire survey, secondary analysis of the results of sociological surveys. Changes in the perceptions of the Russian population for 2013–2022 about the goals of social development and values, about the relationship between the state and society, about the desired identity are revealed. These changes are developing in the direction of conservative values, recognition of the originality of Russian civilization. Ukraine is on the periphery of the picture of the world of Russians, but acts as a contrasting “Other” – a negative example of choosing the Western path of development. The special military operation became a catalyst for value changes that have been brewing in Russia for a long time. The Russian identity policy under the influence of the Ukrainian crisis is becoming more focused on the formation of the Russian nation, strengthening the state, fostering a positive perception of history.*

Keywords: *nation-building, Russian nation, Ukrainian crisis, influence, 2013–2023.*

Актуальность влияния Украинского кризиса 2013–2023 гг. на российское нациестроительство очевидно. От укрепления и сплочения российской гражданской нации зависит сейчас само сохранение нашего общества и государства. Украинский кризис стал проверкой на прочность ценностей и ориентаций политической культуры, интегрирующих наше общество.

В статье ставится цель – раскрыть влияние Украинского кризиса 2013–2023 гг. на конструирование и укрепление российской нации. Методология исследования – социальный конструктивизм применительно к сферам идентичности и межэтнических восприятий. Методы анализа – анкетный опрос, вторичный анализ результатов социологических опросов. Эмпирическую базу исследования составляют опубликованные итоги опросов как всероссийского масштаба, так и в ряде регионов Юга России (Краснодарском крае, Республике Крым, г. Севастополе, ДНР).

В масштабе России в 2013–2022 гг. отмечается неуклонный рост распространения национальной идентичности, что фиксируют неоднократные опросы. По данным опроса Института комплексных социальных исследований в 2015 г. под руководством Л.М. Дробижевой, 75% респондентов назвали себя гражданами России; в 2017 г. их удельный вес вырос до 92% [1, с. 107]. Другие опросы 2015 г. дали уровень – 74% русских и 68% представителей других народов, назвавших себя «мы – граждане России» [2, с. 22]. В обновлённой редакции «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (утверждена Указом Президента РФ 6 декабря 2018 г.) упомянуто, что степень признания российской идентичности достигла 84% [3]. В октябре 2020 г. руководитель ФАДН И. Баринов сообщил об уровне признания национальной идентичности жителями России – 91% [4].

Но уровень российской идентичности неравномерно распределяется по субъектам федерации в зависимости от этнического, конфессионального, языкового факторов. В наибольшей мере считают себя российскими гражданами жители Центральной России и горожане; в меньшей – жители республик Северного Кавказа и сельские жители [5, с. 41–44]. Отмечаются значительные колебания уровня российской идентичности и по возрастным группам, самая проблемная группа – молодёжь, социализация которой пришлась на период неопределённости идейных ориентиров. Ведь важно не только признание жителями страны себя в первую очередь российскими гражданами, но и в гораздо большей степени добровольное признание ценностей российской цивилизации [6, с. 104–109]. Обнадёживает, что при опросе ФОМ (27–28 мая 2022 г., 1500 чел. в 53 регионах) 85% назвали себя патриотами России [7].

Украина воспринимается большинством россиян как страна второго порядка в сравнении с странами Запада и Китаем, менее привлекательная и менее известная, чем страны Европейского союза, прозападная [8, с. 188]. Несмотря на конфликт, большинство россиян в декабре 2021 г. (опрос ВЦИОМ) продолжало считать Украину братской страной (29%) или соседкой (26%). По 12% считали Украину дружественной либо источником угрозы. Только 9% назвали Украину враждебной, 4% – стратегическим партнером и 1% – конкурентом [9]. Образ украинского государства значительно негативнее, чем образ украинцев. Так, при телефонном опросе «ВЦИОМ-Спутник» 16 апреля 2022 г. (выборка 1600 чел., погрешность не

более 2,5%) 70% респондентов полагают, что органы власти Украины поддерживают нацистские организации, угрожающие России [10].

Особый интерес представляет уровень российской идентичности в Крыму и Донбассе, поскольку эти регионы являются перекрестными геополитическими полями между Россией и Западом. При опросах ВЦИОМ 2020 и 2021 гг. 93% крымчан одобрили воссоединение [11; 12]. Население России сохраняет весомую поддержку воссоединения. Опрос Фонда «Общественное мнение» (4–6 марта 2022 г., выборка 1500 чел., погрешность не выше 3,6%) подтвердил, что 81% респондентов с разной степенью категоричности положительно воспринимает воссоединение, а 8% – с разной степенью отрицательно [13]. Воссоединение Крыма поддерживают сторонники всех идейных направлений, кроме либералов.

Представляет интерес оценка интеграции в состав России жителями Донбасса. Исследование украинского интернет-издания «Зеркало недели» в ноябре 2019 г. подтвердило, что 64,3% жителей ДНР и ЛНР желали вхождения республик в состав России, 16,2% выступали за независимость и лишь 18,5% поддержали бы возвращение в состав Украины (с особым повышенным статусом) [14]. Близкие результаты дал телефонный опрос 1000 респондентов в ДНР и ЛНР, проведенный Дж. О'Лохлином, Г. Сассе, Дж. Тоулом и Г. Бакке в сентябре – октябре 2020 г. В наибольшей степени поддерживают интеграцию с Россией молодые жители Донбасса и этнические русские [15].

Установлены изменения мнения россиян за 2013–2022 гг. о целях общественного развития и ценностях, о желательных целях политики идентичности. Вектор перемен – в направлении консервативных ценностей, признания самостоятельности России от Запада. Установлены различия состояния идентичности между возрастными и территориальными группами российского общества. Важны представления жителей Республики Крым и г. Севастополя, как и Донбасса о своей идентичности, подтверждающие повышенный консерватизм и россицентричность в сравнении со столичными мегаполисами России. Российская политика идентичности под влиянием Украинского кризиса становится в большей мере нацеленной на формирование гражданской нации, укрепление и интеграцию государства, воспитание положительного восприятия истории.

Список литературы

1. Дробижина Л.М. Российская идентичность: дискуссии в политическом пространстве и динамика массового сознания // Полис. 2018. № 5. С. 100–115.
2. Горшков М.К. О гармонизации межэтнических отношений в пореформенной России: контекстуальный подход // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 6. № 2. С. 14–25.
3. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (в ред. Указа Президента РФ от 06.12.2018 № 703). URL:

- http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/ff30f91360f2917b325d507685fd90353895d2bd/
4. Показатель гражданской идентичности у россиян на уровне 91%. URL: <http://vybor-naroda.org/lentanovostey/180573-pokazatel-grazhdanskoj-identichnosti-u-rossijan-na-urovne91.html>
 5. Общероссийская гражданская идентичность на Юге России. Анализ мер и предложения по Южному федеральному округу и Северному Кавказу: аналитический доклад / науч. ред. И.И. Горлова. М.: Институт Наследия, 2020.
 6. Российская идентичность и политика идентичности: конструкция и деконструкция / В.А. Авксентьев, Б.В. Аксюмов, В.А. Васильченко, Г.С. Денисова. Ставрополь: Изд-во Северо-Кавказского федерального университета, 2018.
 7. Патриотизм и патриоты. Кто (не) может считаться патриотом. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14733>
 8. Евгеньева Т.В., Смутькина Н.В., Цымбал И.А. Место России в мире в восприятии рядовых граждан: идентификационное измерение // Полис. 2020. № 4. С. 181–191.
 9. Украина и украинцы: братья, враги или просто соседи? URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ukraina-i-ukraincy-bratja-vragi-ili-prosto-sosedi>
 10. Денацификация Украины. Нацизм на Украине – не выдумка и не фейк, а реальность, считает большинство опрошенных россиян. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/denacifikacija-ukrainy>
 11. Опрос показал, как крымчане оценивают присоединение к России. URL: <https://ria.ru/20200318/1568774660.html>
 12. Качество жизни в Крыму – 2021. URL: <https://wciom.ru/-analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kachestvo-zhizni-v-krymu-2021>
 13. Крым: восьмая годовщина. Отношение к присоединению Крыма. URL: <https://fom.ru/Politika/14699>
 14. Мардан С. Результаты опроса жителей Донбасса повергли Киев в шок. URL: <https://ria.ru/20191112/1560806939.html>
 15. O’Loughlin J., Sasse G., Toal G., Bakke K.M. A New Survey of the Ukraine-Russia Conflict Finds Deeply Divided Views in the Contested Donbas Region. Many in the Breakaway Territory See a Future with Russia. URL: <https://www.washingtonpost.com/-politics/2021/02/12/new-survey-ukraine-russia-conflict-finds-deeply-divided-views-contested-donbas-region/>

**СТАБИЛЬНАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ КАК ТРЕНД МИРОВОГО
РАЗВИТИЯ ИЛИ МОЖНО ЛИ УПРАВЛЯТЬ
«УПРАВЛЯЕМЫМ» ХАОСОМ**

Барматова С. П.

*доктор социологических наук,
профессор,*

*Институт международных экономических связей,
профессор кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин
E-mail: acsrross@yandex.ru*

***Аннотация.** Стабильная нестабильность XXI века стала результатом долгой и планомерной подготовки к раскачиванию геополитической ситуации конкретными геополитическими игроками. Сценарии, которые этими игроками реализовывались и реализуются, не оправдались, но привели к формированию высшего уровня напряженности геополитического пространства, нарастанию угрозы третьей мировой войны. Возможен ли оптимистический сценарий будущего?*

***Ключевые слова:** стабильная нестабильность, управляемый хаос, Российская Федерация, США, русофобия, коллективный Запад*

**STABLE INSTABILITY AS A TREND OF GLOBAL
DEVELOPMENT OR IS IT POSSIBLE TO MANAGE «CONTROLLED»
CHAOS**

Svetlana P. Barmatova

*Doctor of Sociology,
Professor,*

*Institute of International Economic Relations, Moscow
Professor of the Department of Humanities and Natural Sciences
E-mail: acsrross@yandex.ru*

***Abstract.** The stable instability of the XXI century was the result of a long and systematic preparation for the rocking of the geopolitical situation by specific geopolitical players. The scenarios that these players have implemented and are being implemented have not come true, but have led to the formation of the highest level of tension in the geopolitical space, the growing threat of World War III. Is an optimistic scenario of the future possible?*

***Keywords:** stable instability, controlled chaos, Russian Federation, USA, Russophobia, collective West*

Термин «стабильная нестабильность», используемый в политологической науке, и реже – в социологической – комплексный, включающий в себя два, на первый взгляд, несочетаемых понятия. Шотландский ученый Ф. Били определяет политическую стабильность как

способность политического организма к самосохранению в условиях, угрожающих «идентичности» общественной системы и самому ее существованию [1]. Наиболее полное определение, отражающее условия политической жизни общества и государства на современном этапе, содержится в Новой философской энциклопедии (2-е изд., 2010 г.), где термин «стабильность политическая» трактуется как состояние политической системы, характеризующееся наличием необходимых условий и факторов, обеспечивающих сохранение обществом своей идентичности, гражданского мира и согласия на основе достижения баланса интересов различных социальных субъектов и политических сил, своевременного разрешения возникающих проблем и противоречий в сфере политики с помощью предусмотренных законом механизмов и средств [2].

Политическая нестабильность, в свою очередь, определяется как снижение управляемости политической системы [3].

Но для определения состояния, в котором пребывает геополитическое пространство мира в XXI в., ни один из этих терминов не подходит.

И именно термин «стабильная нестабильность» оказался емким и содержательным для описания тех процессов, которые происходят в геополитическом пространстве современного мира. В очень небольшой по объему статье, написанной в 2017 г., автор использовал следующую трактовку термина: «...Стабильная нестабильность – главная военно-политическая тенденция. Военная сила по-прежнему остается главным аргументом по защите государственных интересов» [4], обозначая, таким образом, геополитическую субъектность военно-промышленного комплекса и его ведущую роль в организации и поддержке стабильной нестабильности. В первую очередь, речь идет о военно-промышленном комплексе США и НАТО как структуры, которая находится в полном управлении США.

Могла ли эта нестабильность в мире не реализоваться? Ответ однозначный – нет. Аргументов в пользу этого ответа может быть приведено несколько:

Первый. Уже более полувека в мире не происходило «большой» войны, что очень невыгодно Соединенным Штатам Америке, которые, объявив себя мировым гегемоном, получали значительные дивиденды от всех мировых войн. И хотя за эти более чем полвека США (или НАТО, что, в принципе, одно и то же) организовало не один вооруженный конфликт по всему миру, масштаб этих конфликтов (а главное – получаемая «прибыль») не сравним с масштабами прибыли Америки от мировых войн. Тем более, что в мире остается все меньше «лакомых» кусочков (стран), которые можно было бы использовать для «утверждения» демократии по-американски, а это значит, что военно-промышленный комплекс США может оказаться в ситуации недополучения сверхприбыли, чего он допустить не может.

Как следствие – были «назначены» страны, которые объявлены «врагами» демократии (и, соответственно, даже своим существованием несущие угрозу как США, так и всему «демократическому» миру) – это Ирак, Россия, Китай и КНДР.

Эту «мантру» об «угрозе демократии» повторили даже на последней Мюнхенской ежегодной международной конференции по безопасности в Европе, проходившей в феврале 2023 г. Но из обозначенных стран именно Россия признали на данный момент экзистенциальной угрозой европейской безопасности. Премьер Эстонии Кайя Каллас выступая на Мюнхенской конференции, призывала даже к тому, что: «...Страны НАТО должны установить контроль над Москвой и насильно переписать менталитет российских граждан, чтобы русские никогда больше не представляли угрозы» [5].

И хотя на первое место в списке врагов Соединенные Штаты Америки числят Китай (что получило отражение в Стратегии национальной безопасности и Национальной стратегии обороны США, в которых Китай назван «самым серьезным стратегическим конкурентом США на ближайшие десятилетия» [6]), американцы уверены, что с Китаем смогут договориться. Во всяком случае, пока Китай недостаточно активно реагирует на все больше демонстрируемую «смелость» Америки по отношению к Тайваню. Иран, как считают американские стратеги, они ослабили. Кто еще остался в списке «врагов»? КНДР? Эту страну Америка пока не рассматривает как реализующую угрозу.

Второй аргумент. Опыт войны в Сирии показал, что практически любое разворачивание военных действий в какой-либо стране для Соединенных Штатов будет означать обязательное «соствязание» с Россией, которое не всегда будет предоставлять возможность показать, а, главное, достичь «превосходства американской военной машины» над российской.

Хотя достаточно долгое время «пассивная» российская реакция на американские военные демарши (поскольку Россия «не вмешивалась» ни в расправу с Каддафи, ни в ряд других «принуждения к демократии», или реагировала (во всяком случае – официально, на уровне государства) сугубо в рамках дипломатических процедур) расценивались Америкой как слабость. И именно Сирия стала определенной «лакмусовой» бумажкой. И с этим не смогли смириться...

Третий аргумент. Его в наиболее завершенном виде обозначим в одном из интервью А. Пинчук: «...Россия хочет стать нормальной, самодостаточной цивилизацией. Не просто государством или империей, а именно цивилизацией, тем самым Русским Миром, на который она сейчас и претендует. А Америка, естественно, в рамках своей доктринальной официальной концепции делает все, чтобы не допустить появления нового мирового цивилизационного центра. Все остальные (страны – добавлено мною, С.Б.) ... являются не субъектами, а инструментами реализации воли этих субъектов» [7].

Именно о такой ситуации писал в своих научных работах И. Валлерстайн, отмечая, что центральной проблемой XXI в. будет превращение нынешней мировой системы в другую форму исторической системы. Но этот процесс не проходит для системы безболезненно, и одним из таких болезненных факторов становится системный кризис, который и

случился в 2008 г. Кризис, в свою очередь, может стать кризисом гегемона мирсистемы (что может привести к смене мирового лидерства), что в какой-то мере и испытывают сейчас Соединенные Штаты. При этом, как писал Валлерстайн, «...Система заходит в тупик, из которого миру будет очень трудно выбраться» [8]. Правда, ученый предрекал начало сложного периода лет еще через 50....

Почему именно в 2022 г. Соединенные Штаты Америки и Великобритания решились на такое жесткое противостояние Российской Федерации? Этому способствовало несколько факторов.

Еще в 1999 г. на Конгрессе Международного Института Социологии был представлен доклад Ш. Айзенштадта «Парадоксы демократии» [8], в котором говорилось о том, что в самих основах современных конституционно-демократических режимов заложена хрупкость, что может приводить к нестабильности в функционировании социально-политического устройства общества и государства. И именно наличие такой нестабильности явилось для Америк дополнительным аргументом в пользу ее притязаний на статус мирового гегемона. Но в 1999 г. у России еще не было в Президентах В.В. Путина, и поэтому никто всерьез не рассматривал Россию как страну, которая попытается вернуть себе место достойного соперника мирового гегемона.

Речь Путина на Мюнхенской конференции 2007 г. о невозможности дальнейшего развития однополярного мира стала своего рода вызовом США. Некоторые эксперты говорили и говорят о том, что Президента России в 2007 г. США и Запад «не услышал». Не соглашусь с точкой зрения таких экспертов. Услышали. Но – не оценили, или, может быть, наоборот – оценили, поскольку именно с 2008 г. события, определяющие геополитическую «температуру мира», очень сильно «уплотнились».

И в череде этих «уплотнившихся» событий не последнее место необходимо отвести усилению кризисных процессов, и особенно кризису 2008 г., который характеризовался экспертами уже как системный. А это значило, что в процессе разворачивания кризиса мировая система частично потеряла внутренние потенции развития, адаптации, выбора решений и способности к адекватной реакции на окружающие явления, что, в свою очередь, усилило стремление определенных геополитических субъектов укрепить свои позиции в плане политического влияния на процессы, проходящие в мире.

Теперь еще к одному термину, который был вынесен в заголовок статьи – «управляемый хаос». Понятие «теория хаоса» в научный обиход ввел Дж. Йорк [9] Управляемый хаос – это «...политическая теория и практика, следуя которой США с целью поддержки собственной гегемонии целенаправленно погружает прочие страны мира в хаос, способствуя возникновению в них таких явлений, как гражданская война, межнациональная напряженность, экономические неурядицы, продовольственные проблемы, коррупция и т. д.» [10]. Особенностью реализации теории управляемого хаоса является тот факт, что «погружение в

хаос» происходит путем создания точечных, и, на первый взгляд, не связанных между собой негативных процессов, протестных настроений, событий, последствия которых заставляют члена общества усомниться в социальной ответственности правительства или Президента, или даже их легитимности.

И в рамках реализации теории управляемого хаоса США работали и работают очень целенаправленно. Обратимся только к нескольким отдельным фактам.

– Движение А. Навального и его компания. Кто сейчас о нем вспоминает? Что в России, что на Западе? Но в свое время активная поддержка Навального и его команды была очень актуальна, так как инициируемые этой группой действия позволяли их кураторам как вербовать сторонников проводимых идей (и, что вполне закономерно, будущих «агентов» для продвижения определенной, выгодной США, точки зрения или гражданской позиции), так и отслеживать уровень протестности российского общества.

– Дело С. и Ю. Скрипалей. На первый взгляд, общественный резонанс это дело должно было вызвать у западного обывателя, сработав на усиление общественном сознании образа «ужасных русских», которые не считаются с ценностью человеческой жизни. Но это было не единственной задачей «сценаристов», которые разыгрывали этот сценарий. Они в такой же мере, как и с сознанием западного обывателя, «работали» и с сознанием россиян.

Перечень можно продолжать: допинговый скандал с российскими спортсменами, пандемия Covid-19 и непризнание нашей вакцины, блокада Крыма, Донбасс...

Дополнительным значимым штрихом к перечисленному с началом специальной военной операции стал тот факт, что так открыто правящие политические элиты США и стран Запада стали проявляются полное безразличие к своему населению. Практически ни в одной стране Евросоюза нет попытки что-то объяснить своему населению, а любые попытки обращаться к правительствам с законными требованиями расцениваются как «работа на благо России», а значит, против своей страны.

И – очень грубо стала работать машина пропаганды. Нарративы и клише, используемые по отношению к Российской Федерации, просто чудовищны, но воспринимаемы как должное западным сообществом, и, в первую очередь, обывателем. Но этому предшествовал достаточно большой период привития, особенно молодым поколениям в своих странах, совершенно потребительного типа поведения и рубофобских настроений.

И именно на этом моменте, на наш взгляд, необходимо сейчас сосредоточиться в первую очередь. Почему?

Америка и Великобритания не прекращают попыток формирования вокруг России и Республики Беларусь окружения из государств, настроенного русофобски. И ни в какой мере ни Америка, ни Великобритания эти попытки не собираются прекращать. В подтверждение тому – активное взаимодействие с бывшими советскими республиками. За

последние несколько месяцев эта активность дала определенные результаты в Армении, Казахстане, Молдове.

Беспрецедентный прессинг оказывается на страны, которые не принимают и не реализуют антироссийские санкции. Так, например, при голосовании по антироссийской резолюции Генассамблеи Организации Объединенных Наций, которая принималась в феврале 2023 г. заседание было внезапно прервано, и возобновилось только через 2 часа, за которые «привели к правильному голосованию» 30 стран-участниц» [11]. В итоге Сербия и Венгрия – проголосовали за антироссийскую резолюцию...

Открытое хамство на всех международных площадках, постепенное «выжимание» России из списка значимых геополитических субъектов. Особенно открыто это было продемонстрировано в конце 2021 – начале 2022 гг., когда резидент Российской Федерации пытался получить от США и других геополитических субъектов подтверждения гарантии безопасности Российской Федерации, подписав с главами этих стран соответствующие документы, но так и не

Этому во многом «способствовали» и либеральные силы внутри Российской Федерации, которые открыто говорили о том, что Россия не может рассчитывать на роль соперника для США, поскольку и ВВП не сопоставим, и его рост, и темпы роста российской экономики, и общая зависимость от мирового рынка огромна, и вообще Россия – сырьевой придаток развитых экономик, в первую очередь – экономики США... И это, в свою очередь, американские идеологи рассматривали еще и как усталость россиян от ситуации, сложившейся в мире и от президентства В.В. Путина.

Это хамство продолжается и сейчас, несмотря на новые реалии, обозначенные в Послании Владимира Владимировича Федеральному собранию 21.02. 2023 г. Последнее заседание Парламентской ассамблеи ОБСЕ (ПАСЕ), прошедшее в феврале 2023 стало «...эталонным примером хамства и невежества. Связано это с нападками на русских дипломатов со стороны делегатов многих других стран. Особенно отличился латвийский депутат Рихард Колс, который позволил себе публично озвучить несколько нецензурных слов в адрес представителей России» [12].

Из-за актуальности темы идущей специальной военной операции как-то на «второй» план ушел вопрос об очень серьезной проблеме – развитии ИТ-технологий, цифровой экономики и искусственного интеллекта. А на этом направлении как раз и разворачивается очень серьезная конкуренция. И именно в этом направлении будет вестись «тихая» война. И сейчас речь – не о прокси-войне, она уже понятна, и не скрывается. Речь о другом. И тут два момента – очень явный, и «скрытый».

Явный, и больше – международный: процессы, разворачивающиеся вокруг Тайваня, борьба за микрочипы и т.д., перенесение в Америку всех производств в первую очередь – высокотехнологичных. Со всеми вытекающими последствиями, и в первую очередь – практически монопольного контроля США над процессами развития ИТ-сферы.

Скрытый. Кто всерьез обратил внимание на странные «движения» вокруг российских IT-шников внутри нашей страны? Их то в процессе мобилизации их исключают из списка профессий, представители которых могут быть мобилизованы, то все-таки призывали (смотреть, например, материал «Телеграмма от министра: как IT-специалистов мобилизуют в России» [13]), правда, потом многих вернули на рабочие места; то выпускают из страны, то не выпускают. Последние данные – их опять «выпускают». Минцифры РФ сообщает, что за 2022 год Россию покинули 100 тысяч айтишников, из них 10% не вернулись [14]. А кто-нибудь подумал о том, что, забирая у России этих специалистов – это одна из главных задач сейчас, в какой-то мере – приоритетная? Насколько мы продвинулись в этом направлении? Не по объему рынка, а по задачам? Заменяли ли мы программное обеспечение на отечественное хотя бы в госуправлении? Наладили ли мы свою компьютерную отрасль и создали ли мы, наконец, свою Силиконовую долину? Как пошутил в Камеди клуб один участник: «...в то время, когда Илон Макс отправляет в космос сотни спутников, мы отправляем в космос любовь...»

И – еще одна группа, с которой работа США и Великобритании будет продолжаться очень активно – молодежь. Именно на нее переключилось внимание Запада уже полностью откровенно – российская молодежь (или – правильнее – достаточно большая часть молодежи как особенной социальной группы) уже воспитана в «либеральной» традиции, у нее самая «короткая» историческая память, и именно она более всего относится к категории «человек глобальный», и именно для нее практически тотальная изоляция России от западного «свободного» мира воспринимается как «крах надежд». Она меньше всего готова отказаться от либеральных «свобод» (даже в самом стандартном варианте – свобода выбора страны, в которую индивид едет отдыхать, учиться или работать), и не всегда реагирует на призыв к патриотичности. То, что сейчас на уровне государства активно начали об этом говорить, и начали выделяться деньги на молодежное кино, и работу по развитию патриотических движений – отлично, но те члены общества, которым сейчас уже 16-25 лет – они уже сформировались, и их в патриотические движения уже не так-то просто вовлечешь... Более того, молодежь не всегда понимает, как работает технология управляемого хаоса, и для нее многие разрозненные явления и события далеко не всегда воспринимаются как звенья одной цепи.

Не хочется обращаться к уже практически ставшей политическим клише цитате Уинстон Черчила «Россию невозможно победить силой, но ее можно уничтожить изнутри», но приходится. Просто несколько примеров: ...смотрим фильм «Гитлер капут», транслируемый ровно 23 февраля, в День Защитника Отечества...открываем ДЗЕН.... И читаем заголовки: Российские власти не считают присоединённые к РФ украинские территории российскими? Случай №3 (дата публикации – 30 января 2023 г.) [15]; Про казенный патриотизм в Лужниках оптом и в розницу в исполнении Газманова (дата публикации – февраля 2023 г.) [16] и т.д. Сейчас речь – не

о «наезде» на свободу слова. Даже наличие таких публикаций и таких фильмов – уже подтверждение, что свобода слова есть. Но, с другой стороны, может быть все-таки нельзя забывать, что идет специальная военная операция... и это значит, что все должно работать на Победу...

Резюмируя все, о чем было сказано выше, можно сделать вывод о том, что, к сожалению, предпосылок для того, чтобы говорить о скорейшем разрешении сложившейся ситуации не представляется возможным, так как на данном этапе никакие договоренности между Российской Федерацией и «коллективным Западом» под управление США и Великобритании не могут рассматриваться как гарантирующие их выполнение со стороны именно этого «коллективного Запада». Так что – все только начинается....

Список литературы

1. Bealey F. Stability and Crisis: Fear About Threats to Democracy // European Journal of Political Research. 1987. Vol. 15. № 6. P. 687.
2. Цуренков Н.В. Теоретико-методологические основы политической стабильности государства/ Николай Владимирович Цуренков // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 5. С.327-333. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretikometodologicheskieosnovypoliticheskoyustabilnostig-osudarstva>
3. Красина О.В., Синяев М.В. Нестабильность и риски в развитии политической системы / Красина Ольга Владимировна, Синяев Максим Викторович // Государственная служба. 2014. № 4 (90). С.66-69. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nestabilnost-i-riski-v-razvitiipoliticheskoy-sistemy>
4. Нестеров П. Стабильная нестабильность / Павел Нестеров. – URL: <https://anna-news.info/stabilnaya-nestabilnost/>
5. Конференция глухих. Мюнхенская встреча прошла по западным методичкам. – URL: <https://360tv.ru/tekst/mir/-konferentsiya-gluhih/>
6. Национальная стратегия обороны США 2022. – URL: <https://katehon.com/ru/article/nacionalnaya-strategiya-oborony-ssha-2022>
7. Андрей Пинчук: «Мы должны быть готовы к противостоянию с Западом на всех уровнях» – URL: <https://anna-news.info/andrej-pinchuk-my-dolzhen-byt-gotovy-k-protivostoyaniyu-s-zapadom-na-vseh-urovnyah/>
8. Предмет теории конструирования. Валлерстайн И. Динамика глобального кризиса: тридцать лет спустя // Эксперт. 2009. № 35. 14-20 сентября. – URL: <https://infopedia.su/3xe3f.html>
9. Глейк Дж. Хаос. Создание новой науки. – URL: http://royallib.com/book/gleyk_dgeyms/haos_sozdanie_novoy_nauki.html
10. Управляемый хаос. – URL: https://ruxpert.ru/Управляемый_хаос

11. В постпредстве России рассказали, как Запад заставлял голосовать в ГА ООН. – URL: <https://news.mail.ru/politics-/55201639/?frommail=1>
12. Шабаш нацистов в ОБСЕ - точку ставит Пётр Толстой. – URL: https://dzen.ru/a/Y_koB8sRFC4_Tuq5
13. Телеграмма от министра: как IT-специалистов мобилизуют в России. – URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/479631-telegramma-ot-ministra-kak-it-specialistov-mobilizuut-v-rossii>
14. Минцифры оценило масштабы бегства айтишников из России в 100 000 человек. – URL: <https://dzen.ru/a/Y6Gbr2IaShVTAHq3>
15. Российские власти не считают присоединённые к РФ украинские территории российскими? Случай №3 (дата публикации – 30 января 2023 г.). – URL: <https://dzen.ru/a/Y9gexlfOKFMOpAV->
16. Про казенный патриотизм в Лужниках оптом и в розницу в исполнении Газманова (дата публикации – февраля 2023 г.). – URL: https://dzen.ru/a/Y_c5T_ITTw1gBnVx

СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ РОССИИ НА УКРАИНЕ И ПАТРИОТИЗМ РОССИЙСКИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Беляева А.И.

*Крымский Федеральный университет им. В.И.Вернадского,
студентка*

Email: belaevaonblood@gmail.com

***Аннотация.** В статье рассматриваются понятия «патриот» и «патриотизм», рассмотрено возрастание роли российского патриотизма в современных условиях, в частности, в ходе специальной военной операции России на Украине.*

***Ключевые слова:** патриот, патриотизм, специальная военная операция России на Украине, В.В.Путин, Е.А.Агафонов, «анти–Россия».*

RUSSIA'S SPECIAL MILITARY OPERATION IN UKRAINE AND THE PATRIOTISM OF RUSSIAN SERVICEMEN

Belyaeva A.I.

*V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
student,*

Email: belaevaonblood@gmail.com

***Abstract.** The article examines the concepts of "patriot" and "patriotism", considers the increasing role of Russian patriotism in modern conditions, during the special military operation of Russia in Ukraine.*

Key-words: *patriot, patriotism, special military operation of Russia in Ukraine, V.V.Putin, E.A.Agafonov, "anti-Russia".*

Актуальность заявленной темы обуславливается потребностью осознания сути и роли патриотизма в развитии и защите России. Современная практика, в том числе в ходе специальной военной операции России на Украине, убедительно показывает, что патриотизм является морально-нравственной основой преобразования российского общества, сохранения суверенитета нашей государственности, достижения победы России в конфликте с противоборствующими, объединенными военно-политическими силами Запада в специальной военной операции.

Важно также учитывать, что в современный сложный период развития российского общества существует потребность максимального напряжения духовных сил, четкого выбора гражданами между патриотизмом и нередко предлагаемыми СМИ псевдоценностями. Проблему актуализирует наличие в обществе асоциальных негативных ценностей, в том числе и среди студенческой молодежи.

Проблема роли патриотизма в современной России, в условиях проведения специальной военной операции освещается в речах Президента Российской Федерации В.В.Путина [1].

Целью настоящей статьи является рассмотрение патриотизма как духовно-практического феномена и его проявления российскими воинами в ходе специальной военной операции.

Автор статьи придерживается точки зрения, что патриотизм – это сложное духовно-практическое образование, сутью которого является любовь к своей родине, выражающаяся в готовности и способности служить ей. Готовность, в свою очередь, это совокупность духовно-нравственных и политических свойств, отражающих преданность своей отчизне, внутреннюю устремленность к ее благу, славе, а в экстремальных условиях готовность встать на ее защиту и выполнить гражданский и воинский долг. В основе готовности лежат личностные мировоззренческие взгляды, убеждения, установки, сформировавшиеся в человеке и определяющие его отношение к обществу и государству.

Государственно-патриотическое мировоззрение гражданина России позволяет определить свое место и роль в жизни общества и его защите, четко выполнять свои обязанности как человека и гражданина России, верно служить и защищать свое отечество.

Способность, как составляющая патриотизма, есть совокупность осознанных практических действий, поступков, реализующих духовные начала патриотизма (в условиях обычной жизни – неуклонное следование трудовому долгу в интересах развития и укрепление мощи своей страны, государства; в условиях военного времени – проявление героизма, мужества, храбрости и т.п.). Только единство указанных сторон – готовности и способности – позволяют говорить о подлинном, цельном патриотизме.

Современный российский исследователь войн А.Владимиров, рассуждая о патриотизме, пишет: «Патриотизм – особое чувство и личное свойство гражданина России, сочетающее его осознанную благодарность Родине, гордость за ее культуру и историю, любовь к Отечеству и чувство долга, составляющие основу его жизненной позиции. Патриот – гражданин России, который не только любит РФ, знает ее историю и культуру, но тот, кто испытывает осознанную любовь к России и благодарность ей, считает себя частью ее истории и культуры, видит себя ее гражданином и готов строить и защищать свою семью и Отечество с оружием в руках, умеет это делать и делает это» [2, с. 8].

Патриотизм выполняет ряд функций. В числе наиболее значимых отметим, прежде всего, интегрирующую. Патриотическая идея и практика связывает в единое, целое социальные группы и слои общества, содействует упрочению социальных связей, ориентирует их на служение обществу, выполнение вставших перед страной задач. Патриотизм играет также мобилизующую роль, детерминирует оптимальное соотношение свободы и ответственности гражданина, понимание им своего места и поведения в сложный период общественного развития, осознание возникших задач и готовности положительно откликнуться на их решение.

На наш взгляд, можно говорить также о своеобразной «очищающей», «санитарной» функции. Речь идет о том, что «патриотические идеи могут «очищать» духовный мир человека, могут заставить задуматься о смысле жизни, о роли гражданина в сохранении Родины, Отечества.

Если сложившийся духовный мир человека не позволяет ему положительно «откликнуться» на зов Родины, то человек духовно и практически разрывает связи с Родиной, он, можно сказать, предает ее.

Значение патриотизма возрастает на переломных этапах российской истории. Е.М.Мальшева в этой связи справедливо отмечает, что «идея патриотизма актуализируется на таких поворотах истории, когда векторы развития требуют максимального напряжения духовных и физических сил общества [3, с. 96].

В наши дни наблюдается переломный период мировой и российской истории – однополярный мир, возглавляемый США, под воздействием целого ряда факторов превращается в многополярный. Наиболее существенным аспектом этого превращения является острая, бескомпромиссная борьба между США и Россией. Цель США и их союзников – ослабить и разрушить Россию, навязать нам свои псевдоценности, которые бы разъедали нас, наш народ изнутри. Распространение блока НАТО на Восток, приближение его военной инфраструктуры к российским границам создает реальную угрозу «не просто нашим интересам, а самому существованию нашего государства, его суверенитету» [1].

Расширение НАТО, военное освоение территорий Украины, создание враждебной нашей стране «анти-России», которая поставлена под полный внешний контроль – составляющие угрозы для России. Ведущие страны

НАТО для достижения собственных целей во всем поддерживают на Украине крайних националистов и неонацистов.

Начавшаяся специальная военная операция России на Украине 24 февраля 2022 года, имеет целью защиту людей, которые после государственного переворота на Украине в 2014 году подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима, а также демилитаризацию и денацификацию Украины.

Отметим, что не Россия начала эту войну. Годами «цивилизованный Запад» игнорировал трагедию Донбасса, который девять лет страдал от регулярных обстрелов и нападений со стороны националистических батальонов. Выступая с Посланием Федеральному Собранию России, В. В. Путин подчеркнул, что Украину превращали в «анти-Россию», чтобы использовать ее как таран. России отказывались давать гарантии безопасности. Таким образом, «... это они развязали войну, а мы использовали силу и используем, чтобы ее остановить» [4].

Российской группировке войск в ходе специальной военной операции противостоит не только армия Украины, а фактически весь Запад во главе с США, а также наемники из многих стран. Такого уровня боев в современной истории страны еще не было после Великой Отечественной войны. Российская группировка встретила отчаянное сопротивление сильного врага, подготовленного и оснащенного силами США и НАТО, циничного и отравленного за последние 30 лет русофобией и нацистской идеологией.

Для стабилизации ситуации, защиты новых территорий и проведения наступательных действий, в России провели частичную мобилизацию. Мобилизовано 300 тысяч граждан, пребывающих в запасе.

Специальная военная операция на Украине заставила наше общество в полном смысле слова мобилизоваться. Тысячи граждан России с первых дней СВО ушли на Донбасс добровольцами. В короткие сроки страна была вынуждена нарастить объемы производства современного оружия, наладить поставки всего необходимого для снабжения фронта.

Солдаты и офицеры, участвующие в СВО, проявляют мужество, отвагу и героизм, подлинный патриотизм. «Сражается... как герои войны 1812 года, Первой Мировой или Великой Отечественной войны» – сказал В.В.Путин [5].

За мужество и героизм, проявленный в боях, многие солдаты и офицеры Российских Вооруженных сил награждены орденами и медалями. За доблестные заслуги перед Отечеством многим было присвоено звание Героя России.

Гвардии подполковник Агафонов Евгений Алексеевич, заместитель командира 11-й гвардейской десантно-штурмовой бригады по военно-политической работе, при выполнении боевых задач специальной военной операции получил задачу от командира соединения оборонять с подразделениями наиболее опасный участок, на котором противник предпринял попытку прорыва. В один из дней противник перешел в наступление превосходящими силами при поддержке двух танков, минометов и артиллерии, пытаясь окружить и уничтожить подразделения, которыми

руководил Евгений Агафонов. В ходе восьмичасового боя, офицер получил контузию, но от эвакуации отказался и продолжал управлять боем. В результате боя противник понес огромные потери, десантники свою задачу выполнили, с удерживаемых позиций не отошли, подтвердив еще раз, что Воздушно-десантные войска стоят на месте крепко и готовы выполнить любую поставленную задачу, которые другим не под силу. Гвардии подполковник Агафонов Евгений Алексеевич награжден орденом Мужества [6].

Президент России В.В.Путин, Высшее военное руководство России выражают уверенность, что цели и задачи специальной военной операции на Украине будут достигнуты и решены. Главная предпосылка успеха России в СВО – поддержка ее многонациональным российским народом. В послании Президента РФ Федеральному Собранию указывается, что в поддержке специальной военной операции большинством российского народа «проявился настоящий патриотизм – чувство, которое исторически присуще нашему народу. Оно потрясает своим достоинством, глубоким осознанием каждым – я подчеркну – каждым неразрывной своей собственной судьбы с судьбой Отечества» [4].

Подводя итоги, можно сказать, что патриотизм – это любовь к своей Родине, своему народу, стремление своими действиями служить их интересам, защищать от врагов. Это качественная характеристика личности, социальной группы, общества, отражающая их политическую, духовно-нравственную зрелость, готовность и реальную способность служить во благо своего Отечества и защищать его. Проходящая специальная военная операция России на Украине с 24 февраля 2022 года свидетельствует о высоком уровне не только профессионализма, но и патриотизма российской группировки войск.

Список литературы

1. Путин В.В. Сила в справедливости и правде. А правда на нашей стороне // Российская газета. – 2022. – 25 февраля.
2. Война до победы! Избранные цитаты из монографии генерала Владимирова // Завтра. – 2023. – №1. – С.8.
3. Малышева Е.М. Патриотизм и память о войне как аксиологическая основа интегрирующих ценностей возрождения России // Патриотизм как идеология возрождения России: сб.ст. и докл. / Отв.ред. Т.С.Гузенкова. М.: РИСИ, 2014. – С. 89–105.
4. Послание Президента РФ Федеральному Собранию. – Российская газета. – 2023. – 22 февраля.
5. Путин В.В. Сила и справедливость. Выступление на расширенном заседании коллегии Минобороны // Российская газета. – 2022. – 22 декабря.
6. Министерство обороны Российской Федерации. [сайт]. URL: https://z.mil.ru/spec_mil_oper/heroes_z/more.htm?id=12441267@SD_Employee (дата обращения: 20.04.2023).

АКСИОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ

Беспалова Т.В.

Доктор философских наук

Московский гуманитарный университет, профессор

E-mail: tvb09@bk.ru

Аннотация. *Последние несколько лет научное и экспертное сообщество активно подступает к проблеме будущего России, образа будущего управленца, интегративной идеологии, формированию нового общественного идеала и национального мировоззрения, защите традиционных духовно-нравственных ценностей. В чём «новизна» аксиологии власти в рамках предлагаемых проектов? Сможет ли «новая» аксиология власти в условиях подрыва доверия к властным институтам заменить силу политической идеологии? Способна ли современная политическая элита к выработке такого «знания-власти»? Очевидно, что актуализация нового «знания-власти» возможна только после культурной и духовной революции в России, которая станет фундаментальной мировоззренческой основой будущей русско-российской элиты.*

Ключевые слова: *образ будущего России, аксиология власти, идеал, русская модель управления, элита.*

AXIOLOGY OF MODERN RUSSIAN POWER AND PUBLIC IDEAL

T.V. Bespalova

Doctor of Philosophy

Moscow University of the Humanities, Professor

E-mail: tvb09@bk.ru

Abstract. *Over the past few years, the scientific and expert community has been actively approaching the problem of the future of Russia, the image of the future manager, integrative ideology, the formation of a new social ideal and national worldview, and the protection of traditional spiritual and moral values. What is the "novelty" of the axiology of power within the framework of the proposed projects? Will the "new" axiology of power in the face of undermining confidence in power institutions replace the power of political ideology? Is the modern political elite capable of developing such a "knowledge-power"? Obviously, the actualization of the new "knowledge-power" is possible only after the cultural and spiritual revolution in Russia, which will become the fundamental worldview foundation of the future Russian-Russian elite.*

Key words: *image of the future of Russia, axiology of power, ideal, Russian model of management, elite.*

*Живя согласно с строгою моралью
Я никому не сделал в жизни зла...
Н.А.Некрасов.*

Аксиологическое измерение русской власти в 21 веке связано с поиском нового «знания-власти», причём инициативы такого поиска возникают не только в научной и общественно-политической среде, но и на властном уровне. Противоборство политических инициатив связано с конкуренцией ценностей «техногенно-потребительской» и «духовно-экологической» цивилизаций, но даже в русле признания цивилизационной самобытности России эксперты не могут прийти к общим интегративным смыслам. С чем это связано?

Инициативы конструирования будущего современной России получили самое различное измерение — от прогнозирования политической ситуации до социальных проектов (ДНК России, Идеология нравственности, Идеология Победы и другие). Объединяет все эти инициативы желание «собрать» атомизированное российское общество на общей мировоззренческой основе.

Насколько реально возродить в российском обществе здоровый духовно-нравственный климат в условиях последовательного разрушения современной политической элитой (её отдельными представителями) традиционных российских ценностей на протяжении десятилетий? Почему работа множества экспертных площадок по проблеме идеологии и будущего России в большой степени сводится к декларациям и конкуренции за «место под солнцем»? Каков общественный идеал современной российской (и шире постсоветской) молодежи, насколько он сопоставим с предлагаемым образом будущего России в самых различных политических проектах? Каковы причины молодежного протеста ЧВК Редан и как навязанный школьникам выбор японского мультипликационного персонажа (аниме) под цифрой 4 (шпион и предатель с декларативными миротворческими лозунгами) связан с политикой? Способны ли инициаторы современных политических проектов в России управлять стихией протестного потенциала молодежи?

Некоторые проекты по конструированию будущего России вызывают серьёзную критику в экспертном и научном сообществе, связанную с невозможностью регламентировать «неписаные» законы, нормы морали и нравственности, в целом, *с попыткой свести идеологическую проблематику к обозначению значимых для народа ценностей и защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей.*

Современный глобальный управленческий кризис, на наш взгляд, является не столько финансовым, экономическим или экологическим, сколько глубинным антропологическим кризисом потребительского общества, что требует пересмотра роли человека и его ценностей в современном мире. Однако практически во всех инициативах нет обозначения такой цели, происходит перечисление значимых ценностей, их анализ *без предложений кардинального изменения сложившегося социально-экономического уклада.*

В условиях новых типов войн российское общество столкнулось с возникновением огромного количества документов, которые не жизнеспособны в российских политических реалиях не только по причине запоздалого принятия решений, но и по причине *многонационального и политического* характера российского народа. Множество «этик» различных народов безусловно в большинстве своём пересекаются, но любые попытки создать единую этику не выдерживают критики, так как все уже давно написано (Библия, Коран, Тора, светский свод моральных принципов, кодексы чести, клятвы верности и многие другие религиозные и политические формы закрепления нравственных принципов). Для создания какой-либо иной аксиологии управленческих процессов требуется конструирование нового «знания-власти», а этого пока нет, проблема возникновения «новых» идеалов практически не исследована.

Следует напомнить некоторые истины. Трансформация ценностей происходит очень медленно, раньше (18-19 век) человек рождался, жил и умирал в одной и той же культуре, в одинаковой системе ценностей [6]. Сейчас возникает ощущение, что нынешние «элиты» решили сформулировать некие новые смыслы при полном обесценивании старых на уровне аксиологического содержания государственной политики.

Необходимость в закреплении аксиологии управленческих процессов возникла по причине утраты Россией реального суверенитета, когда даже внутри государства стало невозможно реализовать необходимые решения по причине колоссального противодействия отдельных институтов и представителей власти и как следствие политической борьбы — утрата подлинного единства народа. Даже современные внешние политические угрозы не привели к ожидаемому сплочению и стали триггером для нового раскола российского общества (отношение к пандемии, мобилизации, СВО и др.).

Некоторые представители власти (В.Фадеев) упрекают «интеллектуальное сообщество» в недостаточном обеспечении смыслами управленческий слой вместо того, чтобы создать элементарные социально-экономические условия для подлинной интеллектуальной элиты страны (учёные, эксперты, аналитики, врачи, инженеры учителя). По сути, отдельные представители современной российской власти, которые оказались не компетентны в сферах патриотики, безопасности, идеологии обвиняют уехавшую после объявления мобилизации 2022-го года молодёжь в отсутствии патриотизма. Вряд ли они могут рассчитывать на успех в процессах формирования общественного идеала и аксиологии власти. Это серьёзный вопрос легитимации современной российской власти, утрата которой после ряда непопулярных политических решений (пенсионная реформа и др.), уже ничем не компенсируется.

Такого социального неравенства, которое можно констатировать в современной России, давно не было, но почему-то политические проекты организации социального неравенства вообще не рассматриваются как стратегический ориентир государственной политики и даже конструируются

новые формы социального неравенства. Безусловно, тезис Ницше «Братья мои, люди не равны» актуален, что не должно означать отсутствия стремления властных субъектов к политической организации социального неравенства (тема отдельного исследования). Такая постановка проблематики имела бы большее отношение к конструированию общественного идеала, с учётом вечной борьбы русского народа «за правду».

ДНК России [3]

При поддержке Администрации президента (С.Кириенко), Минобрнауки (Г.Гуров), Госсовета (А.Харичев), «Росатома» (А.Полосин, А.Харичев) инициирована подготовка учебного курса «Основы и принципы российской государственности», в рамках которого запланировано сформировать образ будущего России, в основе которого — «пентабазис» ценностей: патриотизм (для уровня страны), доверие к общественным институтам (для уровня государства), согласие (для уровня общества), традиции (для уровня семьи), созидание (для уровня человека).

Сведение сложной системы ценностей, сохраняющих самобытность русской цивилизации к вышеуказанным **пяти** с учетом множества научных исследований по проблеме русской аксиологии, представляется нам искусственным упрощением, которое не даст ожидаемого результата. Тем более, что к концу работы перечень ценностей был сведен к трем.

Вместо напумевшей темы, связанной с интегративной идеологией, предлагается сделать акцент на формировании национального мировоззрения, однако авторы инициативы не учли не только иерархию ценностей, но и формы самобытного проявления таких ценностей (например, в русской традиции, *свобода, ограниченная совестью*). Не учтено и множество работ российских учёных по указанной проблематике, как будто все начинается сначала.

Вместо системного подхода к обновлению содержания образовательной, культурной, молодежной, национальной, информационной политики упор делается на введение одной новой дисциплины «Основы и принципы российской государственности», которая будто бы сможет сформировать национальное мировоззрение молодежи.

Идеология нравственности (А. Сафиоллин) [2]

Этот проект представляет собой конструирование пути в будущее через экоциальные технологии и создание новой этики. Под новой этикой понимается поведение человека, при котором он *не причиняет вред себе, другим и окружающей среде*. Данный проект вызывает не меньше вопросов, чем предыдущий.

Каковы критерии нравственного человека? Способен ли подлец на подвиг? Кто определяет степень вашей нравственности? Может ли безнравственный профессионал навредить обществу, если он профессионал?

Неужели нравственный непрофессионал — лучше? *Зачем вообще искать соотношение профессионализма и нравственности, многие исторические судьбы гениев (в том числе грандиозных политиков) не впишутся в эту модель.*

Представленный перечень вопросов не более чем философское вопрошание. Эти вопросы не требуют ответа, но дают возможность выйти на иные глубинные уровни человеческого бытия.

Основным смыслом новой этики становится принцип «не навреди», своего рода этический минимализм, вместо постановки пусть и не всегда реальных, но грандиозных целей. Именно постановка таких целей давала мощный импульс для всех научных открытий человечества, достижений, героизма [1, с. 25-30].

Неоднозначность проблемы «нравственного человека» давно обозначена в русской поэзии в одном из стихотворений Некрасова «Нравственный человек», она несводима только к общественному идеалу, а требует выработки определённых механизмов соотнесения должного и сущего. Иначе говоря, предлагаемые версии «идеологий» превращаются в искусственный конструкт, не имеющий отношения к социокультурным вызовам.

Идеология Победы (интегральный доклад) [4]

Что представляет собой идеология Победы?

Постсоветский период четко обозначил разделение российского общества по многим линиям, например, винеры/лузеры или те, кто «умеет жить»/презренная масса. Идеология Победы — это переход к интегрирующей системе мировоззрения. Начиная с 2000 г. власть сплачивала общество вокруг символа Священной Победы 1945 года, исходя из чего авторы интегрального доклада убеждены в том, что у России уже есть идеология — идеология Победы. Жизнеспособная идеология, по мнению авторов доклада, это вероучение, символ веры, в которую поверят люди, её нельзя разработать, это результат общих усилий, что не означает её близости всем без исключения гражданам страны. На наш взгляд, сплочение вокруг символа Великой Победы важно, но в последнее время появилась необходимость в новых интегративных символах, которые волнуют людей непосредственно сейчас.

Пятая империя, по мнению авторов идеологии Победы, как новая форма живой русской цивилизации может прийти либо через бескровную революцию сверху, либо через катастрофу или социальный взрыв. Особую роль в содержании идеологии Победы занимают «русские коды», овладение которыми позволит правителям в любые времена направить народ на великие свершения, однако овладение кодами врагами России может разорвать «русское время».

Русские коды

- код *Взыскания* — стремление к мистической Победе, влечение к мечте, поиск «обетованной земли»;

- код Труда Священного — высокий смысл одухотворенного труда в русской традиции;
- код Русского Чуда — череда воскрешений русских империй после смерти;
- код общего дела — общинность, соборность, солидарность в любом деле;
- код Оборонного сознания — защита государства, веры, русских земель;
- код Россия — душа мира — русская всемирность.

Переосмысление «русских кодов» стало неизбежностью в условиях совершенно иной политической реальности.

Стремление к мечте в современных политических реалиях — редкость не только в российском обществе. Народ разучился мечтать... Современная российская политическая элита иногда «сбывает» мечты людей — оплата дорогостоящей операции, различные подарки детям к Новому году («ёлка желаний») — билеты в цирк, робот, поездка в Москву и другие, что смотрится абсурдно в ситуации «выживания» большей части российского общества. Защита Родины на уровне повседневного сознания часто отождествляется с защитой власти, поэтому возникает огромное количество людей, не желающих защищать власть, но искренне любящих Родину, её иной политический образ.

Ценность «труда» представляет собой кривое зеркало, когда заработки в сфере услуг и развлечений в сотни раз превышают заработки интеллектуальной элиты страны. Попытки подменить традиционное понимание труда в России его «одухотворением» в рамках иной экономической парадигмы представляются имитацией.

Общее дело, соборность, солидарность всегда выгодно отличали русский/российский/советский народ (народы постсоветского пространства), однако в ситуации атомарности российского общества, политической враждебности различных социальных групп вести речь о солидарности даже в условиях гибридной войны сложно.

Код оборонного сознания был серьёзно переосмыслен после 24 февраля 2022 года, особенно в ситуации использования патриотического чувства в современных политических конфликтах, когда люди могут, защищая интересы государства, разрушать цивилизационные основы и ментальное родство народов и т. д.

Очевиден глобальный пересмотр ряда ценностей в условиях гибридной войны, тогда как в условиях традиционной войны, эти ценности сплачивали, а сейчас разъединяют. В этом и заключается хитрость сценария в отношении России и постсоветского пространства — через патриотизм и безопасность внести раскол в сознание граждан, подменить привычный образ Родины, выкристаллизовать огромное количество проблем внутренней и внешней политики и актуализировать когнитивное оружие против всех народов постсоветского пространства.

По мнению авторов идеологии Победы, соучастие в жизни общества не будет принимать достоинство человека *только в случае доверия между*

людьми, что довольно затруднительно в условиях доминирования потребительских ценностей. Доверие к власти утрачено, как и доверие между людьми потеряло свой сакральный смысл — слишком много разделяющих обществу тем. Ценность доверия — главная ценность русского человека в ситуации «серого мира», утеряна как основа межличностного общения, когда доносы становятся обычной практикой взаимоотношения людей. Более того, если раньше принадлежность к коммунистической партии была условием попадания в партийную элиту, то сейчас воцерковлённость человека (в рамках одного из политических проектов) или высокая степень нравственности (не ясно кто это определяет в условиях тотальной лжи, доминирования политехнологий, «хейтерства») становится главным фактором репутационного капитала будущей элиты.

«Пропаганда русского гения», в рамках идеологии Победы, становится важнейшим фактором сохранения цивилизационного достоинства, однако без кардинального изменения вектора государственной политики гении просто не будут появляться в России.

Предложения уйти от противоборства монархизма/демократии/социализма в пользу создания общей теории цивилизации утопичны не только по причине разного политического идеала представленных идеологических версий, но и различного понимания мировоззренческих основ цивилизационного развития России (как самобытной/европейской/интернациональной).

Манифестационный характер идеологии Победы (гениальной с точки зрения метафоричности) не позволяет выйти на глубинные смыслы русского бытия и даже содержит некоторые западные концепты, которые не свойственны русской традиции в широком смысле этого слова («храм на холме», «русская мечта»).

Тем не менее, символ Великой Победы советского народа в Великой Отечественной войне остаётся важнейшей интегративной основой для всех народов постсоветского пространства. Вера в глобальную историческую миссию русского народа и России вечна.

Журнал «Идеология будущего»

Данная экспертная площадка задумывалась как сплочение экспертного, научного и аналитического сообщества, с целью выявить не только самые острые проблемы в сфере государственного управления, но и пути их решения. Однако размещение журнала произвели на сайте бывшего журнала «Культурная политика», который просуществовал год и вместе с материалами всех экспертов канул в небытие. В журнале «Идеология будущего» практически нет глубинных исследований по проблеме идеологии будущего, в основном известные ученые пишут о национальной безопасности, исторической памяти, анализируют современные политические процессы (в том числе на Украине) в русле официального информационного дискурса. Вообще, острота философско-политологической мысли как и аналитика с

трудом сохраняется в условиях запрета на прогноз и анализ современных политических процессов (приказ ФСБ РФ Об утверждении Перечня сведений в области военной, военно-технологической деятельности РФ, которые при их получении иностранными источниками могут быть использованы против безопасности РФ от 4.11.2022), что, безусловно, верно в условиях военно-политической реальности. Однако использование этой меры в отношении научного, экспертного и аналитического сообщества для прогноза ситуации и опережения деструктивных тенденций не позволяет эффективно использовать его потенциал.

В планах мероприятий различных властных структур обычно в табличной форме указывается — *название мероприятия, финансирование, сроки реализации и примерная цель*, что не позволяет никаким образом контролировать, на что уходят бюджетные средства и, тем более, выяснить как формируется иерархия значимых для сохранения общества ценностей. Духовно-нравственные ценности в политическом измерении меняют свою смысловую сущность. Жизнь, права человека, нравственные идеалы, справедливость и иные ценности трактуются иногда в совершенно противоположных смысловых измерениях в рамках либерализма, социализма, монархизма, национализма и других идейно-политических направлений.

Такое условное обозначение аксиологии государственной политики в документах стратегического планирования РФ не будет оказывать существенного влияния на трансформацию государственной политики, да и нормативно-правовая регламентация ценностей («уважение старших», «вера в Бога») не традиционна для российского общества («закон, что дышло»). Попытка регламентации универсальной этики в рамках иных социальных инициатив («идеология нравственности») в условиях многонациональности российского общества, многоэтничности народов в рамках различных культурных и религиозных традиций представляется недостижимой. «Можно поступать по этикету, но не этично». Конструирование политической реальности всегда имеет пределы, особенно в духовно-нравственной сфере, которую сейчас пытаются максимально контролировать.

«Воспитание традиционных ценностей в условиях их разрушения» [5, с. 21-27] не представляется возможным. В 2018 году в Государственной Думе РФ по инициативе автора статьи была проведена Всероссийская научно-практическая конференция «Цивилизационный путь России: культурно-историческое наследие и стратегия развития» с участием учёных из Донецка, Луганска, Гродно, Минска, Владивостока, Санкт-Петербурга и др., целью которой было обоснование применения цивилизационного и аксиологического подходов в сфере государственного управления, а задачами — выработка предложений по достижению обозначенной цели в сферах образования, культуры, государственной национальной и молодёжной политики. Ученые пришли к выводу о том, что совершенствование понятийного аппарата в документах стратегического планирования должно соответствовать реальным социокультурным вызовам, а не искусственным политическим проектам.

В целом, необходимость использования аксиологического и ценностно-

нормативного подходов в сфере государственного управления была обозначена научным сообществом в 2015 году в рамках разработки проекта Стратегии государственной культурной политики [7], но речь шла не о регламентации «неписаных правил», а об аксиологическом содержании культурной политики и других видов политики с целью возвращения в общество социальной нормы.

В 2020-м году в рамках ежегодного Философского конгресса был подготовлен Симпозиум «Социальная теория и проекты цивилизационного развития современной России», в рамках которого проанализированы различные политические проекты по формированию цивилизационного будущего России.

Удивительно, что в процессе работы над образом будущего России за кадром остались многочисленные работы учёных, научных институтов, ведущих вузов, РАН, интеллектуальных клубов, которые на протяжении последних лет создали не только образ будущего России и Союзного государства, проанализировали проекты цивилизационного развития России в разных идеологических версиях, но и адаптировали свои исследования к политической реальности в соответствии с современными политическими угрозами, предложили идеологию возрождения России.

Аксиология современной российской власти возможна только после духовной и культурной революции в России, кардинальной смены управленческой элиты, которая сможет привнести новые мировоззренческие смыслы в содержание государственной политики и постепенно вернуть обществу (прежде всего, на уровне политического действия) общественный идеал, с учетом его идеологической обусловленности.

Современное состояние российской (и части постсоветской) политической элиты противоречно, поэтому не стоит забывать макиавеллевские истины: «Лучшая из всех крепостей — не быть ненавистным своему народу: какие крепости не строй, они не спасут, ибо когда народ берётся за оружие, на подмогу ему всегда явятся чужеземцы». Пришло время народам постсоветского пространства объединяться для отстаивания большой исторической Родины, постсоветского пространства, а интеллектуальной и политической элите страны смело отстаивать суверенитет и безопасность России как государства-цивилизации.

Список литературы

1. Беспалова Т.В. Русское как советское и советское как русское в процессах возрождения Союзного государства в новом идеологическом измерении // Черноморско-средиземноморский регион в системе национальной безопасности России. Материалы Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2023. С.25-30.
2. Великий нравственный путь. - URL.: <https://strategy24.ru/rf/news/velikiy-nravstvennyy-put-rossii-i-vsego-chelovechestva> (дата обращения 9.03.2023).
3. «ДНК России». Администрация Президента разработала новую

- государственную идеологию из пяти частей. Её будут изучать все студенты. - URL.: <https://www.rline.tv/news/2022-11-09-dnk-rossii-administratsiya-prezidenta-razrabotala-novuyu-gosudarstvennuyu-ideologiyu-iz-pyati-chaste/> (дата обращения 9.03.2023).
4. Идеология будущего. - URL.: https://histrf.ru/files/ideology_of_future_6.pdf (дата обращения 9.03.2023).
 5. Корольков А.А. Воспитание традиционных ценностей в условиях их разрушения // Журнал Института Наследия. Спецвыпуск посвящается майской Всероссийской научно-практической конференции «Цивилизационный путь России: культурно-историческое наследие и стратегия развития». 2018. №2. С.21-27.
 6. Миронов В.В. Трансформация культуры в пространстве глобальной коммуникации // Гуманитарий Юга России. 2016. №1. С.101-120.
 7. Стратегия сохранения культуры и культурно-исторического наследия народов Российской Федерации. Проект. Коллектив авторов: Бахревский Е.В., Беспалова Т.В., Закунов Ю.А., Миронов А.С. М.: Институт Наследия, 2016. 136 с.
 8. Указ Президента от 9 ноября 2022г. №809 Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей URL.:<https://www.consultant.ru/law/hotdocs/77839.html> (дата обращения 9.03.2023).

СТРАТЕГИИ ВОСПИТАНИЯ ПАТРИОТИЗМА У МОЛОДЕЖИ В НЕПРЕРЫВНОМ КАЗАЧЬЕМ ОБРАЗОВАНИИ

Бродская К.Ю.

*Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва,
стажер-исследователь
E-mail: xeniabr@mail.ru*

***Аннотация.** Наше государство является одним из экономических и культурных полюсов современного мирового сообщества, поэтому для нас важна разработка собственного цивилизационного проекта развития, основанного на всесторонней модернизации общественно-экономических, политических и культурных традиций. Однако практическая реализация данных направлений наталкивается на серьезное препятствие - острый дефицит общенациональных идей, объединяющих россиян. Общество нуждается сегодня в объединяющих идеях и преемственности традиций, влиявших и вносивших свой вклад в целостность российского государства.*

Полезный опыт патриотического образования и традиционных ценностей, внедряемых посредством такого воспитания, получает молодежь, обучающаяся в школах, техникумах и ВУЗах с казачьим компонентом. В связи с этим научные сотрудники, работающие в ВУЗах с казачьим образованием, разработали методические пособия и учебники с описанием непрерывного казачьего обучения от детского сада, школы, техникумов до ВУЗов.

***Ключевые слова:** казачье образование, патриотическое воспитание, непрерывное образование, дополнительное образование.*

STRATEGIES OF FOSTERING PATRIOTISM AMONG YOUNG PEOPLE IN CONTINUOUS COSSACK EDUCATION.

Brodskaya X.Yu.

*Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences,
trainee researcher*

E-mail: xeniabr@mail.ru

***Abstract.** Our state is one of the economic and cultural poles of the modern world community, so it is important for us to create our own civilizational development project based on the comprehensive modernization of socio-economic, political and cultural traditions. However, the practical implementation of these areas runs into a serious obstacle - an acute shortage of national ideas that unite Russians. Society today needs unifying ideas and continuity of traditions that influenced and contributed to the integrity of the Russian state. Useful experience of patriotic education and traditional values is gained by young people studying at schools, colleges and universities with a Cossack educational component. In this regard, researchers working in universities with Cossack education have developed methodological manuals and textbooks describing continuous Cossack education from kindergartens, schools, colleges to universities.*

***Keywords:** Cossack education, patriotic education, continuing education, additional education.*

В настоящее время защита традиционных российских нравственно-духовных ценностей, культуры и исторической памяти является национальным приоритетом. Несомненно, важное значение имеет то, что традиционные ценности рассматриваются государством, как основа российского общества и содействуют укреплению суверенитета.

Современная международная обстановка, новые политические реалии диктуют необходимость дальнейшего совершенствования работы по военно-патриотическому воспитанию молодежи. Основой такого воспитания остается духовно-нравственное образование.

С целью решения задачи патриотического образования в регионах традиционного проживания казаков, была разработана и принята концепция

непрерывного казачьего образования, которая включает в себя поэтапное формирование гражданско-патриотической идеологии у детей и молодежи. Такое образование подразумевает внедрение патриотического казачьего компонента на всех ступенях образования, а именно: детский сад – казачий класс в школе или школьный казачий кадетский корпус – средне-специальное учебное заведение (техникум) с казачьим компонентом – казачий ВУЗ.

Согласно концепции непрерывного образования российского казачества, изданного и разработанного ФГБОУ ВПО первым казачьим ВУЗ-ом, которым является «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского» создана программа (утверждена Ученым Советом 30 августа 2012 года и одобрена Ассоциацией «Объединенного центра казачьего образования») одной из основных задач является создание системы непрерывного образования российского казачества. Целью такого образования является обеспечение участия российского казачества в возрождении принципов общегражданского патриотизма, верного служения Отечеству на основе традиций и культуры российского казачества.

В современной России существует 12 войсковых казачьих обществ. Казачьи общества и общественные объединения созданы на территории более 70 субъектов Российской Федерации. Казачество стало реальной силой, способной решать вопросы государственного и местного значения, исходя из интересов населения. Одной из особенностей своеобразной казачьей культуры и традиции является ярко выраженное государственное начало. Государство поддерживает стремление казаков возродить исконный уклад жизни, свои самобытные культурные традиции и духовные ценности. С этой целью была принята Стратегия развития российского казачества до 2030 г.

В Указе Президента РФ «Стратегия государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021 - 2030 годы» подчеркивается, что «одной из стратегических задач государственной политики в отношении российского казачества является «содействие воспитанию подрастающего поколения в духе патриотизма, гражданской ответственности и готовности к служению Отечеству с опорой на духовно-нравственные основы и ценности российского казачества; обеспечение участия российского казачества в реализации государственной молодежной политики» [1, с. 7]. Выполнение этой задачи видится наиболее актуальным ввиду склонности немалого числа представителей современной молодежи к протестным и порой оппозиционным настроениям к власти, зачастую формируемыми иностранными соцсетями и СМИ.

Казачье воспитание в детских садах

Многие черты характера ребенка формируются до 6 лет, поэтому уже дошкольное образование требует приобщения воспитанников к духовно-нравственным традициям.

Задача воспитания детей дошкольного возраста на основе историко-культурных традиций казаков заключается в том, чтобы разработать модель реализации регионального компонента в рамках основной образовательной деятельности. Существует несколько способов это сделать. В программу возможно включить познавательное краеведение или использовать фольклор и декоративно-прикладное искусство. Также возможна организация мероприятий в группе согласно календарю православных и традиционных казачьих народных праздников. Например, дошкольники с удовольствием участвуют в колядовании на Святках после Рождества. Неплохо заинтересовать детей своей родословной, чтобы они принесли фотографии своих предков, выходцев из казаков. Интересный опыт связан с празднованием Дня матери-казачки, который совпадает с большим христианским праздником Введение во храм Пресвятой Богородицы, что придает ему дополнительную торжественность. История праздника такова: в 1774 году девяти тысячный отряд татар и турок вторгся на территорию Государства Российского. Так как все строевые казаки были в походе, то основная тяжесть по обороне станицы Наурской, на которую напали, (современная Чеченская Республика) легла на женщин-казачек. В честь нелегкой победы казачек в станице Наурской возведен памятник, а также установлен День матери-казачки. Особенно этот праздник понятен детям, которые всегда готовы в нем принять участие.

Кадетские корпуса, казачьи классы (для детей младшего и среднего школьного возраста)

Следующей ступенью казачьего образования являются казачьи классы и кадетские казачьи корпуса для детей школьного возраста.

Краснодарский край и Ростовская область - одни из тех регионов, где налажена неразрывная связь между системой образования и казачеством и цепочка казачьих воспитательно-образовательных организаций: детский сад – школа или кадетский казачий корпус – среднетехническое образование – ВУЗ выстроена в полном объеме.

Казачий класс это в принципе такой же класс, как и обычный, то есть весь спектр дисциплин, которые предусмотрены в общеобразовательной школе, есть и в казачьем классе. Но в казачьем классе есть расширенная система дополнительного образования. Если ставить цель воспитать настоящего патриота своего края, то он, в первую очередь, должен знать историю своего региона и культуру того народа, который проживает на данной территории. Причем если раньше подобная программа была рассчитана только на историческую часть, то сейчас ее дополнили

современной жизнью казачьего войска. Так как у войска есть уже своя новая современная история. Так для Кубанского казачьего войска это, например, участие казаков в мероприятиях в Крыму 2014 году, и участие в охране общественного порядка во время Олимпийских игр в Сочи, это и Парад Победы на Красной площади, и много других мероприятий, которые ежегодно проводят кубанское, донское, терское и др. казачьи войска. Кроме того, сейчас в СВО принимают участие более 15 000 взрослых казаков, 3000 из них состоят в Кубанском казачьем войске. Учащиеся кадетских казачьих корпусов участвуют в сборе гуманитарной помощи, которую отправляют в зону СВО, пишут письма со словами поддержки бойцам и даже иногда получают ответы. Изготавливают маскировочные сети для военной техники.

Важной составляющей для учащихся казачьих классов и корпусов является изучение основ православной культуры. Это имеет большое значение, т.к. для казаков Православие это не просто одна из религий нашей страны, которую надо изучать, а основная неотъемлемая составляющая часть казачьей традиционной культуры. Соответственно дети должны знать, что это такое и приобщаться к этой составляющей, по возможности и с согласия родителей, участвовать в церковных таинствах. Такая практика есть в некоторых учебных заведениях казачества.

Для повышения мотивации учащихся, в казачьем классе может действовать система поощрения, например, если учащиеся активно участвует в жизни класса, можно сделать атаманскую премию или стипендию и в конце года тем учащимся, у которых отличные оценки ее вручать. В некоторых школах может быть почетная «парта героя-казака», за которую сажают выделившихся ребят.

Ежегодно для поддержки казачьего образования проводятся мероприятия федерального уровня: военно-спортивная игра «Казачий сполох», Спартакиада допризывной казачьей молодежи, слет казачьей молодежи «Готов к труду и обороне», смотр-конкурс на звание «Лучший казачий кадетский корпус» года и многие другие.

Одним из важных компонентов структуры казачьей образовательной организации является *институт наставничества*. Помимо обычных учителей, среди которых большинство это женщины, имеет место наставник, как правило, мужчина-казак, который приходит во второй половине дня и проводит дополнительные занятия. Казак-наставник является связующим звеном между школой и казачьим обществом, он является вторым классным руководителем и принимает непосредственное участие в воспитательном процессе, который ведётся в казачьем классе. В его задачи входит приобщение учащихся к деятельности российского казачества, поддержание дисциплины и порядка, присущего казачьему укладу жизни, обеспечение участия молодежи в военно-патриотических мероприятиях, связанных с государственными праздниками и организованных казачьим обществом. Казак-наставник, порой, помогает организовать самоуправление в классе, выбрать атамана среди учащихся, чтобы воспитать у них самостоятельность и ответственность. Также он

проводит «уроки мужества» в памятные даты, строевые смотры, организовывает походы и экскурсии.

Казачьи колледжи и техникумы

Под этими тремя названиями подразумевается среднее техническое образование. В техникумы, как правило, поступают после 9 класса и более взрослая молодежь. Техникумы могут быть с проживанием на территории образовательного учреждения и с проживанием дома. Профессии, получаемые в казачьих техникумах, с одной стороны, ориентированы на современность - есть факультеты информатики, сетевого и системного администрирования, а также есть факультеты, ориентированные на получение профессий, связанных с потребностями края, в котором находится учебное заведение. Это связано с тем, что казачье сообщество заботится о сохранении казаков на своей территории. Среди таких специальностей может быть сельское хозяйство (машинист, тракторист), пищевая промышленность (технологи), строительство (сварщик, слесарь, водитель, автомеханик), а также повар, кондитер, медсестры и др.

Казачий компонент образования в таких учебных заведениях, как правило, включает в себя лекции по изучению истории края, основ Православия, изучение традиций и обычаев казачества, участие в фольклорных мероприятиях, знакомство с оружием, изучение военного дела, строевая подготовка, верховая езда, занятия спортивной борьбой. и др.

90% выпускников поступает вузы из них 60% в вузы силовых министерств и ведомств. Многие выходцы из казачьих техникумов выбирают для дальнейшего образования военные, авиационные и мореходные училища.

Казачьи ВУЗы

В 2021 году по инициативе Всероссийского казачьего общества и Минобрнауки РФ была создана «Ассоциация казачьих вузов России», в составе которой уже 18 образовательных организаций из 19 регионов страны. Еще пять вузов претендуют на то, чтобы стать членами ассоциации. При этом образовательные программы по истории российского казачества учитывают особенности регионов, где расположены штабы казачьих войск. В 2023 году при содействии Министерства науки и высшего образования РФ запланирован конкурс на лучший ВУЗ, реализующий программы казачьей вузовской направленности.

Московский государственный университет технологий и управления имени К. Г. Разумовского является первым в стране и одним из ведущих вузов с казачьим компонентом. Факультеты университета включают в себя ряд факультетов технологического характера таких как биотехнологий и рыбного хозяйства, пищевых технологий и биоинженерии, а также обычный набор общеобразовательных дисциплин: юридический факультет, факультет социально-гуманитарных технологий, факультет экономики и управления,

факультет цифровых технологий. МГУТУ им. К.Г. Разумовского по всей стране имеет региональные филиалы: на Кубани, в Ростове-на-Дону, в Смоленске, в Сибири, в Башкортостане и др. областях страны. Всего 14 региональных институтов и 6 факультетов. В университете обучается 7 тысяч жителей Москвы и 18 тысяч в филиалах по всей стране [2, с. 23-27].

Помимо факультетов МГУТУ технологической направленности в структуре факультета Социальных и Гуманитарных технологий имеется кафедра «Истории, философии, литературы и непрерывного казачьего образования». Предметы, с казачьей тематикой, разрабатываемые и преподаваемые на этой кафедре читаются и на других факультетах. Также преподавателями этой кафедры сделано много для разработки методик преподавания дисциплин, связанных с казачьей тематикой [3, с. 220].

В Московском государственном университете технологий и управления имени К. Г. Разумовского в 2023 году начнется реализация трех новых казачьих профилей подготовки по программам бакалавриата. Для будущих атаманов откроют направление «Государственная политика в отношении казачества», которое позволит работать в казачьих учреждениях и органах власти. Для журналистов создан профиль «Медиатехнологии и информационная политика казачества», в рамках которого особое внимание уделяют военной тематике и кибербезопасности. Также в университете можно будет получить педагогическое образование по направлению «История, обществознание и этнокультура» и работать преподавателем истории в школах с казачьим уклоном и казачьих кадетских корпусов.

Помимо образовательного процесса в университете проводятся многочисленные дополнительные мероприятия, связанные с жизнедеятельностью казаков. Большая роль уделяется военно-спортивному, военно-патриотическому образованию.

В русле военно-спортивных мероприятий изучаются основы казачьей службы, строевое построение, казачий рукопашный бой, основы джигитовки, стрелковая подготовка, спортивное ориентирование.

В контексте военно-технического образования изучаются оружие, которое используется для защиты нашей страны. Кибердружины готовят специалистов, способных отражать информационные атаки противника. Создаются сайты сообществ в социальных сетях патриотической направленности, оказывается поддержка правоохранительным органам в борьбе с противоправным интернет-контентом [4, с. 272- 273].

В рамках военно-патриотического воспитания проводятся Вахты памяти, связанные с чествованием героев, защищавших наше отечество в разные исторические периоды, в том числе чествование погибших в СВО. Учащиеся принимают участие в праздновании дат, связанных с Днем России, 9 мая, участвуют в шествии Бессмертного полка.

В настоящее время выпускники казачьих кадетских корпусов и ВУЗов с казачьим компонентом работают в казачьих корпусах педагогами, проходят службу в Президентском полку, в подразделениях специального назначения, работают в МЧС, в казачьей дружине по охране общественного порядка,

выполняют поставленные задачи в ходе специальной военной операции. Замечено, что выпускники, прошедшие школу подготовки в рамках казачьего образования более организованы, патриотичны и бесстрашны.

Заключение

Воспитательная работа как приоритетное направление современной образовательной отрасли является государственной задачей, нацеленной на консолидацию позитивных и прогрессивных сил общества. Формирование патриотического сознания — это совместный труд Министерства просвещения и Всероссийского казачьего общества, представителей региональной и муниципальной власти, курирующих вопросы казачьего образования, начиная от детских садов и школ и заканчивая казачьими кадетскими корпусами, техникумами и вузами с казачьим компонентом.

Список литературы

1. Указ президента Российской Федерации «Стратегия государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021-2030 годы». — URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/8rKIDz3Q6T4Yw0rXuMnWcd3YaQzZVLrr.pdf>
2. Чеботарев С.Н. Опыт работы Московского государственного университета технологий и управления им. Разумовского К.Г. по духовно-нравственному воспитанию студентов казаков // Материалы XII международно-практической конференции «Церковь и казачество», Москва 23 мая 2022 г. Ставрополь: Изд-во Ставропольской духовной семинарии, 2022. С. 23-27.
3. Казачество на службе отечеству // Учебное пособие. М. Изд.-во МГУМГТУ им К.Г. Разумовского, 2021. 220 с.
4. Мясоедов А.С., Григорьева Л.С., Спицина О.К. Роль Казачьей кибердружины в системе казачьего образования и воспитания молодежи // Материалы XII международно-практической конференции «Церковь и казачество». Москва 23 мая 2022 г. Ставрополь: Изд-во Ставропольской духовной семинарии, 2022. С. 267- 274.

СОЦИАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ: СОЗДАНИЕ И КРАХ ИДЕОЛОГИЙ

Брюханцева Н. В.

кандидат философских наук

Председатель Томского регионального отделения общественной
организации «Педагогическое общество России»

E-mail: bruhantseva@mail.ru

***Аннотация.** В статье рассматриваются проблемы создания, развития и формирования разного типа идеалов и построенных на каждом идеологий. Затрагиваются вопросы длительности существования идеала в культуре цивилизации и соотносённость его с формированием социального идеала с последующим влиянием на развитие и уничтожение идеологии личности, социума. Социальный идеал личности имеет основу и возможность влиять на создание идеологии, которая отвечает на вызовы времени и для личности, и для общества. Современный кризис сознания и осознания сложностей эклектично устроенного мира заставляет человека и общества самых непохожих уровней развития искать те новые возможности на самых разнообразных уровнях жизни современной цивилизации, которые позволят найти выходы из тупиковых жизненных ситуаций, дадут новые импульсы для развития личности и человечества. Противоречия общественной жизни ощущаются в масштабах цивилизации все более резко и болезненно, что в определенной степени даёт надежду на более упорные поиски новых возможностей жизни, развития, перспективы существования человечества.*

***Ключевые слова:** личность, социальный идеал, общество, мировоззрение, идеология, вызовы времени, новые идеи, фантазия, информационное общество.*

THE SOCIAL IDEAL: THE CREATION AND COLLAPSE OF IDEOLOGIES

Bryukhantseva N. V.

Candidate of Philosophical Sciences

Chairman of the Tomsk regional branch of the public organization
"Pedagogical Society of Russia"

E-mail: bruhantseva@mail.ru

***Abstract.** The article deals with the problems of creation, development and formation of different types of ideals and ideologies based on each. The questions of the duration of the existence of the ideal in the culture of civilization and its correlation with the formation of the social ideal with the subsequent influence on the development and destruction of the ideology of the individual, society are touched upon. The social ideal of the individual has the basis and the ability to influence the creation of an ideology that responds to the challenges of the time*

for both the individual and society. The modern crisis of consciousness and awareness of the complexities of an eclectic world forces people and societies of the most dissimilar levels of development to look for those new opportunities at the most diverse levels of life of modern civilization that will allow finding ways out of dead-end life situations, will give new impulses for the development of personality and humanity. The contradictions of social life are felt more and more sharply and painfully on the scale of civilization, which to a certain extent gives hope for a more persistent search for new opportunities for life, development, and prospects for the existence of mankind.

Keywords: *personality, social ideal, society, worldview, ideology, challenges of the time, new ideas, fantasy, information society.*

Воображение является одной из первостепенных способностей нашего сознания и существования. Благодаря воображению человек и человечество постоянно воплощает свои желания в социальные идеи с предположением, что они будут воплощены в жизнь. К сожалению, реализация социальных идей является не столь простым процессом, по сравнению с продуцированием умственным.

Идеальное преобразование общественных форм должно по предположениям человека дать торжество справедливости, права, добра, планомерного и естественного регулирования жизни. Но, как мы видим по истории существования нашей цивилизации, в жизни хорошо и подробно описанные социальные идеалы реализуются или слабо, или не поддаются реализации совсем. Конечно, необходимо учитывать, что в социуме, цивилизации существуют разные представления о названных категориях (справедливость, право, добро). Поэтому человек создаёт, точнее, – пытается создать такую идеологию, которая могла бы представить воображаемый социальный идеал как своеобразный схематический образ социального порядка.

Известные в российской культуре идеологии создавались или появлялись извне не случайно, а в соответствии с теми вызовами, с которыми сталкивалось общество. Идеология возникает как своеобразный источник общественно-политических смыслов, идеалов и позиций, именно в тот момент, когда возникает потребность в новом мышлении, поскольку уже существующие идеи не могут дать импульс для развития или даже указать направление нестандартных этапов потенциального существования человека и общества.

Догматическая идеология заводит общество в тупик не только социального, но и экономического, политического, философского, культурного развития. История развития идеологий человечества разнообразна. Мы обращаем внимание только на тот факт, что, пожалуй, самой древней идеологией является анархизм и это объяснимо, поскольку самые древние государства, такие как Греция, Египет, древний Китай не были столь огромными как современные государства и могли претендовать на управленческие возможности и перспективы самоуправления. Прочие

самые популярные идеологии, такие как: либерализм, консерватизм, марксизм, национализм, социализм, коммунизм, феминизм, экологизм появились значительно позже, – на рубеже XVIII-XIX веков, что тоже очевидно: используются совершенно другие средства производства, нежели в древности, увеличивается количество народонаселения, приходит осознание многочисленных сложностей социальной жизни, которые требуют разрешения проблем общества, осознания происходящего и хотя бы примерных вариантов дальнейших возможных перспектив и проблем человека и социума в новых условиях жизни.

В современной конституции Российской Федерации идеологии уделяется особое внимание: в статье 13 всего пять пунктов, в которых утверждается следующее:

1. В Российской Федерации признаётся идеологическое многообразие.
2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной.
3. В Российской Федерации признаются политическое многообразие, многопартийность.
4. Общественные объединения равны перед законом.
5. Запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооружённых формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни.

Нам понятно такое чётко выверенное отношение к использованию идеологических направлений в жизни Российского государства: это связано с историей России, СССР, когда идеологии было предоставлено особое место с безграничными возможностями в самых разных сферах жизни государства. Мы поняли, что в экстремальных жизненных обстоятельствах социума идеология может быть спасением для последнего, но в обыденной жизни идеология превращается во всё уничтожающую догму. Идеология становится барьером для развития экономического, политического, национального, языкового, государственного, организационного, ведомственного и даже бытового направлений в жизни общества. Появляются серьёзные препятствия в образовании, медицине, экономике и разных сферах производства. Становятся формальными, надуманными человеческие отношения, сжимается в своих возможностях наука и в целом культура.

Исследование возникновения и существования известных идеологий мира позволяет утверждать, что ни одна из множества известных нам не в состоянии дать человеку окончательный вариант ответа на вопросы сегодняшнего дня, не в силах повлиять категорически на мировоззренческие поиски человека XXI столетия.

Не будем отрицать, что каждая из созданных идеологий в нашей цивилизации может быть признана достойной изучения и каждая в своё время пыталась понять, осознать и в определённой степени упорядочить мир

и место человека в нём, использовалась какое-то время активно поскольку воспринималась новым словом в создании общественного идеала, стала в своё время ответом на поставленные вопросы.

Каждая идеология становится вкладом в общую мировоззренческую мудрость человечества, но только полная комбинация существующих идеологий в совокупности даёт возможность человеку разрешать постепенно появляющиеся проблемы в жизни общества. Только множество идеологий даёт устойчивость обществу в развитии, порой очень медленном, но всё-таки развитии. Идеологии могут умирать и умирают, как отработавшие свои предложения и уже не соответствующие даже на долю процента времени. Если создатель идеологического направления уверен, что его творение на все времена может и должно упорядочить жизнь человека, – именно это заканчивается крахом и вырождением любой идеологии. Поскольку это даже теоретически невозможно.

Мы обращали внимание на факт создания всех идеологий на фоне поиска общественного идеала, учитывая невозможность полной реализации поставленной цели. Появляется научное направление, изучающее феномен существования ценностей в жизни человека. Термин «аксиология» восходит к творчеству Эдуарда фон Хартмана, который впервые использовал эту категорию в 1887 году в своей работе «Философии прекрасного», где рассматривались вопросы и проблемы этического и эстетического порядка. В 1902 году французом П. Лапи была использована данная категория и вскоре она вытеснила безвозвратно термин «тимология», который был образован от греческого «цена», но использовался также при оценке ценностных этических начал. Таким образом, можно утверждать, что аксиология фактически связана, с одной стороны, с поисками прекрасного, совершенного, идеального, с другой стороны, осязаем её контакт с материальным, конкретным, осязаемым, что возможно оценить и даже продать.

Эта «двуликость» ценностного, к которому мы относим идеал, не противоречит человеческой сущности. Человек тоже материален, у него есть тело, которое он должен кормить, поить, следить за его чистотой и развивать физически. Тем не менее, мы говорим о существовании его идеального начала, - души (допускаем, что именно наличие души заставляет человека и человечество искать лучшее, совершенное, идеальное в обыденной жизни).

Существует мнение, что количество душ в космосе постоянно, а вот количество тел появляется на планете Земля в геометрической прогрессии, по этой причине существуют индивидуумы, которые в состоянии, понять, осознать, принять только материальное, - таково их устройство, даже элементов духовного в их сущности не присутствует. Понятно, что научно доказать сей факт невозможно, но, если это принять к сведению, то можно многое объяснить в нашей не только обыденной жизни.

В самом начале информационных достижений современного общества, - начиная с восьмидесятых годов XX века, футурологи предрекали невероятные, фактически бесконечные возможности в развитии общества и

человека. Мысли об обществе мечты в будущем приходили в голову не только идеалистам, но и экономистам, которые просчитывали математически такие возможные перспективы социума, наступающие после периода информационного общества. Информационные технологии рассматривались как движущая сила истории, предрекалось создание нового класса, - класса нетократов, который представлялся как класс суперуправленцев, дающих супервозможности в развитии социального, человеческого, личностного.

Новая эра в развитии биологии и этики нетократов, глобализация и конвульсии коллективизма, появление виртуального субъекта, взрыв развития индустрии развлечений мы наблюдаем в современном мире, но рядом четко обозначаются те явления, которые не были предопределены философами. Более того, сложные процессы и явления, существующие в сегодняшнем дне, предполагаемые как фактор для развития человека и социума стали мощным фактором обратного направления, – страха, деградации человечества, войн. Информационные возможности без норм и моральных правил распространяют молниеносно ложные факты, что приводит к тупиковым ситуациям, вражде, кризисам самого разного порядка: от этического, до экономического (политического образовательного, экологического, педагогического, витального и прочее).

Удивительно, но человек и человечество до сих пор в большинстве своём убеждены, что надо изучать мир для того, чтобы его изменить. Но вся история нашей цивилизации фактически кричит о том, что меняться и работать над собой необходимо каждому человеку в отдельности и обществу в целом. К сожалению, многие на планете не понимают природу добра и зла, поэтому не способны отказаться от субъективных взглядов и личной выгоды. Но, разбираясь, в данных сложных вопросах бытия, можно показать, какие последствия влечёт за собой выбор одного или другого. Часто именно поэтому приходят к краху идеологии, где запутываются между собой понятия добра и зла до такой степени, что становятся неразличимыми.

Конечно, у человека, как правило, нет прочных моральных знаний, поэтому отсутствуют и ограничения, поведение подчиняется эгоистическим интересам, страстным желаниям и сиюминутным выгодам. Он часто ошибается в поисках своего счастья. Так происходит потому, что многие толком не понимают, что на самом деле хорошо, а что на самом деле плохо, что справедливо, а что нет, что добро настоящее, а что только добром кажется, а на самом деле является злом, какой идеал жизненный можно считать подлинным, а какой только выглядит таковым, а на самом деле ложный. Сделать это можно, но для этого нужно это захотеть сделать и не бояться выглядеть глупым, наивным, смешным, недалёким. Нужно постараться стать самим собой, тогда появляется шанс стать сильным, способным понять сложные процессы, происходящие очень далеко и совсем рядом.

Человек постоянно сталкивается и будет сталкиваться с ситуациями, когда необходимо сделать выбор с точки зрения морали, хотя грани между добром и злом постоянно стираются, информационные технологии могут умело превратить отрицательную информацию в положительную, то есть изменить ее кардинальным образом, – до неузнаваемости.

К сожалению, на сегодняшний день традиционная мораль имеет исключительно репрессивный характер и представляет собой достаточно сложную модель, с помощью которой человек выбирает, только выбирает то, что требуется исключить из сознания и подсознания то, что он определяет, как зло.

Д. Соммер вводит понятие «физики морали», что на наш взгляд существенно отличается от морали традиционной. Физика морали фактически требует от человека, заставляет его, убеждая, понимать и проверять на собственном опыте механизмы работы энергетических, психологических, психических и физических процессов на взаимоотношениях человека и природы.

Физика морали, в отличие от морали традиционной, требует рационального, осмысленного и сознательного принятия норм и правил. Она позволяет человеку не подавлять свои инстинкты, а понимать их, осознавать и работать с ними сознательно. Это работа длительная, постоянная, но дающая эффективные результаты.

По нашему убеждению, не последнюю роль в этой сложной личной работе индивида играет наличие идеала в жизни личности. Есть личный идеал, значит, рано или поздно есть возможность, основание для появления идеала социального. Осознание и присутствие идеала, как личного, так и социального, даёт возможное направление развития и личности, и социума.

Список литературы

1. Брюханцева. Н. В. Возможности фантазии и перспективы идеала. Томск: Изд-во Том.ун-та, 2006. – 134 с.
2. Бард А. Зодерквист Я. Нетократия. Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. – 252 с.
3. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. - М.: Издательство «Наука», 1977. – 703 с.
4. Йенсен Р. Общество мечты. Как грядущий сдвиг от информации к воображению преобразит бизнес. – Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. – 267 с.
5. Макаренко В. П. Главные идеологии современности. - Ростов н/Д: изд-во «Феникс», 2000. - 459 с.
6. Новгородцев П. И. Об общественном идеале. - Книгоиздательство «Слова», 1921. – 300 с.
7. Платонов С. П. После коммунизма. - М.: «Молодая гвардия», 1989. – 255 с.
8. Соммэр Д. С. Мораль XXI века. – М.: ИД «Кодекс», 2014. – 478 с.

9. Философский энциклопедический словарь. - М.: «Советская энциклопедия», 1983. – 840 с.

**ПОЛИТИКА ГОРОДСКОГО РАЗВИТИЯ И ЭТНИЗАЦИЯ
ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОВСЕДНЕВНЫХ
ПРАКТИК, ВЛАСТНОЙ РИТОРИКИ И МЕДИЙНЫХ ОБРАЗОВ
(НА ПРИМЕРЕ Г. ИРКУТСКА)**

Брызгина Д.Е.

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
ассистент кафедры антропологии и этнологии, заместитель
директора Центра международного научного сотрудничества, Иркутский
государственный университет,
младший научный сотрудник
E-mail: br.diana21@gmail.com*

***Аннотация.** В докладе анализируются механизмы трансформации «этнического» рынка как пространства присутствия «чужака» в органичную часть городского пространства города. На примере г. Иркутска демонстрируется, каким образом происходит этнизация городского пространства, и какое влияние этот процесс оказывает на восприятие рынка горожанами и городской администрацией. Изучение рынка «Шанхай» позволяет заключить, что «этничность» может играть роль не только обозначения «чужака» в городе, но и привычных практик и взаимодействий, обеспечивая устойчивость феномена «этнических» рынков в жизни города.*

***Ключевые слова:** «этнические» рынки, мигранты, городское пространство, этнизация.*

**THE POLICY OF URBAN DEVELOPMENT AND THE
ETHNICITIZATION OF URBAN SPACE: CONNECTIONS BETWEEN
EVERYDAY PRACTICES, AUTHORITIES' RHETORIC AND MASS-
MEDIA IMAGES (THE CASE OF IRKUTSK)**

Bryazgina D.E.

*assistant of Department of Anthropology and Ethnology, associate director of
the Center of International Academic Cooperation of National Research Tomsk
State University; junior researcher of Irkutsk State University
E-mail: br.diana21@gmail.com*

***Abstract.** This study analyzes the mechanisms of transformation of an "ethnic" market as the space of presence of the "stranger" to the natural part of the urban space. The case of Irkutsk demonstrates how ethnization of the urban space occurs and how it influences on the representations of the market by citizens*

and city administration. The observation of the "Shanghai" market allows to conclude that the "ethnicity" marks not only existence of "stranger" in the city but also the usual practices and interactions. This in turn ensures the sustainability of the phenomenon of the "ethnic" markets in the urban life.

Keywords: *"ethnic" markets, migrants, urban space, ethnization.*

Введение. Появление этнически маркированных рынков в постсоветских городах Сибири и Дальнего Востока на рубеже становления новой государственной и экономических систем стало очевидным результатом совпадения ряда тенденций. Экономический кризис и стагнация обусловили дефицит товаров и отсутствие возможностей у большинства включения в рыночную систему. Открывшиеся границы и отсутствие регулирующих механизмов привели к массовому притоку мигрантов, которые в кратчайшие сроки захватили пустующую нишу в сфере торговли. В результате символом 90-х годов прошлого века стали не только криминализация и кризис, но и открытые оптово-розничные рынки с фенотипически отличающимся «лицом».

Появление большого количества иностранцев в сибирских городах сформировало сложную социально-дифференцированную систему и потенциально конфликтогенную среду, так как мигранты прибывали, преимущественно, из стран дальнего зарубежья. Столкновение с «чужой» культурой интегрировалось в повседневную жизнь и с течением нескольких десятков лет стало частью пространственных особенностей для ряда городов. Вопрос о том, какую роль сыграли этнически маркированные рынки в производстве городских пространств [1], каким образом происходило сближение с «чужим» и почему, несмотря на изменение потребностей потребителей и форматов торговли, рынки остаются значимой городской инфраструктурой по-прежнему актуальной для местных сообществ.

Предложенные вопросы будут рассмотрены на примере города Иркутска, для которого «этнические» рынки являются важной частью пространственного развития и повседневных практик горожан. Исследование основано на полевых материалах, собранных в 2015-2020 гг., включающих в себя серии наблюдений и полуструктурированных интервью с работниками и посетителями «этнических» рынков города.

В данном исследовании под «этническим» или этнически маркированным рынком понимается территория концентрации торговых павильонов, этнически маркируемых городским сообществом в результате взаимодействий с его работниками (зачастую – мигрантами).

«Этнические» рынки Иркутска: становление и развитие

Возникновение «этнических» рынков в г. Иркутске – длительный непрекращающийся на протяжении нескольких лет процесс. Толчком к их формированию послужили массовые потоки мигрантов из Китая, которые

активизируются в начале 1990-х гг. По данным переписей населения 1989 и 2002 г. численность китайцев на территории Иркутской области за 10 лет возросла в 3 раза (с 472 до 1409 чел.). При этом из числа граждан Китая, находившихся на территории региона на момент проведения переписи 2002 года, 92 % являлись лицами трудоспособного возраста. Бóльшая их часть концентрировалась в Иркутске и торговала на улицах, формируя «видимое меньшинство» [2], присутствие которого спровоцировало постепенный рост недовольства и алармистских настроений, связанных с «оккупацией» и «захватом» города «чужаками».

В то же время, новизна и экзотичность «китайского» рынка, отсутствие альтернативных источников товаров и доступные цены привлекали покупателей, а удачное местоположение на пересечении городских маршрутов обеспечили доступ к рынку из других районов. В народе рынок именовали «Шанхай» или «Шанхайка» по названию самого крупного торгового хаба в Китае. Это наименование закрепилось за территорией рынка на долгие годы и со временем обросло разнообразными смыслами и стереотипами, связанными с азиатскостью, пестротью, дешевизной и низким качеством товаров и т.д.

Расширение рынка сопровождалось этнизацией пространства, которое он занимает. «Китайскость» рынка из стереотипного восприятия быстро превратилась в повседневность, а затем и в бренд. Широкое потребление китайских товаров, изначально ассоциировавшееся с низким уровнем дохода и покупательской способностью, со временем, заместился соображениями удобства (на рынке можно быстро найти все, что угодно за приемлемую цену). Китайских мигрантов постепенно начали теснить мигранты из Центральной Азии и Закавказья (появление киргизских торговых рядов), а пиджин как язык рынка звучал все реже, уступая русскому языку с явным центральноазиатским или кавказским акцентом. Однако рынок по-прежнему оставался «Шанхайкой», трансформировавшись в «Шанхай Сити молл» - современный торговый центр, внутри которого воспроизводятся практики, характерные для открытого «китайского» рынка.

Стихийность торговли и растущие обороты не могло остаться без внимания городской администрации. Если на начальных этапах местные управленцы стремились не искоренить, а урегулировать уличную торговлю, то к началу 2010-х гг. стали очевидны проблемы, связанные с полуполицельностью торговли и статуса трудовых мигрантов, транспортными пробками в зоне рынка, частыми кражами и махинациями. Противоречивость положения и значения рынка легла в основу устремлений власти к его закрытию. Анализ пресс-релизов и высказываний представителей местной администрации демонстрирует, что в отношении «этнических» рынков используется преимущественно негативная риторика, в которой рынки определяются как управленческая проблема. Ключевыми инструментами в этом направлении служат регулярные высказывания о нелегальности и криминализации, связанной с деятельностью рынков, закрытости и обособленности мигрантских сообществ, внешняя

непривлекательность и др. Через повторение одних и тех же характеристик в описании рынков, противопоставлении их образа целям и действиям власти по урегулированию городских проблем, ожиданиям жителей и т. д., производятся и воспроизводятся негативные коннотации, определяющие исходные посылы и образы, лежащие в основе деятельности по планированию и преобразованию городского пространства. Все попытки по искоренению рыночной торговли из центра города происходили под эгидой «освобождения от захвата» исторического центра города. Борьба администрации за облик и комфортную городскую среду зиждилась на сформированных стереотипах и страхе горожан перед «желтой угрозой» [3].

Однако все попытки, совершенные в этом направлении, приводили к новым трансформациям форм функционирования «Шанхая», продлевающим ему жизнь. Ликвидация торгового «кластера» в центре города не стала концом рынка: на месте прежней «Шанхайки» был построен «Шанхай-Сити молл» – торговый центр, внешне отвечающий современным стандартам. Кроме того, часть торговли была перенесена из городского центра на периферию. В результате на новом месте вырос второй по масштабам в городе «этнический» рынок – «Китай город». Благодаря новой торговой площади ранее пустынная зона стала местом притяжения масштабных потоков товаров, горожан, мигрантов (выходивших за рамки города; появились новые маршруты, в том числе общественные. А «китайскость» рынков стала торговой маркой, поддерживающей существующие практики.

Выводы. Таким образом, современные «этнические» рынки представляют собой модернизированные пространства, которые адаптируются к новым социально-экономическим реалиям, но в то же время сохраняют укоренившиеся в городскую повседневность практики, взаимодействия и образы. Несмотря на описанные трансформации, «Шанхайка», как крупнейший субъект социально-экономической жизни города, не исчезла из городской повседневности окончательно: она продолжает существование в рамках закрепившегося за пространством городского центра образа «этнического» рынка, сохраняющегося в названии торгового центра, в элементах дизайна нового здания, вывески и т.д. Рынок по-прежнему остается местом концентрации мигрантов: полиэтничная среда, изначально характеризующая рынок как пространство культурного и этнического разнообразия, ассоциировалась у горожан с «китайскостью» на основе представлений о доминировании китайских мигрантов на рынке, несмотря на присутствие мигрантов из других государств (Кореи, Вьетнама и проч.).

Этнизация пространства рынка стала одним из поводов для начала компании по борьбе с рынками. «Шанхайка», с одной стороны, как место присутствия «чужака», который захватил город, с другой стороны, как жизненно важный элемент городской инфраструктуры, со временем, воспринимается как оккупированное пространство, которое посягает на «право на город» [4]. В борьбе за это право местная администрация, основываясь на стереотипах горожан, реализует меры по ликвидации, рынка,

которые становятся новым этапом в преобразовании как рынков, так и пространства города в целом.

Список литературы

1. Лефевр А. Производство пространства / пер. И. Стаф; ред. М. Великанова, А. Журбина. – М.: Strelka Press, 2015. – 432 с.
2. Visible minority // The Canadian Encyclopedia / ed. by V. Clayton. URL: <https://www.thecanadianencyclopedia.ca/en/article/minorite-visible> (дата обращения 24.02.2022).
3. Бляхер Л.Е., Григоричев К.В. Вглядываясь в зеркала: смысловые трансформации образа Китая в российском социуме // Политика. – 2015. – № 1 (76).
4. Борисова О.А. Публичное пространство города как реализация горожан «права на город» // Вестник Удмуртского университета. – 2018. – Т. 2. Вып. 4. – С. 459-465.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЯЗЫКА В ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Милена М. Видосавлевич

доктор филологических наук,

Институт сербской культуры Приштина-Лепосавич,

научный сотрудник

E-mail: mika_vido_88@yahoo.com

***Аннотация.** Неоспоримым фактом является то, что язык и политика имеют особую и неразрывную связь. В этом отношении язык в политике служит для выражения идеологии, для убеждения потенциальных избирателей, для доминирования в СМИ, для манипулирования. В связи с этим для выполнения определенных политических целей политики особое внимание уделяют использованию языковых средств и навыков речи. Довольно часто их политический дискурс изобилует накоплением различных терминов для обозначения одного и того же понятия, за которыми следуют неологизмы, словосочетания, относящиеся к формальному обращению, технические термины, сокращения. Отсюда в лингвистической сфере большое внимание уделяется изучению языка в политике и характеристикам политического дискурса. По этой причине авторы часто исследуют темы, связанные с ролью двусмысленности, риторическими стратегиями в политических выступлениях с целью получения аплодисментов аудитории. Используются личные местоимения в политических дискурсах, а также метафоры, целью которых является упрощение политического содержания, а также введение общественности в заблуждение и представление искаженной картины реальности.*

***Ключевые слова:** язык, политика, политический дискурс, двусмысленность, риторика, личные местоимения, метафоры.*

Abstract. *It is a fact that language and politics have a special and inseparable relationship. In this respect, language in politics serves to express ideology, to convince potential voters, to dominate the media, to manipulate. In this regard, in order to fulfill certain political goals, politicians pay special attention to the use of linguistic means and speaking skills. Quite often, their political discourse abounds in accumulated different terms to denote the same concept, followed by the use of neologisms, phrases related to formal address, technical terms and abbreviations. Hence, in the linguistic field, great attention is paid to the study of language in politics and the characteristics of political discourse. For this reason, authors often research topics related to the role of ambiguity, rhetorical strategies in political speeches with the aim of provoking applause from the audience, then the use of personal pronouns in political discourses as well as the role of metaphors in the said discourse, the aim of which is to simplify political content but also to mislead the public and present a distorted picture of reality.*

Key words: *language, politics, political discourse, ambiguity, rhetoric, personal pronouns, metaphors.*

Введение

Язык играет важную роль в политическом контексте, поскольку он служит для поддержания идеологии, мотивации избирателей и сторонников, а также в некоторой степени для манипулирования людьми. Имея в виду связь языка и политики, как отмечает Фэйркло [12, с. 10] с 90-х годов наметилась тенденция связывания политических, социологических и лингвистических достижений в своеобразный анализ политического дискурса. Следовательно, потребность в более глубоких языковых исследованиях на службе политики все больше возрастает. Точнее, внимание исследователей сосредоточено на анализе выбора лингвистических средств и способов их употребления.

В связи с этим цель статьи состоит в том, чтобы указать на тесную связь между языком и политикой, затем на некоторые характеристики политического дискурса с точки зрения грамматического, прагматического и риторического подходов, а также дать краткий обзор предыдущих исследований, посвященных теме двусмысленности, риторических стратегий, использования личных местоимений и метафор с целью достижения определенных политических целей посредством языка.

Связь между языком и политикой

Чтобы указать на связь между языком и политикой, Эдельман [1, с. 10], в первую очередь, рассматривает утверждения лингвистов двадцатого века, которые согласны с тем, что язык является основным создателем социальных миров, переживаемых людьми, и что язык не может использоваться для описания объективной реальности таким же образом. В этом смысле для некоторых авторов существуют только языковые игры. С другой стороны, ряд авторов занимается исследованием порождающего смысла грамматики, наблюдая за языком как перформативным актом,

ставящим под сомнение собственные предположения, в то время как, по мнению третьей группы авторов, язык конструирует субъективность.

С другой стороны, Эдельман [1, с. 10] указывает, что интеллектуальное направление, известное как «лингвистический поворот» в философии, социальной психологии и теории литературы, в течение двадцатого века, вызывает фундаментальные опасения по поводу значительной части господствующей политической науки, особенно ее логических позитивистских предпосылок. Таким образом, авторы, сосредотачивающиеся на языке политики, в первую очередь озабочены его способностью отражать идеологию, мистифицировать и исказить, в отличие от других авторов, которые по-разному рассматривают использование языка как компонента креативности. Хотя идея неискаженного языка может быть полезна как напоминание об идеальной мере, одна группа авторов отрицает, что неискаженный язык возможен в социальном мире, учитывая неравенство в ресурсах и статусе.

В этом смысле возникает вопрос — а какова, собственно, связь между политикой и языком? В связи с этим Чилтон и Шаффнер [2, с. 210] считают, что «несомненно, политика не может осуществляться без языка, и, вероятно, использование языка в конституции социальных групп ведет к тому, что мы называем „политикой“ в широком смысле».

Пелинка [3, с. 129] утверждает, что язык следует рассматривать и анализировать как политическое явление и, что политику следует разрабатывать и изучать как дискурсивный феномен. Упомянутое утверждение касается фундаментальной связи между языком и политикой, и его можно проследить с дебатов о риторике, которые велись классическими греками и римлянами, видевшими в риторике ключ к гражданству во время подъема городов-государств в Древней Греции, но и как мощное политическое оружие для формирования политических убеждений и действий.

Кроме того, Биззелл и Херцберг подтверждают, что политическое ораторское искусство играет решающую роль в государственных делах [4, с. 10] и указывают, что цивилизованная общественная жизнь стала возможной благодаря языку, т. е. искусству риторики. Кроме того, язык играет значительную и мощную идеологическую роль, поскольку является инструментом, с помощью которого достигаются манипуляционные намерения политиков. В связи с этим цель политического языка состоит в том, чтобы убедить потенциальный электорат в современных обществах доминировать в средствах массовой информации, что приводит к созданию новых форм языковой манипуляции, таких как измененные формы пресс-конференций и заявлений для прессы, обновленные тексты в лозунгах, применение словосочетаний, фразовых аллюзий, коннотативных значений слов, а также сочетаний языковых и визуальных образов.

Во-первых, когда мы говорим об особенностях языка в политике, Вукович [5, с. 217-221] в своем исследовании представляет некоторые из наиболее важных характеристик политического дискурса. Поэтому упомянутый автор констатирует, что в политическом дискурсе представлено использование общепотребительной лексики, такой как чрезмерная лексикализация в виде нагромождения разных терминов для обозначения одного и того же понятия, затем использование неологизмов, включающих интернациональные примеры слов, использование словосочетаний, относящихся к официальному обращению, технических терминов и аббревиатур, которые неизвестны большинству общественности, а также пустые слова и расплывчатый язык, проявляющийся неопределенными местоимениями.

Что касается грамматики политического дискурса, присутствует синтаксическая сложность в виде сложности построения предложений, затем более широкое использование пассивного состояния глагола по отношению к активному, употребление сослагательного наклонения, и номинализация, которая относится к явлению употребления именных словосочетаний гораздо больше, чем глагольных словосочетаний [5, с. 221-225].

С прагматической точки зрения язык политики изобилует вежливостью, речевыми актами предупреждения и обещания, имплицативными выводами из эксплицитно данной информации в дискурсе, пресуппозициями, представляющими собой стратегический инструмент упаковки информации и поэтому обладает большим манипулятивным потенциалом, а также большим использованием местоимений [5, с. 225-230].

В итоге, риторика политического дискурса характеризуется метафорами, как стилистическими и риторическими фигурами, служащими для более простого представления абстрактных и сложных понятий, затем метонимия, которая служит политикам для выделения или скрытия определенных компонентов содержания. Кроме того, в риторике политического языка присутствует параллелизм как прием, предполагающий соединение нескольких высказываний схожей структуры, затем эвфемизмы, целью которых является скрытие какой-либо составляющей смысла, а также гиперболы, служащие для дополнительного выделения определенного политического содержания [5, с. 230-236].

Таким образом, анализ политического дискурса, безусловно, представляет собой широкую область, в которой используется лингвистическая и дискурсивная методология, то есть грамматический подход, а также те подходы, которые охватывают контекстуальный анализ. Эти виды исследований получают все большее распространение, учитывая, насколько политика, как сфера общественной жизни, затрагивает многие области, в том числе и язык. Поэтому для исследования этих тем необходимо хорошее знание методологий, а также умение связать политику

с языком, чтобы анализировать и распознавать скрытые манипуляции [5, с. 237].

Исследования, связанные с политическим дискурсом

Что касается исследований, связанных с указанной темой, Вэнь Линь [6, с. 472] констатирует, что изучению связи между языком и политическим поведением в лингвистической области уделяется большое внимание. В этом смысле в своем исследовании он представляет краткий теоретический обзор важнейших исследований политического дискурса и фокусируется на функции двусмысленности, риторической стратегии по вызову аплодисментов аудитории, использовании личных местоимений и метафор в политическом дискурсе.

В связи с этим Вэнь Линь [6, с. 472] утверждает, что некоторые авторы определяют двусмысленность как преднамеренную и стратегическую двусмысленность, затем как преднамеренное использование неясного языка, и подчеркивают, что в человеческом, даже в политическом общении двусмысленность включает в себя такие речевые акты, как: внутреннее противоречие, непоследовательность, подстановка субъекта, пропущенные слова, непонятый язык и другие подобные ошибки.

Бавелас, Блэк, Човил и Маллетт [7, с. 45] в своих исследованиях выдвинули важную теорию двусмысленности. А именно, их теория рассматривает двусмысленность с точки зрения отправителя, содержания, получателя и контекста. Они предполагают, что «все сообщения, которые (интуитивно или иначе) можно было бы назвать двусмысленными, являются неоднозначными по крайней мере в одном из этих четырех элементов». Другими словами, человеческое общение, так же, как и политическое общение, трудно понять, если какой-либо из четырех компонентов, то есть отправитель, содержание, получатель и контекст, неясен. Тем временем, чтобы определить двусмысленность более точно, они сформулировали четыре измерения с точки зрения следующих вопросов: Отправитель: Содержит ли сообщение честное мнение говорящего?; Содержание: насколько ясно сообщение?; Получатель: Сколько сообщений адресовано другому человеку?; Контекст: Насколько можно дать прямой ответ на вопрос?

Помимо темы двусмысленности, Вэнь Линь [6, с. 473-474] исследует и описывает риторические приемы, используемые политиками для того, чтобы вызвать аплодисменты в своих политических выступлениях. Итак, политикам, выступающим на митингах в предвыборных кампаниях, реакции аудитории, такие как аплодисменты и свисты, являются хорошим показателем их популярности. Поэтому политики часто признают важность использования риторических приемов в языке для получения аплодисментов и согласия аудитории. В связи с этим аплодисменты можно рассматривать как явный признак поддержки говорящему и партии, которую он или она представляет, или знак групповой идентичности. В результате

аплодисменты, по-видимому, играют значительную роль в формировании общественного имиджа и карьеры политика.

В дальнейшем, личными местоимениями в политических дискурсах занимался Пуко [8, с. 246], который пришел к выводу, что местоимения не несут своего концепта значения, а получают свое значение от существительных, вместо которых они употребляются. Использование местоимений в языке облегчает политикам, так сказать, легче прятаться за ними, и они часто используют личное местоимение во множественном числе — мы, чтобы выразить центральную политическую силу влияния. Учитывая двусмысленность личных местоимений, которые действуют при создании идентичности и социальных ролей, неудивительно, что политики склонны использовать личные местоимения, чтобы давать двусмысленные ответы на неудобные вопросы в политических интервью, чтобы что-то отрицать или дистанцироваться от ответственности за политические действия, но и для создания и укрепления солидарности, а также для того, чтобы сигнализировать и идентифицировать политических сторонников и противников.

Наконец, метафоры в политической коммуникации играют значительную роль в формировании политических убеждений. Так, например, Лакофф и Джонсон [9, с. 4] делают вывод, что метафоры помогают упростить сложные сообщения для общественности, но они также могут использоваться для искажения реальности и введения людей в заблуждение.

Аналогичным образом Уилсон [10, с. 203] в результате исследований пришел к выводу, что метафора как тип языковой формы может выполнять три основные функции. Приводя сложные политические аргументы к метафорической форме, первая функция метафор заключается в том, что они могут помочь упростить, потому что они позволяют нам думать, действовать и говорить об одном виде опыта. Вторая функция метафор связана с использованием и выделением определенных целей и вызыванием эмоций. Наконец, третья функция метафор, на которую ссылается Уилсон, заключается в том, что политических оппонентов можно высмеивать, используя сочетание абсурдных образов и слов, но также и в том, что политики используют метафоры, чтобы представить себя в положительном свете, пристыдить своих оппонентов, оправдать свои действия и поднять определенные политические вопросы.

Похожим образом Войнович Костиц [11, с. 534-535] описывает язык политики. Кроме того, в своем исследовании она перечисляет такие языковые средства, как пресуппозиции, метафоры, имплицатуры, повторения, эвфемизмы, местоимения, «правило трех». Как и в предыдущих исследованиях, указанные языковые средства определяются аналогично, при этом автор добавляет эвфемизмы, которые служат вспомогательным средством для умаления успеха политических противников и в сочетании с иронией вызывают обратный эффект. Кроме того, «правило трех» означает соединение трех терминов в одном сегменте речи, таких, например, как

здоровье, культура и молодежь. Наконец, повторы отдельных лексем, словосочетаний и даже целых предложений — очень частое явление в политической речи.

Заключение

По использованию многочисленных языковых средств можно сделать вывод, что язык играет очень важную роль в политике, потому что языковые средства, такие как неологизмы, метафоры, эвфемизмы, местоимения и другие упомянутые выше средства, помогают политикам поддерживать идеологию, привлекать больше избирателей и достигать политических целей. В связи с этим в лингвистической области исследователи стали более серьезно заниматься связью языка и политики в начале 90-х годов, используя адекватные методы, что, безусловно, продолжается и сегодня.

Для исследования языка политики, то есть политического дискурса, большое значение имеют аналитические методы, отделяющие политическое содержание от лингвистического контекста, при этом важно найти баланс между лингвистическим анализом и политическим анализом дискурса. Согласно Войнович Костиц [11, с. 535], к анализу политического дискурса следует подходить таким образом, чтобы лингвистический подход не тонул в социологическом или политическом, и чтобы при этом учитывались реальность и социально-политическая среда.

Лингвистическую область не должны интересовать политическое содержание, анализ политических взглядов и идей, выраженных в речи, а также социальные последствия и воздействия на общество, а исключительно выбор языковых средств, их использование и то, как они помогают говорящим, то есть политикам, в достижении как личных, так и коллективных целей. Более точно, анализ политического дискурса должен исследовать, каким образом создается сообщение, выражаются и защищаются политические мнения, как языковые структуры используются для изменения установок целевой группы, и как язык часто достигает политически манипулятивного эффекта [11, с. 535].

Список литературы

1. Edelman M. J. Political Language and Political Reality // PS: Political Science & Politics. 1985. No. 18. P. 10-19.
2. Chilton P., Schäffner C. Discourse and politics. Discourse as social interaction, Ed. by Teun van Dijk. London: Sage, 1997. 210 p.
3. Pelinka A. Language as a political category: the view point of political science // Journal of Language & Politics. 2007. No 6(1). P. 129–143.
4. Bizzell P., Herzberg B. The rhetorical tradition: readings from classical times to the present. Boston: Bedford. 1990.
5. Вуковић М. Анализа политичког дискурса. Анализа дискурса: теорије и методе, ур. Славица Перовић. Подгорица: Институт за стране језике, 2014. С. 217-237.

6. Wen Lin C. The Study of Political Language: A Brief Overview of Recent Research // CHIA-NAN ANNUAL BULLETIN. 2011. Vol 37. P. 471-485.
7. Bavelas J.B., Black A., Chovil N., Mullett, J. Equivocal Communication. Newbury Park: Sage. 1990.
8. Пyyккö R. 'Who is 'us' in Russian political discourse'. Us and others. Ed. by A. Duszak. Amsterdam: Benjamins, 2002. 233-248 p.
9. Lakoff, G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980, 256 p.
10. Wilson J. Politically Speaking. Oxford: Basil Blackwell. 1990. 203 p.
11. Војиновић Костић Ј. Језик и манипулација // Наука и савремени универзитет. 2014. С. 525-537.
12. Fairclough N. Critical Language Awareness. London: Longman. 1992.

ТЕХНОЛОГИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА В УПРАВЛЯЕМЫХ КОНФЛИКТАХ (НА ПРИМЕРЕ КРЯШЕН ТАТАРСТАНА)

Вилкова Д. В.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций,
кафедра религиоведения, студент
E-mail: dianavilkova14@mail.ru*

***Аннотация.** Данная статья посвящена теме конфликтных ситуаций кряшен в религиозном аспекте под влиянием различных социальных процессов. Кряшены в Татарстане давно высказывались о своих проблемах непризнанности их как самостоятельного этноса, о нехватке кряшенских церквей для ведения богослужений на родном языке во всех кряшенских поселениях. В связи с этим, их этничность начала свое активное развитие в первую очередь на просторах интернета, для них это было наиболее простым способом воссоединения всех кряшен, сохранения идентичности и отстаивания своих прав. По началу эта система общения работала хорошо, благодаря интернет-сообществам кряшены начали более активную социальную деятельность, в определенной степени развили свою миссионерскую деятельность. Однако приведенные в статье данные демонстрируют нам различные проблемы нереализованности кряшенских целей, конфликтные ситуации по вопросам религии, причем как внутренние, так и внешние, в связи с различными социальными процессами. Таким образом, нами были выявлена история развития виртуальной и реальной жизни кряшен, особенности переживаниями ими конфликтов и кризисов.*

***Ключевые слова:** кряшены, кряшенская община, общественная организация кряшен, виртуальная этничность, кряшенский приход, интернет-сообщества.*

TECHNOLOGIES OF USING THE RELIGIOUS FACTOR IN CONTROLLED CONFLICTS (ON THE EXAMPLE OF THE KRYASHENS OF TATARSTAN)

Vilkova D.V.

Department of Religious Studies of the Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications of Kazan (Volga Region) Federal University, student

E-mail: dianavilkova14@mail.ru

Abstract. *This article is devoted to the topic of conflict situations of the Kryashens in the religious aspect under the influence of various social processes. The Kryashens in Tatarstan have long spoken about their problems of not being recognized as an independent ethnic group, about the lack of Kryashen churches for worship in their native language in all Kryashen settlements. In this regard, their ethnicity began its active development primarily on the Internet, for them it was the easiest way to reunite all the Kryashens, preserve their identity and defend their rights. At first, this communication system worked well, thanks to Internet communities, the Kryashens began more active social activities, to a certain extent, developed their missionary activities. However, the data presented in the article demonstrates to us various problems of unrealized Kryashen goals, conflict situations on religious issues, both internal and external, in connection with various social processes. Thus, we have revealed the history of the development of the virtual and real life of the Kryashens, the features of their experiences of conflicts and crises.*

Keywords: *kryashens, Kryashen community, public organization of Kryashens, virtual ethnicity, Kryashen parish, Internet communities*

Примером использования религиозного фактора в управляемых конфликтах может служить ситуация вокруг поджога крышенского православного Храма Святого Великомученика Дмитрия Солунского в 2013 году и дальнейшего развития отношений его прихода с государственными органами и иноконфессиональными общинами. Храм Святого Великомученика Дмитрия Солунского находится в Новошешминском районе Республики Татарстан, в селе Ленино. До начала строительства данного храма на этом же месте находился молельный дом в честь того же святого великомученика. Поджог произошёл в самом начале строительства храма, вместо молельного дома. В соответствии с данными каталога православной архитектуры, храм был построен силами прихода, жители Новошешминского района активно принимали участие в строительстве [1]. С учетом того, что в данном селе молельный дом Дмитрия Солунского был единственным культовым сооружением, становится понятно, что для крышен села, и в целом для православных села данное место имело огромное значение.

Когда поджог храма только произошел, кряшены села Ленино и Новошешминского района в целом, думали, что поджог является актом мести со стороны татар - мусульман, не признающих кряшен отдельным народом, а считающих их лишь частью татарского народа, принявшей православную веру. С. Ю. Белорусова в своем исследовании приводит данные, что незадолго до поджога к кряшенам Новошешминского района обращались со своего рода предложениями стать мусульманами [2, с. 48].

Происшествие могло спровоцировать конфликт кряшен с проживающими в селе мусульманами. Однако высшие духовные лица РТ оперативно отреагировали на зарождающуюся конфликтную ситуацию. Уже на следующий день после поджога были опубликованы официальные заявления митрополита Казанского и Татарстанского владыки Анастасия (Меткина), а также официальных представителей ДУМ РТ, сдержавшие развитие конфликта между кряшенами-православными и мусульманами. Но окончательно домыслы и предположения кряшен о возможной причастности мусульман к поджогу, перестают высказываться только после появления в сети информации о задержании подозреваемых. До этого момента на просторах интернета можно было найти интересную особенность сообществ кряшен: прямых обвинений в обсуждениях нет, но реакция на сообщения «противников» о том, что кряшены не самостоятельный народ, которые были написаны за год, а то и больше до поджога, получают активную реакцию и обсуждение именно в этот период. До поджога никто данные сообщения не комментировал [3]. Но в данном аспекте мы наблюдаем максимальную консолидацию кряшенской общины для защиты своих интересов. Разногласия в кряшенских сообществах, в большей степени, были спровоцированы другими действиями, а именно - стратегией деятельности ООК (Общественная Организация Кряшен).

ООК не торопилась с высказываниями по поводу поджогов, в связи с затруднительным положением дел в республике Татарстан: в тот же период, в 2013 году, вместе с поджогами происходит авиакатастрофа самолета, который принадлежит авиакомпании «Татарстан», в ней погибают пятьдесят человек. Важно то, что данная авиакомпания являлась частью Холдинга «Ак барс», которую возглавлял председатель Правления ООК, Иван Егоров. После того, как кряшенский народ указал Ивану Егорову на необходимость отреагировать на поджоги церквей, председатель правления ООК находился в отчаянии. И дал комментарий лишь о том, что поджоги – «вопрос правоохранительных органов», поэтому было решено не торопиться и подождать [2, с. 48].

Не получив ответа от ООК ни в каком виде, активная группа кряшен решила огласить собственную позицию своими силами. От местной общественной организации кряшен города Казань (в тот период она все еще являлась частью ООК, но в дальнейшем вышла из нее) кряшены-активисты вместе с некоторыми другими представителями из разных городов, сел, поселков и. т. д. опубликовали на просторах интернета «Открытое обращение кряшен к Патриарху Московскому и Всея Руси Кириллу», в

котором, кроме недовольства из-за отсутствия реакции на поджоги, высказались о татарском народе, к которому они не относятся, и более того, в обращении, прозвучало достаточно резкое высказывание о том, что кряшен, принявший ислам, считается предателем [4].

Действия активистов вызвали недовольство в среде официального кряшенского сообщества. Его участники жаловались, что данное «Открытое обращение...» было составлено неверно, так как оно звучит, как единственное мнение всех кряшен, ввиду чего ООК пришлось «нести ответственность перед руководством Татарстана» [2, с. 49]. Спустя время представители официального кряшенского движения опубликовали в газете «Туганайлар» статью, где осудили обращение к Патриарху, именно из-за эмоциональных высказываний, которые были уместны в конце прошлого столетия, но точно не сейчас [5].

Продолжение дискуссии развернулось в известном сообществе ВК КРЯШЕНЫ – официальная группа, где диспутанты разделились на 2 лагеря, одни были недовольны стратегией ООК, а другие считали, что ООК – это общественная организация, которая полностью выполняет свою функцию [6].

Часть кряшен отказывалась скрывать недовольство и, таким образом, была создана новая группа Вконтакте, где их высказывания ничто не ограничивало. Так, две существующие группы кряшен ВКонтакте стали конкурентами за влияние в кряшенской жизни и за отстаивание своих методов решения конфликта. Масла в огонь подливала и формулировка в названии данных сообществ, каждая группа ВК дополняла свое название словом «официальный» [2, с. 50].

Так этничность всех кряшен, в целом, пострадала в момент поджогов церквей, кряшены в тот период перестали существовать как единое общество, так как внутри небольшого сообщества объединяющий фактор перестал иметь влияние.

С началом судебных разбирательств над виновниками поджогов церквей кряшены начали с уверенностью говорить о важности и потребности объединения людей, о том, что конфликты внутри кряшенской общины в большей степени беспочвенны, особенно в этот период, они добились своего, теперь нужно объединиться, так как разобщенное состояние не просто бесполезно, но и опасно для всего кряшенского народа [7]. Так в интернете, особенно в социальной сети «Вконтакте» появляются хештеги: #силакряшен, #кряшен, #кряшены, #кряшен и др. В сети больше не наблюдается конфликтных ситуаций между кряшенами, но при этом оба сообщества в ВК с подписью «официальный» существуют достаточно разделённо, так, например, можно наблюдать некоторые различия в их участниках.

Среди активных участников двух сообществ в сети есть определенное разделение – если активисты группы «Кряшены-официальная группа» в основном представлены членами ООК, то в группе «+++ КРЯШЕНЫ=Официальное сообщество +++» – активисты религиозной деятельности

кряшен. Использование хештегов, свойственно, в большей степени, для участников сообщества, под руководством ООК.

В заключение, можно сказать, для кряшен данная ситуация в первый период стала кризисом. Кряшены села Ленино не просто лишились своих малочисленных церквей с богослужением на кряшенском языке, они снова заговорили о проблеме «притеснения», а после активных попыток обратиться на себя максимум внимания, появилась новая проблема разобщенности кряшен из-за разногласий в последовательности действий в отстаивании своей позиции, а также постоянных попыток убедить некоторых кряшен в том, что в произошедшем не виноваты мусульмане. Но нельзя сказать, что поджог повлиял на кряшен абсолютно отрицательно. После преодоления данного кризиса и вынесения решения по делу «Чистопольского джамата» община воссоединилась и преобразилась, кряшены стали более активно организовывать свою деятельность в социальных сетях. Кроме того, после поджога храм Дмитрия Солунского не только восстановили, но и начали строить еще одну новую кряшенскую церковь в Новошешминском районе, а по всему Татарстану было организовано строительство 8 новых кряшенских церквей [8]. Кряшены не считают, что этого количества церквей абсолютно достаточно, но для них это большой прогресс, в сравнении с состоянием в 2013-2014 году. Последствия поджога привели к улучшению религиозной инфраструктуры кряшен в Татарстане, так как часть денег за ущерб храму была возмещена. Но кардинальных изменений в общине кряшен не произошло, их идентичность так и осталась виртуализированной.

При этом, с учетом того, что оба «Официальных» сообщества кряшен продолжают активно работать, и в одном из них представлены в большей степени участники ООК, а в другом - оппозиционные активисты, можно сказать, что определенное различие во мнениях кряшен присутствует, и если появится новый повод для конфликта, сообщество кряшен снова может разделиться. Данные события стали отличным поводом для кряшен, чтобы обратиться на себя внимание и улучшить свое состояние, у них это получилось, пусть и пришлось пережить кризис.

Список литературы

1. Ленино, Церковь Дмитрия Солунского. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sobory.ru/article/?object=31372> (10.12.2021).
2. Белоруссова С. Ю. #Силакряшен: виртуальная жизнь непризнанного народа // Сибирские исторические исследования. 2019. № 2. С. 41–63.
3. Кряшены. (Крещенные татары). [Электронный ресурс]. – URL: https://vk.com/wall-1306281_152 (10.12.2021).
4. Открытое обращение кряшен к Патриарху Московскому и Всея Руси Кириллу. [Электронный ресурс]. – URL: <https://zvezdapovolzhya.ru/obshchestvo/otkrytoe-obraschenie-kryashen-k-patriarhu-moskovskomu-i-vseya-rusi-kirillu-24-01-2014.html> (12.12.2021).

5. Туганайлар. Время собирать камни. [Электронный ресурс]. – URL: <http://tuganaylar.ru/news/konvert-echendəhat-ıvremya-sobirat-kamni> (12.12.2021).
6. КРЯШЕНЫ- Официальная группа. Обсуждения. СМИ о кряшенах. [Электронный ресурс]. – URL: https://vk.com/topic-769896_29171036 (12.12.2021).
7. Кряшены=официальное сообщество. Обсуждения. [Электронный ресурс]. – URL: [https://vk.com/wall-57462919_166\(05.12.2021\)](https://vk.com/wall-57462919_166(05.12.2021)).
8. Туганайлар. Строящиеся крященские церкви в РТ. [Электронный ресурс]. – URL: <http://tuganaylar.ru/news/etnografichsekayamozaika/stroyashchiesyakryas-henskie-tserkvi-na-territorii-tatarstana> (12.12.2021).

ФОРМЫ И ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТОВ ЛИТЕРАТУРНО-ЭПИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Гаффаров И.З.

*Кандидат исторических наук,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
старший преподаватель кафедры регионоведения
E-mail: lldarg67@gmail.com*

***Аннотация.** Интерпретация любого текста в древности оставалась уделом мастерства сначала жрецов, затем духовенства, имеющих монопольное право на толкование текстов древних писаний. Позже право толковать тексты получили ученые. Толкование текста они возвели на более осмысленный уровень, заложив тем самым основы герменевтики, научного толкования текста. И это происходило в противоречивое время Эпохи просвещения и революций, разрушения монархий и их последующих реставраций, ломки морально-нравственных устоев, привычного всем жизненного уклада. В новое и новейшее время право толкования любого текста распространилось на всех. В то же время подлинное мастерство толкования доступно не каждому.....*

***Ключевые слова:** герменевтика, интерпретация, рационализм, секуляризация, трансценденция, онтология.*

FORMS AND FEATURES OF THE INTERPRETATION OF TEXTS OF LITERARY EPIC WORKS.

Gaffarov I.Z.

*Kazan Federal University
E-mail: lldarg67@gmail.com*

***Abstract.** The interpretation of any text was the exclusive right of priests, then clergy, had being a monopoly right of that of such ancient times. Later the right of*

interpretation texts got scientists. They raised of interpretation texts into more wise level by created of that hermeneutics bases the scientific interpretation of texts. All these processes were passing during revolution and epoch of Enlightenment, crushing monarchy and their reconstructions, breaking an old moral rules, lifestyle. New and newest era are allowed everyone text interpretation without any restrictions. At the same time less people can give real interpretation of information, political, social and other types of texts.....

Keywords: *hermeneutics, interpretation, rationalism, secularization, transcendence, ontology.*

Интерпретация любого текста в древности являлась уделом мастерства сначала жрецов, затем духовенства, имеющих монопольное право на толкование текстов древних писаний. Позже право толковать тексты получили ученые. Толкование текста они возвели на более осмысленный уровень, заложив тем самым основы герменевтики, научного толкования текста. И это происходило в противоречивое время Эпохи просвещения и революций, разрушения монархий и их последующих реставраций, ломки морально-нравственных устоев, привычного всем жизненного уклада.

В новое и новейшее время право толкования любого текста распространилось на всех. В то же время подлинное мастерство толкования доступно не каждому. Процедура интерпретации предполагает осуществление как объективной («лингвистической») интерпретации, так и субъективной («психологической»). Если классическая философия отбрасывала частное суждение, а далее смысловое наполнение текста, в эпоху постмодерна интерпретация понимается как облачение текста определенным смысловым фоном. При таком подходе не возникает вопрос соответствия или несоответствия «истинному» значению.

Говорящий и интерпретатор могут говорить на одном «языке», но могут и на разных. Прежде всего это связано с ментальным восприятием. Если взять эпоху просвещения, для философа важна была атмосфера «понимания». Главное, чтобы «понимание» не противоречило здравому смыслу. Эпоха просвещения открыла новые горизонты в интерпретации жизни и текстов. Раннему просвещению была характерна жестокая борьба с невежеством. Эта титаническая борьба воплотилась в литературной деятельности великого русского ученого М.В. Ломоносова, стегавшего своим пером пороки своего времени:

Надела на себя

Свинья

Лисицы кожу,

Кривляя рожу,

Моргала,

Таскала длинный хвост и, как лиса, ступала;

Итак, во всем она с лисицей сходна стала... [6].

Кажется, мы в общих чертах понимаем иноязычие текста стиха. Согласие и общность убеждений нужны нам как база для коммуникации и понимания. Согласие не может быть истиной, однако какая-то часть ее должна быть истиной, чтобы кое-что было ложным. ... То, в чем мы согласны друг с другом, - истина, однако мы не можем считать, что мы знаем, в чем заключена истина. Ф. Шлейермахер уловил этот момент относительного «заблуждения». И чтобы не впасть в него, а одно «заблуждение» порождает другое, в качестве надежного инструмента, он взял субъективное видение. Возьмем отрывок из произведения Г. Х. Андерсена «Новое платье короля» [7]:

Вот было бы замечательное платье! — подумал король. — Надел такое платье — и сразу видать, кто в твоём королевстве не на своём месте сидит. А ещё я смогу отличать умных от глупых! Да, пусть мне поскорее соткут такую ткань! ...

Ни один человек не хотел признаться, что он ничего не видит, ведь это означало бы, что он либо глуп, либо не на своём месте сидит. Всеобщее «условное согласие» было нарушено простой вопрошающей репликой ребенка.

— Да ведь король голый! — сказал вдруг какой-то ребенок.

Выражение «король голый» стал громом среди ясного дня. Этот гром оглушил всех, даже самого короля. Казалось, толстая, нерушимая «стена всеобщего согласия» будет стоять вечно. Но «стена» пала под вопрошающей репликой ребенка. Эта реплика обладала силой, «перевернувшей» сознание.

Отдаленно это напоминает эмфазу Ф. Шлейермахера [3, с. 108]. Эмфаза при этом может опять «перевернуться». Ребенок, конечно, прав, но и «голый король» смог, наконец, ответить на мучительный для него вопрос: кто есть кто? Одна «истина» как бы открыла другую «истину». Несомненно, «истина» требует искупительной жертвы (голый король) и только тогда открывается другая «истина» (кто есть кто).

Таким образом, понимание есть взаимопроникновение двух моментов (грамматического и психологического). Но, согласно Ф. Шлейермахеру, взаимопроникновение не есть смешивание. Возьмем отрывок из каменной стелы, найденный в долине реки Орхон (Монголия):

(9) По милости неба и потому что у меня самого было счастье, я сел (на царство) каганом. Став каганом,

(10) я вполне поднял (собрал?) погибший, неимущий народ, неимущий народ сделал богатым, немногочисленный народ сделал многочисленным. Разве есть какая-либо неправда (фальшь) в этой моей речи?! О тюркские начальники и народ, слушайте это! Я вырезал здесь (т.е. на этом камне), как вы (о начальники и народ), собрав тюркский народ, созидали (свой) племенной союз, как вы, погрешая, делились, я всё

(11) здесь вырезал. Всё, что я (имел) сказать, я вырезал на вечном камне (т.е. памятнике) [8].

Язык текста официальный. Это обращение к народу и, возможно, к будущим поколениям. Грамматическое строение текста позволяет говорить о его завершенности и об отсутствии недосказанности. Есть слова, усиливающие тональность и подчеркнутость (погибший, немущий) и противоположные усилители подчеркнутости (богатый, многочисленный). И конечно вопрос-восклицание, заставляющий читателя еще раз акцентировать внимание к сказанному. Невольно задаемся и мы вопросом: а умерший может смотреть сквозь века?

Правитель Кюль-тегин, отвечая на свой вопрос, с восклицанием продолжает: «О тюркские начальники и народ, слушайте это!» Т.е. выражение вырезал «здесь» имеет трактовку. С.Е. Малова «на этом камне», «вы» трактует, как (начальники и народ). Языковую догадку в интерпретации можно отнести скорее к психологическому толкованию, основанному на так называемом «факте о мыслящем», но никак не к чувственному, переживающему [5]. При этом и субъект, и предикат уточняются по отдельности и по отношению друг к другу при помощи уточняющих слов: каган, начальники, народ, это, здесь.

«Небоподобный, неборождённый (*собств.* «на небе» или «из неба возникший») тюркский каган», я нынче сел (на царство). Речь мою полностью выслушайте (вы), идущие за мною мои младшие родичи и молодёжь (вы), союзные мои племена и народы; (вы, стоящие) справа начальники шад и апа, (вы, стоящие) слева начальники: тарханы и приказные, (вы) тридцать ... (33/34).

В этом фрагменте уточнение сужается. «Небоподобный, неборожденный» уточняется: «тюркский каган». Но надо иметь ввиду, что начало текста имеет конкретную персонификацию, строго адресованную адресантом адресату, субъектом объекту, в основе которого лежит так называемое «обоюдное знакомство» [3, с.120]. И это своеобразная форма воздействия на самосознание субъекта. С этим нельзя не согласиться. Психические и эмоциональные состояния рассматриваются уже как следствие, т.е. некая форма обратной связи.

А вот отрывок из более ранней Бехистунской надписи:

1 столбец:

1-3. Я – Дарий, царь великий, царь в Персии, царь стран, сын Виштаспы, внук Аршамы, Ахеменид.

3-6. Говорит Дарий-царь: мой отец – Виштаспа, отец Виштаспы – Аршамы, отец Аршамы – Ариарамна, отец Ариарамны – Чмп-пиш, отец Чишпиша – Ахемен.

6-8. Говорит Дарий-царь: поэтому мы называемся Ахемснидами. Испокон веков мы знатны. Испокон веков наш род был царским.

8-11. Говорит Дарий-царь: восемь [человек] из моего рода были прежде царями. Я – девятый. Мы, девять, с давнего времени являемся царями.

11-12. Говорит Дарий-царь: Милостью Аурамазды я – царь. Аурамазда дал мне царство [4].

Эта надпись была высечена в местности Бехистун (или Бисутун) (юго-западнее Экбатан) на скале, возле которой проходил путь из Ирана в Двуречье. Напутственное обращение к путникам. Здесь представление царя наслаивается друг на друга и создается «нужный» образ царя. Родство в данном случае внутреннее, нежели произвольное. И состоит из торжественных выражений, укорененных в языке. Соответственно легко понимается [3, с.131].

Т.е. в данном случае мы не наблюдаем произвольных выпадов, характерных для обычного повествования. Для более ранних периодов не характерны произвольные трактовки, сравнения. В какой-то мере это напоминает «фаустовское представление», лишённое какой-бы то ни было ситуативности. Это некое правило, которое должно неукоснительно соблюдаться и исполняться.

Ф. Шлейермахер попутно решает проблему буквальной и вольной трактовки. И одновременно показывает неотделимость одного от другого. В тоже время, он осознает наступление нового времени с девизом: «Импровизируй, экспериментируй». Это его тревожит, беспокоит, вызывает чувство душевного дискомфорта, а может, даже и надлома. Он пишет: «Кто вместо деятельности духа, которая тайно совершается в его глубинах, знает и видит лишь её внешние проявления, - кто, не умея созерцать самого себя (не умеет по-настоящему созерцать, лицезреть себя и окружающий мир по отдельности – прим. автора) составляет себе образ внешней жизни и ее изменений лишь из отдельных разбросанных впечатлений, - тот остается рабом времени и «необходимости» [5].

Ф. Шлейермахер дает собственную оценку происходящим изменениям излета эпохи Просвещения. Осмысление времени, новых тенденций и убывающий оптимизм, прогресс, связанный с буржуазными революциями, наполеоновскими войнами, реставрацией монархий, всё это толкало в «уход в себя», глубокое неприятие «нового». Это был акт «внутреннего протеста» против насилия и отхода от идей Просвещения. В то же время, обмирщение, секуляризация сознания породила пропасть между «старым» и «новым» миром. Средневековая система религиозного мышления уступала место рационализму, который неумолимо размывал, разрушал старое мироощущение. Порождаемый всем этим кризис веры требовал научного истолкования вопросов, лежащих за пределами разумного восприятия и объяснения. Требовалось решение данной методологической проблемы. Ф. Шлейермахер благоразумно сохраняет грамматическое толкование текста, но вместе с тем, привносит психологическое понимание. Но не всякий текст подходил для герменевтического истолкования. По его мнению, этого была достойна лишь поэтическая творческая речь [5].

Ф. Шлейермахер указывает на некий ценностный минимум речи. Сюда он относит и повседневную речь. Вместе с тем, он считал, что из минимума может развиваться нечто неординарное. Он пишет: «Не всякая речь тотчас становится предметом истолкования. Ценность одних речей для него нулевая, других же – абсолютная: большая их часть располагается между

этими двумя полюсами» [3, с. 50]. С ним нельзя не согласиться. Он был очевидцем событий своего времени, когда размывались жизненные устои, менялись нравы, рушились монархии, менялось само восприятие мира, заставлявшее быть в постоянном поиске. Надо также отметить, что для понимания конкретной действительности историк «стремится, возможно, больше воспользоваться выводами обобщающих наук» [1, с. 36]. Именно они в купе являются инструментарием для исследований и интерпретаций.

Список литературы

1. Кузнецов В. Г. Логика гуманитарного познания // *Философия и общество*. – 2009. - №4. – С.22-63.
2. Шлейермахер Ф. Герменевтика / Перевод с немецкого А.Л. Вольского. Научный редактор Н.О. Гучинская. – СПб.: «Европейский дом», 2004. – 242 с.
3. Бехистунская надпись [электронный ресурс] KnigoGid – URL: <https://knigogid.ru/books/349-behistunskaya-nadpis/toread> (дата обращения: 28.10.2022).
4. Голубович И. Психологическое толкование в герменевтике Фридриха Шлейермахера и основания биографического дискурса в современном гуманитарном знании [электронный ресурс] – URL: <http://doxa.onu.edu.ua/Doxa12/37-47.pdf> (дата обращения: 01.02.2023).
5. Михаил Ломоносов. Свинья в лисьей коже [электронный ресурс]. – URL: <https://rupoets.ru/mixail-lomonosov-svinya-v-lisej-kozhe.html> (дата обращения: 25.10.2021).
6. Ганс Христиан Андерсен. Новое платье короля [электронный ресурс] – URL: <https://deti-online.com/skazki/skazki-andersena/novoe-plate-korolja/> (дата обращения: 1.11.2021).
7. Орхонские памятники. Памятник Кюль-Тегину [электронный ресурс]. – URL: <http://forum.ykt.ru/-viewmsg.jsp?id=14122047> (дата обращения: 28.11.2018).

ФИЛОСОФСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА А.С. ПАНАРИНА: ПРЕДМЕТ И МЕТОД

Гончаров Ю.А.

кандидат политических наук

*Филиал ФГУП «Главный радиочастотный центр» по Республике Крым
и г. Севастополь, заместитель начальника отдела мониторинга СМК*

E-mail: kirvo@yandex.ru

***Аннотация.** В статье рассматривается философская публицистика как отдельное направление творчества А.С. Панарина, её предмет и метод. Публицистические тексты Панарина представляют интерес не только с точки зрения системного изучения его философии, но и как методология,*

как набор журналистских инструментов, позволяющих читателю объяснить смысл происходящих событий, сформировать определенное отношение к жизненной ситуации. Эти тексты также могут быть эффективным инструментом патриотического воспитания. Предметом философской публицистики Панарина является место и роль России в современном глобальном мире. Философско-публицистический метод ученого можно определить как диалектический, но не в гегелевском смысле, а скорее в смысле древней, платоновской диалектики. Кроме того, А.С. Панарин использует методологический подход, который он сам назвал «пушкинской парадигмой».

Ключевые слова: А.С. Панарин, философская публицистика, Россия, глобальный мир, публицистический метод, античная диалектика, «пушкинская парадигма», референтные группы, патриотизм, национальная идентичность.

PHILOSOPHICAL JOURNALISM OF A.S. PANARIN: SUBJECT AND METHOD

Goncharov Y.A.

candidate of political sciences

*Branch of the «General Radio Frequency Centre» in the Republic of Crimea and the city of Sevastopol deputy Head of the Media Monitoring Department
E-mail: kipvo@yandex.ru*

Abstract. *The article considers philosophical journalism as a separate area of A.S. Panarin's work, as well as the subject and method of his philosophical journalism. Panarin's journalistic texts is of interest not only from the point of view of a systematic study of his philosophy, but also as a methodology, as a set of journalistic tools that allow the reader to explain the meaning of the events taking place, to form a certain attitude to the life situation. These texts can also be an effective tool for patriotic education. The subject of Panarin's philosophical journalism is the place and role of Russia in the modern global world. The philosophical and journalistic method of the scientist can be defined as dialectical, but not in the Hegelian sense, but rather in the sense of ancient, Platonic dialectics. Besides Alexander Panarin uses a methodological approach, which he himself called «Pushkin's paradigm».*

Keywords: *Alexander Panarin, philosophical journalism, Russia, global world, journalistic method, ancient dialectics, «Pushkin's paradigm», reference groups, patriotism, national identity.*

Понятие публицистики давно исследовано в научной литературе. Публицистический текст предполагает наличие актуальной политической идеи, рассмотренной на материале текущих политических событий и процессов; ярко выраженное отношение, оценка происходящего, как отражение мировоззрения и фактических знаний автора; оперативность

документального отражения в сочетании с идеологической насыщенностью освещения событий; идейно-политическое влияние и практическое воздействие на состоянии общественных дел как результат публицистического текста [1, с. 29].

Уточняя понятие публицистического текста, можно добавить, что этот текст относительно короток (во всяком случае, по сравнению с монографией), написан на одну определенную и относительно узкую тему (имеет один предмет обсуждения), связан с определенным информационным поводом и использует образный и понятный массовой аудитории язык, а также распространяется более оперативным способом – через массовую периодическую печать, которую в современных условиях вытесняет распространение в сети Интернет. Кроме того, он рассчитан скорее на популяризацию и разъяснение взглядов, чем на глубокое исследование и, будучи нацеленным не только на разум, но и на чувства читателя, выполняет важные воспитательные функции, формирует мировоззрение, оценочное отношение читателя к происходящим событиям.

Александр Сергеевич Панарин являлся не только автором глубоких и содержательных книг, но и ярких публицистических работ, которые публиковались в журналах, таких как «Наш Современник», «Москва», и других, выходили в различных сборниках, представляющих как собрание работ самого Панарина, так и тематические сборники статей различных авторов. Кроме того, в современных условиях тексты философа можно найти в сети Интернет, в частности, на сайтах: <http://patriotica.ru>, <http://naslednik.ru>, <http://nash-sovremennik.ru>, <https://ruskline.ru>.

Можно с уверенностью сказать, что предметом публицистики А.С. Панарина является место и роль России в современном глобальном мире. Не случайно последняя публикация философа вышла в сборнике с характерным названием «Сумерки глобализации: настольная книга антиглобалиста» [2]. При этом философ в своих работах придерживался подхода, который сам называл «пушкинской парадигмой», которая «состоит в том, чтобы изначально мыслить и описывать события в Европе и в России в рамках общеевропейского процесса» [3, с. 9]. При этом, как справедливо отмечает автор, в пушкинское время «общеевропейский» означал просто «современный». Европа была центром мирового развития, распространявшим свой вестернизационный импульс на весь остальной мир. Сегодня, по словам А.С. Панарина, в России совершается другой «процесс всемирно-исторического значения: завершается бесславная эпопея вестернизации мира, заново провозглашенная Западом в обстановке эйфории, вызванной победой в холодной войне» [4, с. 10]. Рассматривать Россию как центр мировых процессов – базовое методологическое «крело» А.С. Панарина.

Другим «краеугольным камнем» методологии А.С. Панарина является определение неизбежных альтернатив развития, между которыми придется сделать выбор сознательно действующему субъекту политики (за объект политики, очевидно, выбор сделают другие). В частности, альтернативы

общественного развития проходят между двумя крайностями: «первая крайность – анархия, неизменно следующая за ослаблением государства и власти; вторая – опасности, исходящие от самой власти, если она лишена контроля и внутренней меры» [5, с. 30]. Альтернативы российской геополитики определяются ученым как выбор между «римской идеей сверхдержавы, организующей евразийское пространство согласно новому разделу сфер влияния между западным и восточным «Римом», и романтической геополитической концепцией «государственного одиночества» России в мире, не имеющем гарантий» [6, с. 79]. Эта дихотомичность мысли позволяет определить метод ученого как диалектический, но не в гегелевском смысле, а скорее в смысле античной, платоновской диалектики: Платон «широко пользуется дихотомией, т. е. таким расчленением объема понятия на две части, при котором исследуемый предмет может оказаться лишь в одной какой-либо из получившихся половинок объема, между которыми существует отношение противоречащей противоположности» [7, с. 223]. И в соответствии с античным диалектическим методом панаринская мысль поднимается «по ступеням ума до непредполагаемой основы» [7, с. 221], формулируя общее глобальное видение и обратного нисхождения – к исходным предположениям.

Так, исследуя механизм возникновения компрадорских режимов, философ начинает с определения глобального мира как зависимого, управляемого из единого центра, ключевым свойством которого является неэквивалентный обмен. Затем он «спускается» на ступеньку ниже, на уровень современных обществ, для которых характерна ориентация на единообразный, навязанный из единого центра социокультурный стандарт и такое же однообразное поведение референтных групп, этот стандарт выражающих. Дальше речь идет о разрыве между фактической и референтной принадлежностью, и движение на еще одну ступеньку вниз – к неврастенической пограничной личности, не имеющей культурных основ, возникающей в результате этого разрыва. Затем автор в своем рассуждении снова возвращается на глобальный уровень, где «передовой» Запад становится референтной группой для национальных элит, которые «присягают» ему на верность, покидая собственную культурную традицию, а «зачарованные» массы следуют за элитами. «Когда произошла капитуляция в области культуры – отстраненность от опыта отцов, от национальной традиции в пользу заемной, политическая капитуляция становится лишь вопросом времени» [8, с. 58].

По форме панаринский публицистический текст, как правило, начинается с проблемного вопроса, указывающего не некую скрытую сущность, тайну, очевидно не ясную для читателя: «Что такое «рыночный порядок» для стран «первого мира»? Это право на ничем не ограниченную мировую экспансию – вторжение в пространство более слабых и ничем не защищенных экономик мировой периферии» [9, с. 28-29]. Далее следует подробное, с разных сторон рассмотрение выбранной проблемы. В частности, исследование рыночного порядка продолжается указанием на

отсутствие прямой связи между рынком и прогрессом и существование рынка уже в древней Финикии. Затем рассматривается классическое понимание рынка как процедуры открытия экономически эффективного поведения в условиях редкости благ, и его современная социал-дарвинистская интерпретация как безжалостной конкуренции потребителей за ограниченные ресурсы, которых «на всех не хватит». «Тем самым высвечивается планетарный геополитический смысл «рынка»: рыночный естественный отбор в открытой глобальной экономике должен лишить права на самостоятельное пользование дефицитными ресурсами планеты тех, кто по современным идеологическим стандартам признан «менее достойным» [9, с. 44]. Далее следует поиск глобального решения: «Прежде чем общество станет по-новому гуманитарным, ему предстоит стать гуманным – преодолеть то социал-дарвинистское презрение к человеку, которому учит новая стратегия естественного отбора» [9, с. 50], а это невозможно не только без использования таких современных факторов, как наука и образование, но и таких «старых консервативных ценностей», как привязанность к собственной стране, патриотизм, национальная идентичность.

При этом необходимо отметить, что постоянная, «вневременная» актуальность панаринских текстов вовсе не значит, что автор писал свои работы, ориентируясь исключительно на «вечные» темы. Каждый текст была ответом на злободневные вопросы окружающей действительности. В частности, критический анализ рыночной системы был связан с критикой господствовавшего в 90-е годы заблуждения, что рынок сам по себе способен решить все проблемы, надо только снять все, в том числе социокультурные ограничения, мешающие рыночному развитию, в связи с чем автор указывал, что, напротив, капитализм развивался на основе до-и внерыночных предпосылок истории, морали и культуры.

Обращение к публицистическим текстам А.С. Панарина представляет интерес не только с точки зрения систематического изучения его взглядов, но и как методология, как набор публицистических инструментов, позволяющих объяснить читателю суть происходящих событий, настроить его на определенное отношение к ситуации, служить руководством для патриотического воспитания. Ведь как справедливо отмечал сам автор, судьбы «нового противостояния века вершатся в России», причем не только потому, что наша страна является обладателем самой большой в мире территории, «ресурсы которой не дают спать глобальным приватизаторам. Россия – и обладатель самой духовно возвышенной, благородной и целомудренной культурной традиции, не сломив сопротивление которой население евразийского хартленда нельзя превратить в человеческую массу, лишенную настоящего достоинства» [9, с. 159].

Список литературы

1. Ученова В.В. Публицистика и политика. М.: Политиздат, 1979. 271 с.
2. Панарин А.С. Глобализация как вызов жизненному миру. За Хайдеггера // Сумерки глобализации: Настольная книга

- антиглобалиста / Под ред. А.Ю. Ашкерова. М.: ООО Издательство АСТ: ЗАО НПП «Ермак», 2004. С. 123-154.
3. Панарин А.С. Русская культура перед вызовом постмодернизма. М.: Институт философии РАН, 2005. 188 с.
 4. Панарин А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Издательская корпорация «Логос», 1998. 392 с.
 5. Панарин А.С. Политология. М.: Проспект, 1998. 408 с.
 6. Панарин А.С. Геополитический пессимизм против цивилизационного оптимизма // Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность. Хрестоматия / Отв. ред.-сост. А.Д. Воскресенский. М.: Московский общественный научный фонд; ООО Издательский центр научных и учебных программ, 2000. С. 71 – 94.
 7. Асмус В.Ф. Античная философия. М.: Высш. Школа, 1976. 543 с.
 8. Панарин А.С. Народ без элиты. М.: Изд-во Алгоритм. Изд-во Эксмо, 2006. 352 с.
 9. Панарин А.С. Правда железного занавеса. М.: Алгоритм, 2006. 336 с.

К ВОПРОСУ О ФЕНОМЕНЕ СОЗДАНИЯ НОВЫХ ЭТНИЧЕСКИХ РЕЛИГИЙ НА БАЗЕ ИУДАИЗМА ПОСЛЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ХРИСТИАНСТВА

Горин А.А.

*кандидат исторических наук
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
доцент кафедры религиоведения Института социально-философских
наук и массовых коммуникаций
E-mail: anton-gorin-2009@mail.ru*

***Аннотация.** В статье автор поднимает вопрос о существовании феномена выделения из вероучения иудаизма отдельных групп, преобразовавшихся позднее в самостоятельные этнические религии, произошедшего после возникновения христианства. Автор выдвигает гипотезу о необходимости поиска и изучения данных религиозных вероучений. Одним из сохранившихся вероучений этого вида автор считает вероучение караимов, имеющее выраженное сходство с вероучением ряда направлений иудаизма, в некоторых вопросах - до полного смешения. По мнению автора, изучение вероучения караимов, его истории и трансформации, позволит достичь прогресса в изучении родственных караимской религии вероучений, исповедовавшихся исчезнувшими народами, либо исчезнувших в ходе исторического развития. Данный опыт, по мнению автора, будет полезен в изучении современных направлений этнических и мировых религий, которые могут развиваться по сходным сценариям, что в перспективе может приводить к выделению из этносов субэтнических*

групп, претендующих на статус отдельных народов, что формирует дополнительные вызовы существующим политическим системам.

Ключевые слова: религиоведение, иудаизм, христианство, караимизм, этническая религия, прозелиты, этнография.

ON THE PHENOMENON OF THE CREATION OF NEW ETHNIC RELIGIONS BASED ON JUDAISM AFTER THE EMERGENCE OF CHRISTIANITY

Gorin A.A.

*Department of Religious Studies of the Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications of Kazan (Volga Region) Federal University,
Associate Professor*

E-mail: anton-gorin-2009@mail.ru

Abstract. *In the article, the author raises the question of the existence of the phenomenon of the separation of separate groups from the doctrine of Judaism, which later transformed into independent ethnic religions, which occurred after the emergence of Christianity. The author puts forward a hypothesis about the need to search and study these religious creeds. The author considers the Karaite creed to be one of the surviving creeds of this type, which has a pronounced similarity with the creed of a number of areas of Judaism, in some matters - to the point of complete confusion. According to the author, the study of the Karaite creed, its history and transformation, will make it possible to achieve progress in the study of the faiths related to the Karaite religion, professed by the disappeared peoples, or disappeared in the course of historical development. According to the author, this experience will be useful in studying modern trends of ethnic and world religions, which can develop according to similar scenarios, which in the future may lead to the separation of sub-ethnic groups claiming the status of separate peoples from ethnic groups, which creates additional challenges to existing political systems.*

Keywords: *religious studies, Judaism, Christianity, Karaism, ethnic religion, proselytes, ethnography*

Иудаизм в истории религии занимает особое место, как вероучение, ставшее базисом двух мировых религий.

Однако, возможно, роль иудаизма в создании вероучительных систем, возникших на его базе, недооценена. Так, например, вероучение народа караимов – караимизм, значительной частью исследователей признаётся как течение иудаизма. Однако сами караимы идентифицируют себя, как отдельный народ, а своё вероучение, как отдельную вероучительную систему. «Решение Национального съезда крымских караимов-тюрков от 20 мая 2016 г.», вынесенное в г. Симферополь, декларирует признание караимов - уникальным тюркским этносом, а караимизм — "самостоятельной монотеистической религией, основанной на Ветхом

Завете, как христианство (включая православие), ислам и некоторые другие религии" [1].

Таким образом, караимизм (караизм) на современном этапе нужно признать не просто религиозным вероучением, но одной из важнейших составляющих этнокультурной идентичности этноса караимов.

Такой подход принципиально отличается от т. н. «традиционной» трактовки роли караимизма в религиозном пространстве. Представители израильской исторической школы, такие, как Сало У. Барон безапелляционно называют караимизм «направлением в иудаизме» [2, с.162].

Безусловно, можно согласиться, что на начальном этапе Анан бен Давид не претендовал на создание отдельного религиозного вероучения. Скорее, его задачи имели сходство, если проводить исторические параллели, с задачами даже не Реформации XVI в., а реформаторами Римско-католической Церкви, действовавшими на столетие раньше. Такими, как Джон Уиклиф или Ян Гус. Нужно иметь ввиду, что караимизм начал оформление в VIII веке, то есть - в тот момент, когда христианство не только оформилось, но и стало первой Мировой религией в современном понимании этого слова. Более того, к этому моменту сформировался Ислам и, менее чем через сотню лет после его возникновения, также начал претендовать на статус Мировой религии (а по некоторым параметрам, уже достиг данного статуса). Это, в частности, отмечает сторонник талмудического иудаизма Андрэ Шураки [3, с. 82]. Причём, Анан бен Давид (715-795 гг.) по ряду признаков, начал создавать своё вероучение, идя по пути своеобразного религиозного эскапизма, отказываясь от признания Мишны и Талмуда, как от «человеческого» творения и предпочитая селиться замкнутыми анклавами [2, с.162]. Таким образом, деятельность Анана бен Давида имела сходство с историческим процессом, приведшим к Реформации.

Но интереснее именно процесс дальнейшей трансформации караимизма, как части этнокультурной идентичности определённой группы людей. Начнём с того, что караимизм в этом отношении - не стал уникальным явлением. Тот же Сало У. Барон упоминает в своей работе «Социальная и религиозная история евреев» и о «хазарской ветви иудаизма» [2, с. 202]. Причём — развивающейся параллельно с караимизмом.

В то же время ряд учёных XX века, занимающихся историей Римской империи и Иудеи — в её составе, как, например, Мартин Дэвид Гудман - жёстко разделяют иудаизм и караимизм. М. Д. Гудман, в частности, в своей «Истории иудаизма» характеризует караимизм, как «отдельную влиятельную конфессию» [4, с. 375]. Причём, вопреки мнению, транслируемому историком-краеведом М. Б. Кизиловым, отрицающим связь общины Анан бен Давида с возникновением караимского вероучения, считая его лишь лидером одной из многих однотипных групп [5, с. 95], Гудман, напротив, подчёркивает: «Этот момент нужно отметить особо. Дело в том, что в "традиционной" исторической науке очень многие не только

израильские, но и отечественные учёные без раздумий причисляют Хазарский каганат к государствам, в котором государственной религией был иудаизм. Однако, учитывая прецедент развития караимизма и ряд других аспектов, такое утверждение вызывает как минимум - сильные сомнения. К примеру, рассматривая документы Хазарского каганата X века в хранилище Кембриджского университета, израильский учёный Н. Голб вынужден был признать, что используя иврит, как язык официального делопроизводства, аристократия Хазарского каганата носила тюркские имена» [6, с. 18], что указывает во-первых, на то, что аристократия хазар всё-таки тюркоязычная, а во-вторых, что они не были наречены по иудейскому обычаю во время обрезания с выбором еврейского имени. То есть, то, что в Хазарском каганате иврит использовался в качестве письменности, ещё не говорит о том, что кто-либо кроме занимающих должность писцов иудеев в Хазарском каганате принимал иудаизм.

Во-вторых, ещё один из основоположников советской археологии М. И. Артамонов указывал на прямые исторически фальсификации в попытках создать историческую последовательность отождествления верования хазар с иудаизмом и караимизмом. Например, израильские «историки», говоря об иудаизме в Крыму (к которому причисляли и караимизм), датировали возникновение г. Мангула X веком, хотя известно, что в X - XI веках на Мангупе известны лишь пещерные сооружения пастухов с яслями для скота и кольцами для привязки животных, тогда как активное освоение Мангуп-Кале и его застройка начинается не ранее XIV в. (эпохи княжества Феодоро) [7, с. 2].

В-третьих, возвращаясь к теологическим аспектам, иудаизм всё-таки был и остаётся этнической религией. Согласно тексту Торы, в частности — от книги «Бытие», в которой Аврааму обещано, что он станет прародителем благословлённого Богом народа (12:1-3), заключает с Авраамом завет о даровании его народу земли (15; 18) и до «Второзакония», в котором народ еврейский Бог называет «лишь Ему [Богу] принадлежащим из всех людей на земле» («Второзаконие» 7:6). То есть иудаизм могут исповедовать именно представители колен Израилевых, евреи. Не зря в Евангелии Бог говорит св. Петру «не почитай нечистым то, что я очистил». Это - обоснование выхода христианства за рамки «этничности».

Но хазары, как уже говорилось выше - тюркоязычный народ, имеющий свою, отличную от евреев, историческую Родину. Генетические связи хазар и караимов на данный момент – тема, находящаяся в процессе изучения, поэтому не будем выносить однозначных суждений «за» или «против». Важнее то, что хазары не принадлежат к семитским народам и, в частности, - не являются частью еврейского этноса.

Ровно то же самое мы можем сказать и о караимах. Во всяком случае - о караимах Крыма. Караимы Крыма имеют исторически сложившуюся единую территорию проживания, более древнюю, нежели ряд современных этносов. Безусловно, общины караимов сегодня присутствуют и на территории Израиля, и на территории Северной Африки, и на территории

Прибалтики, и Восточной Европы и т. д. Однако целостное оформление караимского этноса произошло исторически именно на территории Северного Причерноморья, в частности - на территории Крымского полуострова. Тот же М. Б. Кизилов вынужден признать в своей работе, что, даже если говорить о караимах Израиля, до переезда в Иерусалим община караимов живёт в рамках галутоцентрической (диаспоральной) идеологии. Лишь обосновавшись в Иерусалиме эта конкретная община разделяет сионистские идеи [5, с. 96]. Но у караимов Крыма ничего подобного не наблюдается: они не ставят задачей вернуться в «Эрец Исраэль» по религиозным мотивам. Более того, уже в XIX в. антропологи Российской империи не связывали крымских караимов с семитскими народами [8, с. 36-43]. Принадлежность народа караимов к тюркской семье подтверждали в своих исследованиях такие учёные, как Я. В. Чекановский, К. Джинни, Ф. Штайнигер, А. Н. Пулянос.

Далее, караимы Крыма имеют свой собственный язык. Если о языке хазар за малочисленностью источников мы можем говорить только приблизительно, то о языке караимов можно судить с достоверностью. Это язык, принадлежащий к тюркской языковой семье. В 1964 году в СССР была опубликована «Грамматика караимского языка. Фонетика и морфология», в конве которой караимский язык (ряд лингвистов называли его «крымским диалектом») описывался, как оригинальный, уникальный тюркский язык. Он не имеет ничего общего с ивритом или идишем. Отечественные исследователи относят его к западно-кипчакской ветви тюркских языков (включая в себя тракайский, галичский и крымский диалекты) [9, с. 2].

И, наконец, если говорить о вероучении, то мы также не видим полной аналогии с иудаизмом. Так, В. Л. Вихнович, пусть и поверхностно, но указывает в своих работах на элементы самостоятельности в вероучении караимов: а) отказ от устной традиции, поскольку Священное писание, по мнению караимов, в комментариях не нуждается (явное идеологическое сходство с протестантизмом и некоторыми течениями ислама); б) визуальный способ определения времени наступления неомени (возвращение к более ранней традиции); в) отмена не упоминающихся в Священном писании религиозных праздников, прагматизация религиозных ритуалов [10, с.99-100]. При этом — сохранение иврита, как языка Священного писания-первоисточника. М. Гудман относит этот момент к деятельности богослова IX века Биньямина бен Моше Нагавенди (принявшего прозвище «Караи») [4, с. 37]. Даже сторонник «иудейской» теории принадлежности караимизма М. Б. Кизилов вынужден, используя данные Д. Ласкера, признать, что и ритуальная сторона караимского вероучения отличается от иудаизма (например - расторжение брака) [5, с. 95]. И это - далеко не все отличия.

Учитывая вышесказанное, мы можем выдвинуть гипотезу о том, что формирование на базе иудаизма таких Мировых религий, как христианство и Ислам не стало окончанием процесса выделения из общины иудеев вероучений, выходящих за рамки этнической религии, каковой иудаизм

остаётся до сегодняшнего дня. Более того, история развития караимизма и хазарской религиозной общины даёт нам основания предполагать наличие феномена уникальных пост-иудейских этнических религий, сформировавшихся в условиях религиозного конфликта внутри иудейской общины в период с VII по IX вв., наиболее полно сохранившейся в числе которых до сегодняшних дней мы можем назвать религию крымских караимов, ставшую одним из основных составляющих при формировании этого уникального этноса.

Список литературы

1. Решение Национального съезда крымских караимов-тюрков 2016 г. – URL: <http://karai.-crimea.ru/934-reshenie-nacionalnogo-sezda-krymskix-karaimov-tyurkov-2016-g.html> (Дата обращения: 12.01.2023).
2. Барон У. Сало. Социальная и религиозная история евреев. М.: ОАО Типография Новости, 2012. Т. 3. 358 с.
3. Шураки А. История иудаизма. М.: АСТ-Астрель, 2008. 194 с.
4. Гудман М. История иудаизма. М.: Азбука-Алликсус, 2020. 840 с.
5. Кизилов М. Б. Крымская Иудея. Очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков в Крыму с античных времён до наших дней. Симферополь: Доля, 2011. 336 с.
6. Голб Н. Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. М.: ВО Наука, 1997. 260 с.
7. Артамонов М. И. Очерки древнейшей истории хазар. Ленинград: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. 148 с.
8. Иков К. Н. К антропологии караимов // Караимская жизнь. 1912. № 12. С. 36-43.
9. Мусаев К. М. Синтаксис караимского языка. М.: Academia, 2003. 348 с.
10. Вихнович В. Л. Иудаизм. СПб.: Питер, 2006. 224 с.

LEGAL STATUS OF MALE OFFSPRING ACCORDING TO THE KOTOR, SKADAR AND BUDVA MEDIAEVAL STATUTES

Dorde N. Đekić

*PhD, History Science, Associate Professor, Faculty of Philosophy of Niš,
Serbia*

E-mail: djordje.djekic@filfak.ni.ac.rs

Abstract. The subject of the paper is family law, or better still, the status of male offspring in the statutes of the coastal towns of Kotor, Skadar and Budva. There will be given statutes provisions on the legal status of male offspring, which provides us with an insight in which provisions are prescribed by which statute and where the statutes differ from each other. That will give an insight in which

provisions were prescribed in written laws and which ones remained in the domain of customary law.

Key words: family relationships, father, mother, sons, the Skadar Statute, Kotor Statute, Budva Statute.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СЫНОВЕЙ ПО СРЕДНЕВЕКОВЫМ ГОРОДСКИМ СТАТУТАМ КОТОРА, СКАДЕРА И БУДВЫ

Декич Н. Дорде

доктор исторических наук,

доцент Университета Ниша, факультет философии, Сербия

E-mail: djordje.djekic@filfak.ni.ac.rs

***Аннотация.** Тема работы – семейное право, то есть положение сыновей в статутах средневековых приморских городов Котора, Шкодера и Будвы. Рассматриваются вопросы, предусмотренные статутами в отношении юридического положения сыновей. Это даёт нам представление о том, какой статут наиболее точно предписывает юридическое положение сыновей и в каких делах. Мы получаем представление о том, каким статутом регулировались определенные вопросы, и чем статуты отличаются между собой. Таким образом, мы выяснили, какие вопросы регулировались писаным правом, а какие из них решались в соответствии с обычным правом.*

***Ключевые слова:** семейные отношения, отец, мать, сыновья, Статут Шкодера, Статут Котора, Статут Будвы.*

In the mediaeval Serbian state, the questions about family relations were regulated by provisions in both the cannon and secular legislation [1, pp. 437–516; 2, pp. 80–96; 3, pp. 300–314]. However, the town communities along the Adriatic coastal zone used to have their own statutes, regulating all aspects of their lives, and consequently the legal status of male offspring [4. pp. 83–93; 5, pp. 141–152; 6, pp. 702–707; 7, pp. 71–227]. In the historiography thus far, there has not been an overall view of the male offspring legal status in coastal communities. The paper gives an insight in which questions were regulated in the preserved Kotor, Skadar and Budva statutes.

The family, as a significant element of human community social functioning, has already been a subject of research within the Serbian mediaeval history [8, pp. 183–250; 9, pp. 128-138; 1, pp. 437–516; 3, pp. 300–314; 10, pp. 357–381]. Studying the status of women. Authors analyzed family relationships and legal provisions that regulated those relationships [11, pp. 323–366; 12. pp. 197–212]. Relationships between parents and children were researched in papers dealing with questions on family [13, pp. 283-290].

Among the said statutes, the oldest one is the Kotor Statute with provisions dating from 1301 [14, p. 12; 7, p. 116]. The Skadar Statute was written in the

period of Stefan Dusan, before he was crowned as emperor on 16 April 1346, while the Budva Statute is dated to the period when he already had the title of emperor (1346-1355) [15, p. 18; 7, p. 117].

We shall start with the oldest one, the Kotor Statute. It prescribed obligations the male offspring would bear for the actions of their fathers, both while they were still living (Ch. LXXVI) [14, p. 175].

It also provided for the rules of intestacy for the sons. It provided for how the sons inherited the estate from the first wife, then second or third while father was still living (Ch. CXXXVII) [14, pp. 204-205], as well as for the order of inheriting the father's estate (Ch. CXXXVIII) [14, pp. 205-206]. It provided for the first wife's sons inheriting the mother's dowry when the father was deceased in the case the estate had not been already divided (Ch. CLVI) [14, p. 213]. The father, even against his sons' will, had the right to divide his estate, both movable possessions and real property, in favor of his first or last wife's sons (Ch. CXXXIX). If someone was dividing the estate between the father and his sons, that someone would first have to cover his debts towards the estate that was to be divided (Ch. CXL) [14, p. 206]. Also, it prescribed how estate was to be inherited after father's death. (Ch. CXLI). It said that father could allow daughters to be married before any son got married (Ch. CXLII, CXLIII). Father could disinherit his son in case the son was abusive to the father (Ch. CXLIII) [14, 207]. After father's death, brothers had an obligation to have their sister or sisters married and provide her/them with dowry (Ch. CXLVI) [14, p. 208]. In 1359, on 25 October, it was provided that a father in his will could not leave more of his estate to one son than the other (Ch. CLXXXV) [14, c. 226].

If the father paid back the wife's dowry to one son, he had to do the same with his other sons (Ch. CLVII) [14, p. 213].

The sons from father's first wife, and who are of age, could prevent their father from wasting away the estate (Ch. CLX) [14, p. 214]. Father was also prohibited from spending his first wife's dowry if she was deceased and their sons were still minors. If the son was of age, he had a term of one year to oppose the action (Ch. CLXI) [14, p. 215].

Status of the first wife's sons was defined in a case father decided to remarry (Ch. CLXIII) [14, p. 216]. Also, there was a provision on distribution of the estate of a woman who had had more than one husband and children with each one (Ch. CLXIV) [14, pp. 216-217]. Furthermore, it was provided for estate distribution of a woman after her death in a case when she had children only with her first husband (Ch. CLXV) [14, p. 217], or also if she had children with more than one husband (Ch. CLXVII) [14, c. 217 - 218].

In civil disputes, a widow was accountable for her minor sons, unless she remarried. When the sons become of age, they are the accountable ones (Ch. CXCI).

The statutes also regulated making last will and testaments and how they should be executed. A son who had neither father or mother could prepare his will, but if his parents were alive, he could do only with their consent (Ch.

CXCII). It was also provided when a son could prepare his will even against his mother's wishes ((Ch. CXCIII) [14, p. 229].

A widow's rights and obligations towards her children were regulated as well. The sons were obligated to listen to their widowed mother in the same way as they would have to listen to their father. Father had the right to use corporal punishment with his sons (Ch. CC). If a married couple did not have their own children, they could adopt (Ch. CCI) [14, p. 233]. There were provisions in a case father wanted to oust his married son from home (Ch. CCII) [14, p. 234]. There were also provisions regulating marriage of a minor son and son's rights to his wife's dowry (Ch. CCIII) [14, p. 234]. Relationships between a father and his married son, as well as his unmarried son were also regulated (Ch. CCIII) [14, pp. 234 - 235]. There were provisions on rules of intestacy for mother and sons after a second husband's death in cases there were sons in that second marriage, as well as if there were not (Ch. CCV) [14, p. 235].

The statute also provided for the rules of intestacy for illegitimate sons and outlawed ones (Ch. CCX) [14, pp. 236-237], as well as for a son who wished to be ordained in a monastery (Ch. CCXI) [14, p. 237].

If sons earned some wages by working, their mother could not claim any rights to such earnings (Ch. CCLXXVII) [14, p. 262].

To sum up, the Kotor Statute regulated obligations of sons for acts of their fathers, rules of intestacy, questions of the son's wife dowry or their mother's dowry, responsibilities of mothers for their sons, making the last will and testament of the sons, relationships of a widowed mother with her children, parents' rights over their children, child adoptions, illegitimate sons and outlawed sons.

The Skadar Statute, first of all, regulated sons' marriages and distribution of dowry. It provided that father had the right to have his minor son married, regulating the wife's dowry (art. 159) (15: pp. 268-269]. The provisions stated that parents were obliged to have their daughters married first, and only then their sons could get married (art. 161) [15, p. 269]. There were provisions on the rules of intestacy if the parents had both daughters and sons, or in cases there were only daughters (art. 162) [15, p. 270].

Then there were provisions regulating father's estate distribution, or mother's estate after their death (art. 169) [15, p. 272]. There were precise provisions how mother's dowry was to be distributed if father had more than one wife and children with them (art. 173), then provisions on adoptions (art. 174) [15, p. 274], and those regulating the parents' estate distribution (art. 175) [15, p. 275].

There were provisions for when parents could disinherit their sons and remove them from home (art. 170. и 171) [15, p. 273].

The issue of debts that the children incurred (art. 182), or their father or mother, was also regulated in the statute (art. 183) [15, pp. 277 - 278].

It also provided for the age when a son could acquire the right to make his last will and testament (art. 186) [15, p. 278], as well as for the father's or mother's consent for the action. The subject of the will could be the estate he was due after father's or mother's death (art. 197) [15, p. 282].

Therefore, the Skadar Statute regulated sons' marriages and distribution of dowry, inheritance, disinheritance, and sons' debts and wills.

The Budva Statute allowed for the father to testify in a dispute between his sons (Ch. CXVII) [16, p. 40]. It regulated sons' marriages, both minor ones and those of age, as well as the questions of dowry (Ch. CXXXV). It regulated rules of intestacy for the sons' estate (Ch. CXLVI) and the manner it was to be executed (Ch. CLII) [16, p. 45]. Furthermore, it stated reasons for ousting a son from home (Ch. CXLVII) [16, p. 45], or his disinheritance (Ch. CXLVIII) [16, p. 45-46]. Father could disinherit his son without stating any reason (Ch. CCXXXX) [16, p. 63].

The statute also provided for covering debts incurred by the sons (Ch. CLXI) [16, p. 48-49], or father or mother (Ch. CLXII). It regulated the age one could make a will (Ch. CLXVI) [16, p. 49], and the content of the will could not be contested by either son or daughter (Ch. CLXXII). The wife also had the right make a will (Ch. CLXXIII), or sometimes the sons (Ch. CLXXV) [16, c. 51]. It regulated the rules of intestacy in cases when someone died without a will (Ch. CCXII) [16, p. 58].

So, the Budva Statute regulated father testifying in a dispute between sons, their marriages, estate inheritance, ousting from home and disinheritance. There were provisions for repaying debts of parents or sons, making wills and rules of intestacy if there was no will.

Список литературы

1. Тарановски Т. Историја српског права у Немањинској држави. Београд: Лирика, 2002. 661 с.
2. Шаркић С. Средњовековно српско право. Нови Сад: Матица српска, 1996. 131 с.
3. Павковић Н. Живот у породици и питање својине // Приватни живот у српским земљама средњег века. Београд: Сlio, 2004. С. 300–314.
4. Историја Црне Горе. Књ. 2. Од краја XII до краја XV вијека. Т. 2. Црна Гора у доба обласних господара. Титоград: Редакција за историју Црне Горе, [Београд : Научно дело], 1970. С. 592.
5. Steindorff L. Stari svijet i novo doba. O formiranju komune na istočnoj obali Jadrana // Starohrvatska prosvjeta. 1986. бр. 16. С. 141–152.
6. Бујуклић Ж. Статут // Лексикон српског средњег века. Београд: Knowledge, 1999. С. 702–706.
7. Антоновић М. Град и жупа у Зетском приморју и северној Албанији у XIV и XV веку. Београд: Историјски институт, 2003. С. 373.
8. Новаковић С. Село: из дела „Народ и земља у старој српској држави“ // Глас СКА, 1891. бр. XXIV. С. 261.
9. Синдик И. Комунално уређење Котора од друге половине XII до почетка XV столећа. Београд: Научна књига, 1950. С. 175.
10. Мишић С. Српска породица у позном средњем веку // Етно антрополошки проблеми. 2015. св. 2 . С. 357–381.

11. Фостиков А. Жена – између врлине и греха // Приватни живот у српским земљама средњег века. Београд: Сlio, 2004. С. 323–366.
12. Ђекић Ђ. Зарковић Б. Представа жене у делу Стефана Првовенчаног // Зборник радова Филозофског факултета, 2020. бр. L, св.4. С 197–212.
13. Aleksić V. Taking care of Parents in Medieval Serbian Countries // Црквене студије. 2012. бр. 9. С. 283-290.
14. Statvta civitatis Cathari. Knjiga II. Kotor: Državni arhiv Crne Gore. 2009. С. 598.
15. Bogojević–Gluščević N. Statut grada Skadra iz prve polovine XIV vijeka sa dodacima, završno sa 1461 godinom. Podgorica: Univerzitet Crne Gore, Pravni fakultet, 2016. S 337.
16. Средњовековни статут Будве. Будва: Историјски архив, 1988. С. 255.

СОЦИОКУЛТУРНИЙ АСПЕКТ ОБЩЕСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ МИГРАЦИИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОГО КРИЗИСА (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ)

Дихтемиров М.С.

Крымский федеральный университет им.В.И.Вернадского,
соискатель

E-mail: dihtemirov@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются социокультурные особенности восприятия миграционного процесса на разных уровнях общественной коммуникации. Миграция находит свое отражение на всех уровнях общественного взаимодействия, которое несет в себе не только конструктивный, но и деструктивный посыл. Если на уровне политических структур поддержка беженцев из Украины выглядит как попытка не только оказать им помощь в разных формах, но и признать их гражданами Российской Федерации, то часть принимающего сообщества негативно расценивает такого рода поддержку, считая ее несправедливой в условиях нестабильной экономической ситуации. В этом смысле обостряется чувство «чужого», как по отношению к властным структурам, так и по отношению к вынужденно прибывшим. В свою очередь, данные индексы политики интеграции мигрантов, свидетельствующие о том, что в России происходит «иммиграция без интеграции», показывает, как мигранту («чужоному») крайне проблематично впитать в себя фрагменты «культурного образца групповой жизни» россиян.

Ключевые слова: миграция, социальный кризис, культурный образец групповой жизни, российский социум.

THE SOCIOCULTURAL ASPECT OF PUBLIC PERCEPTION OF MIGRATION IN CONDITIONS OF SOCIAL CRISIS (ON THE EXAMPLE OF RUSSIA)

Dikhtemirov M.S.

V.I.Vernadsky Crimean Federal University,

PHD applicant

E-mail: dihtemirov@gmail.com

Abstract. *The article examines the socio-cultural features of the perception of the migration process at different levels of public communication. Migration is reflected at all levels of social interaction, which carries not only a constructive, but also a destructive message. If at the level of political structures, support for refugees from Ukraine looks like an attempt not only to provide them with assistance in various forms, but also to recognize them as citizens of the Russian Federation, then part of the host community negatively regards this kind of support, considering it unfair in an unstable economic situation. In this sense, the sense of "alien" is becoming more acute, both in relation to the power structures and in relation to the forcibly arrived. In turn, the data of the migrant integration policy index, indicating that "immigration without integration" is taking place in Russia, shows how it is extremely problematic for a migrant (a "stranger") to absorb fragments of the "cultural pattern of group life" of Russians.*

Key-words: *migration, social crisis, cultural pattern of group life, Russian society.*

Общество представляет собой внутренне интегрированную систему. Поэтому рассматривать миграционные процессы в каких-то ограниченных аспектах, мы считаем чрезмерно абстрактным. Социокультурный подход позволяет избежать такого неправомерного абстрагирования и проанализировать особенности общественного восприятия миграционных процессов, исследуемые в отдельных отраслях социального знания. Миграция одновременно возникает в отдельных сферах общества (в экономической, политической, культурной, социальной структурах общества), поэтому достаточно сложно сказать, какая из этих сфер доминирует в формировании миграционного кризиса. Иными словами, можно говорить о погруженности миграционных процессов, а следовательно, их причин, последствий и особенностей восприятия в социокультурный универсум общественной жизни.

За последние три года отношение к миграции на разных уровнях социального взаимодействия является неоднозначным. Если ситуация с COVID-19 актуализировала потребность экономики России в трудовой миграции, в особенности, когда речь шла о строительной отрасли, то в случае проведения специальной военной операции (СВО) на территории Украины, вызвавшей огромный поток украинских беженцев и их массовое расселение по всей России, включая Крым, показало, с одной стороны,

стремление всех слоев населения максимально помочь в интеграции приезжих, а с другой – встречало резкую реакцию на уровне бытового неприятия. Среди примеров социальных конфликтов, которые связаны с интенсификацией миграционных процессов, стоит упомянуть ситуацию в городе Симферополь, когда украинский беженец не хотел переставлять свой автомобиль на пешеходной зоне во дворе многоэтажного дома со словами: «Мы беженцы с Украины, болейте за нас. Мы победим и придём в Крым к вам» [1]. Другой пример, который также имеет отношение к украинским беженцам, связан с женщиной, которая выражала нелицеприятные слова в адрес России и российского народа в общественном транспорте крымской столицы [2]. Убийство Дарьи Дугиной¹ украинскими спецслужбами в Московской области вызвало шок в сознании рядовых граждан нашей страны, которые не совсем понимают, чего можно ожидать от украинцев, вынужденно переезжающих в Россию [3]. Возвращаясь к трудовой миграции в Россию, стоит упомянуть случай в Москве, связанный с избиением подростка мигрантами из Средней Азии. Конфликт произошел, когда один из мигрантов начал приставать к девочке, а подросток вступился за нее, но вместо выяснения отношений один на один, был избит толпой иностранцев [4]. Еще одним резонансным событием стала массовая драка между гражданами России, Узбекистана, Таджикистана и Киргизии в столичном кафе [5].

Многие из покинувших территорию Украины потеряли близких родственников, работу, собственное жилье и т.д. Нарботанный годами социальный капитал приходится конструировать в новой для себя социальной реальности, несмотря на частично идентичный «культурный образец групповой жизни»² (который заключается в схожести языка, общей истории, наличия родственных связей и т.д.). В этом отношении одной из мер поддержки для этой группы людей является помощь в покупке жилья в стране прибытия. Например, те, кто вынужденно покинул Херсон и правобережную часть Херсонской области, в зависимости от количества людей в семье, могут претендовать на следующие типы жилья: 33 кв. метра на одного человека, 42 кв. метра на семью из двух человек, в семье из трех и более человек приходится 18 кв. метра на каждого. Размер выплаты по сертификату определяется исходя из средней стоимости одного квадратного метра жилья в РФ на второе полугодие 2022 года, а именно – 83420 рублей

¹ Дарья Александровна Дугина — журналистка, политолог, дочь Александра Дугина, трагически погибшая в результате теракта 20 августа 2022 года в Московской области.

²Совокупность рецептов для интерпретации социального мира и управления вещами и людьми, помогающее в каждой ситуации с наименьшими усилиями получить наилучшие результаты и избежать нежелательных последствий. С одной стороны, рецепт работает как инструкция: всякий, кто хочет получить некий результат, должен действовать, как предписано для подобных случаев. С другой стороны, рецепт служит схемой интерпретации: предполагается, что всякий, кто действует по его указаниям, преследует определенный результат (А. Шюц).

за 1 квадратный метр. Получается, что если одинокий человек получает жилищный сертификат, то его размер составит 2 752 860 рублей, для семьи из двух человек размер сертификата – 3 503 640 рублей, для семьи из трёх человек – 4 504 680 рублей. Если владелец сертификата решил приобрести дорогое жильё, то он может самостоятельно доплатить разницу [6].

Одним из регионов, где запущена программа по выдаче жилищных сертификатов для беженцев и вынужденно покинувших свои регионы граждан, является Владимирская область, которая отличается достаточно высокими темпами застройки, что позволило создать там обширный жилищный фонд. Кроме того, отмечается, что «граждане будут селиться в похожих на Херсон областях, как со стороны климата, так и со стороны ландшафта и погодных условий. Государство делает все, чтобы упростить интеграцию переселенцев из Херсона в новые области, ведь главное — наш народ, и мы делаем все для улучшения жизни собственных граждан» [7].

Такого рода политические заявления позволяют ощутить принадлежность вновь прибывших, с одной стороны, к новому, пускай и схожему социокультурному полю, а с другой – акцентирует внимание на том, что «культурные образцы групповой жизни» людей, живущих до определенного момента в разных странах, были и являются абсолютно идентичными.

Программа помощи с жильем передана на региональный уровень, где местные власти берут на себя ответственность в вопросах размещения и интеграции вновь прибывших граждан Херсонской и других областей. Еще одним таким примером является Пермский край, где три заявителя из Херсонской области обратились за сертификатами на жилье. Как результат, краевое правительство приняло постановление по выдаче такого рода сертификатов. Они будут действовать как на жилье на первичном рынке, так и на вторичном. Одновременно с этим, сертификат не всегда позволяет приобрести желаемое жилье. Такая тенденция прослеживается в некоторых городах Крыма. Помимо жилищных сертификатов переселенцам предполагается единовременная выплата в размере 100 тыс. рублей [8; 9;10].

Такого рода помощь вынужденно покинувшим свои дома людям из Херсона и других регионов не осталась без внимания со стороны принимающей стороны. Несмотря на референдум и единоегласное решение жителей Херсонской и Запорожской областей, а также ЛНР и ДНР³, чувство «чужого» среди россиян остается и проявляется в различной реакции по отношению к формально уже «своим» гражданам.

³ В ЛНР за вхождение в состав России проголосовали 98,42% избирателей; Херсонская область — 87,05%; Запорожская область — 93,1% (обработано 100% протоколов). ДНР — 99,23%. Референдумы в ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областях. — Текст: электронный. — URL: <https://www.rbc.ru/politics/29/09/2022/6329d5c89a79474c0f7ad167> (дата обращения: 12.11.2022)

Социальные сети, в определенной степени, представляют следующее отношение части россиян: «наши граждане живут на съёмных квартирах, вот в первую очередь надо помогать своим, а потом и все остальные, по очереди, зато налоги мы платим ежемесячно, кормим и своих и чужих», «на наши налоги выдают сертификаты и по 100 тысяч», «думаю надо поехать в Херсон, прописаться там, а потом сбежать обратно за жильем и деньгами», «своим ипотека, а беженцам сертификаты на жилье», «т.е. россияне по уши в ипотеках, а тот, кто приехал бесплатно квартиру получит (причем неизвестно ещё, кто с обычными гражданами прибыл и для чего...)... как-то несправедливо по отношению к своим гражданам, товарищи...у нас уйма нищих с кучей детей - дайте им квартиры и будет вам счастье!», «фсех "беженцев" в сибирь и на дальний восток... там территорий много, пусть осваивают..... отвезти их туда, поставить бараки или быстровозводимые домики, заселить и пусть живут..... города строя, дороги прокладывают, сельское хозяйство развивают и недра осваивают.... полстраны пустые, поэтому у нас и хотят отхватить часть территории буржуины» (прим. комментарии использованы без изменений) [11;12].

Приведенные выше примеры комментариев несут негативный характер, который свидетельствует о том, что уровень социальной напряженности растет. Кроме того, фиксируется установка среди россиян, что они «не нужны этому государству», в частности, это объясняется и тем, что государство не оказывало им такого рода поддержку. Для того, чтобы приобрести принимающей стороне жилье, ей приходится оформлять ипотечное кредитование. На данный момент часть россиян не отождествляют приезжих, формально граждан России, со «своими», более того, государственная поддержка вынужденно переселенных лиц вызывает усиление дистанции внутри формально «своих». Такая реакция вызвана неудовлетворенностью жизнью на местах и большой разницей в поддержке, по факту, двух групп россиян.

Ещё одним важным иллюстративным феноменом для нас является ситуация, в которой оказались жители Крыма. После событий «Крымской весны», став частью Российской Федерации, местные жители приобрели статус бипатрида⁴. В данном контексте необходимо сослаться на рейтинг гражданств, который показывает, насколько принадлежность к той или иной стране упрощает миграцию по всему миру (безвизовый въезд). Одним из таких показателей является «Индекс паспортов», который разрабатывается компанией «Henley & Partners». Ограничимся изложением общих положений, имеющих отношение к нашему кейсу с крымчанами: «в общем рейтинге Россия занимает 50 место (возможность безвизового посещения 119 стран и территорий). За более чем 10 лет количество безвизовых направлений в России выросло с 83 до 119, на Украине (35 место в рейтинге паспортов) за последние более чем десять лет количество безвизовых направлений увеличилось с 64 до 144» [13].

⁴ Лица, обладающие гражданством двух и более государств одновременно

В некотором роде это облегчает перемещение жителей крымского полуострова по всему миру, поскольку, как упоминалось ранее, индекс украинского паспорта выше российского. В то же время это ставит в неравные условия остальных россиян, которые столкнулись с трудностями и ограничениями в вопросах оформления виз, авиаперелетов, работы и обучения за рубежом. Несмотря на формальный запрет второго гражданства в РФ, на крымчан это не распространяется. Такого рода подход со стороны российской власти приводит к тому, что часть крымчан живут в двух социокультурных полях одновременно, формируя гибридный тип идентичности. «Культурный образец групповой жизни» крымчан иногда может репрезентировать себя неоднозначно: например, крымчане на фоне СВО посещают страны ЕС, поскольку для украинцев беженцев там существуют льготы (в частности, бесплатный проезд при предъявлении украинских документов) [14], использование канадской программы для экстренной иммиграции, но не беженства украинцев в Канаду Canada-Ukraine Authorization for Emergency Travel (CUAET)⁵ и др.

Если рассматривать эту проблему на уровне отдельно взятого индивида, то можно предположить, что бипатризм может стимулировать открытие новых возможностей для саморазвития, улучшения уровня жизни и т.д., но на уровне государства это создает определенные препятствия в просеивании «культурного образца групповой жизни» и затрудняет понимание того, насколько долгосрочны планы индивида в отношении страны, где он находится сейчас. В случае с Крымом проблема оттока человеческого капитала (который в некоторых случаях замещается мигрантами), сложная демографическая ситуация, близость к линии фронта, поликультурная специфика региона, дотационность полуострова и непонимание будущего развития, как Крыма, так и России формируют миграционную мобильность, что при наличии украинского гражданства упрощает данную процедуру.

Продолжая выявление социокультурных аспектов миграции в России, автор считает необходимым сослаться на данные индекса политики интеграции мигрантов (The Migrant Integration Policy Index - MIPEX), который измеряет политику интеграции мигрантов в различных странах мира. Цель этого индекса - «анализ современных, всеобъемлющих данных исследований, на которых можно основывать политику, предложения по ее изменению и проекты по достижению равенства между гражданами и мигрантами в разных странах. Различные индикаторы создают многомерную картину возможностей мигрантов и степени их участия в жизни общества». Индекс делает акцент на 8 областях: «доступ к рынку труда, воссоединение

⁵Разрешение на экстренные поездки между Канадой и Украиной (CUAET) является одной из многочисленных специальных мер, введенных правительством Канады для поддержки народа Украины. Программа предоставляет украинцам и членам их семей бесплатный, расширенный временный статус и позволяет им работать, учиться и оставаться в Канаде до тех пор, пока для них не будет безопасно вернуться домой.

семей, доступ к образованию, политическая вовлеченность, институт вида на жительство, доступ к гражданству, борьба с дискриминацией, здравоохранение». На момент исследования индекс охватывал 52 страны, включая Россию. Если среднее значение индекса интеграции равно 50, то в России данный показатель равен 31 баллу (один из самых низких показателей). Согласно отчету, подход в России к интеграции определяется как «иммиграция без интеграции».

Для создания «правильного» восприятия трудовых мигрантов требуется огромная работа всех субъектов миграционного процесса. Но базовые принципы восприятия закладываются на уровне государства, а все остальные субъекты корректируют и трансформируют отношение к мигрантам [16, с. 209].

В дополнение к сказанному выше можно привести слова Президента РФ, где В.В. Путин, как главный актер российской политической власти, подчеркивает определенные различия между той частью украинских беженцев, которые приехали в Россию, и которые уехали в Европу на фоне конфликта: «Почувствуйте разницу между теми людьми, которые приехали с Украины к нам, и теми, кто находится в Европе. Там ходят по ресторанам и требуют себе скидок, а у нас люди просят на работу» [17]. Мы не будем вдаваться в подробности качества человеческого капитала, который приезжает в Россию и Европу из Украины, а ограничимся тезисом о том, что данное высказывание носит комплементарный характер в отношении беженцев и не учитывает качество социальной среды принимающих регионов.

К числу акторов духовно-ментальной власти в России стоит отнести и представителей духовенства. Русская православная церковь в лице Патриарха Московского и всея Руси Кирилла отмечает определенные сложности, которые влечет за собой миграция на фоне глобального и регионального кризисов. В частности, говорится о том, что «наш народ всегда отличался открытостью к людям самого разного происхождения, готовым с уважением относиться к приютившей их стране». Тем не менее, трансформация социального климата в стране и «появление в значительном количестве носителей иных обычаев может серьезно изменить жизнь нашего народа, в том числе нести угрозу сохранению его духовных основ и традиций». Патриарх задается вопросом: «Не пора ли говорить о необходимости не только количественного сбережения народа, но и заботы о сохранении его идентичности?». В продолжение своего доклада Кирилл отметил негативные тенденции в жизни россиян: «во-первых, сегодня все больше коренных жителей нашей страны не могут найти работу, а во-вторых, все чаще отмечается, что избыток неквалифицированных мигрантов несет с собой рост преступности и конфликтов не только на бытовой, но и на национальной и религиозной почве, создание замкнутых анклавов с теневой экономикой и даже автономным социальным режимом, населенных людьми, живущими обособленно и нередко враждебно относящимися к коренному населению. Надо прямо сказать: в условиях, когда наша страна подвергается

непрерывающемуся давлению извне, перечисленное является существенной угрозой» [18].

В свою очередь, первый заместитель председателя Духовного управления мусульман Российской Федерации – Дамир Мухетдинов считает, что Духовное управление мусульман Российской Федерации не готово к работе с людьми, которые приехали из разных в экономическом отношении регионов бывшего СССР. Кроме того, уровень их образования, в том числе и исламского, разительно отличается, что препятствует их включению в российскую умму. Вместе с тем, со слов ректора Московского исламского института: «она (прим. работа) ведется и носит не совсем декларативный характер, но она ограничивается в большей степени только проповедями в мечетях. Духовенство не разбирается в тонкостях и особенностях менталитета тех мусульман, которые приехали массово в российские города. Трудность работы с мусульманами из стран СНГ заключается еще и в том, что внутри самих этих народов есть огромные проблемы, есть исторические, территориальные претензии. Поэтому не столько мы не готовы со всеми работать, как они между собой стремятся к обособлению. Более того, это обособление происходит не только в рамках одной нации, но и в рамках этнотерриториальных границ: представители Ферганы отдельно, Ташкента – отдельно, южный Казахстан – отдельно. Посмотрите внутрироссийский контекст. Чеченцы и ингуши, по сути, один народ, но конфликт между ними то вспыхнет, то затухает. Или татары. Вроде бы однородная нация. Но это не так: есть мишяры, ногайцы, есть крымские татары, которые себя не причисляют к общетатарской нации. В этих этнических вопросах очень много тонких моментов и подводных камней, которые как-то преодолеть самим очень сложно» [19].

Зависимость России от внешней миграции актуализировалась и приобрела отчетливую форму на фоне COVID-19 и СВО. При этом миграция находит свое отражение на всех уровнях общественного взаимодействия, которое, в условиях социального кризиса, несет в себе и деструктивное свойство. Не подлежит сомнению, что отношение экономических субъектов к миграции есть и должно быть инструментальным в условиях рыночной экономики. В отличие от представителей экономического поля, акторы политического процесса в лице властей федерального и регионального уровней, публичные политики и внесистемные политические активисты, а также представители административной власти, оказывающие существенное влияние на восприятие миграционного процесса и мигрантов, и одновременно с этим, трансформирующих восприятие мигрантами принимающей стороны, не имеют однозначного отношения к этому феномену. В этом смысле стоит пересмотреть не только концепцию миграционной политики нашей страны, но также учитывать социокультурную специфику России и стран-доноров, чтобы сформировать благоприятное восприятие миграции на всех общественных уровнях.

Как показывает сопоставление разных миграционных ситуаций, связанных с реакцией социальных субъектов (граждан РФ, мигрантов, представителей политического, экономического и культурного полей) по отношению, как к самой миграции, так и к ее последствиям на фоне социального кризиса, существует неоднозначное отношение «своих» к «своим». Во-первых, на уровне политических структур поддержка беженцев из Украины выглядит, как попытка не только помочь в разных формах, включая, прежде всего, материальную, но и признать их такими же гражданами Российской Федерации. Часть принимающего сообщества негативно расценивает такого рода помощь «своим», считая ее несправедливой в условиях тяжелой экономической ситуации. В этом смысле обостряется чувство «чужого», как по отношению к властным структурам, так и по отношению к вынужденно прибывшим. Во-вторых, данные индекса политики интеграции мигрантов, свидетельствующие о том, что в России происходит «иммиграция без интеграции», показывает, как мигранту («чужому») крайне проблематично впитать в себя фрагменты «культурного образца групповой жизни» россиян. В-третьих, крымский кейс с бипатридами создает определенные риски, не только для создания монолитного поликультурного поля, но и для развития человеческого капитала и региона в целом.

В заключении стоит отметить, что в условиях социального кризиса крайне важно вести синхронную работу, связанную как с кристаллизацией «культурного образца групповой жизни» россиян, так и с приданием миграции экзистенциально важной ценности на всех уровнях социального взаимодействия.

Список литературы

1. Украинский беженец в Крыму на Porsche повел себя по-хамски и потом долго извинялся. – Текст : электронный. – URL : https://news.rambler.ru/conflicts/48653990/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения 15.11.2022).
2. В городе Симферополь в автобусе украинская беженка заявила о ненависти к русским людям. – Текст : электронный. – URL : <https://novostiv1.ru/news/20221121/92048/> (дата обращения 17.12.2022).
3. ФСБ раскрыла убийство Дарьи Дугиной. Какую роль в этом преступлении сыграли украинские спецслужбы и боец полка «Азов»? – Текст : электронный. – URL: <https://lenta.ru/articles/2022/08/22/dugina/> (дата обращения 17.12.2022).
4. Массовое избиение мигрантами подростка произошло в Москве. – Текст: электронный. – URL: <https://360tv.ru/news/proisshestviya/massovoe-izbienie-migrantami-podrostka-proizoshlo-v-moskve/> (дата обращения 15.02.2023).

5. Массовая драка произошла в столичном кафе. – Текст: электронный. – URL: <https://moslenta.ru/news/city/massovaya-draka-19-02-2023.htm> (дата обращения 21.02.2023).
6. На какую сумму могут рассчитывать жители Херсонской области при переезде и как подобрать жилье. – Текст: электронный. – URL: <https://crimea-news.com/society/2022/11/18/991828.html> (Дата обращения 01.12.2022).
7. Владимирская область дает сертификаты беженцам на покупку жилья. – Текст : электронный. – URL: <https://kherson-news.ru/society/2022/10/30/59378.html> (Дата обращения 01.12.2022).
8. Переселенцам из Херсонской области будут выдавать сертификаты на жилье в Пермском крае. – Текст: электронный. – URL: <https://properm.ru/news/-society/211045/> (Дата обращения 01.12.2022).
9. На какое жильё в Крыму хватит сертификатов для покинувших Херсон. – Текст: электронный. – URL: <https://sevastopol.su/news/nakakoe-zhile-v-krymu-hvatitsertifikatov-dlya-pokinuvshih-herson> (Дата обращения 01.12.2022).
10. Что получат жители Херсона: список льгот и поддержки для вынужденных переселенцев. – Текст : электронный. – URL: <https://fedpress.ru/article/3140677> (Дата обращения 01.12.2022).
11. Почему нам не выдавали сертификаты на покупку жилья как беженцам. – URL: <https://zen.ru/media/skarf-/pochemu-nam-ne-vudavali-sertifikaty-na-pokupku-jilia-kak-bejencam-635600be1038191b24fc26e9> (Дата обращения 01.12.2022).
12. Комментарии к публикации «Беженцам из Херсона выдают сертификаты на покупку квартир. Почему ни один не берет жилье в Ростове?» – Текст: электронный. – URL: <https://161.ru/text/realty/2022/11/04/71792153/comments/> (Дата обращения 01.12.2022).
13. Индекс паспортов июль 2022. – Текст: электронный. – URL: https://ru.henleyglobal.com/storage-/app/media/HPI/2022/Henley_Passport_Index_2022_Q3_Russian_220714.pdf (дата обращения: 20.09.2022).
14. Бесплатный проезд в Европе: где ещё действуют льготы для украинцев? – Текст: электронный. – URL: <https://tripmydream.com/-media/layfhak/besplatnuj-proezd-v-evrope-gde-eschje-dejstvyjut-lgotudlja-ukraintsev> (Дата обращения 01.12.2022).
15. MIPEX (The Migrant Integration Policy Index) [Текст электронный]. – URL: https://scr.hse.ru/data/2020/11/19/1365426208/Россия_Профиль%20страны_MIPEX.pdf (дата обращения 02.10.2022).
16. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций / Владимир Малахов. – М.: Новое литературное обозрение; Институт философии РАН, 2014. – 232 с.

17. Путин назвал отличие между беженцами с Украины в Европе и России. – Текст: электронный. – URL: <https://iz.ru/-1420973/2022-11-04/putin-nazval-otlichie-mezhdu-bezhentcami-s-ukrainy-v-evrope-i-rossii> (дата обращения 05.01.2023).
18. Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на Епархиальном собрании г. Москвы (22 декабря 2022 года) / Пресс-служба Патриарха Московского и всея Руси. – Текст: электронный. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/print/5985883.html> (дата обращения 10.02.2023).
19. Интервью с первым заместителем председателя Духовного управления мусульман Российской Федерации, ректором Московского исламского института, директором Центра исламских исследований СПбГУ доктором теологии Дамиром Мухетдиновым / Официальный сайт Совета муфтиев России. Текст: электронный. – URL: https://muslim.ru/articles/-287/32465/?sphrase_id=29774 (дата обращения 15.01.2023).

**ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ:
НЕГАТИВНЫЕ ЭФФЕКТЫ ВЛИЯНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИДЕОЛОГИЙ НА ИСТОРИЮ СЕРБСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
В КОСОВО И МЕТОХИИ**

Мария Ефтимиевич Михайлович

доктор филологических наук

Институт сербской культуры - Приштина / Лепосавич

E-mail: mjmihajlovic@gmail.com

***Аннотация.** В статье дается краткий обзор истории сербской литературы в Косово и Метохии с начала XX века до наших дней и указывается, что на протяжении всего этого времени на нее сильно влияли не только бурные исторические изменения, ознаменовавшие прошедшее столетие, но и сильные политические идеологии (в первую очередь воплощенные в коммунистической идее «братства и единства»), из-за которых величайшие сербские писатели в истории сербской литературы рассматривались как маргинальные и «региональные». Этот статус значительно изменился к девяностым годам прошлого века, но политические события 1999 года в Косово и Метохии и нынешнее тяжелое положение его жителей и литературных творцов затруднили создание и восприятие литературы широкой общественностью.*

***Ключевые слова:** Косово и Метохия, литература, политика, идеология, власть.*

**LITERATURE IN THE CONTEXT OF POLITICS: NEGATIVE
EFFECTS OF POLITICAL IDEOLOGIES ON THE HISTORY OF
SERBIAN LITERATURE IN KOSOVO AND METONIJA**

Marija Jeftimijević Mihajlović

PhD of Philological Sciences

Institute for Serbian Culture - Priština / Leposavić

E-mail: mjmihajlovic@gmail.com

Abstract. *The paper provides a brief overview of the history of Serbian literature in Kosovo and Metohija, from the beginning of the 20th century until today, and states that during all that time it was strongly influenced by the turbulent historical changes that marked the last century, but also by strong political ideologies (primarily embodied in the communist idea of "brotherhood and unity"), because of which most Serbian writers were treated as marginal and "regional" in the history of Serbian literature. That status has changed significantly since the nineties of the last century, but the political events of 1999 in Kosovo and Metohija and the current difficult position of its inhabitants and literary creators have made literary production and reception by the general public difficult.*

Keywords: *Kosovo and Metohija, literature, politics, ideology, government*

Any talk about the history of Serbian literature, which was created in the area of the southern Serbian province, Kosovo and Metohija, is unthinkable without taking into account the historical, social and political conditions that the Serbian people went through in their history. A time distance of more than a century allows the history of that literature to be viewed in a completely new context, while it should be borne in mind that many positions have been revalued in the meantime, that is, many writers have received their rightful place in the history of Serbian literature. Turbulent changes in historical trends, the dominance of certain political ideologies and aspirations in the 20th century, the attitude towards the government, these are all facts that significantly influenced the reception of Serbian writers who during the last century and at the beginning of this century created and continue to create in the area of Kosovo and Metohija, whose historical status has been the subject of political and diplomatic conflicts for decades, which is reflected in the very literature and culture that is created and nurtured there.

Hence, the understanding of the poetics of Serbian writers and poets who were connected to Kosovo and Metohija through their life and work and created a different reality with their creativity, which was the ideological backbone of preserving the Serbian national identity, will be easier if one takes into account the diachronic continuity in which the historical heritage more or less formed the basis of their literature. This refers primarily to the literary tradition of Kosovo and Metohija, which began at the end of the 19th century, characterized by ups and downs, interruptions and new beginnings. The strongest historical echoes and scopes of Serbian literature are related to storytellers who created in the first decades of the 20th century, namely three authors: Grigorije Božović, Janićije Popović and Zarija R. Popović. Their poetics was characterized above all by the

fact that it was based on spirituality, history and tradition, preservation of language and folklore, as their status in the history of Serbian literature, on the other hand, was never questioned. They were treated as part of the main stream of the history of Serbian literature, and even when some of them (like Grigorije Božović, who was shot for ideological reasons in 1945 in Belgrade, and his work was banned from the literary public for fifty years), were exiled from the history of literature, they were exiled as Serbian writers, not as "Serbian writers from Kosovo and Metohija".

The political changes brought about by the Second World War, however, completely changed that relationship and interrupted the continuity in the development of Serbian literature, so that it will continue only in the decade after the end of the war, but literature will now be treated completely differently. Namely, the political ideology known as the idea of "brotherhood and unity" will play a decisive role in the field of cultural, artistic and literary work, so everything that was created / written in the Serbian language from then until the mid-eighties of the 20th century will instead under the term "Serbian", be classified under the term "Kosovo". Although it is clear that this idea was purely political (and, as it will turn out later, formed one of the basic backbones for the realization of Albanian aspirations for the independence of Kosovo), it had a very strong negative effect on the history of Serbian literature as a whole, because in this way, many valuable writers and their works remained outside the main stream of Serbian literature that was created in central Serbia. There were almost no Serbian writers from Kosovo and Metohija in school and educational programs, and when, due to their obvious and indisputable literary and artistic value, they were given a place, they were treated not as "Serbian writers", but as "Serbian writers from of Kosovo and Metohija" (such is the case with the greatest writers: prose writer and critic Vuk Filipović (1930–1990), poet Darinka Jevrić (1947–2007), poet Lazar Vučković (1937–1966) and many others). The time distance of more than half a century points to the undoubted tendentious isolation of this literary region and distance from the mother country by forcing creativity in the Albanian language and the latent but conscious inclusion of Serbian writers in the body of literature of Kosovo and Metohija, which was supposed to have a multinational and multicultural character. The aspiration, whose background was political and not literary in nature, resulted in some writers continuing their development outside the area of this province (Čedo Vuković, Božidar Milidragović, Danilo Nikolić, Rade Nikolić), while those who remained to a certain extent obeyed new literary standards and laws.

Because of the imposed idea of "brotherhood and unity", many Serbian writers who lived and created in Kosovo and Metohija are themselves turning to new thematic-motive and cultural contents, but this turning was conditioned (although not justified) by the ruling political ideology and social engagement of literature. It seems that government and literature have never been so close, that is, political ideology has never had such a strong influence on literary works than in the first decades after the Second World War. This is evidenced already by the first post-war stories whose authors, in order to establish a new spiritual climate of

brotherhood and unity (which never really took root), instead of their own, turn to the culture of their compatriots and find a source of motivation in them. In this sense, one can talk more about *geopolitics* and less about *geopoetics*, especially if it is taken into account that the literary works of the immediate post-war generation (above all prose works) cannot enter the more valuable anthological selections [1, p. 65]. This can primarily refer to prose (especially novels), while poetry was the dominant part of literature created in the Serbian language in Kosovo and Metohija in the second half of the last century. Although it had representative role models at the beginning of the century, the literature created in the Serbian language in the 1950s and 1960s was more a reflection of the social conditions in this area rather than an effort to continue the literary tradition. An additional difficult circumstance was the fact that this literature was created "in minority conditions, even though in the home country" [2, c. 11].

Poetry, in a way, was more independent from political ideologies and the demands placed on it by the new policy of the SFRY, persistent in the belief that one should be a "Yugoslav" rather than a "Serbian" writer. Poetry managed to break away from the constraints of political ideology and the expectations of the literary and cultural public, and to establish a more or less independent position in the literature of this province. The poetry had an emphasized national content and as a basic poetic and ideographic hub - the Kosovo myth and the Kosovo commitment, in the way that Zoran Mišić described it in the famous essay "What is the Kosovo commitment" from 1961, as primarily spiritual and poetic determination [3, c. 246]. That determination is "part of the poet's metaphysical defense against the new apocalypse" [4, s. 257], against the deep tide of decay, new historical sufferings, new persecutions brought by the end of the 20th century. This was best demonstrated by the entire constellation of Kosovo-Metohija poets, from Darinka Jevrić, Lazar Vučković, Radoslav Zlatanović, Radosav Stojanović, Radomir Stojanović, Ratko Popović, Stojiljko Stanišić and others. In the poetry of these poets, a new poetic spirit was embedded based on sacred and secular heritage, historical past and mythical poetic ideas, but such a poetic spirit was nurtured in the Serbian poetic tradition long before this generation of Kosovo Metohija poets. It was, on the one hand, stimulated by the awakening of national consciousness and the culmination of several decades of attempts to marginalize everything that was valuable in the Serbian culture of Kosovo and Metohija, especially in literature, but it should also be borne in mind that the celebration of six centuries of great Kosovo battles (1989) was approaching, as one of the central events of Serbian political and spiritual history.

Of particular importance is the event that took place in 1985, when the difficult and unfavorable socio-political and literary situation in which Serbian writers and the Serbian people as a whole in Kosovo and Metohija were, led to a rebellion of forty Serbian writers who in the autumn of 1985, signed an Open Letter to the Society of Writers of Kosovo, protesting against, as they pointed out, the continuous narrowing of their living and spiritual space, the continuous suppression of their own language (let us remind here that the suppression of Serbian national identity in the area of the southern Serbian province was

particularly intensified after the Constitution of 1974 when Kosovo and Metohija had the de facto status of a federal unit of SFRY, although formally it was still part of Serbia). That public letter, which caused a great scandal in the ranks of the Communist Party of Yugoslavia, was later cited by many historians and literary scholars as a turning point and the announcement of Slobodan Milošević's arrival in Gazimestan on Vidovdan in 1989.

With the coming to power of Slobodan Milošević, the era of socialism ended and the power of the former communist party was abolished, and Yugoslavia was broken up as well as Kosovo as an autonomous region with elements of statehood; thus, the truth about Kosovo and Metohija (primarily that which concerned the unequal position of the Serbian people, the erasure of its tradition, spirituality, history, but also the endangerment of existence through mistreatment, violence, and forced emigration) could, after half a century of silence, be spoken out loud. Furthermore, it could have been given the literary shape of the national charge and libertarian spirit that was first felt in the works of the new and slightly older generation of poets. During the 1990s, new writers entered the literary scene of Priština, as well as other areas, including those whose creativity and cultural work will mark the first decades of the 21st century. Thematically, that literature (especially poetry) turns to the people of this climate, their sufferings, endurance and heroism, their customs. It is imbued with faith in survival and a better tomorrow, it returns to the roots, glorifies tradition and spirituality, describes cultural heritage (churches and monasteries) and is dominated by patriotic and religious feelings, national myths, Orthodox thought and the Kosovo Covenant, compassion for compatriots suffering in Croatia and Bosnia and Herzegovina, and at the same time there is a sharp criticism of crimes and criminals, as well as Western liberal societies.

The end of the 20th century, however, brings new pogroms. The war for the defense of Kosovo and Metohija, as well as the NATO bombing, will make a large part of the writers continue their work in dispersion, in central Serbia, far from their homeland. Those who remained in Kosovo and Metohija (mainly in the north) also during the first decade of the new century wrote and lived in an almost identical way, representing the most numerous literary grouping in this area. The Serbian population was expelled from all major cities in central Kosovo (Priština, Lipljan), Pomoravlje (Gnjilane) and Metohija (Prizren, Peć), so that even those artists who, despite all the problems, decided to stay in Kosovo and Metohija had been forced to move to smaller areas near larger cities (Gračanica, Štrpce, Goraždevac, Šilovo, Ranilug). In the first decade of the 21st century, Serbian writers remain isolated in ghetto communities, they are denied elementary security and freedom of movement, they face the process of deurbanization of culture, remaining without urban audiences, infrastructure (cultural facilities, galleries, halls, libraries) and more serious perceptions, and thus the reception of their work. The only urban area for Serbs remains the northern part of Kosovska Mitrovica, which, for the first time in history, also becomes the literary center of Serbs from Kosovo and Metohija.

During the first two decades in Kosovo and Metohija, two groups of literary creators stand out - authors who gained affirmation to a greater or lesser extent during the 20th century and writers who began their literary work in this century. One of their common ideological denominators, despite the stylistic-poetic differences and generational distances, is dominant, though not in all, and not present in the same intensity (more noticeable in poetry and criticism than in prose), is the topos of Kosovo and Metohija, and not only as a mythopoetic, but also as a real-historical space. Thanks to this feature, it is possible to talk about the contemporary Serbian literature of Kosovo and Metohija as a separate entity, as a specific ingredient that enriches the overall Serbian literature, even when it has no value that goes beyond the regional framework. Among the writers and poets who stayed to live and work in Kosovo and Metohija, whose value has been confirmed by the history of literature and literary criticism, are Darinka Jevrić, Slobodan Kostić, Aleksandar Despotović, Mitra Reljić, Živojin Rakočević, and especially the writer Petar Sarić (1937) who, even after the bombing in 1999 and his exile from Priština, continued to live and create in Kosovo and Metohija (in Štrpce, Brezovica). His literary efforts (eight novels, four collections of poetry and nonfiction), created from 1972 until today, are an undoubted indicator of the change experienced by the reception of Serbian writers and Serbian literature from Kosovo and Metohija. Today, Petar Sarić is considered a Serbian writer and not a "Serbian writer from Kosovo and Metohija" and his place in the history of Serbian literature is established. That kind of "freedom" in the history of literature, that is, a deserved status, is unfortunately not an indicator of the freedom that writers have today in Kosovo and Metohija. Persisting in almost unimaginable conditions for the 21st century, in the modern ghetto, they become a paradigm and example of the libertarian spirit and developed national consciousness that characterized Serbian writers in the past.

Literature

1. Jeftimijević Mihajlović Marija. Istorijski pregled razvoja romana i njegovo mesto u književnoj tradiciji Kosova i Metohije // *Kulturno nasleđe Kosova i Metohije: istorijske tekovine Srbije na Kosovu i Metohiji i izazovi budućnosti*. Zbornik 1. Kancelarija za Kosovo i Metohiju Vlade Republike Srbije – Univerzitet u Prištini. Beograd – Kosovska Mitrovica. C. 64-84.
2. Kostić D. Savremena proza na Kosovu i Metohiji (1945-2000) / Institut za srpsku kulturu – Priština, Leposavić, 2002.
3. sMišić Z. Kritika pesničkog iskustva. Beograd: Srpska književna zadruga, 1996.
4. Andrejević D. Savremena srpska poezija Kosova i Metohije // Baština. Sveska 20/2. Institut za srpsku kulturu Priština-Leposavić, 2006.

ПРАВОВАЯ СИСТЕМА ВО ВРЕМЯ ПЕРВОГО И ВТОРОГО ПЕРИОДОВ СУЩЕСТВОВАНИЯ ИСЛАМСКОГО ЭМИРАТА АФГАНИСТАН: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Закиржанов Р. И.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
кафедра религиоведения Института социально-философских наук и
массовых коммуникаций, студент
E-mail: gaymaletdinov00@bk.ru*

***Аннотация.** В статье автор поднимает вопрос правового плюрализма на территории Исламского Эмирата Афганистан. На территории современного Афганистана сложилась уникальная ситуация: афганское право представляет собой сочетание исламского права, государственного законодательства и местного обычного права. Отсутствие ясности в отношении взаимосвязи между этими различными источниками права и отсутствие руководящих принципов в отношении того, как разрешать конфликты между ними, создают множество проблем в Афганистане. Несмотря на существование официального права, т. е. формальной правовой системы, установленной в соответствии с положениями конституции, общественно-правовая реальность им не отражается, и не представляет собой норм, реально регулирующих жизнь большинства населения. Для большинства населения, племенное/обычное и исламское право являются более важными и фактически более известными, чем любое государственное законодательство.*

Автор выдвигает собственную гипотезу о причинах того, почему применение и реализация международных правовых стандартов и стандартов в области прав человека, на территории Исламского Эмирата Афганистан в настоящий момент отличаются низким уровнем эффективности.

***Ключевые слова:** Афганистан, движение «Талибан» [организация, запрещённая на территории РФ - прим. авт.], шариат, адат, Конституция, правовая система.*

THE LEGAL SYSTEM DURING THE FIRST AND SECOND PERIODS OF THE EXISTENCE OF THE ISLAMIC EMIRATE OF AFGHANISTAN: A COMPARATIVE ANALYSIS.

Zakirzhanov R. I.

*Kazan (Volga Region) Federal University,
department of Religious Studies of the Institute of Social and Philosophical
Sciences and Mass Communications, student
E-mail: gaymaletdinov00@bk.ru*

Abstract. *In the article, the author raises the issue of legal pluralism on the territory of the Islamic Emirate of Afghanistan. A unique situation has developed on the territory of modern Afghanistan: Afghan law is a combination of Islamic law, State legislation and local customary law. The lack of clarity about the relationship between these different sources of law and the lack of guidelines on how to resolve conflicts between them create many problems in Afghanistan. Despite the existence of official law, i.e. the formal legal system established in accordance with the provisions of the Constitution, the social and legal reality is not reflected by it, and does not represent norms that actually regulate the life of the majority of the population. For the majority of the population, tribal/customary and Islamic law are more important and actually more well-known than any state legislation.*

The author puts forward his own hypothesis about the reasons why the application and implementation of international legal standards and standards in the field of human rights in the territory of the Islamic Emirate of Afghanistan currently have a low level of efficiency.

Keywords: *Afghanistan, the Taliban movement [an organization banned on the territory of the Russian Federation - **author's note**], Sharia, adat, Constitution, legal system.*

Актуальность данной темы состоит в том, что августовские события в Кабуле в 2021 г доказали несостоятельность проамериканского режима президента А. Гани. Власть под контролем талибов – это новый вызов для законодательства Афганистана, которое вслед за политическими изменениями также ощутит на себе всю мощь глубокого политико-социального реформирования. Насколько легитимными эти преобразования окажутся с позиции внутригосударственной и международной критики – вопрос открытый и не менее острый, что требует детального изучения [1].

Прогнозирование такого сложного вопроса требует скрупулёзного выстраивания всех причинно-следственных связей, что невозможно в отрыве от истории Афганистана, в частности – всех событий, которые так или иначе были связаны с талибами и другими сопутствующими их приходу к власти факторами, как, например, усталость населения от влияния США.

Так, в период с 1996 по 2001 гг. во время первой попытки формирования Исламского Эмирата Афганистан, талибы воссоздали на территории страны истинно тоталитарный военно-теократический режим, о чем красноречиво свидетельствуют следующие атрибуты данного политического режима: во-первых, наименование главы государства как «повелитель правоверных», во-вторых, концентрация в руках духовенства всех трех ветвей власти, в-третьих, насильственное насаждение шариата среди населения, в том числе и путем запугивания, в-четвертых, отрицание альтернативных путей консолидации афганцев. Такой негибкий и со стратегической точки зрения политически неумелый ход сыграл роль катализатора дестабилизации и так шаткой структуры афганского общества, поскольку, по - крайней мере, решение копившихся веками межэтнических

противоречий таким однобоким наскоком очень неграмотно. В силу неумения нивелировать даже имеющиеся проблемы, а так же не имея представления как иначе переиграть ситуацию помимо использования религиозных методов и методов запугивания, своим ужесточением дискриминационной политики в отношении непугунских групп населения, особенно - шиитов-хазарейцев, привело к формированию конфликтных отношений между шариатом и адатом (обычным правом), закреплённым в пуштунском кодексе чести «Пуштунвалаи» [2].

Дуализм правовой системы – черта национальной правовой системы Афганистана. Исторически повелось, что шариат и адат сосуществовали в жесткой конкуренции. Так, в судебной практике талибов эта тенденция продолжалась. Получалось так, что каждое дело, требующее разрешения – прецедент, решение по которому выносится либо по адату, либо по шариату по усмотрению представителей администрации талибов или кади (судьи). Таким образом сложилась благодатная почва для правового произвола. В случае применения законов шариата зачастую имела место множественность толкования его постулатов в виде интерпретаций решений, прецедентов в области фикха, фетв, текстов Сунна Пророка Мухаммада, изречений Корана (выбор тафсира-толкования в законодательстве первого Исламского Эмирата Афганистан не регламентировался в принципе) с полным игнорированием факта существования соответствующих ситуации адатов. В случае применения адата, зачастую имела место личная заинтересованность чиновников или кади в определённом исходе дела, принятии "нужного" решения, либо применения строго определённой формулировки в вынесенном вердикте. Иными словами, судьи могли бесконтрольно манипулировать нормами шариата и адата не в интересах стороны судебного процесса и никак не в интересах справедливости, которая явно "затерялась где-то между шариатом и адатом" [2].

Надо отдать должное, талибы, хоть и поздно, но все же поняли, что такая система нежизнеспособна и создаёт благодатную почву для коррупции, тем самым дискредитируя Исламский Эмират Афганистан даже среди потенциальных союзников. На специально созванном собрании улемов были досконально изучены тексты прежних конституций всех предшествующих правительств. За основу для стандартизации содержания конституционных норм было избрано мусульманское право - шариат. Все нормы адата, противоречащие законам шариата полностью, были упразднены, а те, что противоречили в какой-то части – приведены в соответствие с законами шариата (зачастую внедрение «изменённых» адатов происходило силой оружия). Прделанная работа по унификации правовой системы, легла в основу проекта дастура (основного закона), в последствии одобренного правительством талибов в июне 2005 года [3].

Так, дастур содержал в себе положения, закрепляющие непререкаемый статус ислама как главной и единственной религии в стране (ст.3), который толкуется с позиций исключительно ханафитского мазхаба (ст.4), а также

постулат о том, что законы шариата – единственный источник права в Исламском Эмирате Афганистан (ст.5) [4].

В 2001 году в результате интервенции войск США превый Исламский Эмират Афганистан перестал существовать.

Второй период существования Исламского Эмирата Афганистан начался в 2021 году. 15 августа 2021 года Талибы захватили Кабул и восстановили свою власть практически над всей территории страны. Пришедший к власти, ныне «Талибан» [организация, запрещённая на территории РФ - **прим. авт.**] прилагает все усилия для международного признания и установления дипломатических связей. Официальный представитель «Талибана» [организация, запрещённая на территории РФ - **прим. авт.**] Мухаммад Наим объявил о запуске конституционного процесса по формированию нового главного документа, провозглашающего Исламский Эмират Афганистан, и временно восстановило на переходный период действие третьей Конституции 1964 г. времён последнего короля Мухаммада Захир-шаха, за исключением тех его положений, которые противоречат нормам шариата [5].

Вполне разумно задаться вопросом о том, почему талибы не используют в реалиях своего второго прихода то, что сами же и одобрили в недавнем прошлом. Вероятно, есть несколько причин такой нерешительности. Так, по одной из версий, Конституция 2005 г. (дастур) – не окончательное видение талибами модели устройства Афганистана, а «демо-версия» той системы, которую они хотят видеть, но о способах построения к которой ещё не пришли, по другой версии – модель переходного государства, которая когда-то их устраивала, но явно не сейчас. Второй вариант выглядит намного более вероятным, поскольку Конституция 2005 г. талибами официально нигде не упоминается. В ходе своей имиджевой компании, они неоднократно заявляли миру о своих продемократических наклонностях с религиозно-афганской спецификой. Так, об этом свидетельствует многозначительный жест в начале декабря 2021 г. когда лидер талибов Хайбатулла Ахундзада, издаёт немислимый во время первого периода Эмирата, указ о правах женщин, где закреплялись запрет на принуждение к браку и запрет на лишение законной доли в наследстве умершего мужа, отца и других родственников. Немаловажным является и стремление талибов разрешить межэтнический вопрос уже намного толерантнее, нежели в 1996-2001 годах. Так, в конце ноября 2021 талибами была создана комиссия по правам шиитов, которая должна всячески способствовать соблюдению прав этого религиозного меньшинства на территории Афганистана, а также определению их политического статуса и включению их представителей в состав правительства [6].

Подводя итоги, если сравнивать первое и второе правление Талибана можно видеть некоторые тенденции на сохранение прошлого правления «Талибана» [организация, запрещённая на территории РФ - **прим. авт.**]. Будь то использование только ханафитской исламской юриспруденции, введение правовой системы, действовавшей во время правления Захир

Шаха (1964-1973), вновь образованное Министерство поощрения добродетели и предотвращения порока и.т.д. Но при этом видны явные послабления для религиозных меньшинств, создана комиссия по правам шиитов, а также возможности их включения в состав действующего правительства Исламского Эмирата Афганистан. Более мягкое, по сравнению с прошлым правлением, отношение к женщинам: новые власти Афганистана, признали проблему прав, или, точнее, их отсутствие у женщин. После чего признали и продекларировали Миру через СМИ и социальные сети своё желание и волю решить это вопрос. Также Забихулла Муджахид заявил о возможном участии женщин в работе правительства [5, б]. Тем не менее, не стоит обольщаться: правовой статус женщины в Афганистане, безусловно, стал выше по сравнению с 1996-2001 годами, но говорить о правах, хотя бы приближающихся к европейскому уровню для женщин Афганистана, безусловно не приходится, уже сейчас правительство ограничило их в получении образования и иных аспектах жизнедеятельности.

Так или иначе, Афганистан в настоящее время функционирует по временной Конституции 1964 года и законам шариата. Руководство движения «Талибан» [организация, запрещённая на территории РФ - **прим. авт.**] правит на основании указов, а судьи и представители местной администрации, подчиняющиеся официальному Кабулу, принимают решение, как применять закон «на месте», основываясь зачастую на субъективной интерпретации законов шариата. В ближайшей перспективе пришедшие к власти талибы не откажутся от своей главной «миссии» и продолжат комплекс мероприятий по преобразованию страны в теократическое государство, функционирующее на основе законов шариата.

Из всего вышесказанного можно сказать, что «Талибан» [организация, запрещённая на территории РФ - **прим. авт.**] учёл ошибки прошлого, и, если они будут в дальнейшем претворять в жизнь все, что было заявлено выше - соблюдение прав религиозных меньшинств, решение проблем с правами женщин, утверждение новой конституции и построение системы, посредством которой закон может быть установлен таким образом, чтобы правовая система была способна социальном и политическом плане эффективно гарантировать и обеспечивать соблюдение законов, то пришедшее к власти правительство имеет серьёзные шансы надолго укрепиться в Афганистане.

Список литературы

1. Сафранчук И.А. Афганистан после смены режима: внутренняя и международная неопределенность [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://eurasianstrategies.ru/wpcontent/uploads/2022/02/MGIMO_Afghanistan_RUS.pdf.
2. Антонов Б.А. Об особенностях правовой системы Афганистана в период правления движения «Талибан» // RSUH/RGGU Bulletin:

- “Economics. Management. Law” Series, 2021 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://vk.com/doc733700992_655558750?hash=3KlITcG88oOEH5a06ANDVzH0NJZHblPZy116jHuHZR4&dl=scxQq8PCJGzPYckeDqMMtRseH7fcN2b1ISwx2wZwiEk
3. Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р. Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана. М.: Институт востоковедения РАН, 2014. 216 с.
 4. Конституция Афганистана— Конституции государств (стран) мира [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/?p=1923>
 5. Исламский Эмират Афганистан: перспективы конституции и не только [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://colonelcassad.livejournal.com/7782180.html>
 6. Правосудие с бородой: что законотворяют талибы? // SPUTNIK [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tj.sputniknews.ru/20211227-/zakony-taliby1044448209.html>

**АЛЕКСАНДР АРКАДЬЕВИЧ РОСТКОВСКИЙ – ЗАЩИТНИК
И ЖЕРТВА ЗА СВОБОДУ СЕРБСКОГО И СЛАВЯНСКОГО
НАСЕЛЕНИЯ В БИТОЛЬСКОМ ВИЛАЙЕТЕ**

Заркович С. Весна

доктор исторических наук

Институт сербской культуры, Приштина-Лепосавич, Сербия

старший научный сотрудник

E-mail: vesna.zarkovic07@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается ситуация в вилайете Битола, как составной части Османской империи с начала XX века и деятельность российского консула в Битоле Александра Аркадьевича Ростковского. Тот период был отмечен страшными злодеяниями против христианского населения, различными мятежами и движениями, что способствовало еще большему ослаблению Османской империи. Российский консул в своих донесениях свидетельствовал о сложной ситуации. Его деятельность и участие в защите сербского и славянского населения в вилайете Битола вызвали недовольство среди магометан, что привело к его убийству. Он запомнился сербскому народу как защитник.

Ключевые слова: Битольский вилайет, Александр Аркадьевич Ростковский, Россия, Османская империя, убийство.

**ALEXANDER ARKADYEVICH ROSTKOVSKY - PROTECTOR AND
VICTIM FOR THE FREEDOM OF SERBIAN AND SLAVIC POPULATION
IN BITOLA VILAJET**

Zarković S. Vesna

doctor of historical sciences

Institute for Serbian Culture, Priština-Leposavić, Serbia

senior research associate

E-mail: vesna.zarkovic07@gmail.com

Abstract. *The paper discusses the situation in the Bitola vilayet, as an integral part of the Ottoman Empire from the beginning of the 20th century, and the actions of Alexander Arkadyevich Rostkovsky, the Russian consul in Bitola. That period was marked by terrible atrocities against the Christian population, various riots and movements, which contributed to an even greater weakening of the Ottoman Empire. The Russian consul testified in his reports about the difficult situation. His work and involvement in the protection of Serbian and Slavic population in the Bitola vilajet caused discontent among the Mohammedans, which resulted in his murder. He was remembered by the Serbian people as a protector.*

Key words: *Bitola vilayet, Aleksandar Arkadievich Rostkovsky, Russia, Ottoman Empire, murder.*

Во второй половине XIX века в Османской империи была проведена административная реорганизация, согласно которой европейская часть страны была разделена на пять вилайетов (Призренский, Салоникский, Битольский, Янинский и Скадарский). В рамках этих административных реформ образовался Битольский вилайет, выделенный из Салоникского вилайета [1, с. 17-18]. В качестве такой административной единицы он просуществовал вплоть до 1912 года. Территория вилайета, состоящая из многочисленных санджаков, была довольно большой и занимала примерно 32 000 км². Эта область включала западную часть современной Северной Македонии, центральную часть Албании и часть северной Греции. Местопребывание находилось в Битоле, откуда правил вали и где располагалось межконфессиональное региональное собрание идаре - меджлис. Количество жителей, проживавших в Битольском вилайете колебалось от 800 000 до 900.000 и со временем увеличивалось, достигнув 1.000.576 в 1908 г. [2, с. 241]. Однако официальная сербская историография не располагает точным числом жителей, а источники, на основании которых можно было бы проследить все население Битольского вилайета в конце XIX и начале XX века, имеют разное происхождение и качество [3, с. 191-194].

Территория Битольского, а также других вилайетов, прежде всего Косовского и Салоникского вилайетов, был в последние десятилетия турецкого правления предметом интереса соседних балканских государств,

особенно Сербии, Болгарии и Греции. К тому же она занимала важное место во внешней политике великих держав той эпохи. Заинтересованные балканские государства претендовали на османские европейские территории, ссылаясь на исторические, этнические или политические права, в то время как великие державы оттягивали с разделением, выжидая подходящего момента, навязывая реформы султану и Порте. Претензии балканских православных стран в Османской империи накладывались друг на друга, так что каждая из них стремилась экономическими средствами, через церковь и школу привязать к своей национальной идее как можно больше христианских подданных Порты [4, с. 7-8].

Россия как одна из великих держав той эпохи принимала активное участие в событиях, происходивших на территории европейской части Османской империи. Она была направлена на подавление влияния Австро-Венгрии, чьи интересы были связаны с этой территорией. Начало 20 века в Македонии было очень беспокойным, а 1902 и 1903 годы отмечены всеобщими волнениями, борьбой комитских рот и турецкими репрессиями. Такая ситуация вызвала реакцию великих держав, настаивавших на реформах. Желая предупредить их, султан Абдул-Хамид в декабре 1902 года назначил Хусейна Хильми-пашу генеральным инспектором по Салоникскому, Битольскому и Косовскому вилайетам. Христиане ожидали, что их положение улучшится, но попытка присоединиться к жандармерии вызвала сопротивление албанцев, что привело к резне сербов в Печи, Джаковице и многих других частях Старой Сербии и Македонии. Зафиксированы многочисленные грабежи, поджоги домов и даже целых деревень. Чтобы успокоить ситуацию, Порта направила против виновников этих событий армию, воображаемые реформы провалились, а беспорядки продолжились. Подобные акты насилия, совершенные комитаджами, совершали и башибузуки, члены иррегулярных добровольцев [5, с. 154]. Словом, царил всеобщая неуверенность, от которой, помимо простого христианского населения, не ускользнули и представители зарубежных стран, служившие в тех краях. Трагическая судьба постигла в 1903 году консулов России сначала Григория Степановича Щербину в Митровице, а через несколько месяцев Александра Аркадьевича Ростковского в Битоле. Двое российских дипломатов профессионально выполняли свою работу, желая защитить сербское и славянское население от террора, которому они подвергались.

Александр Аркадьевич Ростковский родился в 1860 году в Одессе, от отца Аркадия Николаевича Ростковского, офицера Генерального штаба и начальника штаба 8-й кавалерийской дивизии. Он получил образование сначала в Одесской гимназии, а затем в лицее им. Императора Александра, который он окончил в 1883 году. Вскоре после окончания образования он занимал высшие должности в Министерстве иностранных дел России. Он пребывал в Болгарии, Иерусалиме, Янине, Бейруте, Италии и, наконец, в Битоле. В период с 1899 по 1901 год он занимал должность вице-консула, а когда в том же году вице-консульство было преобразовано в консульство, он

был назначен консулом [6, с. 233]. Он был прекрасным знатоком обстоятельств не только в Битоляском вилайете, но и на Балканах. Помимо дипломатической деятельности, которой он был посвящен, он также занимался научными исследованиями, и за свою научную работу он получил награды Императорской академии наук. Помимо многочисленных научных работ, он написал известное исследование о населении в Битоляском вилайете [7, с. 61-112; 8, с. 71]. Хотя это его исследование слишком спорно для некоторых ученых и подвергалось критике со стороны редактора журнала, в котором было опубликовано, оно безусловно представляет собой значительный вклад в понимание вопроса об административном делении вилайетов [9, с. 47]. Ростковский опубликовал очень подробные данные о численности и составе населения всех поселений Битоляского санджака и обзор населения всего вилайета, взяв за основу османскую салнаму Битоляского вилайета [10, с. 115]. Он пользовался авторитетом у своих зарубежных коллег, прежде всего у французского консула в Битоле Макса Шублие и консула в Салониках Луи Стега, которые утверждали, что его статистика, в отличие от других, была наиболее точной [8, с. 72; 10, с. 119].

Российский консул Ростковский был свидетелем страданий христианского населения в европейской части Османской империи, находившегося в очень тяжелом положении. На такое положение повлияли многочисленные факторы, среди которых наиболее важными являются: ослабление турецкого государства, недовольство его офицеров и солдат, интересы великих держав, албанские движения и действия болгарских экзархистов. Имеются многочисленные отчеты российского консула, в которых говорится об ужасном положении, в котором находилось христианское население. В одном из своих отчетов от января 1903 года он писал о жителях христианских деревень: «С одной стороны, они страдают от прихода турецких солдат, которые берут все, что попадает им под руку, а кроме того, для того, чтобы выяснить, где прячутся инсургенты, они притесняют и мучают жителей; и в то же время бесчисленные банды революционеров, число которых постоянно увеличивается, воруют у населения даже последние крошки хлеба». Летом, точнее 19 июля /1 августа того же года, после посещения деревень в районе, он отметил: «Несмотря на турецкую распущенность и грабеж, во многих деревнях мне рассказывали, что жители деревень больше страдают от банд, цель которых довести людей до крайнего отчаяния и тем заставить их примкнуть к революционному движению. Для того чтобы поощрить и убедить крестьян инсургенты убеждали их в том, что страдания крестьян очень скоро закончатся, потому что Россия поддерживает революционное движение и только ждет момента, когда оно окрепнет, чтобы иметь повод вмешаться в македонские дела и освободить местных христиан от турецкого рабства» [11].

Ситуация в вилайете Битола была настолько плохой, что среди дипломатов заговорили о введении режима чрезвычайного положения в вилайетах Косово, Битола и Салоники. В те времена трудно было зафиксировать все преступления против христианского населения из-за

перерыва в телеграфном сообщении [12, с. 275, док. 131]. Однако христиан встревожило известие о смерти русского консула Ростковского, убитого по возвращении из Буковского монастыря над Битолой. Наиболее достоверную информацию об убийстве нам оставил воспитатель его детей Мисирков, очевидец события. По этим утверждениям, охранник стрелял на въезде в город. Пуля попала консулу в правую руку, пробила грудь и левый рукав пальто. Позже было установлено, что в затылок мертвого консула была выпущена еще одна пуля, которая вышла через горло, что указывает на стрельбу с близкого расстояния. После этого печального события Мандельстам, бывший представитель российского консульства в Скопье, прибыл в Битолу и контролировал расследование вместе с секретарем российского консульства Кохманским. Русские потребовали, чтобы убийцу судил военный суд, а не обычный гражданский суд. В ходе этого следствия было характерно поведение жены убитого консула - она вернула все свои и от своего супруга турецкие награды и отказалась от предложения Хильмы-паши получить денежную компенсацию. Такое отношение она оправдывала словами, что она не торгует кровью своего мужа [13, с. 135-136].

Через некоторое время военный суд вынес обвинительный приговор четверым. Сначала к повешению были приговорены убийца Халим и жандарм, не помешавший ему совершить убийство, третий жандарм был приговорен к 15 годам лишения свободы, а четвертый, благодаря ангажированности российской стороны, считавшей его невиновным, освобожден. Кроме них, к пяти годам лишения свободы за дачу ложных показаний был приговорен находившийся на месте фонарищик Тефик, в то время как два офицера были понижены в звании. Однако ответственность за это преступление несли непосредственные участники — Азиз-паша-бей, командир вилайетской жандармерии, затем командир лагеря жандармерии Битола и командир роты, к которой принадлежал убийца Халим. Все были заменены, Риза-бею удалось сохранить свой чин, но не избежать изгнания. Некоторые христиане, опасаясь за свое будущее, ходили смотреть на повешенных, а пожилые люди утверждали, что в последний раз подсудимого казнили 34 года назад. Траурные флаги, помимо российского, были вывешены у сербского и австро-венгерского консульств, а также у болгарского торгового агентства. Бывшего представителя российского консульства в Скопье Мандельстама не устраивало поведение представителей великих держав, особенно австро-венгерской [12, с. 304-310, док. 148].

Убийство русского консула в Битоле в России вызвало большое недовольство и реакцию властей и дипломатических кругов. Австро-венгерская сторона считала, что такое российское отношение тесно связано с требованием России, чтобы Турция выполнила ее требования об удовлетворении, которые были связаны с улучшением положения христианского населения в Македонии [14, с. 125].

Тело убитого консула Ростковского в течение одиннадцати дней находилось на обозрении в здании консульства России в Битоле. Оттуда в

специальном вагоне, с высокими воинскими и гражданскими почестями, его препроводили сначала в Салоники, а затем в родную Одессу, где он и был похоронен. Он запомнился сербскому и славянскому народу как герой и защитник. По случаю годовщины смерти российских консулов Ростовского и Щербина в 1904 году в Соборной церкви, в организации города Белграда, была совершена панихида. Таким образом были объединены эти две смерти и четко подчеркнуто, что они погибли от «злодейской руки». Спустя десять лет после смерти Ростовского, муниципалитет Битола, включенный годом ранее в состав Сербского государства, решил установить памятник погибшему консулу. Тридцать лет после убийства, в 1933 году русская колония в Битоле начала с увековечиванием памяти погибшего, решив поставить обелиск консулу в непосредственной близости от места гибели. Согласно сообщениям русской эмигрантской прессы, заслуга в этой идее была приписана тогдашнему епископу Сербской православной церкви в Жиче Николаю Велимировичу. Российской колонии удалось получить помощь от Министерства иностранных дел Королевства Югославия, а граждане и муниципалитет Битола должны были предоставить необходимые материалы для его строительства, которое было завершено в 1936 году. Мемориал установлен на городской площади в виде русского восьмиконечного креста, на котором рядом с фотографией надпись «своему покровителю, Российскому императорскому консулу, погибшему от злодейской руки во времена сурового рабства» [15, с. 44-45].

По случаю столетней годовщины убийства, в честь российского консула Александра Аркадьевича Ростовского в городском парке в Битоле установлен памятник «Русский крест» [16].

Список литературы

1. Ангеловски А. Органи на управата во Македонија и нивните јавни функции проследени низ архивските фондови во периодот од 1869 до 1944 година во ДАРМ. Докторска дисертација у рукопису. Скопје: Универзитет „Св. Кирил и Методиј“ Филозофски факултет – Институт за историја, 2008. 346 с.
2. Елезовић Г. Кратка историја битолског вилајета // Браство, XXVII, књ. 43. Београд: Штампарија Драг. Грегорића, 1933. С. 190-244.
3. Шешум У. Препис српских домова у Битољском вилајету који је дат грчком конзулу у Битољу 1910 // Мешовита грађа, књ. XXXIX. Београд: Историјски институт, 2018. С. 187-213.
4. Растовић А. Велика Британија и Македонско питање 1903-1908. године. Београд: Историјски институт, 2011. 247 с.
5. Поповић В. Источно питање – историски преглед борбе око опстанка Османлијске царевине у Леванту и на Балкану. Београд: Никола Пашић, 2007. 191 с.
6. Ямбаев М. Л. Русский консул на Балканах // Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянские народы: векторы

- взаимодействия в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе / Москва: Правительство Москвы Комитет межрегиональных связей и национальной политики, Учреждение Российской академии наук Институт славяноведения РАН, Славянский Фонд России, Государственная академия славянской культуры, 2010. С. 232-242.
7. Ростковский А. А. Распределение жителей Битольского вилайета по народностям и вероисповеданиям в 1897 году // Живая старина. 1. Москва, 1899. С. 61-112.
 8. Делић Н. Историјска статистика српског народа од половине 19. века до почетка Првог светског рата. Демографске, друштвене и привредне прилике. Докторска дисертација у рукопису. Београд: Филозофски факултет, 2021. 643 с.
 9. Војиновић В. The Administrative Division Of Bitolya (Monastir) Vilayet // Историја и географија: сусрети и прожимања / Београд: Географски институт „Јован Цвијић“ САНУ, Институт за новију историју Србије, Институт за славистику Руске академије наука, 2014. С. 41-52.
 10. Шешум У, Делић Н. Статистике становништва Битолског санџака око 1897 године // Српске студије 13/ Београд: Центар за српске студије Филозофски факултет Универзитет у Београду, 2022. С. 111-144.
 11. <https://srpskistav.com/autorski-tekstovi/nj-e-aleksandararkadjevic-rostkovski/> [приступљено 24.01. 2023.]
 12. Раденић А. Документи о спољној политици Краљевине Србије 1903-1914, књ. I, св. I. Београд: Српска академија наука и уметности, 1991. 654 с.
 13. Зарковић В. Руске дипломате на удару атентатора у Косовском и Битолском вилајету почетком XX века // Баштина св. 32/ Лепосавић: Институт за српску културу Приштина. Лепосавић, 2012. С. 129-144.
 14. Стојчевски Ѓ. Австро-Унгарски документи за убиство на рускиот императорски конзул Александар Аркадјевич Ростковски во Битола // Историја, бр. XLII, св. 1-2. Скопје: Здружение на историчари на Република Македонија Скопје, 2006. С. 123-141.
 15. Живановић М. Руски гробни комплекси у Србији у 20. веку. Докторска дисертација у рукопису. Београд: Филозофски факултет, 2019. 423 с.
 16. <https://novamakedonija.com.mk/makedonija/republika/> приступљено 29. 01. 2023.

**ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ИНКЛЮЗИИ: ЦЕНТР
ДОСТУПНОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ В ВУЗЕ КАК АГРЕГАТОР
«КОРОБОЧНЫХ РЕШЕНИЙ»**

Зиновьева В.И.

Кандидат исторических наук

*ФГБОУ ВО Томский государственный университет систем управления и
радиоэлектроники (ТУСУР), старший научный сотрудник Научно-
образовательного центра кафедры истории и социальной работы*

E-mail: valentina.i.zinoveva@tusur.ru

***Аннотация.** Рассматривается процесс институционализации инклюзии в высшей школе на примере деятельности Центра доступности образования технического вуза ТУСУР. Отмечается значение организационно-технологической работы по завершению институционализации на уровне образовательных учреждений высшей школы и роль агрегаторов - центров (служб) сопровождения студентов с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ). Их образование и принятие Положений об условиях обучения лиц данной целевой группы упорядочит алгоритмы сопровождения, усилит координацию вузов по разработке «коробочных решений». т.е. системе управления контентом (содержанием информации) для формирования модулей по реализации принципов инклюзии и инклюзивной культуры. «Коробочные» технологии позволят управленческим структурам эффективно ориентироваться в решении повседневных задач адаптации и маршрутизации данных студентов в экосистеме вуза.*

***Ключевые слова:** инклюзия, институционализация, Центр доступности образования, агрегатор, «коробочные решения».*

**INSTITUTIONALIZATION OF INCLUSION: THE CENTER FOR
ACCESSIBILITY OF EDUCATION AT THE UNIVERSITY AS AN
AGGREGATOR OF "BOXED SOLUTIONS"**

Zinovieva V.I.

Candidate of Historical Sciences

*Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (TUSUR),
Senior Researcher at the Scientific and Educational Center of the Department of
History and Social Work*

E-mail: valentina.i.zinoveva@tusur.ru

***Abstract.** The process of institutionalization of inclusion in higher education is considered on the example of the activities of the Center for Accessibility of Education of the TUSUR Technical University. The importance of organizational and technological work on the completion of institutionalization at the level of educational institutions of higher education and the role of aggregators - centers (services) for accompanying students with disabilities (HIA) is noted. Their*

education and the adoption of Provisions on the conditions of training of persons of this target group will streamline the algorithms of support, strengthen the coordination of universities on the development of "boxed solutions". i.e. content management system (information content) for the formation of modules for the implementation of the principles of inclusion and inclusive culture. "Boxed" technologies will allow management structures to effectively navigate in solving everyday tasks of adapting and routing student data in the ecosystem of the university.

Keywords: *inclusion, institutionalization, Education Accessibility Center, aggregator, "boxed solutions".*

Исследование выполнено в рамках государственного задания FEM-2023-0013.

Институционализация как процесс упорядоченных действий в тех или иных сферах жизнедеятельности общества приводит к образованию устойчивых социальных структур или социальных институтов. Становление системы образования или социальной помощи населению происходило в течение достаточно длительного времени, так и переход к социальной модели инвалидности и инклюзивному подходу потребует усилий и организованной деятельности людей. Этот процесс был начат в России – в 90-е годы, распространяется он неравномерно и во многом зависит от затрат на создание без барьерной инфраструктуры. В настоящее время в России эта проблема решена частично. В силу этого акценты в развитии инклюзивного образования перемещаются в социальную сферу: формирование общественного мнения, позитивной атмосферы и инклюзивной культуры в образовательных учреждениях, налаживание коммуникаций и пр. Региональные учебно-методические центры (РУМЦ), созданные несколько лет назад на базе отдельных вузов выполняют аналитико-информативную функцию по распространению идеологии инклюзии, общую координацию, проводят повышение квалификации преподавательского корпуса, организуют конкурсы и мероприятия. Вместе с тем, востребована организационно-технологическая работа по завершению институционализации инклюзии на уровне собственно образовательных учреждений. В этих условиях роль агрегатора инклюзии могут выполнить центры (службы) сопровождения студентов с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья.

Данная тема уже длительный период разрабатывается в литературе [1 - 4]. Инклюзивное образование рассматривается как фактор успешной социальной адаптации и социализации людей с инвалидностью, обращается внимание на взаимодействие трех групп: инвалидов, лиц с ОВЗ и условно здоровых граждан. Исследователи отмечают, что в системе высшего образования заняты только 5% молодых людей с инвалидностью, делают вывод о том, что решение проблем инклюзии требует формирования в вузе штата вспомогательного персонала по работе с инвалидами. Целью данной статьи является анализ деятельности Центра доступности образования (далее Центр,

ЦеДО), структурного подразделения Томского университета систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР) по маршрутизации данной целевой группы в рамках «коробочных решений».

В шести государственных университетах г. Томска уже созданы дескриптивные модели управления инклюзией, в диапазоне от *формальных*, до *инфраструктурных*, *коррекционно-инклюзивных* и т.п. С образованием Центра сопровождения студентов с инвалидностью (2011г.) в ТУСУРе (с 2018 г. - ЦеДО) началось формирование *социально-коммуникативной* модели. Образование вузовских центров инклюзии и принятие Положений о условиях обучения лиц с инвалидностью упорядочит алгоритмы сопровождения, усилит координацию по разработке «коробочных решений», формированию инклюзивной культуры.

«Коробочные решения» – это система управления контентом для формирования алгоритмов и модулей, доработки функционала, модернизации, в ходе которых происходит реализация принципов инклюзии, соединение теории с практикой; это пакет программно-методического и предметно развивающего обеспечения для самостоятельного использования специалистами по разным направлениям, в том числе, по маршрутизации обучения данной целевой группы. По видам «коробочные решения» могут включать: сопровождение абитуриента-инвалида, адресную профориентацию, построение индивидуальной траектории обучения, карьерного роста и т.д. Ключевые характеристики «коробочных решений» - это: 1) выделение цели; 2) определение команды; 3) обоснование ресурсов; 4) мероприятия; 5) технологии рефлексирования; обратной связи; 6) риски; и т.п. Оформление лучших практик в алгоритм, «коробку» со стандартным набором функций обуславливает комплексность, универсальность, направления, варианты деятельности. Это обеспечивает процесс трансформации инклюзивных идей в вузовскую среду. На повестке дня стоит задача создания «магазина «коробочных решений» для разных случаев в целях решения реальных проблем, что ускорит распространение инклюзивного подхода в экопространстве вуза.

Морально-этические ценности инклюзии — это солидарность, взаимодействие, взаимопомощь, нетерпимость к эксклюзии и дискриминации. Их реализация актуальна, т.к. по результатам исследований выявляется тенденция, в соответствии с которой «люди с инвалидностью выбирают общение и отношения с подобными себе, а условно здоровые люди предпочитают взаимодействовать с такими же» [2, с. 14]. Необходима интериоризация инклюзии как ценности в студенческое сообщество и это может состояться посредством переноса знаний от преподавательского корпуса к студентам. Однако сами преподаватели, по данным исследований, проявляют колебания и, большая их часть не определила своих позиций. Так, только 25% относятся к инклюзии однозначно положительно, тогда как более 60% - нейтрально или скорее положительно [3, с. 55]. Конструирование новой инклюзивной реальности можно ускорить в связи с разработкой «коробочных» технологий, которые позволят вузовским управленческим

структурам эффективно ориентироваться в решении повседневных задач в работе с данной группой. Одной из наиболее востребованных является задача обоснования маршрута студента с инвалидностью и ОВЗ, поступившего в вуз.

С точки зрения практической социальной работы в их сопровождении можно выделить 2 фазы: 1) адаптация при переходе от школы к вузу (в течение первого года обучения); 2) профессионализация в рамках избранной специальности, вплоть до завершения обучения. Технологически, на этапе первой фазы внимание обращается на: сопровождение при поступлении в вуз; выявлении списочного состава целевой группы по факультетам; знакомство и установление непосредственной связи со студентами целевой группы. Для этого в ТУСУРе ежегодно проводится мероприятие «Добро пожаловать в ЦеДО», которое организуется при содействии деканатов с участием проектной группы студентов специальности «социальная работа». Здесь студенты узнают подробности о специальных условиях обучения, которые им положены по закону, других льготах, предусмотренных вузом. С этого момента устанавливаются связи между первокурсниками и студентами проектной группы для проведения социокультурных мероприятий (киноклуба, творческих вечеров). Следующим шагом является заполнение заявлений о согласии или отказе на предоставление специальных условий обучения. Далее в течение двух семестров предусмотрены: контроль со стороны Центра за их состоянием здоровья, успеваемостью при сдаче зачетов и экзаменов, и индивидуальная работа в зависимости от случаев, потребностей студентов по реализации каких-либо специальных условий обучения.

На второй фазе соответственно «коробочные решения» формируются в контексте успешной профессионализации студентов данной целевой группы, в частности, участия их в научных мероприятиях, конкурсах «Профессиональное завтра», Чемпионате «Абилимпикс» и т.д. Таким образом, в соответствии с технологией «коробочных решений» ЦеДО совместно с вузовскими структурами определяет цель, команду сопровождения, ресурсы, мероприятия, риски, предусматривает развитие навыков социальной коммуникации, обратную связь и инклюзия приобретает прочную основу.

Список литературы

1. Аллахвердиева Л.М., Гаспаридзе А.Т. Инклюзивное образование в вузах как фактор эффективной социализации людей с ограниченными возможностями здоровья // «Alma mater». Вестник высшей школы. 2020. № 3. С. 15-21.
2. Байрамов В.Д., Гурцкая Д.Г. Ассиметричные социальные дилеммы в развитии инклюзивного взаимодействия // Человек. Общество. Инклюзия. 2021. № 1. С. 10-15.
3. Анисеева, Афанасьева О.О., Карпунина А.В. Взаимодействие социальных субъектов в инклюзивном высшем образовании: этические риски и барьеры // Социальная политика и социология. 2020. № 2. С. 48-55.

4. Кузеванова А.Л., Чернов А.Ю., Зоркова В.А., Ивашкина А.О. Инклюзивное образование в вузе: проблемы и перспективы развития. // «Alma mater». Вестник высшей школы. 2022. № 6. С. 53 - 61.

ИДЕАЛЬНОЕ И КОГНИТИВНАЯ СФЕРА ЛИЧНОСТИ: К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ

Иванкина Л.И.

Доктор философских наук

*Национальный исследовательский Томский политехнический
университет, профессор*

E-mail: ivankina@tpu.ru

Аннотация. *Цель исследования – анализ взаимосвязи идеального и когнитивной сферы личности. Проблема идеала, традиционно рассматриваемая в контексте духовности и духовной жизни, может быть осмыслена в контексте влияния на когнитивную сферу личности как в аспекте формируемого ценностного сознания, так и как сложный феномен, выступающий одновременно фактором и фокусом направленности интеллектуальной активности человека на овладение ресурсами, необходимыми для соответствия – конгруэнции, реального и идеального. В статье идеал рассматривается как ресурс когнитивного развития личности, влияющий на качества интеллектуальной продуктивности индивида, активизирующий процессы интеллектуальной саморегуляции как способности произвольного регулирования интеллектуальной деятельности, что создает новую задачу для овладения знаниями, средствами и способами решения затруднений целенаправленного достижения того ценного, что заключено в идеале. Наличие идеала выступает вызовом и ускорителем запуска процессов интеллектуального поиска воплощения идеала в реальность, фиксируя достигнутое в самоэффективности. Подход к исследованию развития когнитивной сферы личности через идеал акцентирует внимание на интеллектуальной инициативе, позволяющей при решении сложного типа задач выйти за пределы имеющихся навыков для дальнейшего интеллектуального саморазвития. Обосновано, что ментальная репрезентация идеала – порожденная самим субъектом конструкция, формирующаяся на основе внешнего (условия задачи) и внутреннего (наличие у индивида знаний, умений, навыков) контекста за счет процесса реорганизации опыта, категоризации, дифференциации, трансформации, превосхищения, перевода информации из одной модальности опыта в другую, ее селекции и т.п.*

Ключевые слова: *идеал, когнитивная сфера, когнитивное развитие, интеллектуальная саморегуляция, идеальное Я, реальное Я, сознание, личность.*

THE IDEAL AND THE COGNITIVE SPHERE OF PERSONALITY: ON THE QUESTION OF THE RELATIONSHIP

L.I. Ivankina

DSc

Professor of the National Research Tomsk Polytechnic University

E-mail: ivankina@tpu.ru

Abstract. *The purpose of the study is to analyze the relationship between the ideal and the cognitive sphere of personality.* The problem of the ideal, traditionally considered in the context of spirituality and spiritual life, can be understood in the context of the influence on the cognitive sphere of the individual both in the aspect of the value consciousness being formed, and as a complex phenomenon that acts both as a factor and focus of the orientation of human intellectual activity towards mastering the resources necessary for conformity – congruence, real and ideal. The article considers the ideal as a resource of cognitive development of the individual, affecting the quality of intellectual productivity of the individual, activating the processes of intellectual self-regulation as the ability of arbitrary regulation of intellectual activity, which creates a new task for mastering knowledge, means and ways of solving difficulties of purposeful achievement of the valuable that is contained in the ideal. The presence of an ideal acts as a challenge and accelerator for launching the processes of intellectual search for the embodiment of the ideal into reality, fixing what has been achieved in self-efficacy. The approach to the study of the development of the cognitive sphere of personality through the ideal focuses on intellectual initiative, which allows solving complex tasks to go beyond the existing skills for further intellectual self-development. It is proved that the mental representation of the ideal is a construction generated by the subject himself, formed on the basis of the external (task conditions) and internal (the individual's knowledge, skills, skills) context due to the process of experience reorganization, categorization, differentiation, transformation, anticipation, transfer of information from one modality of experience to another, its selection, etc.

Keywords: ideal, cognitive sphere, cognitive development, intellectual self-regulation, ideal self, real self, consciousness, personality.

Исследование выполнено на базе Томского государственного педагогического университета при финансовой поддержке РФФИ, грант 19-29-07445 мк «Разработка модели когнитивной сферы личности и программного обеспечения для мониторинга когнитивных процессов у обучающихся в полиэтнокультурной образовательной среде».

В качестве модели исследования взаимосвязи идеала и когнитивной сферы личности нами применена модель кувшинки, предложенная М. Геллерт и К. Новак [1, с.143–145], представляющая 3 системно взаимосвязанных уровня – поведение (лист кувшинки); установки,

позиции (стебель); жизненный смысл, ценности (корень). Центр управления и влияния в системе находится в корневой зоне – в сфере смыслов, идеалов, ценностей, два других уровня соответствуют адаптивному поведению, приспособлению к внешнему миру и согласованию требований к личности с социальными нормами и ее собственными предпочтениями. Роль системы приобретенных предрасположенностей, субъективных ожиданий, установок как готовности действовать определенным образом (габитуса) ранее была обоснована в трудах П. Бурдые [2, с. 599].

Понимание человека как индивидуума, обладающего внутренним миром, способного делать себя объектом целенаправленных действий, иницировать их, выбирать, выходить за рамки априорных данностей и задач (Д.А. Леонтьев [3]), позволило обосновать идею неустрашимости самой личности из процесса и результата познания (М. Полани), вовлеченности когнитивных процессов в рефлексии над ценностными и смысловыми контекстами бытия познающей личности (В. Е. Ключко). Выбрать себя в подлинном смысле означает определить смысл собственной жизни.

Интеллект, предназначенный для выживания организма, функционально разнообразен в решении задач типичных и выходящих по степени сложности за пределы реальных ресурсов, которыми человек располагает, мобилизуя интеллектуальную систему к поиску новых ресурсов, одним из которых является идеал. Когнитивная сфера личности рассматривается нами как «базовая составляющая структуры личности человека, представляющая собой динамическую систему, способную к самоорганизации и саморазвитию», контент которой составляют «знания, приобретенные в результате деятельности высших психических функций на всех структурных уровнях в условиях активного взаимодействия с окружающей средой» [4, с. 52]. Самодвижение когнитивной сферы направлено одновременно от психофизиологической к надбиологической, духовной основе, и, наоборот.

Осознание относящегося к себе и происходящего вне формирует мотив-потребность обладать находящимся вне индивида – желаемым. Намерения человека, то, что его направляет, его идеи относительно себя идеального, того, кем он решил стать, согласно К.Г. Юнгу, являются для человека его сущностью, и наличие идеала выступает для него вызовом в условиях новых, ранее отсутствовавших в его опыте задач. Человек как живая недостаточность (Х. Ортега-и-Гассет) вынужден постоянно конституировать и привносить в мир свое «Я» как потенциальную возможность реализовывать идеальную сущность, приспособляясь к среде и овладевая через развитие ресурсами сверхнеобходимого, что обусловлено процессом целеполагания, побуждающего к поиску ресурсов и способов достижения ожидаемого результата. Одним из первых, кто обратил внимание на необходимость интеллектуальной саморегуляции, был Ж. Пиаже, обосновавший необходимость намеренного развития познавательных процессов и когнитивных способностей в любом возрасте человека.

Современный подход к исследованию сложных систем, какой является и сам человек, и его когнитивная сфера, исходит из собственного внутреннего мира личности, той субъективной реальности, которую каждый человек формирует в своем жизненном пространстве с опорой на собственную систему значимых ценностей, идеалов, выступающих в качестве системы координат, по отношению к которым интерпретируются внешние события. В мыслительном процессе в пространстве логических процедур формируется представление конструируемого объекта, а также самосознание как причастность к собственному произведению, «вписыванию» себя в мир (микрокосм, от греч. – «малый» и «порядок, мир, вселенная»). Когнитивные структуры личности представляют собой системы организации знаний (восприятие, хранение, извлечение, использование). Система значений, организующаяся в эталоны и стереотипы, образует категориальную сетку, выделяющую значимые для своей деятельности признаки.

Примененная в исследовании взаимосвязи идеального и когнитивного модель кувшинки идентична другой модели – «пирамиде Дилтса», или «пирамиде знаний» Б. Рассела. Информация, воспринимаемая и воспроизводимая человеком, согласно концепции логических уровней, разрабатываемой с 70-х гг. 20 в. (авторы Г. Бейтсон, Р. Дилтсон, Б. Рассел и др.), имеет иерархическую структуру. Уровни в «пирамиде» располагаются вверх от включенности в среду жизни человека – к уровню собственной идентичности (уровень ориентировки в ситуации, пространстве, времени, местности (кто? Что? Где?); уровень поведения (что делает? Как часто? Когда? С кем?); уровень навыков, способностей, знаний (как делает?); уровень ценностей, убеждений (для чего, зачем?); уровень идентификации собственной индивидуальности, смысла жизни (кто я? Что дает мне мир и что я даю миру? Зачем я нужен миру?). Изменения, происходящие на более высоком логическом уровне, влияют на нижерасположенные.

Идеал, в том числе идеальный образ «Я», находящиеся с когнитивной сферой личности в причинно-следственных связях, способствует интеллектуальной активности в поиске и приобретении новых знаний, умений, качеств для совершения действий выше того уровня возможностей, которыми человек реально располагает, выступая ресурсом развития (от фр. *ressource* – «возможность», «способность») человека. Состояние напряженной возможности В.Е. Ключко [5] выделяет в качестве сущностного атрибута познавательной активности личности, а «пространство возможностей, – согласно определению Б.Д. Эльконина, – это всегда смысловое... поле» [6, с.30]. Идеал, входя в сферу жизненного смысла человека, выступает интегратором поисковой активности ресурсов и плана реализации ожидаемого, возможности воплощения в результат, что фиксируется в особенностях проявления интеллектуального процесса – в интеллектуальной активности, разнообразии и устойчивости интереса, мыслительной результативности. Даже если идеал недостижим, человек совершает прорыв вперед – от реального к потенциальному, тем, кем может становиться.

Взаимосвязь идеала и когнитивной сферы личности была также обоснована Р. Янофф-Бульманом в концепции базисных убеждений (1989). Согласно концепции, наличие идеала показывает опережающее отражение, помогающее ориентировать человека на изменение, развитие. Установки на восприятие оказывают влияние на когнитивную сферу личности, базовой способностью которой является волевые процессы.

Когнитивное развитие (также как и биологическое) направлено на сохранение прежних когнитивных схем и одновременное обогащение новыми элементами, и если на уровне организма действует механизм ограничения фенотипических изменений – норма реакции, то и в когнитивном развитии человека много ограничивающих факторов и, прежде всего, его собственные представления. Наличие идеалов помогает человеку переходить на новый уровень интеллектуальной саморегуляции. Человек, определяемый К. Ясперсом метафорой пути (человек есть путь [7, с. 378]), «всегда больше того, что он знает о себе» [7, с. 378], он, как утверждает К. Ясперс, «прорывается через пассивность ... и от его активности зависит продолжение движения к незнакомой цели» [7, с. 378]. Правильную меру разуму, согласно И. Канту, формируют идеалы, являющиеся регулятивным принципом разума. Идеал выступает когнитивным агентом с конкретной феноменальной спецификой, с одной стороны, и, требуемой активностью для его реализации, с другой. Идеал моделирует человека. Конструирование личностью актуальной и виртуальной реальности как общего пространства когниции происходит через изменение человеком параметров собственной субъектности. Идеал фокусирует умственные задачи и усилия индивида на преобразование познавательной ситуации в событие сознания с конкретным ценностно-смысловым отношением.

Потенциально идеал непосредственно связан с инициативным поведением человека. Развитие сферы идеального, идеалов, мечты позволяет судить о потенциале человека – «расскажи мне о своих мечтах, идеалах, и я скажу, кто ты». Данная информация позволяет прогнозировать уровень жизненного успеха человека, то, чего он сможет достичь. Идеал выступает формой смысла, являясь интегральным формально-динамическим фокусом выбора определенного набора познавательных процедур-действий, направленных на поиск воплощения предмета образа идеального замысла в жизненный мир индивида.

Для выявления взаимосвязи ценностных ориентаций, связанных с образованием (зачем, для чего учиться?), и академической успеваемости был проведен социальный опрос студентов 4-го курса Томского политехнического университета в апреле 2021 г. В связи с особыми условиями организации образовательного процесса, опрос проведен в электронном формате. Всего в опросе приняло участие 283 чел. Результаты опроса позволили сделать вывод о влиянии представлений студента о ценности для него образования с успешностью обучения. Была выявлена корреляционная связь ориентации на получение знаний и уровня академической успеваемости студентов.

Студенты, ориентированные на получение знаний, на саморазвитие (72,5% от числа опрошенных), успешно учатся и не имеют академической задолженности. Им характерно чувство долга, целеустремленность, сила воли, умение мобилизовать свои физические и психические силы на учебу, высокая регулярность учебной деятельности. Данная группа студентов характеризуется высокой степенью удовлетворенности выбором специальности. Направленность обучения на получение диплома (17,5% респондентов) не отражается на результатах академической успешности студентов, для которых характерен низкий уровень сформированности жизненных планов.

В целом, в результате социологического анализа данных опроса подтверждено, что познавательная активность, инициируемая процессом достижения соответствия с идеальным, регулирует потребность в познавательном напряжении, мотивационные и ценностно-смысловые переживания.

Таким образом, индивидуальный путь интеллектуального развития, решая две взаимосвязанные задачи – распознавание сигналов среды и собственного организма для самосохранения и адаптирования, и повышение потенциала для решения задач нового типа посредством развития как способа перехода из одного состояния системы в другое – фиксирует реализацию принципа движения во всех направлениях, многосторонне (хорошо отражает действие принципа (прием) рассмотрения проблемы – вверх, вниз, сквозь, над, сверху, снизу, из центра, вскользь, в сторону и др.). Человек в контексте модели аутопоэтической системы характеризуется разнообразием собственного поведения, привносящим в интеллектуальную деятельность смысл, новизну, трансформирующимся в виде структурного перехода от одного уровня интеллектуального развития к другому.

Список литературы

1. Геллерт М., Новак К. Все о командообразовании. Руководство для тренеров. М.: Вершина, 2006. 352 с.
2. Bourdieu Pierre. Structures, Habitus, Practices / The Logic of Practice. Les Editions de Minuit, 1980. [Электронный ресурс]. 26.12.2009. Пьер Бурдьё. Структуры, Habitus, Практики. Современная социальная теория. Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995. Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/5168> (дата обращения: 15.11.2022).
3. Леонтьев Д.А. Перспективы неклассической психодиагностики // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2010. №4(12). URL: <http://www.psystudy.ru/index.php/num/2010n4-12/353-leontiev12.html> (дата обращения: 27.05.2022).
4. Ахметова Л.В., Иванкина Л.И., Языков К.Г. Нейропсихологические и философские основания концепта «когнитивная сфера личности. Томск: Изд-во НТЛ, 2021. 160 с.

5. Ключко В.Е. Современная психология: системный смысл парадигмального сдвига // Сибирский психологический журнал. 2007. № 26. С. 15–20.
6. Эльконин Б. Д. Психология развития. М.: Издат. центр Академия, 2001. 144 с.
7. Ясперс К. Духовная ситуация времени // Смысл и назначение истории. М.: Изд-во политической литературы, 1991. С.288–428.

**«АУТЕНТИЧНОСТЬ» VS «ПСЕВДОМОРФОЗА»
КАК ДИХОТОМИЯ ОСМЫСЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ**

Ильинская С. Г.

кандидат политических наук, доцент

Институт философии РАН, ведущий научный сотрудник, руководитель сектора философских проблем политики

E-mail: svetlana_ilinska@mail.ru

***Аннотация.** Доклад посвящен расширению философского содержания категории аутентичности, рассмотрению её как непрерывного рефлексивного осмысления собственной традиции в рамках локально-цивилизационного подхода путём противопоставления иному способу существования, основанному на интеллектуальных заимствованиях, который определяется понятием «псевдоморфоза». По мнению автора доклада, категория «псевдоморфоза», введённая Шпенглером применительно к арабской и русской цивилизации, как нельзя лучше подходит для определения итога российских либеральных реформ последнего тридцатилетия, чему был приведён ряд доказательств. Аксиологической основой аутентичного подхода в общественности является приверженность «сакральной вертикали» локальной цивилизации (понимаемой как комплекс присущих ей ценностей и смыслов).*

***Ключевые слова:** аутентичность, псевдоморфоза, Запад, Россия, универсализм, цивилизация, логика смысла.*

**“AUTHENTICITY” VS “PSEUDOMORPHOSIS” AS A DICHOTOMY
TO UNDERSTANDING RUSSIAN HISTORY**

Ilinskaya S. G.

PHD

Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences

E-mail: svetlana_ilinska@mail.ru

***Abstract.** The article is devoted to development of the philosophical meaning of the category of authenticity, as a continuous reflexive understanding of one's own life and tradition within the framework of a local civilization by opposing a*

different way of existence, which was defining as “pseudomorphosis”. According to the author of the report, the category of “pseudomorphosis”, introduced by Spengler in relation to the Arab and Russian civilization, is the best suited for determining the outcome of Russian liberal reforms, which was given a number of evidence. The axiological basis of an authentic approach in social science is the adherence to the “sacred vertical” of a local civilization (or its values and meanings).

Keywords: *authenticity, pseudomorphosis, West, Russia, universalism, civilization, logic of meaning.*

Есть один образ, который как нельзя лучше характеризует ситуацию, возникшую в российском общественном сознании и требующую глубокого осмысления. В 2016 году в рамках проектов «Ворота в Москву» и «Моя улица» для озеленения московских проспектов завезли и посадили взрослые деревья – липы и клёны из Германии. Эти деревья плохо прижились, их ветви засохли и несколько раз подвергались обрезке. До сих пор многие из них уродуют московские улицы. За минувшие годы стало понятно, что посадка гораздо более молодых саженцев из отечественных питомников дала бы гораздо более благоприятный результат. Очевидно, что молодые саженцы за истекший период обязательно бы разрослись и обзавелись пышной кроной, тогда как взрослые деревья, адаптированные к иным климатическим условиям, с уже сформировавшейся корневой системой, перенёсшие длительную транспортировку, вместо ожидаемого быстрого эффекта породили лишь долгие споры среди населения о том, зачем при реализации проектов понадобилось «везти в Тулу свой самовар» (окрестности Москвы полны отечественных питомников) и кто на этом нажился. По иронии судьбы информация о данной акции была размещена в блоге «Сделано у нас» с подзаголовком «Нам есть чем гордиться» [1]. Аналогичным образом в 1990-е гг. российским общественным сознанием был заимствован весь категориальный аппарат западной социологии и политологии, включающий в себя универсальные идеалы политической системы и экономической политики. Эти привнесённые извне формы были навязаны бывшим советским людям, и процесс их «укоренения» сопровождался непрерывным сетованием экспертов, что и демократия в России получается не подлинная, и рынок выходит какой-то ненастоящий.

В данном докладе понятие аутентичности рассматривается в рамках локально-цивилизационного подхода вне жёсткой этнографической или психотерапевтической «привязки». Исторически термин был непосредственно связан с такими смыслами как «подлинность человеческого существования», «самотождественность». В философском смысле, как правило, выделяются экзистенциалистский и этико-добродетельный способы его рассмотрения [2].

Будучи одной из центральных ценностей гештальт-терапии, аутентичность часто понимается как соответствие человека самому себе, способность жить, не изменяя своему истинному Я. Здесь в процессе

инструментализации термин приобрел некое расхождение с философским пониманием М. Хайдеггера, который ввел это понятие в словарь экзистенциализма, используя его относительно потенциальной возможности человека быть человеком в полном смысле этого слова, а не просто быть верным своей уникальной внутренней природе [3].

В социальных науках «аутентичность» часто понимается в смысле «культурной аутентичности» и «изобретения традиции». Начиная с 1970-х гг. понятие начинает активно фигурировать в научных дискуссиях, касающихся идентичности коренных народов. Эти дискуссии в рамках социального конструктивизма постепенно приобрели критический пафос разоблачения навязанной идентичности представителям аборигенных сообществ в рамках постколониального дискурса, используемого как одна из форм управления с целью внешнего принудительного конструирования «другого». Инструменталистская методология, напротив, сосредоточена на исследовании процессов политизации локальных или «аутентичных» символов политическими активистами групп, находящихся в процессе становления, которые прибегают к «аутентичности» как к политической стратегии ради последующей институционализации [4].

Понимание аутентичности как локальности берёт начало от Руссо, его размышлений о взаимоотношениях человека, общества и природы, однако, в процессе своего развития приводит к раскрытию лишь одного направления его рассуждений. Так случилось потому, что была взята к рассмотрению лишь одна из ипостасей возможной добродетельной жизни, в отрыве от социальной природы человека. Опираясь на изображение естественного состояния в качестве положительной нормы, Руссо действительно критиковал современное ему гражданское общество. Однако, альтернативные формы человеческого существования, по мысли Руссо, включали идеи возвращения не только к естественному состоянию, но и к классическому городу, как к двуединым альтернативам современности, а также к идеалам счастливой семьи и образу жизни «одинокого мечтателя» [5].

Моё исследование посвящено развитию философского смысла категории аутентичность через рассмотрение её, как непрерывного рефлексивного осмысления собственной жизни и традиции в рамках локальной цивилизации. Именно в таком значении данное понятие ввёл А.С. Панарин, призывая для достижения аутентичности к «новому прочтению опыта наших предков» [6, с. 9]. В качестве оппозиции автор доклада использует понятие «псевдоморфоза», введённое О. Шпенглером, который прибегнул к заимствованному из минералогии термину, обозначающему природный феномен скальной породы, чьи пустоты заполняются лавой, порождая фальшивые кристаллы, внутренняя форма которых противоречит внешнему строению. Используя данный образ, Шпенглер проводил аналогию с «молодой культурой», над которой довлеет «чужая старая культура», [7, с. 233] и называл Петра Великого, осуществившего первые в российской истории реформы по европейскому образцу, «злым гением

русских», после которого «всё европейское встречалось в штыки с поистине апокалиптической ненавистью» [7, с. 238-239]. Размах революции 1917 года Шпенглер объяснил тем, что народ, «который стремится к своей особой форме жизни, своей собственной религии, своей собственной будущей истории», «из стремления вылечиться» разрушил навязанный ему «западный мир» [7, с. 243]. «Народ... не признавал... принципов петровской эпохи, но терпел их. Русский человек не борется с капиталом, а просто не понимает его. Тот, кто внимательно читал Достоевского, обнаруживает в русских... народ, для которого не существует денег, а есть только необходимые для жизни вещи... Делание денег с помощью денег является для деревенской мысли святотатством, а для... русской религии - грехом» [7, с. 636].

Аналогичное отношение к деньгам можно проследить не только в русской литературе XIX в., [8] но и (в особенности!) в литературе советского периода. Это касается не только идеологически выверенных произведений, но и подлинно народной лирики. Вспомним, строки Н.М. Рубцова из стихотворения «Русский огонёк». В тот момент, когда лирический герой пытается отблагодарить за приют, старуха отвечает ему: «Господь с тобой! Мы денег не берём!» [9, с. 139].

Трагические последствия рыночных реформ 1990-х можно понять, только осознав тот факт, что Россия, будучи страной принципиально небуржуазной к началу XX в., в кот. капиталистический способ производства и капиталистические отношения присутствовали фрагментарно и во многом благодаря государственной поддержке, с 1917 по 1991 г. развивалась по пути построения альтернативной капитализму системы. По мнению С.Г. Кирдиной, основанному на переосмыслении всей российской истории, а также результатов более поздних (антиколониальных) революций в незападном мире (в ходе которых страны возвращались к «азиатскому способу производства»), «революции становятся средством модификации традиции в соответствии с требованиями современного мира и способствуют приспособлению изначально присущих обществу институтов к изменившимся условиям» [10, с. 227]. Не прижились капиталистические отношения и в постсоветский период. За исключением мелкого частного предпринимательства, под видом рыночной экономики процветало лишь паразитирование на государственной собственности и государственных деньгах. Системный анализ, произведённый исследовательницей в фундаментальном труде, показывает, что причина этого обстоятельства кроется в том, что в России никогда не было частной собственности в западном понимании, но при этом существовала верховная условная собственность и квазичастная собственность [10, с. 240]. Данный анализ был осуществлён, исходя из принципов объективности и беспристрастности, в отличие от пафосных разоблачений западных [11] и отечественных авторов [12], воспринимающих либеральные ценности «собственности» и «свободы» в качестве универсальных и объясняющих «неправильный» характер российской истории недостаточным укоренением на её почве данных принципов.

Однако, любая самовоспроизводящаяся система, в том числе и локальная цивилизация, в отличие от минералогической псевдоморфозы, имеет свойство «переваривать» нововведения, приспособлять их к своей «органике». Так, постепенно в России произошла адаптация к петровским реформам (1-я выделенная Шпенглером псевдоморфоза), большевистской революции (2-я псевдоморфоза по Шпенглеру). Откровенно говоря, капиталистические отношения не установились в России и после реформ 1990-х (3-й псевдоморфозы в истории российской цивилизации, говоря языком Шпенглера). Ряд исследователей видят причины такого хода событий в незавершённости экономических и политических реформ, другие – в патерналистской политической культуре и т.д. Уже упомянутая С.Г. Кирдина провела масштабный институциональный анализ и определила X и Y типы экономики и политической системы, из которых первый (присущий в том числе России) носит аккумулятивно-распределительный характер, основан на кооперации и стремится к минимизации издержек, второй (характерный, например, для США) – опирается на рыночные механизмы и конкуренцию, стремится к максимизации прибыли. Сторонники цивилизационного подхода объясняют разницу между особенностями институционального оформления локальных цивилизаций климатическими условиями, различными историческими вызовами, в ответ на которые сформировались все упомянутые институты, и мн. др. причинами.

Поскольку реформы 1990-х гг. осуществлялись с опорой на универсалистские штампы, по прошествии многих лет становится очевидным, что заимствованный аппарат социальных наук неадекватен для осмысления происходящих в России (и мн. др. регионах мира) процессов. Наша страна остро нуждается в аутентичном общественном знании, оперирующем адекватным её истории и культуре категориальным аппаратом.

Пионерами аутентичного общественнознания в России были В.Н. Татищев (1686 – 1750 гг.) и М.В. Ломоносов (1711 – 1765 гг.). Бережное отношение к российской истории, боязнь исказить её не позволяли, например, Татищеву дополнять летописную историю различного рода интерпретациями, передавать факты более современным языком.

То, что Н.Я. Данилевский 150 лет назад называл «европейничанием», подчёркивая недопустимость попыток рассматривать российскую историю через призму европейского взгляда, сегодня А.Г. Дугин обозначил термином «эпистемологический колониализм».

Рассмотрим пару свежих примеров предвзятого толкования отечественной истории.

1. Предпринятая С.А. Никольским оценка влияния татаро-монгольского ига на дальнейшее развитие российских государственных институтов [13].

Если Данилевский анализировал и описывал эту же самую ситуацию в объективном и ценностно-нейтральном ключе [14, с. 270-271], объясняя более высокую степень лояльности «своей» власти у русских (сравнительно с европейцами) тем, что всё недовольство неизбежными поборами

переключалось на ордынцев, то у современного автора при анализе «феномена покорности» явно присутствует оценочная компонента, довольно объёмная часть текста доклада посвящена доказательствам того, что монгольское общество было более демократичным, справедливым, веротерпимым и совершенным в военном отношении. Монгольское иго трактуется как неиспользованная русскими возможность выйти на более высокий уровень цивилизованности через восприятие ряда его демократических практик [13, с. 25]. В то время как, мысля последовательно в русле единого цивилизационного подхода (а Никольский – очевидный универсалист), невозможно некоторые качества родоплеменного общества, стоящего с точки зрения данной оптики рассмотрения на более «низкой» ступени развития, интерпретировать как прогрессивные демократические элементы и не замечать различного рода «варварских» черт этого «демократизма».

2. Аналогичным образом, крайне жёсткую оценку у С.А. Никольского получает и отмена «Юрьева дня» при Иване IV [12, с. 24].

Тогда как существовало множество причин, почему крестьяне становились «крепкими» к земле, объективно описанных дореволюционными историками. Это и замещение прежней родовой знати военно-служилым сословием, рост которого усугубил тягловую нагрузку на крестьян, спешивших при первой возможности уйти на новые земли. Тем самым военное сословие лишалось средств для того, чтобы исправно нести службу. Это вызывало тревогу правительства, кот. начало прибегать к различным мерам по затруднению крестьянских переходов [15, с. 610-611]. Иногда, если крестьянин приходил на новое или запустелое место и должен был «распахать деревню», починить старые или построить новые хоромы, он получал от землевладельца подмогу деньгами и освождение на несколько лет от дани и выхода на работу. Устроить хозяйство на новом месте называлось «наставить соху». Если крестьянин не отживал льготных лет и уходил, не исполнивши своих обязанностей, то должен был возвращать подмогу землевладельцу [16, с. 257].

Пафос работ С.А. Никольского особенно выделяется на общем плане, поскольку его обличительные в отношении российской истории и политической системы тексты целиком базируются на литературных источниках. Без поправки на присущую русской культуре традицию покаяния. Внутренний голос совести, присущий именно российской диалогической логике культуры, а также эмоционально насыщенные литературные образы, метафоры спекулятивно используются для того, чтобы разглагольствовать об извечном рабстве, состоянии несвободы, в котором пребывают русские, в итоге рассматриваемый автор даже делает вывод о «бессовестности» русских вследствие их «бессобственности» [13, с. 30].

В данный момент отечественное обществознание (за исключением теории локальных цивилизаций) фактически не имеет адекватного аппарата для осмысления происходящих глобальных политических процессов. После

дезинтеграции советской системы многие российские авторы, взяв на вооружение категориальный аппарат западной политологии, зачастую не осуществляя при этом его критического переосмысления, с тем же догматизмом, с которым прежде цитировали классиков марксизма, стали опираться на классиков либеральной теории. Вследствие чего российская цивилизация может окончательно превратиться в псевдоморфозу. Необходимо восстанавливать связь отечественного общественно-научного знания с российской цивилизационной логикой культуры [17] и её «сакральной вертикалью» [18], т.е. теми ценностями и смыслами, которые помогали сохранению российской цивилизации в течение всей её истории. А это значит, что ключевые цели исследователя должны быть «понять» и «объяснить», а не «обличить» и «заклеймить».

Список литературы

1. Высадка деревьев на центральных улицах Москвы в рамках программы «Моя улица» // Блог «Сделано у нас». URL: <https://sdelanounas.ru/blogs/85767/>
2. Heidegger, authenticity, and modernity: essays in honor of Hubert L. Dreyfus / edited by Mark A. Wrathall and Jeff Malpas. Vol. 1. Cambridge: Massachusetts Institute of Technology, 2000. 407 p.
3. Guignon C. Authenticity, Moral Values, and Psychotherapy // *The Cambridge Companion to Heidegger* / Ed. C. Guignon. 2nd ed. Cambridge: Cambridge UP, 2006. P. 268-292.
4. Давыдов В.Н. Культурная аутентичность и коренные народы: институциональные процессы и политика идентичности // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2006. Т. 9. №3. С. 93-109.
5. Дмитриев Т. А. La condition humaine: взгляд Жан-Жака Руссо // *Логос*. 2013. №6 (96). С. 7-66.
6. Панарин А.С. Народ без элиты. М.: Алгоритм, 2006. 352 с.
7. Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / Пер. с нем. С.Э. Борич. Минск: Попурри, 2019. 704 с.
8. Маджаров А.С. Освальд Шпенглер и русская историография XIX в. о специфике (псевдоморфозе) русской истории // *Известия Иркутского государственного университета. Серия «История»*. 2012. № 1 (2). С. 176-187.
9. Рубцов Н.М. Русский огонёк // *Тихая моя родина: Стихотворения*. М.: Эксмо, 2012. 368 с.
10. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию. Издание 3-е, переработанное, расширенное и иллюстрированное. СПб.: Нестор-История, 2014. 468 с.
11. Пайпс Р. Собственность и свобода. М.: Московская школа политических исследований, 2000. 416 с.
12. Никольский С.А. Империя и культура. Философско-литературное осмысление Октября. М.: ИФ РАН, 2017. 126 с.

13. Никольский С.А. О проблеме цивилизации и цивилизационном развитии России. Историсофский анализ. Доклад на заседании семинара «Российский проект цивилизационного развития» в ИФ РАН. 2021. URL: https://iphras.ru/-upload/root/news/archive_events/2021/28_01_nikolskiy.pdf.
14. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Алгоритм, 2018. 560 с.
15. Нечволодов А.Д. Сказания о Русской земле. Книга 2. СПб: Царское дело, 2003. 992 с.
16. Соловьёв С.М. Об истории Древней России. М.: Просвещение, 1993. 544 с.
17. Смирнов А.В. Логика смысла как философия сознания: приглашение к размышлению. М.: Издательский дом ЯСК, 2021. 448 с.
18. Цымбурский В.Л. Остров Россия: Геополитические и хронополитические работы 1993–2006. М.: РОССПЭН, 2007. 544 с.

**ПРЕЛОМЛЕНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТУИЦИЙ
АЛЕКСАНДРА ПАНАРИНА В КОЛЛЕКТИВНОМ ТРУДЕ
УЧАСТНИКОВ ХАРАКСКОГО ФОРУМА**

Ильинская С.Г.

кандидат политических наук, доцент

*Институт философии РАН, ведущий научный сотрудник, руководитель
сектора философских проблем политики*

E-mail: svetlana_ilinska@mail.ru

***Аннотация.** Александр Панарин – один из опередивших своё время мыслителей, оказавшийся недооценённым как при жизни, так и поныне. Идеи «православной цивилизации», «железного занавеса», социального расизма глобальных элит, объявления ими «крестового похода» против любых проявлений традиционализма и др. оказались не просто удачными метафорами, а пророческими интуициями философа. В настоящее время уже очевидно, что многие его прогнозы сбываются, а идеи реализуются в контексте противостояния исторической России и коллективного Запада. Эти идеи заметно проявились в изданной в прошлом году коллективной монографии участников Харакского форума и продолжают развиваться на базе Крымского федерального университета имени В.И.Вернадского.*

***Ключевые слова:** православная цивилизация, геополитика, Александр Панарин, «железный занавес», диктатура глобализма, реванш истории, национальная идентичность, коллективная память.*

REFRACTION OF GEOPOLITICAL INTUITIONS OF ALEXANDER PANARIN IN THE COLLECTIVE WORK OF THE PARTICIPANTS OF THE KHARAK FORUM

Ilinskaya S.G.

PHD

Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences

E-mail: svetlana_ilinska@mail.ru

Abstract. *Alexander Panarin is one of heading of his time thinkers who was underestimated both during his lifetime and to this day. The ideas of “Orthodox civilization”, “Iron Curtain”, social racism of the global elites, their announcement of a “crusade” against any manifestations of traditionalism, etc. turned out to be not just successful metaphors, but prophetic intuitions of the thinker. It has become obvious that many of his prophecies are coming true, and ideas are being realized in the context of the confrontation between historical Russia and the collective West. This was noticeably manifested in the collective monograph of the participants of the Kharak Forum published last year and it continues to develop on the basis of the V.I.Vernadsky Crimean Federal University.*

Keywords: *orthodox civilization, geopolitics, Alexander Panarin, iron curtain, dictatorship of globalism, revenge of history, national identity, collective memory.*

А.С. Панарин – один из немногих мыслителей, которых действительно можно назвать аутентичными [1]. Отечественное обществознание уже в позднее советское время не было отечественным в полном смысле этого слова. Как явственно следует из многочисленных интервью, те, кому по долгу службы полагалось знакомство с западной социогуманитарной мыслью для квалифицированной нейтрализации интеллектуальных диверсий, искренне разделяли западные идеалы и ценности. Этот факт искусно затемнялся словесной казуистикой, для маскировки разбавленной цитатами из К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина и решений партийных съездов (см., например, [2]). В то время как Александр Панарин, хорошо владея всем корпусом западной социологии и политологии, мыслил в русле отечественной «сакральной вертикали», построенной на органично переплетённых православных и социалистических ценностях. Настоящий доклад посвящён тому, как его пророчества, вполне подтвердившиеся за год, минувший с начала СВО, были отражены в коллективной монографии участников Харакского форума [3].

Как любой мыслитель, опередивший время, Панарин сталкивался с неприятием среди коллег, в то время как его книги (в отличие от абсолютного большинства научной литературы) раскупались почти как бестселлеры; однако его выступления с большим энтузиазмом слушали на конференциях в Крыму, волею судеб оказавшемся в «суверенной» Украине. Именно здесь идеи Панарина нашли отклик и понимание, взрастили последователей.

Распад советского государства повлек за собой множество проблем, ключевой из которых, по мнению А. С. Панарина, стал, прежде всего, не социальный или экономический, а идентификационный кризис [4, с. 23]. Именно этот кризис до сих пор препятствует «вызреванию» в российском обществе общенациональной идентичности, вследствие чего оно накалено почти до состояния гражданской войны. Отечественная политическая элита, пройдя «искушение глобализмом» [5], из соображений самосохранения оказалась вынуждена возвратиться к исторически неоднократно опробованным ответам на исторически же неизменные вызовы. Что касается элит «культурной» и «интеллектуальной», то внутри них произошёл жесточайший ценностный раскол. Столетие окончания Гражданской войны и «философского парохода» было отмечено массовой эмиграцией (или временным отъездом за рубеж?) представителей культурной, научной и бизнес-сфер, жизни и собственности которых ничего не угрожало, ментально оказавшихся на стороне врага, идейно и ценностно уже давно бывших далеко не российскими.

Одним из реализовавшихся прогнозов Панарина стал «занавес» между Россией и «цивилизованным миром» (который мыслитель считал необходимым условием российского возрождения), опущенный по инициативе коллективного Запада, с момента возвращения Крыма в состав России наращивающего объёмы экономических и политических санкций. Этот барьер постепенно становится всё менее проницаемым, хотя пока его нельзя назвать «железным» [6]. Тем не менее, он способствовал тому, что в стране были наконец запущены процессы реиндустриализации по стратегически важным отраслям. Идёт возрождение российской государственности как единственной альтернативы «концу истории» [7, с. 314-349].

Кроме того, за истекший год был принят ряд ключевых для российской идентификации решений. Определилось существо текущего противостояния как борьба Добра со Злом в его библейском понимании. Произошло осознание того факта, что воевать приходится не с заблудшими братьями, а с убеждёнными нацистами, практикующими пытки пленных, немотивированные расстрелы гражданского населения и т.д. Стало понятно, что содержательно представляет из себя Россия, вокруг какого комплекса ценностей строится её идентификационная матрица. В частности, был издан Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. №809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»; стартовал ряд исследовательских проектов по определению российского «культурного кода», осуществляемых через переосмысление отечественной истории, онтологической сущности российской государственности; в школах были введены уроки «Разговора о важном», в вузах – курс «Истории российской государственности», необходимые для передачи эстафеты коллективной памяти следующим поколениям.

При содержательном анализе работы «Национальная идентичность и коллективная память: между прошлым и будущим» (под редакцией Т.А.Сенюшкиной) [3], значительное число авторов которой составляют сербские учёные, текущий военный конфликт может быть идентифицирован как крестовый поход коллективного Запада против сохранившихся островков православия в виде России и Сербии. В ходе специальной военной операции, в которой Российской Федерации противостоит весь так называемый «цивилизованный мир» в виде блока НАТО, появляются новые герои и новые сакральные жертвы, как предельные основания идентификации, переступить через которые для коллективной памяти соотечественников становится всё сложнее (также, как для Республики Сербия невозможно забыть агрессию НАТО в 1999-м году), что делает для страны неммыслимым возвращение к прежней модели эпитафия Запада. В работе крымских коллег были чётко показаны пределы допустимой вариативности в рамках единства культурной основы общества [3, с. 9-27]. Однако в условиях виртуализации жизненного мира (проблема, которой посвящён целый комплекс статей коллективной монографии), часть населения может жить в иной реальности, практически не имеющей связи с обстановкой в стране, поэтому «трудные шаги к суверенному интернету» [3, с. 289-298] необходимо довести до логического конца.

В коллективной монографии участников Харакского форума развиваются многие идеи, так или иначе инициированные в новейшее время именно панаринской мыслью (а также В.В. Кожинным и др.). Прежде всего, речь идёт об идеократическом наполнении российской идентичности, которое частично начало реализовываться за последний год. Свобода выбора между «высоким» и «низким», которая ведёт к замещению подлинной культуры культурным суррогатом [3, с. 23], стала постепенно, но неотвратимо сокращаться. Частично – из-за того, что российскую территорию покинула определённая категория служащих современных «культуры» и «искусства», частично – из-за запретительных мер в отношении попыток дискредитации российского государства и его политики. А частью – просто потому, что пошлые кривляния на ТВ невозможны на фоне репортажей о подвигах российских военных. Таким образом, постепенно начали утверждаться общественные инстанции и социальные институты охранительско-консервативной направленности. Идеократическое возрождение России, возглавившей сопротивление глобальному Западу, позволяющее ей стать подлинным государством-цивилизацией, уже проявляется в возвращении лучших черт русского, советского и православного начал (на проблему разрушения единства которых справедливо обращал внимание А.В. Трухан [3, с. 38]), благодаря чему зарождается возможность новой, альтернативной универсальности. Исторически решающая роль православного христианства в становлении российской цивилизации проявилась в высокой степени её терпимости. Православие как религиозный институт никогда не стремилось уничтожить грех вместе с его носителями (грешниками), поскольку руководствовалось доктринальным положением о том, что человек может со

временем «приобщиться». Именно поэтому оно, в отличие от католицизма, практически не занималось насильственным обращением и, в отличие от протестантизма, не стремилось к физическому истреблению или рабскому использованию иноверцев. Все российские конфессии гармонично сосуществуют в настоящее время вследствие доминирования православия на большинстве этапов становления нашего государства [8]. В то время как западный монологический дискурс является воистину каннибальским [9]. Поскольку согласно гегелевской формуле философии истории, «мировой дух» может быть воплощён не во всех народах, а только во «всемирно-исторических».

Анализируя ещё один из сбывшихся прогнозов А.С. Панарина о неминуемых катастрофических последствиях для западных элит предпринятого «крестового похода» против России в силу неумолимого «реванша истории», необходимо обратить внимание на ущербность прежней российской политики уступок в силу имманентного присутствия насилия в западной «логике смысла». Этот вопрос я разбираю подробно в другой публикации [10], но коротко замечу, что люди, укоренённые в российской логике культуры, даже внимательно читая аутентичные западные тексты, воспринимают их через призму своего диалогизма. Таким образом происходит невольное приписывание более высоких или гуманистических смыслов многим классическим работам. Мы искренне привносим подлинную универсальность туда, где было намерение установить некие принципы только для узкого круга избранных стран. Но правила на сегодня в мире определяет (пока) именно коллективный Запад. Более того, и он воспринимает иные цивилизационные образования в своей логике культуры, через призму своего сознания, приписывая оппонентам «свои» качества и принимает решения, исходя из этого восприятия. Необходимо понимать истинную природу западной цивилизации и взаимодействовать с ней, опираясь на это понимание. В существующем мире международные соглашения будут исполняться только в том случае, если они будут подкреплены военной силой. Более того, эту силу придётся каждый раз подтверждать заново. Игнорирование данного обстоятельства чревато исключением из пространства терпимости. Можно сказать, что это уже происходит, поскольку запущен процесс отмены русской культуры и вообще всего русского. Именно этим (хищнической природой западной цивилизации, а не только её неоднородностью) можно объяснить нерациональные на первый взгляд решения «рационального» Запада по отказу от российских энергоносителей и т.п., провоцирующие экономический кризис в Европе. Отказ от взаимовыгодной торговли происходит из расчёта на то, что природные богатства в перспективе можно будет забрать бесплатно. Текущий конфликт был обусловлен именно тем, что западный мир, наиболее благополучный в наличной системе, нарушил существующий порядок в расчёте на ещё большие шансы (что также было предсказано Панариным), тем самым провоцируя трансформацию мирового порядка, уже проявляющуюся в усилении роли БРИКС.

На базе сектора философских проблем политики Института философии Российской академии наук работает семинар «Актуальные вопросы российской цивилизации». Призываю коллег присоединиться к обсуждению тех проблем, которые мы разбираем на этой дискуссионной площадке. В настоящее время перед российскими гуманитариями стоит задача полной ревизии всего категориального аппарата социальных наук на предмет их соответствия российской цивилизационной «логике смысла». По большому счёту, речь идёт о развитии аутентичной философии и становлении аутентичного обществознания.

Список литературы

1. Ильинская С.Г. Аутентичное развитие: ключевые аспекты концепта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 1. С. 116–133. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-116-133.
2. Михантьева М. Разоблечь идеальную советскую семью: как исследовали гендерный вопрос в СССР // Forbes. 24.05.2022 (<https://www.forbes.ru/forbes-woman/466421-razoblacit-ideal-nuu-sovetskuiu-sem-u-kak-issledovali-gendernyj-vopros-v-sssr>).
3. Национальная идентичность и коллективная память: между прошлым и будущим [коллективная монография] / отв. ред. Т.А. Сенюшкина; науч. ред. Е.А. Сенюшкин. Симферополь: Н. Орианда, 2022. 320 с.
4. Панарин А.С. Реванш истории: Российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Русский мир, 2005. 432 с.
5. Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: Эксмо, 2003. 416 с.
6. Панарин А.С. Правда «железного занавеса». М.: Алгоритм, 2006. 336 с.
7. Панарин А.С. Народ без элиты. М.: Алгоритм, 2006. 352 с.
8. Ильинская С.Г., Угрин И.М. Диалогизм российской цивилизации против монологизма Запада // Вопросы социальной теории. 2023 (в печати).
9. Zavala I.M. Notes on Cannibalistic Discourse of Monologism // Bakhtin: Carnival and Other Subjects / Ed. David Shepherd. Amsterdam: Rodopi, 1993. P. 261-276.
10. Ильинская С.Г. Парадокс толерантности и правда терпимости (западный и российский опыт) // Свободная мысль. 2023. №2 (в печати).

СТРАТЕГИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ (НА ПРИМЕРЕ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

Кнухова Ж.Н.

Кандидат социологических наук

*Карачаево-Черкесский ордена «Знак почёта» институт
гуманитарных исследований при Правительстве КЧР, с.н.с. отдела
социально-политических исследований, г. Черкесск*

E-mail: jknuhova@yandex.ru

Аннотация. Автор статьи предпринимает попытку проанализировать процесс реализации Стратегии государственной национальной политики на уровне российских регионов, используя в качестве примера опыт Карачаево-Черкесской Республики. В Карачаево-Черкесской Республике основными направлениями работы по реализации стратегии государственной национальной политики РФ стало поддержание и развитие культурных традиций, межнационального и межконфессионального согласия, сохранение лингвистического многообразия. Делается вывод о том, что Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации является важным элементом государственной деятельности. Ее реализация на региональном уровне способствует сохранению и развитию культурного и языкового разнообразия народов России. Региональные программы должны учитывать особенности местных сообществ и обеспечивать их активное участие в процессе реализации национальной политики. Для достижения этой цели необходимо использование опыта успешных региональных программ и его адаптация на общероссийском уровне.

Ключевые слова: Стратегия государственной национальной политики; межнациональные отношения; этноязыковая политика; этническая общность.

STRATEGY OF THE STATE NATIONAL POLICY: REGIONAL LEVEL (ON THE EXAMPLE OF THE KARACHAY-CHERKESS REPUBLIC)

Knukhova Zh.N.

Candidate of Sociological Sciences

*Karachay-Cherkess Order "Badge of Honor" Institute Humanitarian Studies under
the Government of the KChR, senior researcher department of socio-political
research, Cherkessk*

E-mail: jknuhova@yandex.ru

Abstract. The author of the article makes an attempt to analyze the process of implementing the Strategy of the state national policy at the level of Russian regions, using the experience of the Karachay-Cherkess Republic as an example. In the Karachay-Cherkess Republic, the main areas of work to implement the strategy

of the state national policy of the Russian Federation have become the maintenance and development of cultural traditions, interethnic and interfaith harmony, and the preservation of linguistic diversity. It is concluded that the Strategy of the state national policy of the Russian Federation is an important element of state activity. Its implementation at the regional level contributes to the preservation and development of the cultural and linguistic diversity of the peoples of Russia. Regional programs should take into account the characteristics of local communities and ensure their active participation in the process of implementing national policies. To achieve this goal, it is necessary to use the experience of successful regional programs and its adaptation at the all-Russian level.

Key words: *Strategy of the state national policy; international relations; ethno-linguistic policy; ethnic community.*

Государственная национальная политика Российской Федерации, являясь одним из ключевых направлений государственной деятельности, ставит своей целью гармонизацию межнациональных отношений посредством сохранения и развития культурного и языкового многообразия народов России, ввиду чего имеет приоритетное значение в обеспечении национальной безопасности государства, вопрос о которой в сложившихся геополитических реалиях имеет особую актуальность.

В основе современной госнацполитики РФ находится принятая в 2012 году [2] и обновленная в 2018 году Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [3]. В новой редакции стратегической целью провозглашается *«сохранение единства российской нации, воспитание чувства общероссийской гражданской идентичности и патриотизма, направленные на консолидацию многонационального народа Российской Федерации вокруг общих ценностей, формирующих фундамент российской государственности»* [1], формулируются основные понятия современной государственной национальной политики, такие как *«российская нация», «общероссийская гражданская идентичность», «этнокультурное и языковое многообразие Российской Федерации»* и другие [1].

Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года служит фундаментом построения всей системы государственной национальной политики современной Российской Федерации, в том числе регионального уровня, отличающегося рядом нововведений в редакции 2018 года: расширение участия региональных субъектов власти в процессе разработки и реализации Стратегии; закрепление ответственности органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и их должностных лиц в сфере межнациональных отношений.

Координацией, контролем и содействием в осуществлении плана мероприятий в масштабах Российской Федерации уполномочено заниматься созданное несколько лет назад Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН). Тогда как задача непосредственного

содержательного наполнения деятельности на региональном уровне (на который делегировано порядка 60% всего объема деятельности по данному направлению), предполагающая учет национальной специфики, а также определение непосредственно ответственного за данное направление департамента, в значительной мере адресована главам субъектов РФ.

При разработке и реализации национальной политики необходимо принимать во внимание особенности и потребности каждого региона, а также обеспечивать широкое участие представителей этнических сообществ в процессе принятия решений. В рамках этой политики региональными органами власти разрабатываются специальные программы и меры для их реализации на местном уровне. Региональный опыт реализации программ по национальной политике может быть использован для создания общероссийской стратегии, направленной на сохранение и развитие культурного и языкового многообразия.

В Карачаево-Черкесской Республике основными направлениями работы по реализации стратегии государственной национальной политики РФ стали поддержание и развитие культурных традиций, межнационального и межконфессионального согласия, сохранение лингвистического многообразия.

Этноязыковая политика в Карачаево-Черкесской Республике базируется на ряде нормативных актов⁶, в основе которых лежат такие базовые принципы этноязыковой политики, как уважение прав этнических общностей; гарантирование прав на использование своего языка как в личных, так и в общественных отношениях; обеспечение доступа к образованию и национальным культурным ценностям; создание условий для сохранения и развития национальных языков; содействие развитию полиэтничности и толерантности в отношениях между различными этническими сообществами.

В республике возможность изучения государственных языков закреплена на законодательном уровне (в соответствии с Законом Карачаево-Черкесской Республики «Об отдельных вопросах в сфере образования на территории Карачаево-Черкесской Республики»): в общеобразовательных организациях, обучение в которых ведется на русском языке, с первого класса в качестве обязательного учебного предмета введено преподавание родного языка (языки титульных народов). Особое внимание уделяется изданию

⁶ Конституция Российской Федерации, утверждающая равенство всех граждан, независимо от национальной принадлежности, и признание равноправия языков народов России; Федеральный закон "О языках народов Российской Федерации", который определяет порядок официального использования родных языков на территориях проживания и расширяет права граждан, проживающих в мультиязычных регионах; Закон Российской Федерации "Об образовании", который гарантирует народам возможность получения образования на своем языке и право на создание национальных школ; Закон Карачаево-Черкесской Республики "О языках народов Карачаево-Черкесской Республики"; Закон Карачаево-Черкесской Республики «Об отдельных вопросах в сфере образования на территории Карачаево-Черкесской Республики».

учебников на родных языках, благодаря чему только за последнее десятилетие было издано более 60-ти наименований учебников на национальных языках республики.

Важным элементом регионального уровня государственной национальной политики является создание системы учреждений и институтов национальной культуры. Необходимые и достаточные условия, обеспечивающие решение наиболее важного для каждого народа вопроса сохранения своей идентичности посредством сбережения культуры, традиций и родного языка, обеспечиваются в рамках Государственной программы «Реализация государственной национальной, конфессиональной, информационной политики в Карачаево-Черкесской Республике»: обеспечение финансовой, организационной и правовой поддержки периодических изданий⁷, СМИ⁸, художественной, учебной, детской, справочной, краеведческой, научной, научно-популярной литературы на всех государственных языках КЧР. Активно функционируют, в том числе выставляясь за пределами региона, республиканские творческие союзы (художников, писателей, журналистов). Цель данных объединений, так же, как и успешное функционирование в течение многих лет пяти драматических театров⁹; Государственного ансамбля танца КЧР «Эльбрус»; Республиканского Центра народной культуры, – поддержка национальной творческой интеллигенции и популяризация, сохранение и развитие национальной культуры народов, проживающих на территории республики.

Отдельным направлением реализации мероприятий в рамках Стратегии государственной национальной политики является обеспечение жителям возможности совершать религиозные обряды. В основной массе в республике проживают последователи двух конфессий: ислама суннитского толка и православия. Согласно общей стратегии в регионе широко практикуется сотрудничество между структурами исполнительной власти, общественными и религиозными организациями.¹⁰ Республиканскими СМИ транслируются

⁷ Осуществляется поддержка пяти республиканских газет, выходящих на разных языках: «День Республики», «Къарачай», «Черкес хэку», «Абазашта», «Ногайдавысы». Издание семи сборников и пяти детских журналов на языках народов Карачаево-Черкесской Республики (на русском языке «Наш теремок», на ногайском «Мамметекей», на карачаевском «Илячин» (Сокол), на черкесском «Радуга», на абазинском «Шыйачива» (Утренняя звезда)).

⁸ В республике выходит более 50-ти СМИ на русском языке, 12 - на абазинском, 12 - на черкесском, 11 - на карачаевском и 10 - на ногайском.

⁹ Русский театр драмы и комедии, Черкесский драматический театр, Карачаевский драматический театр, Абазинский драматический театр, Ногайский драматический театр.

¹⁰ Такие соглашения с Духовным управлением мусульман КЧР и Пятигорской и Черкесской епархией подписали МВД КЧР, Министерство образования и науки КЧР, Министерство культуры КЧР, МЧС КЧР, ОФМС КЧР, Управление Госнаркоконтроля по КЧР, ДОСААФ КЧР и другие ведомства.

передачи просветительского плана относительно сущности и основных догматов традиционного ислама, с акцентированием его противопоставления экстремистским течениям.¹¹ Представители духовенства, как ислама, так и православия, регулярно участвуют в теле и радиоэфирах, научных семинарах, конференциях, официальных мероприятиях, посвященных межкультурному диалогу, противодействию этническому и религиозному экстремизму. Благодаря взвешенной политике, проводимой республиканскими властями, в регионе отсутствуют серьезные конфликты и противоречия в государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношениях.

Важным вектором деятельности является обеспечение гражданских прав и свобод всех граждан Российской Федерации, вне зависимости от национальной и этнической принадлежности. Интересы практически всех, вплоть до самых немногочисленных, народов, проживающих на территории КЧР, в системе гражданского общества представляют общественные национальные объединения. Самые многочисленные имеют по несколько организаций – молодежные, женские, старейшин, каждая из которых активно участвует в межнациональном взаимодействии, каждая включена в систему конструктивного диалога с властью республики.

Таким образом, Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации является важным элементом государственной деятельности. Ее реализация на региональном уровне способствует сохранению и развитию культурного и языкового многообразия народов России. Для достижения этой цели необходимо использование опыта успешных региональных программ, учитывающих особенности местных сообществ и обеспечивающих их активное участие в процессе реализации национальной политики, и его адаптация на общероссийском уровне.

Список литературы

1. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (В редакции Указа Президента Российской Федерации от 06.12.2018 № 703). URL: <http://government.ru/docs/all/85503/>. (Дата обращения 16.03.2023).
2. Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666 "О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года". URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201212190001>. (Дата обращения 18.03.2023).
3. Указ Президента Российской Федерации от 06.12.2018 № 703 "О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года,

¹¹ «Мир ислама» - на абазинском языке, «Слово из Корана» - на ногайском языке, «Азан» - на карачаевском языке, «Минарет» - на черкесском языке. На русском языке в рамках программы «На пути к вере» еженедельно по пятницам выступают духовные лидеры православных и мусульман КЧР.

- утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666". URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201812070007>. (Дата обращения 21.03.2023).
4. Главная цель. Реализация государственной национальной политики Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/documents/6539> (Дата обращения: 15.03.2023 г.).
 5. По региону: Карачаево-Черкесская Республика. Российский Совет по межнациональным отношениям. URL: <https://www.interethnics-russia.ru/reg/725>. (Дата обращения 24.03.2023).

ПРОРОЧЕСКИЙ ДИАГНОЗ РОМАНА ДМОВСКОГО ОТНОСИТЕЛЬНО ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ СОЗДАНИЯ УКРАИНСКОГО ГОСУДАРСТВА

Ханна Ковальска-Стус

Доктор философских наук

*Ягеллонский университет, Краков, профессор
кафедры русской культуры и теории культурных систем
E-mail: hanna.kowalska-stus@uj.edu.pl*

Аннотация. *Политическая деятельность и творчество Романа Дмовского занимали важное место в польской консервативной политической мысли межвоенного периода. В своих публикациях Дмовский пытался доказать, что Польша никогда не должна согласиться на возникновение независимой Украины, которая может стать инструментом немецкой антипольской и антирусской политики. В исторической перспективе Дмовский указал проблему Украины в работе «Украинский вопрос», опубликованной в 1930 году. В межвоенный период нефть вышла на первый план сырья, добываемого из недр земли. Россия занимала третье место в мире по добыче нефти. Украина стала тогда предметом пристального интереса представителей европейского и американского капитала и заняла место в их планах экономического и политического устройства мира на ближайшую перспективу. Конечно, если бы Украина отделилась от России, могущественные круги использовали бы все свое влияние и средства, чтобы не допустить, чтобы дело закончилось созданием какого-то сравнительно небольшого государства. Только великая, может быть, самая большая Украина могла привести к решению тех вопросов, которые придавали украинскому вопросу такое широкое значение.*

Ключевые слова: *Украина, геополитика, Роман Дмовский, Польша.*

PROPHETIC DIAGNOSIS OF ROMAN DMOVSKY REGARDING THE GEOPOLITICAL ASPECTS OF THE CREATION OF THE UKRAINIAN STATE

Hanna Kowalska-Stus

PHD

Jagiellonian University, Krakow, professor

Department of Russian Culture and Theory of Cultural Systems

E-mail: hanna.kowalska-stus@uj.edu.pl

Abstract. *Political activity and creativity of Roman Dmowski occupied an important place in the Polish conservative political thought of the interwar period. In his further publications, Dmowski tried to prove that Poland should never agree to the emergence of an independent Ukraine, which could become an instrument of German anti-Polish and anti-Russian policy. In a historical perspective, Dmowski pointed out the problem of Ukraine in his work "The Ukrainian Question" in 1930. In the interwar period, oil came to the fore as a raw material extracted from the bowels of the earth. Russia ranked third in the world in terms of oil production. Ukraine then became the subject of close interest of representatives of European and American capital and took a place in their plans for the economic and political organization of the world in the near future. Of course, if Ukraine seceded from Russia, powerful circles would use all their influence and means to prevent the matter from ending in the creation of some relatively small state. Only a great, perhaps the largest, Ukraine could lead to the solution of those issues that gave the Ukrainian question such wide significance.*

Keywords: *Ukraine, geopolitics, Roman Dmowski, Poland.*

Политическая деятельность и творчество Романа Дмовского занимали важное место в польской консервативной политической мысли межвоенного периода. Характерной чертой консерватизма является стремление к тщательному анализу ситуации и попытке постановки диагноза.

Дмовский подвел итоги поражения Речи Посполитой в конце XVIII века. Причиной было стремление дворянства к неограниченной личной свободе. Во время неволи прибавились другие пороки: отсутствие чувства ответственности, политическая пассивность, внушаемая идеологией позитивизма, доктринерский гуманизм, который лишил поляков национального инстинкта, вырождающийся мессианизм [3]. Визит в Японию убедил Дмовского, что сила состоит в чувстве единства отдельного человека с прошлым, настоящим и будущим своего народа¹². После аннексии Боснии он печатает статью «Германия, Россия и польское дело» [4]. Дмовский показал Европе, что Польша играет роль в международной политике, особенно во

¹² Дмовский был делегатом в Думу II и III созыва. Его очень уважал премьер-министр Витте. Он влиял на польских депутатов, чтобы они голосовали за участие поляков в войне России против Германии.

время Версальской конференции, где он успешно защитил Великопольский регион в границах Возрожденной Речи Посполитой. Стоит заметить, что по отношению к России он выдвинул славянский аргумент, приглашая «Младочехов» к сотрудничеству с Россией против Германии: «Только сильная Польша, т.е. с достаточной большой площадью и достаточным населением, могла бы стать действительно независимой, а будучи независимой, она не служила бы интересам Германии, ни против России, ни против кого бы то ни было. А для России лучше, чтобы польское государство было сильным, чтобы оно было не маленьким государством» [6, с. 45]¹³.

Дмовский убеждал, что славянский вопрос безоговорочно является также польским вопросом, что неославизм поможет славянским народам сыграть надлежащую роль на международной арене¹⁴. Хотя история показала, что Дмовский был прав, но события покатились по другому пути¹⁵.

В упомянутой статье Дмовский доказывает, что Россия отнюдь не является исконным врагом Польши. Она не в состоянии поработить поляков, потому что не имеет для этой цели соответствующих организаций, а также не относится к этому делу с решимостью, которую предъявляют немцы. Он убеждал также, что выступление поляков против России не повлияет на факт, будет ли Россия империей или нет. По-другому дело обстоит с Германией. В приближающейся войне, писал Дмовский, место поляков на стороне России. Такая позиция, по отношению к убеждениям польских патриотов старой эпохи, была тогда неприемлема: «Нашим открытым противником стал Национальный рабочий союз, являющийся нашей главной армией в борьбе с революцией. Для этих людей, которые не слишком глубоко вникают в политические вопросы, которым нужны крепкие штампы в политике, наша акция была посягательством, грубым сговором с москалями. Отдалившись от нас, этот Союз попал под влияние социализма, против которого раньше боролся. Популярная газета, которую мы отдали в руки нашего народа, предала нас, яростно выступила против нас и заняла явно германфильскую позицию» [6, с. 97].

Дмовский оценивал их сурово. Упрекал их в отсутствии реализма, в том, что они не в состоянии избавиться от сентиментов, называл их моральными и интеллектуальными карликами. Однако именно они победили: «Правительство внесло в Государственную Думу проект [...] закона, запрещающего призывать в армию лиц, находящихся под следствием за политические преступления. Это была защита от революционной пропаганды.

¹³ Этот и следующие переводы авторские, Х. К.-С.

¹⁴ Дмовский повлиял на прекращение забастовки в школах на территории Польского королевства. Причиной забастовки была борьба за польский язык в школах. В следующую Думу Дмовского не переизбрали. На его место пришел социалист – Ягелло.

¹⁵ На международной арене Дмовский помогал чехам и румынам, убеждал представителей прогерманского тогда Ватикана, что Австро-Венгрия находится под влиянием Германии.

Мы построили будущее польского дела на войне между Россией и Германией и на поражении Германии. Мы не могли поэтому желать роспуска русской армии революционной пропагандой. С нашей точки зрения, голосовать за законопроект было вполне логично. Когда предложение было вынесено на повестку дня в палате, я дал команду голосовать за предложение под свою личную ответственность. Это голосование Польского кружка вызвало бурю в России. Вся левая, включая кадетов, и вся еврейская пресса яростно накинулись на Польский кружок за его «реакционность» [6, с. 97].

В 1907 г. Дмовский критиковал также русских политиков за близорукость, шовинизм и манию величества. Он убеждал, что будущее России зависит от пересмотра ее отношений к Польше. Россия может реализовать политику бюрократии, защищающей свои узкие интересы, идти путем берлинской политики, или повернуть на путь защиты общественных интересов своего, русского, народа, а также других народов и вместе с ними строить имперскую, славянскую политику. В противоположном случае Россия станет страной, внутренне разлагающейся, предметом реализации немецких интересов, а может быть даже, что она станет опять Государством Московским. Еще в 1925 году Дмовский писал, что польский националистический лагерь не желал России крушения [6, с. 45]. Он предсказал, что коммунизм в России будет царствовать не дольше трех поколений, а русский народ его преодолет. И этот народ должен быть для Польши точкой отправления. Главной задачей в будущем является основание совместных отношений.

В дальнейших своих публикациях Дмовский пытался доказать, что Польша никогда не должна согласиться на возникновение независимой Украины, которая может стать инструментом немецкой антипольской и антирусской политики¹⁶.

Еще на рубеже 1944 и 1945 года в программе подпольной организации Национальной партии читаем о том, что Польша поможет России освободиться от большевистской тирании, не позволит учредить на Заднепровье свободную Украину со столицей в Харькове. С освобожденной Россией Польша будет вести совместную политику, не допуская укрепление немецкого влияния в России. Разложение коммунизма должно было, по планам Национальной партии, открыть новый этап в польско-русских отношениях. В планах была совместная политика против Германии, по

¹⁶ В межвоенный период и после 1945 г. эту мысль продолжило течение, идентифицированное с Енджеем Гертихом. В свою очередь, активисты молодого поколения поддались миру неоромантической политики 1930-х годов – они мечтали «расколоть» Россию и построить «славянскую империю» под эгидой Польши. Так думало ONR, но так думал и Адам Добошинский. Многие не смогли примириться с существованием советского государства, его могуществом и господством после 1945 года. Стоит, однако, отметить, что активисты Национальной партии, предпринявшие попытку легализации в 1945 г., ссылались на «пророссийскую» политику национал-демократии. Это сделала и познаньская община, объединившаяся во время войны в организацию «Ойчызна - „Ojczyzna” (np. prof. Zygmunt Wojciechowski, Jacek Nikisch).

отношению к Украине, сотрудничество в области культуры и экономики, борьба с коммунизмом. Как замечает Ян Энгельгардт, польская политика, по отношению к России, после 1989 года полностью противоречит этим постулатам [8].

Пророческим можно считать диагноз Романа Дмовского относительно оппозиционных геополитических аспектов заявления украинского правительства. По мнению Р. Дмовского, русские относились к центру украинской мысли, расположенном на своей территории, как к региональному движению. Несмотря на явное нежелание, они не предприняли никаких действий, которые привели бы к его уничтожению. Поляки по-другому смотрели на это движение, они видели в украинцах силу, которую ослабит русское влияние на этих землях. Корни этого мышления восходят к временам Январского восстания (1863 г.), когда на знаменах повстанцев был польский орел, литовская погоня и украинский Архангел Михаил. Дмовский отметил, что многие влиятельные украинские активисты, действовавшие в Восточной Галиции, установили контакты с германской стороной.

Понятно, что украинское национальное движение на этой земле носило характер антипольский и в то же время германофильский. Достаточно сказать, что его представители публиковались в прусских газетах. В своих статьях они дистанцировались от славянских организаций, действовавших в Галиции, что негативно отражалось на политике Пруссии по отношению к полякам, проживающим на землях прусских [1, с. 184-185].

Украина не должна была быть сильным государством, которое будет стоять на своем и формировать свое существование. Она должна была быть достаточно сильным Государством, чтобы противостоять полякам и русским, но внутренне достаточно слабым, чтобы подчиняться немцам.

Против присоединения Восточной Галиции к Польше выступали не только немцы, но и англичане, французы и Соединенные Штаты [5, с. 178]. Этими землями заинтересовался американский и европейский капитал, желающий использовать потенциал Украины в своих целях. Также Рим увеличил свою активность в этой стране.

Проблему Украины в исторической перспективе указал Дмовский в работе, опубликованной в 1930 году - «Украинский вопрос» [2]. «На карте Европы - появление отдельного украинского государства – замечает Дмовский, - лишь вопрос времени и не за горами» [2]. Причину этого он видит в распространении идеи национальности в Европе девятнадцатого века, которую дипломатия великих держав использовала в своих экономических и политических интересах.

На самом деле пространство, именуемое Украиной, разделено на семь-восемь самостоятельных образований, каждое из которых имело разную историю. Отсюда глубокие духовные, культурные и политические различия, что делает невозможным образовать единый государственный организм. Если при благоприятных условиях на политической арене появится Украина, то вместе с попыткой других государств завоевать его в своих интересах.

Дмовский замечает, что русское правительство не чинило препятствий культурно-литературному украинскому развитию, хотя и смотрело на него довольно неохотно. Оно относилось к этому движению как к рационалистскому. С другой стороны, поляки, по понятным причинам, сочувствовали ему и поощряли его перевоплощение в политическое. Их желанием было победить Россию.

Австрийское правительство, в свою очередь, более активно фабриковало украинский вопрос, чтобы ослабить поляков. Поэтому вопрос об этом движении скоро был поставлен там как вопрос политический, а работа по культурному возрождению трактовалась скорее как вспомогательная операция по отношению к политике.

Уже тогда движения австрийской политики были на руку Берлину. В то время политическая литература Германии начала активно разрабатывать концепцию нового государства - Великой Украины. При этом во Львове было создано немецкое консульство не для немецких граждан, практически отсутствовавших в восточной Галиции, а для политического сотрудничества с украинцами.

В период, предшествовавший мировой войне, Германия смотрела на Россию как на поле своей экономической эксплуатации и сферу своего политического влияния. В конце XIX века Германия укрепилась в Турции и начала дело своего полного господства. Здесь большим препятствием для нее было положение России на Черном море и ее выход на Балканы.

Дмовский замечает, что учитывая культурную и национальную слабость украинского элемента, его неоднородность, наличие на берегу моря различных этнических элементов, не имеющих никакого отношения к украинству, обилие еврейского населения в стране и, наконец, достаточно большое количество немецких переселенцев (на Херсонщине и в Крыму) - можно было быть уверенным, что новое государство сможет попасть под сильное немецкое влияние, взять его эксплуатацию в немецкие руки и полностью руководить его политикой. Независимая Украина обещала быть экономически и политически подчиненной Германии.

Таким образом, украинский план был способом нанести мощный удар и по России, и по Польше одновременно. Этот план отражал договор, подписанный в 1918 году в Брест-Литовске специальной делегацией Украинской Республики, с другой стороны, Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией. Однако Украина не состоялась, а ее территория была разделена между СССР и Польшей.

В межвоенный период нефть вышла на первый план сырья, добываемого из недр земли. Россия занимала третье место в мире по добыче нефти. «И нефть сегодня, если только она не находится в руках англичан или американцев, приобретает качество сильного политического брожения. Все чаще за ним следует еще одна странная жидкость на поверхности земли – кровь», - пишет Дмовский [2].

Украина стала тогда предметом пристального интереса представителей европейского и американского капитала и заняла место в их планах

экономического и политического устройства мира на ближайшую перспективу. Конечно, если бы Украина отделилась от России, могущественные круги использовали бы все свое влияние и средства, чтобы не допустить, чтобы дело закончилось созданием какого-то сравнительно небольшого государства. Только великая, может быть, самая большая Украина могла привести к решению тех вопросов, которые придавали украинскому вопросу такое широкое значение.

«Нет человеческой силы, - писал Дмовский, - способной помешать Украине, отколовшейся от России и превратившейся в независимое государство, стать местом сбора аферистов со всего мира, которым сегодня очень тесно в своих странах, капиталистов и искателей капитала, организаторов промышленности, техников и торговцев, мошенников и интригантов, головорезов и организаторов всякого рода проституции. Немцам, французам, бельгийцам, итальянцам, англичанам и американцам помогали бы местные или окрестные русские, поляки, армяне, греки, наконец, самые многочисленные и важные евреи. Здесь собралась бы вся Лига Наций...» [2]. И дальше он замечает, что для Польши лучше иметь в качестве соседа сильное государство, хотя бы и очень чуждое, и очень враждебное, чем интернациональный публичный дом.

Интересное рассуждение Дмовского также на тему русской армии. Он доказывал, что советская Россия, как и прежняя царская Россия, является самым военным государством в мире. «Советской власти нравится, когда с боязнью смотрят на ее милитаризм. Однако надо сказать, что это в первую очередь российская армия, существование и численность которой обусловлены необходимостью сохранения целостности государства и защиты его границ» [2].

Стоит обратить внимание на еще одно существенное, с точки зрения текущих событий, замечание Дмовского от 1930 года: «Одно из величайших несчастий Польши состоит в том, что десяти лет, прошедших с ее реконструкции, не хватило для того, чтобы выработать программу ясной, последовательной государственной политики, соответствующей ее позиции и интересам. Политическая бифуркация, столь ярко проявившаяся во время мировой войны, еще не закончилась, хотя и стремительно приближается к своему завершению. Политическая нелепость, состоявшая в связях с центральными державами и подчинении всей программы польской политики их взглядам, исчезла не сразу. Лагерь, представлявший эту нелепость, связывал воедино на почве внутренней политики различные элементы, поддерживавшие его в вопросах внешней политики, не понимая их и не считая менее важными. Это давало ему силы навязывать стране свою внешнюю политику, в которой было неизвестно, что было сознательной программой, а что просто привычкой былых времен, от которой не мог освободиться неподвижный ум» [2].

Также после 1989 года не состоялась дискуссия над политическими системами и политической перспективой Польши, представляющей ее долгосрочные интересы. Началась политическая моралистика. Ее авторам

казалось, что они создают основы будущего польского государства, когда на самом деле вели они туманные рассуждения о свободе, просвещенном обществе, антитоталитаризме. «Солидарность» не научила поляков самоуправлению. Тогда возникло ложное убеждение, что не существует народ как субъект этого самоуправления. Политическая тактика периода «Солидарности» не перевоплотилась в процесс организации государственных структур. Категория прав человека стала абсурдной целостной доктриной, которая подорвала патриотический дискурс. Потому из языка политики исчезла вся риторика, которая ассоциировалась с понятиями: народ/нация, патриотизм, национальное единство, национальное дело. Употреблять их стало политически неморальным. Такие слова стали подозрительными. Польша прельстилась выложенными на западном рынке лжеценностями.

Поскольку новый демолиберальный строй не может существовать в вакууме, надо было создать новую культуру, новую систему образования вместе с новой программой и новым менталитетом. Все прежнее, даже если не содержало коммунистической идеологии, но относящееся к патриотическим ценностям, было отвергнуто. Появилось убеждение, что для постройки нового, европейского строя нужен весь пакет, а если оставить старые элементы, вся конструкция рухнет. У всех думающих по-другому надо было выработать комплекс неполноценности в связи с нашим прошлым и по отношению к Западу. Интеллектуалы и артисты увлеклись внешними схемами, которые, с точки зрения польского исторического опыта, были совершенно бесплодны. Мысль Дмовского не была развита. Поляки начали смотреть на себя с точки зрения общественных моделей, родившихся в Америке и Европе.

Поляк стал внешне управляемым объектом. Польские гуманитарные науки неправильно включились в течение западной герменевтики подозрений, которая вытекает из западной логики развития и не имеет ничего общего с польской историей. Это повлияло на исчезновение миротворческой энергии польского народа последних десятилетий, поляки стали подражать другим. Поляки не могут ответить на вопрос: кто они и найти соответствующее место в истории Европы. Потому они не в состоянии найти дорогу к идее славянского единства. Поляков убеждали в том, что они прежде всего дебютанты в роли европейцев и внушали мысль, что в современном мире нет национальных перспектив. Такое насилие над культурой, просвещением, народной психологией произвела пропаганда 90-ых - начала 2000-ых годов. Затем наступила реакция, имевшая черты бунта по отношению к этой пропаганде. В какой степени она имела черты, похожие на реакцию российского общества на беспредел 90-ых. Хозяином этого бунта стала партия «Право и справедливость». Беда в том, что она этот справедливый бунт, провозглашающий поворот к польской идентичности, отождествила с относящейся к XIX столетию прометеевой идеологией, что окрашено сильными антирусскими настроениями.

Современную польскую внешнюю политику можно понять с перспективы критики Дмовского. Необходимо, конечно, учесть современные

геополитические условия: сотрудничество с разведками, принадлежность к милитаристским и политическим блокам, зависимость от мирового гегемона. Однако с точки зрения исследования перспектив культуры, на первый план надо выдвинуть различия в менталитете, которые были сформированы согласно разным культурным принципам на западе и на востоке Европы. Польша ссылается на латинские ценности, которые в большинстве уже давно забыты на Западе. С другой стороны, она не отдает себе отчета в том, что, как подчеркивал Иоанн Павел II, христианская Европа дышит двумя легкими. Одного он не ушел, что у Запада этих легких уже нет.

Список литературы

1. Дмовский Р. Германия, Россия и польский вопрос. С-Петербург, 1909.
2. Dmowski R. Kwestia ukraińska. Źródło: Archiwum MSWiA, 1930. Sygn. K-458. - URL: <https://kresy.pl/publicystyka/roman-dmowski-kwestia-ukrainska/>
3. Dmowski R. Niemcy, Rosja i sprawa polska. - URL: <http://www.romandmowski.pl/default.php?id=31&dzial=teksty>.
4. Dmowski R. Polityka polska i odbudowanie państwa // R. Dmowski. Pisma. Częstochowa, 1937. Т. II.
5. Dmowski R. Polityka polska i odbudowanie państwa. Warszawa: PAX, 1989.
6. Dmowski R. Świat powojenny i Polska. Warszawa, 1931.
7. Engelgard J. Myśl narodowa wobec Rosji // Myśl polska. Nr 49-50. - URL: <http://konserwatywizm.pl/content/view/2782/111/>

КОНЦЕПЦИЯ «ГЛОБАЛЬНАЯ БРИТАНИЯ» В ГЕОПОЛИТИКЕ ТУМАННОГО АЛЬБИОНА

Когут В.Г.

*заместитель Генерального секретаря Совета Межпарламентской
Ассамблеи – полномочный представитель Национального собрания
Республики Беларусь*

Нурышев Г.Н.

*доктор политических наук,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
профессор кафедры международных отношений, политологии и
истории
E-mail: g.nuryshv@yandex.ru*

***Аннотация.** В статье отмечается, что концепция «Глобальная Британия» стала основой современной геополитики Великобритании. Она стремится всеми экономическими и силовыми методами усилить свой геополитический статус и сохранить свое геополитическое присутствие в*

каждом уголке мира. Об этом свидетельствуют современные события на Украине. Концепция «Великая Британия» рассматривает Россию как самую острую угрозу безопасности Великобритании.

Ключевые слова: Глобальная Британия, геостратегия, геополитическая экспансия, британский империализм, морская идентичность, геополитический статус.

THE CONCEPT OF «GLOBAL BRITAIN» IN THE GEOPOLITICS OF FOGNY ALBION

Kogut V.G.

, Deputy Secretary General of the Council of the Interparliamentary Assembly – Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic of Belarus

Nuryshev G.N.

Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of International Relations, Political Science and History of St. Petersburg State University of Economics

E-mail g.nuryshev@yandex.ru

Abstract. *The article notes that the concept of «Global Britain» has become the basis of modern British geopolitics. It strives by all economic and forceful methods to strengthen its geopolitical status and maintain its geopolitical presence in every corner of the world. This is evidenced by current events in Ukraine. The concept of «Great Britain» considers Russia as the most acute threat to the security of the UK.*

Keywords: *Global Britain, geostrategy, geopolitical expansion, british imperialism, maritime identity, geopolitical status.*

Происходящие события на Украине показывают, что сегодня на российских, украинских и белорусских границах идет полномасштабная реализация концепции «Глобальная Британия». Этот термин правительство Великобритании начало использовать после референдума 2016 года как название своей геостратегии после Брексита, свидетельствующей о придании британскому империализму нового импульса для глобальной геополитической экспансии [1]. Еще 16 марта 2021 года в Палате общин Парламента Соединенного Королевства премьер-министр Б. Джонсон выступил с докладом, посвященным новой концепции внешней и военной политики Великобритании в эпоху становления нового мирового порядка, которая представляет самый серьезный пересмотр внешнеполитической и военной стратегии Туманного Альбиона после холодной войны [2].

Покинув Европейский союз, Великобритания начала новую главу своей истории, претендуя на геополитическую роль мирового лидера в области

международного развития. Не случайно, в этой концепции и выступлении Б. Джонсона Великобритании представляется в качестве:

- мирового лидера в области дипломатии и развития, который имеет 4-ю по величине дипломатическую сеть в 178 странах;

- сверхдержавы мягкой силы, занимающей 3-е место в мире по мягкой силе (Британский совет работает в более чем 100 странах и Би-би-си является самой надежной вещательной компанией на планете с еженедельной аудиторией в 468 млн. чел. на 42 языках мира);

- сверхдержавы в области науки и технологий, занимающей 4-е место в Глобальном индексе инноваций;

- ответственной кибердержавы, позиционируемой 3-ей по силе кибернации в мире, занимающей первое место в области обороны, разведки, норм и наступательных возможностей;

- уникальной глобальной сети в виде Содружества, где проживает одна треть населения мира с глобальным и разнообразным характером взаимоотношений, что дает Соединенному Королевству и его членам долгосрочный потенциал для укрепления международного порядка.

В рамках названной геополитической концепции Туманный Альбион собирается осуществить амбициозное глобальное развертывание Королевского флота в Средиземноморье, на Ближнем Востоке, в Индийском, Тихом океанах и других геостратегических регионах. Для укрепления своего глобального геополитического статуса Лондон собирается усилить свое присутствие на всех континентах. Следуя своей амбициозной концепции, он планирует стать признанной научно-технической сверхдержавой, глобальным центром кибернетики и цифровых технологий, а также ядерной державой с глобальным охватом и интегрированным военным потенциалом во всех пяти оперативных областях.

Для Великобритании НАТО по-прежнему остается основой коллективной безопасности в зоне Евроатлантического региона. Лондон рассматривает США как геополитического партнера, необходимого для таких ключевых альянсов как НАТО и «Пять глаз» – разведывательный альянс таких государств, как Австралия, Канада, Новая Зеландия, Великобритания и США, которые являются участниками многостороннего Соглашения UKUSA.

Концепция Глобальной Британии отмечает усиление геополитического потенциала Индо-Тихоокеанского региона и растущую геополитическую и геоэкономическую мощь и напористость Китая на международной арене. В этом геостратегическом документе Великобритании подчеркивается, что системная геополитическая конкуренция с КНР будет формировать более широкую турбулентную геополитическую среду. Поэтому, согласно концепции, значительное усиление военной модернизации Китая и растущая геополитическая роль в Индо-Тихоокеанском регионе будут представлять серьезные геополитические вызовы для интересов Великобритании. В связи с этим проводником антикитайских интересов Глобальной Британии на

Тихом океане должны стать Австралия и ее ВМФ. Тайваньский кризис Лондон рассматривает в качестве современного аналога Суэцкого кризиса.

С точки зрения концепции самую острую угрозу безопасности Великобритании представляет Россия. Поэтому данный документ предусматривает комплекс военных, экономических и разведывательных мер для активного сдерживания и защиты от всего спектра геополитических угроз, исходящих, в первую очередь, от России. Концепция предполагает особые действия по оказанию военной помощи Украине и другим странам-соседям по Восточной Европе [3].

Такую оценку России дает и Меморандум Министерства иностранных дел и по делам Содружества от 12 марта 2018 года, согласно которому Россия становится более агрессивной, авторитарной, националистической и все больше противопоставляет себя Западу. По этому документу, Россия использует целый ряд явных и скрытых возможностей для проведения своей политики, включая пропаганду, шпионаж, подрывную деятельность и кибервмешательство в британские СМИ, телекоммуникационный и энергетический секторы [4].

В рамках «Глобальной Британии» придан новый импульс геополитическим проектам «Великий Туран», «Интермариум» и другим польским и балканским программам. В борьбе против России британцы активно используют марионеточный киевский режим. Они еще со времен Крымской войны имеют виды на Черноморское побережье. Сегодня Лондон не прочь получить здесь военно-морские базы с прицелом на Севастополь и Очаков. Не случайно, Киев заявил о переходе «к практической стадии строительства двух военно-морских баз в Бердянске и Очакове и других контрактов в рамках договоренностей с Соединенным Королевством» [5].

Такая морская стратегия в полной мере соответствует взглядам другого докладчика в британском парламенте 16 марта 2021 года профессора Эндрю Ламберта (Andrew D. Lambert), автора известной книги «Морская Держава» («Sea-power State») [6], в которой он заявляет: «Быть Морской Державой — значит создавать идентичность, которая удивительно чужда Суше» [7]. Морская идентичность, по его мнению, создается на основе длительного, уходящего вглубь веков процесса перепрограммирования государства, включающего в себя все аспекты государственного развития. Поэтому, на его взгляд, морские державы политически всегда более прогрессивны и инклюзивны, чем их континентальные соперники. Отсюда в соответствии с британской морской идентичностью появление Глобальной Британии надо воспринимать как новое Будущее страны, как новую форму Морской державы с либеральной и, в некоторой степени, экспансивной культурой. А для этого необходимо предотвратить «континентальность моря», не допустить контроля над океанами со стороны континентальных Держав, и, прежде всего, Китая. Вплетая союзные альянсы в идею Глобальной Британии, Соединенному Королевству, по мнению Ламберта, необходимо создать современные, обновленные и более крупные вооруженные силы, и Королевский флот как квинтэссенцию британской силы и решимости. В

традиционном британском духе, как он считает, необходимо наращивать оружие, которое всегда работало против русских, которые не понимают «ни порядка, основанного на правилах, ни международного права, ни даже законности». Таким оружием является, по его заключению, разрушение экономики русских. Ламберт подчеркивает: «По нынешним прогнозам, у России нет будущего, ее экономика разваливается, население стареет – продолжительность жизни среднего россиянина сокращается, а весь режим держится на бандитах» [7].

Агрессивный характер неоколониальной геополитики современной Великобритании отмечают многие западные авторитетные обозреватели. Так, балканский эксперт по международному терроризму и политическому исламу Дж. Галияшевич открыто предупреждает, что Великобритания представляет сегодня крупнейшую угрозу глобальной безопасности. Аналитик подчеркивает, что для сохранения собственной геополитической мощи, Великобритания создала целую систему глобального уничтожения, которая сегодня направлена, прежде всего, на ослабление России, Сербии и всего православия. В современных геополитических процессах, по мнению эксперта, очевидна роль «невидимой руки» Лондона, который играет с характерным почерком («подрывая и отрицая») и готов провоцировать масштабный мировой конфликт, из которого Великобритания вышла бы невредимой. Под таким углом, по Галияшевичу, надо понимать призыв бывшего замминистра обороны Британии Дж. Ховарда к созданию «коалиции натовских стран, которые направили бы свои вооруженные силы на Украину» на войну против России с непредсказуемыми последствиями [8].

Подобный призыв Ховарда не единичен. Так, ещё в конце 2021 года начальник штаба обороны Великобритании генерал Н. Картер заявил о необходимости подготовки к полноценной войне с Россией. Его поддержал генерал П. Сандерс в 2022 году после своего назначения начальником Генерального штаба Великобритании, считая, что британским вооруженным силам необходимо в любое время быть готовыми к тотальной войне с Россией. Руководитель Центра правительственной связи (GCHQ) Д. Флеминг отметил, что Британия полномасштабно задействована в нападениях на российскую инфраструктуру, также в кибер-информационных и психологических операциях против России. Британские военные признают, что на Украине были опробованы новые практики по контролю над общественным сознанием, включая введение населения в массовый психоз. Идет оформление войны нового типа, когнитивной или, в отечественной формулировке, «ментальной». В результате украинцы превращаются в фанатичного врага России [9].

Для подготовки ВСУ к партизанской войне и проведения массовых террористических операций в РФ британская разведка использует британскую ЧВК Prevail Partners, подставное лицо Уайтхолла для ведения прокси-войны на Украине. Тренировка партизанской террористической армии перенесена в Грецию и Польшу. Ответственными за обучение

являются представители британской разведки MI6 и НАТО [10]. Не только Prevail Partners, но и все органы национальной безопасности Великобритании в своей разведывательной деятельности опираются на нелегальные и высокоинвазивные технологии фирмы Anomaly 6, которые для вербовки, слежки, преследований собирают самые конфиденциальные личные данные человека, отслеживая его смартфон.

Таким образом, конфиденциальная личная информация миллионов граждан может быть использована для множества самых злонамеренных целей [11]. Разведывательное управление министерства обороны Великобритании (DIA) использовало технологии Anomaly 6 для отслеживания перемещений российских военных и разведчиков в режиме реального времени, что позволило планировать военные наступления и артиллерийские обстрелы, убийства, вербовку активов и другие диверсионные меры. Так Великобритания принимает новые и более агрессивные меры для эскалации военного конфликта [12].

Наряду с этим, британцы считают, что по итогам СВО велика вероятность распада РФ. Поэтому Британии понадобится транзитная территория как коридор между Китаем и Европой в виде Кавказа, Краснодарского края, юга и востока Украины. Для такой территории англичанам необходимо создать новую «южнорусскую» национальность» и Южнорусскую республику [13].

Отсюда следует, концепция «Глобальная Британия» в полном соответствии с основным законом геополитики раскрывает глобальные амбиции Соединенного Королевства и его планы извлечь максимальную выгоду из своего нового положения после Брекзита. Лондон экономическими или силовыми методами стремится усилить свой геополитический статус и сохранить свое геополитическое присутствие в каждом уголке мира [1]. Таким образом, можно утверждать, что концепция «Глобальная Британия» составляет основу современной британской геополитики.

Список литературы

1. Харив И. Стратегия «Глобальная Британия»: аналитический обзор. URL: <https://sg-sofia.com.ua/strategiya-global-britainanalit-obzor> (дата обращения:15.01.2023).
2. Global Britain in a competitive age The Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy. - URL: [Global_Britain_in_a_Competitive_Age_the_Integrated_Review_of_Security_Defence_Development_and_Foreign_Policy.pdf](https://www.gov.uk/government/publications/global-britain-in-a-competitive-age-the-integrated-review-of-security-defence-development-and-foreign-policy) (дата обращения:16.01.2023).
3. Global Britain in an era of competition. Comprehensive strategy in the areas of defense, diplomacy and international relations. - URL: <https://www.gov.uk/government/publications/global-britain-in-a-competitive-age-the-integrated-review-of-security-defence-development-and-foreign-policy> (дата обращения:18.01.2023).

4. Memorandum of the Foreign and Commonwealth Office Memorandum of the Foreign and Commonwealth Office. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm201719/cmselect/cmfaff/780/78008.htm> (дата обращения: 20.01.2023).
5. Игнатьев А. Глобальная Британия бросает вызов. - URL: <https://www.fondsk.ru/news/2022/01/06/globalnaja-britania-brosayet-vyzov-55269.html> (дата обращения: 06.01.2023).
6. Филатов С. Глобальная Британия, как английский проект Будущего. - URL: <https://dzen.ru/a/YsKw9vM5QXNW2BS9> (дата обращения: 14.01.2023).
7. Lambert A. Seapower States: Maritime Culture, Continental Empires and the Conflict That Made the Modern World Hardcover. - URL: <https://www.amazon.com/Seapower-States-Maritime-Continental-Conflict/dp/0300230044> (дата обращения: 25.01.2023).
8. Галияшевич Д. Британия жаждет новой мировой войны. - URL: https://info-balkan.ru/dzhevad-galiyashevich-britaniya-zhazhdet-novoj-mirovoj-vojny.html?utm_source=politobzor.net (дата обращения: 03.02.2023).
9. Яновский О. Проект «Осиный рой». Антиросийские стратегии британской разведки. - URL: https://zavtra.ru/blogs/-proekt_osinij_roj (дата обращения: 03.02.2023).
10. Британская разведка будет делать из ВСУ террористическую армию. - URL: <https://rossaprimavera.ru/news/f7576f34> (дата обращения: 25.01.2023).
11. Кларенберг К. Утечка файлов: частная шпионская фирма нацелена на население мира с помощью нелегального шпионского ПО. - URL: <https://katehon.com/ru/article/utechka-faylov-chastnaya-shpiionskaya-firma-nacelena-na-naselenie-mira-s-pomoshchyu> (дата обращения: 25.01.2023).
12. Klarenber K. British-controlled spy tech waging proxy war in Ukraine. - URL: <https://thegrayzone.com/2023/01/03/british-spy-tech-ukraine-war/> (дата обращения: 25.01.2023).
13. Перевозкина М. Ждать ли пророссийской Украины? Названа главная ошибка Москвы. - URL: https://k-politika.ru/zhdat-li-prorossijskoj-ukrainy-nazvana-glavnaya-oshibkamoskvy-/?utm_source=politobzor.net (дата обращения: 29.01.2023).

ДАНИЛЕВСКИЙ И ХЛЕБНИКОВ: КОДЫ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Коробкина Е. Н.

КФУ им. В. И. Вернадского,

НИЦ «Центр перспективных конвергентных технологий и коммуникаций», сотрудник лаборатории по изучению сверхтекста

E-mail: e_koro@mail.ru

Аннотация. В работе исследуются коды евразийства как составляющей славянского культурно-исторического типа в творчестве поэта Велимира Хлебникова. Производится анализ кодов протоевразийства в работе Николая Яковлевича Данилевского «Россия и Европа» на основании бытия множественности локальных цивилизаций и особенностей славяно-православной и российско-евразийской цивилизаций. В сфере развития идей евразийства, предтечей которого стала система положений Данилевского «евразийство России», нами обозначены две знаковые для нас фигуры: ученого-лингвиста, вдохновителя евразийства Николая Сергеевича Трубецкого и поэта Велимира Хлебникова. Время экспериментальной поэзии, отца русского футуризма Велимира Хлебникова, и время лингвистических экспериментов Трубецкого и Якобсона. Эти явления близки, по сути. Фонологические идеи Трубецкого, идеи обнажения языковых корней, реконструкция праязыка на уровне фонем, отдельных звуков речи, близки экспериментальному творчеству Хлебникова. Его возврат к праязыку и создание универсального языка на основе букв азбуки. Хлебников же, будучи поэтом, занимается наукой, вводя ее в свое творчество. Евразийские коды в его творчестве явлены непосредственно в образах и идеях. Его интуитивное постижение реалий своего времени звучит пророчески, его образная поэтическая стихия, данная в лингвистических кодах, так же революционна и парадигмальна, как и открытия ученого и философа Данилевского. На основании нашего исследования мы делаем вывод о цивилизационном вкладе Велимира Хлебникова в русскую литературу, о создании им языка российской цивилизации.

Ключевые слова: Н. Я. Данилевский, российская цивилизация, коды евразийства, В. Хлебников.

DANILEVSKY AND KHLEBNIKOV: CODES OF RUSSIAN CIVILIZATION

Korobkina E. N.

V. I. Vernadsky Crimean Federal University,

RC "Center for advanced convergent technologies and communications"

E-mail: e_koro@mail.ru

Abstract. *The paper examines the codes of Eurasianism as a component of the Slavic cultural and historical type in the work of the poet Velimir Khlebnikov. The analysis of proto-Eurasian codes in the work of Nikolai Yakovlevich Danilevsky "Russia and Europe" is carried out on the basis of the existence of a plurality of local civilizations and the peculiarities of Slavic-Orthodox and Russian-Eurasian civilizations. In the sphere of the development of the ideas of Eurasianism, the forerunner of which was the system of provisions of Danilevsky's "Eurasianism of Russia", we have identified two significant figures for us: the linguist scientist, the inspirer of Eurasianism Nikolai Sergeevich Trubetsky and the poet Velimir Khlebnikov. The time of experimental poetry, the father of Russian futurism Velimir Khlebnikov, and the time of linguistic experiments of Trubetsky and Jacobson. These phenomena are close, in fact. Trubetsky's phonological ideas, the ideas of exposing language roots, the reconstruction of the proto-language at the level of phonemes, individual speech sounds, are close to Khlebnikov's experimental creativity. His return to the proto-language and the creation of a universal language based on the letters of the alphabet. Khlebnikov, being a poet, is engaged in science, introducing it into his work. The Eurasian codes in his work are revealed directly in images and ideas. His intuitive comprehension of the realities of his time sounds prophetic, his figurative poetic element, given in linguistic codes, is as revolutionary and paradigmatic as the discoveries of the scientist and philosopher Danilevsky. Based on our research, we conclude about Velimir Khlebnikov's civilizational contribution to Russian literature, about his creation of the language of Russian civilization.*

Keywords: *N. Y. Danilevsky, Russian civilization, codes of Eurasianism, V. Khlebnikov*

Российская цивилизация как особая локальная цивилизация со своим многовековым историческим опытом, системой ценностей, культурными традициями, была впервые представлена философом Николаем Яковлевичем Данилевским эпохе Просвещения как сложившаяся система, эволюционирующая из нескольких культурных цивилизационных пластов. Века существования на грани тектонических разломов с различными соседствующими цивилизациями, дали возможность российской цивилизации сохранить свои автохтонные языческие культурные корни. Глубинная модальность взаимодействия с византизмом обусловила православное христианство как один из духовных истоков российской цивилизации. О туранском истоке, евразийстве, активно заговорили уже к началу 20 века. При создании образа будущего, «всеславянской федерации», Николай Яковлевич включил в этнический состав футурологического проекта наряду со славянскими народами и финно-угорские, и мусульманские народы (татар, башкир, казахов, горцев Северного Кавказа), в состав вошли и язычники (унангуны, бельтиры, бирары, гиляки, гольды, иезиды, нейдальцы, ороки, самоеды, самагарцы, тушины). Одним из «законов исторической жизни» Данилевский считал богатство разнообразия этнографического материала, из чего следует, что культурно-исторический

тип, включающий разнообразные этносы и субэтносы, способен к большей творческой активности, нежели этнически однородный. Данилевского, как ученого, как этнографа, исследовавшего Россию в многочисленных экспедициях, привлекали самобытные системы верований, религиозные практики коренных народов Севера. Он считал, что религиозный строй нового культурно-исторического типа, включивший в единую систему религиозной культуры вероисповедания неславянские элементы, будет свидетельствовать об исторической творческой силе и активности самой российской цивилизации. Николай Яковлевич, исследовавший вопрос об историческом взаимодействии русских (славян) с туранскими (уральскими, алтайскими) народами в России, обозначил некоторые исходные коды протоевразийства.

В исторической реальности, процесс формирования славянского культурно-исторического типа не отрицает цивилизационного развития иных народов России. Данилевский отмечает, что у народов России появляются «передовые личности», у которых «зарождается сожаление о прежней политической самобытности их нации, невозвратно погибшей в историческом круговороте или мечта о будущем ее возрождении». Он признает, что ходом национального возрождения народов порождаются новые силы: «порождаются, - например, - те молодая Армения, молодая Грузия, о которых мы недавно услышали, а, может быть, народятся и молодая Мордва, молодая Чувашия, молодая Якутия, молодая Юкагирия, о которых не отчаиваемся еще услышать» [1, с. 278]. Мы, следовательно, видим мыслителя, разглядевшего творческую историческую силу становления славянского культурно-исторического типа, обусловившего появление новых национальных сил у тюркских и финно-угорских народов, населяющих Россию.

Переход к циклу русского космизма эпохи русского возрождения начинается во втором десятилетии 20 века. В сфере развития идей евразийства, предтечей которого стала система положений Данилевского «евразийство России», можно обозначить две знаковые для нас фигуры: ученого-лингвиста, вдохновителя евразийства Николая Сергеевича Трубецкого и поэта Велимира Хлебникова. Время экспериментальной поэзии, отца русского футуризма Велимира Хлебникова, и время лингвистических экспериментов Трубецкого и Якобсона. Эти явления близки, по сути. Фонологические идеи Трубецкого, идеи обнажения языковых корней, реконструкция праязыка на уровне фонем, отдельных звуков речи, близки экспериментальному творчеству Хлебникова. Его возврат к праязыку и создание универсального языка на основе букв азбуки:

«Найти, не разрывая круга корней, волшебный камень превращения всех славянских слов, одно в другое, - свободно плавить славянские слова, вот мое первое отношение к слову. Увидя, что корни лишь призрак, за которым стоят струны азбуки, найти единство вообще мировых языков, построенное из единиц азбуки - мое второе отношение к слову. Путь к мировому заумному языку» [2, с. 37].

Невозможна полнота цивилизации без развития внутри неё малых этносов, вымирание этносов начало пути к упадку самой цивилизации. Все возвращается к Данилевскому. Невозможна полнота духовности цивилизации, её творческая сила, без разнообразия внутри неё религиозных практик малых этносов, вовлеченных в путь развития внутри этой цивилизации. И творческая сила именно в полноте этого многообразия. А языки этносов, алфавиты? Хлебников строил универсальный язык, проникая к буквам сквозь узор корней. В «Детях Выдры» он строил общеазиатское сознание, опираясь на древнейшие в мире предания орочей, древнего амурского племени. В «Своеси» Хлебников пишет: «В «Девьем боге» я взял славянское чистое начало в его золотой липовости и нитями, протянутыми от Волги в Грецию. Пользовался славянскими полабскими словами (Леуна). «Вила и Леший» - союз балканской и сарматской художественной мысли» [4, с. 36]. Хлебников как предвестник евразийства в некотором ключе сближает себя с Азией, находит себя в Азии. Интересно замечание Парниса, что для Хлебникова слово «Азия» - контаминация двух слов, (древнерусского) «Аз» и «Я» [3, с.162]. Хлебников считал, что в истории России славянское начало сливается с азиатским:

«Ах, мусульмане те же русские,
И русским может быть Ислам».
(‘Хаджи Тархан’; 1968-1972, I, т. 1: 120).

Исследуя родовые корни поэта, Степанов пишет об Астраханском крае девяностых годов 19 века: «Своеобразный край ее хранил в то время восточный колорит. Астрахань с ее оживленным базаром с незапамятных времен была местом торговых встреч славян и народов Востока». Он добавляет «К этим впечатлениям детства восходит тот интерес к Востоку, который в дальнейшем сказался во всем творчестве Хлебникова» [4, с. 8]. С этническим своеобразием края был прекрасно знаком Николай Яковлевич Данилевский, будучи в Астрахани в третьей экспедиции по делам исследования состояния рыболовства в начале шестидесятых годов 19 века.

Данилевский считал необходимым условием для становления российской государственности нашествие татар. Он считал ордынскую систему данничества наиболее легкой формой зависимости, и период московско-ордынских отношений рассматривал как переход власти из России удельной к московским князьям и царям, период становления Московской России, в результате переход власти из Орды в Москву. Вслед за Данилевским Трубецкой развивает саму идею правления монгольского ханства. Она предстает в его трудах в форме изначального геополитического единства Евразии, где различные народы жили бок о бок полноценно. Эту форму правления Трубецкой находит в продлении в Московском княжестве во времена правления Ивана Грозного в обрамлении ортодоксальной идеологии. Западной демократии противопоставляется евразийская форма правления - идеократия, в основе которой «общая идея-правительница», ценимая всеми и каждым.

У Хлебникова же находит развитие идея «всеславянской федерации» Данилевского. 21 апреля 1917 года, вместе с приехавшим из Астрахани в Харьков Хлебниковым, Петников написал знаменитое ритмизованное «Воззвание Председателей земного шара», опубликованное в том же году в Москве в сборнике «Временник-2» за подписью: В. Каменский, Г. Петников, В. Хлебников. Поиски мирового заумного языка сопровождалась у Хлебникова созданием платонического футурологического проекта «Председателей земного шара», в состав которого для руководства миром входили бы лучшие люди планеты. Число членов этого утопического общества правителей Государства Времени было обозначено Хлебниковым равным 317.

Будучи ученым и философом, Николай Яковлевич Данилевский первым исследует коды протоевразийства на основании бытия множественности локальных цивилизаций и особенностей славянско-православной и российско-евразийской цивилизаций, создает методологию познания системных закономерностей развития собственно России как уникальной отдельной цивилизации. Хлебников же, будучи поэтом, занимается наукой, вводя ее в свое творчество. Евразийские коды в его творчестве явлены непосредственно в образах и идеях. Его интуитивное постижение реалий своего времени звучит пророчески, его образная поэтическая стихия, данная в лингвистических кодах, так же революционна и парадигмальна, как и открытия ученого и философа Данилевского.

Список литературы

1. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.
2. Хлебников Велимир. Творения. М: Советский писатель, 1986. 736 с.
3. Парнис А. В. Хлебников в революционном Гиляне (Новые материалы) // Народы Азии и Африки. 1967. № 5. С. 156-164.
4. Степанов Н.Л. Велимир Хлебников: Жизнь и творчество. М.: Сов. писатель, 1975. 280 с.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ (ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТ)

Кубанова Л.В.

Кандидат политических наук

*Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований при
Правительстве КЧР, ведущий научный сотрудник*

E-mail: lianakubanova@mail.ru

Аннотация. В докладе рассмотрены вопросы влияния государственной языковой политики на формирование идентичности. Данные проводимых в регионе социологических и экспертных опросов свидетельствуют о том, что изучение родных языков оказывает влияние на этническое и гражданское

самосознание, способствует формированию и укреплению российской гражданской идентичности.

Ключевые слова: государственная языковая политика, родные языки, образовательная стратегия, социологические исследования, экспертные опросы.

STATE LANGUAGE POLICY AS A FACTOR IN IDENTITY FORMATION (APPLIED ASPECT)

L.V. Kubanova

Candidate of Political Sciences

*Karachay-Cherchess Institute for Humanitarian Studies under the Government
of the KCR, leading researcher*

E-mail: lianakubanova@mail.ru

Abstract. *The article discusses the influence of state language policy on the formation of identity. Data from sociological and expert surveys conducted in the region indicate that the study of native languages affects ethnic and civic identity, contributes to the formation and strengthening of Russian civil identity.*

Keywords: *state language policy, native languages, educational strategy, sociological research, expert surveys.*

*Вопросы сохранения и развития русского,
всех языков народов нашей страны имеют важнейшее
значение для гармонизации межнациональных отношений,
обеспечения гражданского единства,
укрепления государственного суверенитета и целостности России...*
В.В. Путин.

Вопросами родных языков занимаются не только языковеды, филологи, этнологи, но и политологи, социологи. Что связано, в первую очередь, с ролью и значением родных языков для сохранения этноса, этнической идентичности.

Согласно общеизвестным исследованиям С.Хантингтона, классификация культурной идентичности складывается из языковой, религиозной, цивилизационной и национальной принадлежности индивида [1]. Несомненно, язык оказывает влияние на национальную и этническую дифференциацию, так как охватывает своим влиянием духовную составляющую общества, одновременно обеспечивая толерантность и отличие от других этносов. И именно язык в большей степени определяет идентичность.

В соответствии с Конституцией Карачаево-Черкесской Республики, в регионе родные языки пяти народов имеют статус государственных языков. Образовательная деятельность в регионе осуществляется на государственном языке Российской Федерации (на русском языке). Согласно Закону Карачаево-Черкесской Республики от 2 ноября 2009 г. N 50-РЗ «Об образовании в

Карачаево-Черкесской Республике», граждане Российской Федерации, проживающие в Карачаево-Черкесии, имеют право на выбор языка образования в пределах возможностей, предоставляемых системой образования. Одним из приоритетов образовательной политики в регионе является поддержка изучения родных языков.

Общегражданская идентичность является скрепой стабильной межнационального согласия в обществе. Поэтому государственная политика должна быть взвешенной и направленной на формирование этнического сознания в контексте общероссийского самосознания. В системе образования реализуется цель - формируется личность учащегося - гражданина страны, являющегося представителем своей культуры, проживающего в определенном регионе (малой родине). Образовательная политика играет важную роль в национальной политике, выполняя важную интегрирующую функцию в полиэтничном обществе. И в образовательной системе базовая роль в формировании идентичности принадлежит родным языкам.

В Карачаево-Черкесии с 2015 по 2021 годы были проведены социологические опросы, в рамках которых изучалась, в том числе, и языковая ситуация. Опрашивались эксперты, молодежь - учащиеся средних общеобразовательных учреждений и вузов республики, родители учащихся. Так как опросы проводились в режиме мониторинга, то есть по единой методике в течение нескольких лет, сравнительный анализ результатов в динамике позволил представить установки, мнения, суждения, которые можно считать модальными и устоявшимися.

В общественном мнении превалирует мнение о том, что родной язык – это язык детства, семьи, родственников. А владение родным языком воспринимается для того, чтобы чувствовать принадлежность к своему народу, т.е. как идентификатор этнической идентичности. Подтверждением тому являются полученные в ходе опросов результаты. Так, при ответе на вопрос: «Что такое родной язык?» были получены следующие ответы:

- язык семьи, родственников (30%)
- язык народа, национальности (28%)
- язык, на котором постоянно говорят (16%)
- язык, на котором говорят с рождения (12%)
- язык, на котором думают (10%)

В ходе опросов изучались вопросы, касающиеся образовательной политики в сфере изучения родного и русского языков. Результаты опроса свидетельствуют о том, что изучение русского языка является необходимой и неотъемлемой частью учебного процесса, востребованным среди учащейся молодежи. Большинство студентов, если бы сегодня учились в школе, выбрали бы для себя обучение русскому, иностранному, родному языкам (62%). Треть остановились бы на русском и иностранном (32%).

По мнению экспертов, изучение родных языков способствует стабильности в межэтнических отношениях в образовательных учреждениях, формированию и укреплению российской гражданской идентичности, при сохранении основной роли родного языка как идентификатора этнической

идентичности. Эксперты считают, что изучение в образовательных учреждениях родных языков оказывает влияние на этническое и гражданское самосознание. Большинство опрошенных (73%) отметили, что их изучение способствует развитию обоих видов самосознания, десятая часть опрошенных (11%), что этническое самосознание усиливается, а гражданское слабеет.

Действительно, по данным опросов, проведенных среди молодежи, уровень общероссийской гражданской идентичности у учащихся и студентов в регионе довольно высокий, при росте интереса к истории своего народа, его национальным и культурным корням:

- 65% считают, что их должны воспринимать как граждан страны,

- 23% полагают, что в повседневной жизни их должны воспринимать как представителя отдельной национальности

- 12% респондентов, как жителя определенного региона

В ходе экспертных опросов выяснилось, что сокращение или полное отсутствие часов преподавания родных языков в школах республики будет способствовать ассимиляции этнических групп. Такое мнение высказали 45% опрошенных экспертов.

Данные, полученные в ходе социологических опросов подтвердили тот факт, что именно язык в большей степени определяет идентичность. При изучении вопросов миграции в регионе респондентам был задан вопрос о том, кого из иностранных граждан можно назвать соотечественниками. Были получены среди прочих такие ответы, как

- тех, кто знает русский язык (14%)

- отдельные национальности (12%)

Опросы, проведенные среди молодежи, показывают, что именно язык является одним из культурным маркеров, наиболее привычных для жителей КЧР. Карачаево-Черкесия – полиэтничный, и, соответственно, полилингвальный регион. Выросшие в такой среде молодые люди считают ее естественной. По мнению учащихся, именно студенты, говорящие на других языках, наиболее интегрированы в учебных коллективах.

Таким образом, проводимые массовые социологические опросы, экспертные опросы свидетельствуют о том, что реализуемая государственная политика достаточно эффективна. Поддержка русского и родных языков на государственном уровне остается непрелым условием для развития региона, а также национальной безопасности и единства общества. Языковая политика остается в числе приоритетных, так как имеет важнейшее значение для гармонизации межнациональных отношений, гражданского единства общества.

Список литературы

1. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / пер. с англ. А. Башкирова. М.: АСТ, 2004. 635 с.

2. Berger P. L., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. S. 1., 1966. 323 p.
3. Закон Карачаево-Черкесской Республики от 2 ноября 2009 г. N 50-РЗ «Об образовании в Карачаево-Черкесской Республике». [Электронный ресурс]. - URL: <https://base.garant.ru/30911041/>

**ФЕНОМЕН НОВОМУЧЕНИЧЕСТВА В КОНТЕКСТЕ
ИСТОРИСОФСКОГО И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА:
РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ЕПИСКОПА НЕСТОРА (ДОНЕНКО)
«НЕ МИР, НО МЕЧ»**

Масаев М.В.

*доктор философских наук,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
профессор кафедры культурологии и социокультурного проектирования
Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна; заведующий
кафедрой православного богословия и философии, проректор по научной
работе Таврической духовной семинарии, академик Крымской Академии наук
E-mail: masaev.mihail@yandex.ru*

Аннотация. В данной работе предпринимается попытка аналитического осмысления новой книги епископа Нестора (Доненко), поскольку имеется насущная необходимость популяризации идей православного богословия и дальнейшего закрепления образов исповедников веры с целью фиксации в нашем сознании положительных моментов нашей общей исторической памяти и наследия.

Ключевые слова: Новомученики Бердянска, аналитические размышления, епископ Нестор (Доненко).

**PHENOMENON OF NEW MARTYRDOM IN THE CONTEXT OF
HISTORIOSOPHICAL AND CULTURAL ANALYSIS: BOOK REVIEW
BISHOP NESTOR (DONENKO) «NOT PEACE, BUT A SWORD».**

Masayev Mikhail Vladimirovich

*Doctor of Philosophy
V. I. Vernadsky Crimean Federal University,
Professor of the Department of Culturology Studies and Socio-Cultural Projecting
of the Institute of Media communications, Media technologies and Design; Head of
the Chair of Orthodox Theology and Philosophy, Vice-Rector in Scientific Work of
Taurida Theological Seminary, Academician of the Crimean Academy of Sciences
E-mail: masaev.mihail@yandex.ru*

Abstract. This work attempts to analyze the new book of Bishop Nestor (Donenko) analytically, since there is an urgent need to popularize the ideas of

Orthodox theology and further consolidate the images of confessors of faith in order to fix in our minds the positive aspects of our common historical memory and heritage.

Keywords: *New Martyrs of Berdyansk, analytical reflections, Bishop Nestor (Donenko).*

Феномен российского новомученичества, исповедничества и страстотерпчества имеет не только так называемый сугубо исторический и вытекающий из него историософский вектор. С точки зрения фундаментальной культурологии, данный феномен – явление не только сугубо историческое, но и культурное, поскольку наряду с историей новомученичества, это явление становится неотъемлемой частью православной культуры в частности и всей Отечественной и мировой культуры в целом, поскольку общеизвестно, что православная вера как составная часть христианства – одна из трёх основных мировых религий (наряду с буддизмом и исламом).

В одной из недавно вышедших работ мы подчёркивали, что аналитически размышлять и писать рецензию на такого видного подвижника православия, коим является епископ Ялтинский Нестор (Доненко) – дело весьма ответственное и сложное [11, с. 221]. И, тем не менее, мы отваживаемся это сделать, поскольку чувствуем насущную необходимость в деле популяризации идей православного богословия и дальнейшего закрепления образов исповедников веры с целью фиксации в нашем сознании положительных моментов нашей общей исторической памяти [4; 5] и наследия.

Епископ Ялтинский Нестор (Николай Николаевич Доненко), vicar of the Simferopol'skaya and Crimean Eparchy of the Russian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate, – настоятель храма Покрова Пресвятой Богородицы в посёлке Нижняя Ореанда (Большая Ялта), кандидат педагогических наук, преподаватель Таврической духовной семинарии, автор исследований о новомучениках и исповедниках Русской Православной Церкви, известный читателю по двухтомному изданию под названием «Наследники Царства», книгам «Новомученики Феодосии», «Священномученик Аркадий, епископ Бежецкий», «Ялта – город веселья и смерти», «Крымская епархия под началом святителя Луки» и многим другим. До монашеского пострига – протоиерей Николай Доненко, три десятилетия совершавший в Крыму своё церковное и священническое служение.

Монахиня Евстолия (Егорова) подчёркивала в предисловии [2] к изданию одной из его работ: «26 лет настоятельства, восстановления из руин архитектурной жемчужины Южного берега – Покровского храма (см. также: [3]), возрождение литургической и приходской жизни, архивные исследования, издательская деятельность, преподавание, научные и творческие контакты – это лишь немногие сухие факты биографии» [2, с. 4].

«Погружение в историю эпохи гонений, соприкосновение с документами и живыми свидетелями подвига новомучеников, мысленное и

сердечное проживание тех трудных и экстремальных обстоятельств, в которых святые оказывались победителями по благодати, стало основой духовного опыта епископа Нестора. А общение с живыми носителями Духа, подвижниками и старцами XX века помогало сохранить трезвенное отношение к себе, пастырскую чуткость и открытость к людям» [2, с. 4].

Рецензируемая книга представляет собой жизнеописания новопрославленных святых и священнослужителей Бердянска. Вошедшие в эту работу жизнеописания составлены на основании церковного предания и материалов из архивов России, Украины и Крыма. Каждая новая публикация о новомучениках и подвижниках благочестия расширяет наше представление о Святой Руси и помогает отчётливее увидеть подлинный ландшафт нашего Отечества.

В своё время Епископ Нестор (Доненко) обосновывал выбранное им название книги «Любовь рождается в свободе» следующим образом: «Бог может всё, кроме одного. Он не может спасти человека без его согласия. *Сотворив человека свободным, Бог тем самым ограничил Своё всемогущество. Человек, полюбивший свою свободу как дар Божий, несомненно, с уважением отнесётся к чужой свободе и примет её в полной мере. Ведь только в свободе может родиться любовь* (выделено нами – М. М.) [13, с. 3].

То есть, любовь «не появляется по принуждению. «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою», – говорит Господь (Ин. 13, 35). Семья, человеческие отношения, церковный приход, монастырь – везде, откуда не изгнана свобода, так возможна и любовь...» [13, с. 3].

По большому счёту, выход в свет рецензируемой нами работы также (в числе прочих причин) можно обосновать подобным же образом.

Структура книги весьма удачна и охватывает наиболее приемлемый спектр поставленных тематических проблем в русле феномена новомученичества, исповедничества и страстотерпчества. Если брать во внимание поставленный в заглавии историософский анализ проблемы, то следует подчеркнуть, что во вступительной части книги о новомучениках Бердянска автор показательно цитирует Святителя Николая Сербского: «Главное содержание истории состоит в определении отношения людей к Богу. Всё остальное – лишь эпизоды и фрагменты главного» [1, с. 7]. И далее – переходит к конкретике:

«В жизни города, как и в жизни каждого человека, случаются грехи, падения и провалы, но, несомненно, бывают взлёты и духовные прозрения. Порой на стыке эпох, во время кризиса, утрачивается сознание не только отдельных людей, но и целого народа, однако, вопреки всему, жизнь продолжается, потому что она глубже и первичнее всякого сознания. и тогда, как таинственная река, Священная Традиция связывает живое прошлое с живым будущим и проходит через человеческие сердца, где только и можно, не спотыкаясь о факты и документы, увидеть душу времени и прикоснуться к телу истории.

В истории, как и в геологии, действуют процессы собирания, уплотнения и сжатия, при которых непредвиденные сочетания приводят к непредвиденным результатам. Исторические события напоминают проявляющуюся фотографию, где последовательно из едва заметных контуров и пятен появляются чётко различимые образы. Но в жизни наблюдается и обратное, когда всё начинает блекнуть, покрываться серебряной мглой, и то, что прежде обладало яркими, выразительными чертами, представлялось вечным и недвижимым, стирается, и остаётся нечто неожиданное, малое, бывшее в небрежении у современников, но ценное в очах Божиих. Значительность событий измеряется не столько количеством жертв, сколько качеством, их соотносённостью с Вечностью. И первое от второго различает и разделяет сам Господь. «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; ен мир пришел Я принести, но меч...» [1, с. 7].

Показательны также приводимые автором книги экскурсы в историческое прошлое Бердянска:

«В 1842 году Бердянск стал уездным городом, но до его включения в 1898 году в сеть железных дорог был почти изолирован от всей страны и жил обособленной жизнью, сосредоточивая интересы на торговле своей замечательной пшеницей с Европой через греческие и итальянские посреднические конторы. Порт пропускал до 35 миллионов тонн экспортного зерна.

Рыбачья слободка с жалкими хатками к концу XIX века превратилась в благоустроенный европейский город с характерными чертами различных культур. Вокруг стали появляться колонии болгар, немцев-меннонитов, украинцев и греков. По замыслу Воронцова, Бердянск строился с широкими улицами, пересекающимися под прямым углом, с большой площадью в центре и несколькими малыми по сторонам, красиво вымощенными камнем и обсаженными акациями, а также с бульварами по трем поперечным проспектам. В городе преобладали серебристо-бежевые, землянистые тона, создававшие впечатление почвенной органики, помогающей человеку чувствовать себя мерой вещей. Среди кварталов, выстроенных из красного кирпича или керченского камня, было немало образцов изящной итальянской архитектуры. Улицы и дома имели осязаемое человеческое измерение. Обилие садов и парков производило благоприятное впечатление, особенно если смотреть на город с высоты берегового обрыва: на юг – море, внизу на ровной, как стол, отмели – чистый, зеленый городок, блистающий куполами десяти православных церквей» [1, с. 9-10)].

И далее автор совершает следующий поворот сюжетной линии:

«Негоровливое благополучие, неуклонно набравшее силу в начале XX века, казалось бы, осветило страну надеждой благоденствия. Но, как вскоре выяснилось и стало для многих очевидным, прогресс бывает разным. В России он проявился в первую очередь как радикальное неприятие всех прежних национальных устоев и традиций, не в последнюю очередь Православной Церкви и её служителей. Разрушая неповторимую красоту традиционной жизни, метастазы прогресса неожиданно быстро проникали в самые

отдалённые уголки ещё недавно, как думали многие, в великой и несокрушимой империи. Атмосфера в стране становилась густой и непроницаемой, чуждой той прозрачности, через которую легко и радостно созерцать красоту Божьего мира, игру солнечных лучей на зыбкой поверхности полуденного моря.

Подобно стреле или взгляду, образ революции, «несущей счастье миллионам», уязвлял, овладевая воображением людей, и становился неотъемлемой частью их сознания. Отчего в замутнено-удушливом воздухе империи, словно невидимая хищная птица, зависало мрачное предчувствие, удерживающее русский мир пока ещё не своими когтями, а просто взглядом.

Каиновы черты стали появляться на изгибах и разрывах усложняющейся жизни. Их тёмное очарование воспевали поэты и писатели, ими любовались художники и утончённые интеллектуалы, на них указывали святые, говоря о неизбежных роковых потрясениях ближайшего будущего. Призрак, бродивший по Европе, обретал плоть и кровь и всё чаще примерял на себя русский кафтан. Острота новизны, необыкновенность предчувствия восхищали, подталкивали не только к новым художественным формам, но и к социальным экспериментам. Высокие философские идеи о преобразовании жизни часто подавались в незатейливой простоте, доступной для понимания и практической реализации. Внимание сосредоточивалось на внешних, как правило, экономических, переменмах [1, с. 10-14].

В подразделе «Богословие мученичества» работы «Любовь рождается в свободе» епископ Нестор справедливо отмечает: «Всем лучшим, что есть у нас, в нашем сердце, жизни, культуре и цивилизации, мы обязаны Православной Церкви, Христову свету, «просвещающему и освящающему всякого человека, грядущего в мир. Представления и жизни и смерти, неба и земле, истине и справедливости, верности, жертвенности и так далее выросли из опыта прочтения Нового Завета, вошли в нашу культуру, быт и повседневность, стали отличительной чертой восточно-христианской цивилизации» [1, с. 8].

И далее владыка переходит на наши Отечественные реалии: «Русская жизнь, русский мир полны противоречий и взаимоисключающих движений. В нашей истории были удивительные взлёты и трагические провалы, трещины и разрывы, из которых поднимались инфернальные испарения... Но были и удивительные прозрения, Божественные посещения. Порой взаимоисключающее сосуществовало, находилось рядом так близко, как только могло быть, образуя боль и трагедию для целого поколения...»

История Крыма, как и всей России, особенно в XX веке, была исполнена потрясением и болью, которая красной нитью прошла через судьбы лучших представителей нации, способных говорить «нет» лукавству, лжи и насилию, в каких бы облициях они ни представлялись. Подобные люди – свет и соль нашей земли, в первую очередь мученики, исповедники и подвижники благочестия. Если мы можем говорить с другими народами на равных, то это потому, что у нас есть такие же гениальные писатели, учёные философы, как во Франции, Германии, Англии. И если их присутствие дает нам право вести

диалог на другом уровне, то наличие великих святых дает нам особое дерзновение свидетельствовать об Истине, их глазами видеть самих себя и весь мир в свете евангельской правды и, соответственно, свидетельствовать об этой правде своими словами, поступками, всей своей жизнью. Собор новомучеников Российских – это не что иное, как смысловая и духовная скрепа, сохраняющая, вопреки всему, русский мир целостным. Для русской и восточно-христианской цивилизации вообще это – несущая конструкция нашей жизни, некая Богом дарованная реальность, краеугольный камень, то, что помогает нам увидеть иное качество бытия, ощутить и осмыслить своё предназначение. *За последнее десятилетие мы пережили множество кризисов – экономический, политический, культурный, моральный, но самый страшный из них – это кризис нашей идентичности. Мы усомнились в своём первородстве, в своём особом предназначении, что повлекло за собой великие потрясения и общенациональную трагедию. Нам необходимо вернуться к незамутненным источникам нашего духовного и национального бытия, устремить свой ум и сердце ко Христу и Его Святой Церкви* (курсив наш – М. М.). И в этом отношении опыт XX века, начиная от Святейшего Патриарха Тихона до Святителя Луки Крымского, есть не что иное, как источник нашего национального вдохновения. Это новые обстоятельства в истории русского мира, порождающие новые смыслы, которые, в свою очередь, приводят нас на Голгофу, к Животворящему Кресту. Именно оттуда проистекает Божественная правда, которая облекается в плоть и кровь русской истории, являясь для нас непреходящей ценностью, особым смыслом, небесной радостью, которую мы должны вместить в своё сердце и поделиться ею с другими» [11, с. 8-10].

Достаточно показательно ещё одно наблюдение владыки:

«Все главные события XX века, на мой взгляд, происходили в России или так или иначе имели к ней отношение. Те, кто ещё совсем недавно представлялся большинству главным в истории ушедшего столетия, – деятели и творцы новой коммунистической реальности, такие как Ленин, Бухарин, Троцкий, Рыков и прочие, – медленно, но верно растворяются в памяти нового поколения. И в то же время на историческом горизонте появляются блистательные имена, такие как преподобномученица княгиня Елизавета и инокиня Варвара, священномученик Владимир Киевский (см. например: [5]), Святейший Патриарх Тихон, священномученики Петр Крутицкий, Иларион Верейский, Фаддей Тверской и, конечно же, крымские святые – совершители практического богословия.

Наиболее почитаемый из них – священноисповедник чудотворец Лука Крымский (см., например: [7; 8; 9]), который с поразительным блеском соединил в себе православное богословие, целостность научной картины мира (см., например: [10]), исповеднический подвиг и огромный труд врача-хирурга и теоретика» [12, с. 12].

Весьма ярко автор подводит итог своей монографии о новомучениках Бердянска:

«Пожалуй, это и всё, что известно на сегодняшний день о святых и праведных Бердянска. Но и этого может оказаться достаточно, чтобы посмотреть на город и его историю другими глазами.

Ни география, ни экономика, ни *культура* (выделено нами – авт.) не определяют в конечном итоге глубинную жизнь города или народа, его самодостаточность. И только наличие праведных, святых, осоленных Духом, всем своим существом полюбивших Вечность, реальная значимость которых в глазах Творца позволила Аврааму дерзновенно ходатайствовать перед Богом о спасении городов, даёт нам не только новое представление о земном, но и низводит милость и дарует оправдание. Физиономия города от их присутствия становится благообразной, и сам город, как живое существо, в своём единстве звуков, красок, форм, игры света и тени, погруженный в осмысленное и освященное пространство, приобретает новое измерение [см., например: 1, с. 102], становится особым существом со своею таинственной неповторимой жизнью, трепещущей в его плоти, сияющей в его душе.

«Город обретает свой образ и лик, и тайна его соотносится уже не только с историческими эпохами, оставившими на его теле свои следы, но и с кровью и подвигом святых, ставших фундаментом и каркасом истории, вне зависимости от желания и способности современников понять и вместить в своё сознание отблеск лазурного неба» [1, с. 386].

Безусловно, что очередной подарок читателю от владыки Нестора будет весьма полезным в деле дальнейших общих подвигов – больших и малых – в деле укрепления православной веры, а пример новомучеников Бердянска – очередная тому яркая иллюстрация.

Список литературы

1. Епископ Нестор (Доненко). Не мир, но меч. Новомученики Бердянска: священномученики Виктор Киранов, Михаил Богословский, Александр Ильенков, Павел Войнарский, мученики Павел и Алексей Кирьян. Симферополь: Н. Орианда, 2022. 576 с.
2. Монахиня Евстолия (Егорова). Предисловие к изданию // Епископ Нестор (Доненко) Любовь рождается в свободе. Симферополь: Н. Орианда, 2020. С. 4-5.
3. Масаев Владимир, Масаев Михаил. Храм Покрова Пресвятой Богородицы в Нижней Ореанде просит помощи / Владимир Масаев. Михаил Масаев // Крымская газета. 1993. № 157 (290). 27 августа.
4. Масаев М. В. Историческая память как общественный и культурный феномен (социально-философский анализ) / М. В. Масаев, И. А. Андрищенко, Е. Б. Ильянович // Текст и коммуникация в пространстве культуры: коллективная монография / под общ. ред. Д. С. Берестовской и И. А. Андрищенко. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. С. 92-98.
5. Масаев М. В. Историческая память как общественный и культурный феномен (социально-философский анализ) / М. В. Масаев, Е. Б. Ильянович // XIX Таврические научные чтения: сборник материалов

- Всероссийской научно-практической конференции «История в мемориальном пространстве» (27-30 мая 2019 г., Симферополь – Алушта) / гл. ред. Е. Б. Вишневская. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. С. 162-166.
6. Лисюнин Виктор (протоиерей). Веры нерушимой основание: священномученик Владимир (Богоявленский), митрополит Киевской и Галицкий, как представитель тамбовского духовенства / В. Ф. Лисюнин. Тамбов, 2019. 142 с.
 7. Марущак Василий, протодиакон. Святитель-хирург: житие архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого). М.: Даниловский благовестник, 2007. 416 с.
 8. Лисюнин, В. Ф. Тамбовская Голгофа святителя Луки: по свидетельствам очевидцев: монография / науч. ред., авт. вступ. ст.: Л. Г. Протасов. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2012. 540 с.
 9. Масаев М. В. Некоторые грани биографии великого подвижника российского православия / Масаев М. В., Свешникова И. П. // Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием IV Ялтинские философские чтения «Проблемы гуманитарного знания и крымский культурный ландшафт» Феномен «русской революции» в социально-гуманитарном знании (23-24 ноября 2017 года, г. Ялта) / Отв. ред., к.ф.н., доцент Разбеглова Т.П. Ялта, 2018. С. 34-36.
 10. Масаев М. В. Современное развитие идей В. Ф. Войно-Ясенецкого (святителя Луки) о синтезе науки и религии / Свешникова И. П., Масаев М. В. // Политическое пространство и социальное время: синергия смыслов и ценностей. Сборник научных трудов XXXIV Международного Харакского форума 17-20 мая 2018 года, г. Ялта / Под ред. Т. А. Сенюшкиной. Симферополь: ИТ «Ариал», 2018. С. 164-170.
 11. Масаев М. В. Любовь рождается в свободе: аналитические размышления (рецензия на книгу: Епископ Нестор (Доненко) Любовь рождается в свободе / М. В. Масаев // Политическое пространство и социальное время: власть символов и память поколений. Сборник научных трудов XXXVIII Международного Харакского форума. – Симферополь: АРИАЛ, 2022. – С. 221-226.
 12. Масаев М. В. Культурологическое (вертикальное) измерение структуры парадигмальных образов в качестве символов эпох и цивилизаций / М. В. Масаев // Культура народов Причерноморья. 2007. № 108. С. 102-104.
 13. Епископ Нестор (Доненко). Любовь рождается в свободе. - Симферополь: Н. Орианда, 2020. 408 с.

УКРАИНСКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛЯРИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ВОССОЕДИНЕНИЯ С РОССИЕЙ

Мельничук С. В.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Институт «Таврическая академия»,
аспирант*

E-mail: sergey.melnichuk99@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается влияние феномена региональной поляризации на воссоединение с Россией регионов, ранее прибывавших в составе украинского государства. Охарактеризован феномен региональной поляризации. Описаны географические границы регионов, составивших противоборствующие полюсы. Обозначено предметное поле противоречий между региональными общностями. Описаны предпосылки и события, повлиявшие на стремление жителей ряда регионов воссоединиться с Россией. Обозначены региональные культурные особенности данных регионов в контексте противостояния с другим региональным полюсом. Рассмотрена роль внешнеполитического позиционирования Украины и актуальных для неё интеграционных проектов. Показана роль политического status quo как фактора сохранения украинского государства до событий 2014 года. Описано влияние государственного переворота на принятие жителями ряда областей решения о воссоединении с Россией.

Ключевые слова: регион, региональная поляризация, общественные противоречия, Украина, Новороссия, воссоединение с Россией.

UKRAINIAN REGIONAL POLARIZATION AS A FACTOR OF REUNIFICATION WITH RUSSIA

Melnichuk S. V.

*V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Institute «Taurida Academy», postgraduated student
E-mail: sergey.melnichuk99@gmail.com*

Abstract. The article examines the influence of the phenomenon of regional polarization on the reunification with Russia of the regions that arrived as part of the Ukrainian state. The phenomenon of regional polarization is characterized. The geographical boundaries of the regions that made up the opposing poles are described. The subject field of contradictions between regional communities is indicated. The prerequisites and events that influenced the desire of the inhabitants of a number of regions to reunite with Russia are described. The regional cultural specifics of these regions are indicated in the context of confrontation with another regional pole. The role of the foreign policy positioning of Ukraine and the integration projects relevant to it is considered.

The role of the political status quo, as a factor in the preservation of the Ukrainian state, before the events of 2014 is considered. The effect of the coup d'état on the adoption by the inhabitants of a number of regions of the decision to reunite with Russia is described.

Keywords: *region, regional polarization, social contradictions, Ukraine, Novorossiya, reunification with Russia.*

Воссоединение с Россией Крыма и Севастополя, а впоследствии Донецкой и Луганской Народных республик, а также Херсонской и Запорожской областей оказали существенное влияние на современное состояние международных отношений. Принятию решения о воссоединении жителями этих территории предшествовали события, происходившие в политической реальности украинского государства.

Региональная идентичность (или региональное самосознание) выступает одним из значимых элементов политической идентичности человека. Региональные общности формируются на протяжении многих поколений. Факторами формирования таких общностей выступают география определенной территории, экономические, или хозяйственные связи и этнокультурные процессы, протекающие в её границах. Региональные общности становятся полноценными участниками политических процессов в государствах. Степень значимости региональной идентичности в контексте процессов в конкретных государствах напрямую зависит от выраженности региональной идентичности и консолидации общности на определенной территории. Источником для такой консолидации выступает, в первую очередь, осознание населением определенной территории себя, как отличной от остальных общности.

В этих условиях актуализируется феномен региональной поляризации общества. Данный феномен представляет собой острую форму общественных противоречий, при которых региональные общности становятся активными сторонниками конкретных политических концептов, проектов, установок, а также выражают поддержку определенным представителям политической элиты. Таким образом, регионы становятся своеобразными «полюсами» в рамках государства. В этом контексте также обретает актуальность явление регионального интереса в его противоположении интересу общегосударственному.

Феномен региональной поляризации сегодня можно наблюдать во многих государствах. Одними из наиболее ярких примеров данного феномена считаем возможным обозначить Бельгию, США и Украину. В то же время, эффект, который это явление оказывает на государства, различается. В случае Украины острые противоречия между жителями государства стали у истоков процессов, которые могут завершиться полным распадом государства. Территория украинского государства на момент обретения независимости в 1991 году включала различные региональные культурные общности. При этом существование различных позиций между

региональными общностями не означает строгую поляризацию по административным границам.

Украинская региональная поляризация начала проявляться с первых лет существования независимого государства. Исчезновение Советского Союза, централизованно определявшего развитие своих субъектов во многих аспектах, поставило перед жителями молодой республики множество задач. Определение курса развития государства оказалось затруднено ввиду противоречий между регионами. В короткий промежуток времени региональные общности определили параметры, характеризующие «своих» и «чужих».

В украинских политических реалиях фактически существовало два противоборствующих полюса – западный и восточный. Западный полюс составили области исторической Галиции – Ивано-Франковская, Львовская и Тернопольская, и исторической Волыни – Волынская и Ровенская области. Восточный полюс представляли области Юго-Востока традиционно называемой Новороссией – Донецкая, Луганская, Запорожская, Херсонская области, Крым и Севастополь. Как и в случае с западным полюсом, Восток включал в себя меньшие региональные общности – Крым, Донбасс, и, помимо этого, ряд исследователей выделяли Херсонскую и Запорожскую область как регион Северная Таврия.

Западный и Восточный полюсы выражали принципиальное несогласие по ряду значимых вопросов, как во внешней, так и во внутренней политике. Это отражалось, в первую очередь, в электоральной активности. Регионы-полюсы выражали поддержку конкретным кандидатам на президентских, парламентских, региональных и муниципальных выборах. Таким образом, конкретные политические деятели стали ассоциироваться со «своими» полюсами, а также, в определенной мере, с выразителями региональных интересов. А. Р. Никифоров отмечал: «Политический раскол Украины на Запад и Восток является наиболее проявленным разломом ее социально-политического пространства. Достаточно напомнить о результатах президентских выборов 1994 г., когда граждане Украины к востоку от Днепра во втором туре поддержали Л. Д. Кучму, а на Правобережье и Западе голосовали преимущественно за Л. М. Кравчука» [1, с. 35].

Степень политического противостояния нарастала во многом из-за концептуального несогласия в отношении того, что собой должна представлять украинская государственность. Западный полюс стремился реализовать проект единой и однородной украинской нации. В противовес этому восточный полюс предлагал вариант сохранения исторически сложившегося культурного многообразия. П. Б. Стукалов описывал противоречия в этой сфере следующим образом: «Если на Востоке и Юге формирование современной украинской нации происходило на основе гражданских приоритетов и двуязычия, то на Западе в основе всех общественных лояльностей оказалась этническая; языки и приверженность традиционным ценностям рассматриваются там как основное мерило патриотизма» [2, с. 2].

Жители Юго-Востока видели в национализме западного полюса угрозу для сохранения собственной культуры и привычной жизни. Особенностью региональной культуры в контексте реалий украинского государства стало сохранение исторической близости с русской культурой и российским государством. Результаты переписи населения 2001 года ярко демонстрируют сложившуюся близость. Так, называвших русский язык родным в Севастополе число жителей достигло 90%, в Крыму – 77%, в Донецкой области – 74,9%, в Луганской – 68,8%, Запорожской – 48,2%, Херсонской – 24,7%. В регионах восточного полюса фактически утвердилась идентичность, обособленная от той, которой обладал западный полюс. Согласно той же переписи, в этих регионах присутствовало значительное число жителей, которые определяли себя не украинцами, но русскими. В Севастополе – 71,6%, в Крыму – 58,3, в Донецкой области – 39%, в Луганской – 38,2%, Запорожской – 24,7%, Херсонской – 14,1%. [3]. При этом ни один из поддержанных Востоком президентов и ни одна из партий не предприняли усилий для оформления законодательных гарантий от насильственной украинизации по образцу проектов западного полюса.

Во внешней политике западный полюс поддерживал интеграцию в евроатлантические структуры – ЕС и НАТО, а Восток – сближение с Россией и интеграцию в ЕАЭС и ОДКБ. Для западного полюса интеграция в ЕС и НАТО виделись, как возможность гарантировать сохранность территории с дальнейшим её культурным преобразованием. Для восточного – сближение с ЕАЭС и ОДКБ виделось, как способ избежать украинизации под протекцией России. В этом вопросе политические элиты государства, в том числе и от восточного полюса, отдавали приоритет евроатлантическому вектору, чем фактически предавали ожидания собственного электората. «Видимая «раздвоенность» украинского общества в плане выбора внешнеполитической ориентации государства осложнялась имевшимися по этому вопросу противоречиями между элитами и массами. Первые преимущественно ориентировались на Запад или политику «многовекторности», а преобладающее количество населения по всей стране – исключая западные и отчасти центральные регионы – стабильно поддерживало идею сближения с Россией» [4, с. 143].

Единственным возможным вариантом сосуществования в украинском государстве был своеобразный status quo. Это приводило к тому, что правящие элиты стремились ограничивать собственные шаги в поддержке полюсов. Нарушения status quo приводило к острым реакциям в регионах. Ярким примером служат протесты в Крыму в 2005-2006 годах, после попытки Президента Ющенко узаконить пребывание судов альянса НАТО на территории полуострова. Status quo был окончательно нарушен в результате государственного переворота в 2014 году. «Новая» власть состояла исключительно из представителей западного полюса. В тот момент степень поляризации оказалась на пике, что сделало невозможным поиски компромиссов. Политика властей более не учитывала интересы восточного полюса. В частности, это нашло выражение в политических чистках в

отношении членов «Партии регионов», широко поддерживаемой жителями Востока. Затронуло это и наиболее чувствительный аспект региональной идентичности – русский язык. С 2014 года и на момент написания данной статьи политическим руководством Украины принимаются действия, направленные на сокращение присутствия русского языка в общественной жизни. Фактически был избран курс на ликвидацию восточного полюса как такового с целью в долгосрочной перспективе избавиться от оппозиции.

Закономерным результатом стало стремление регионов реализовать собственное право на самоопределение. Население Крыма, Севастополя, Донецкой и Луганской Народных Республик, а также Херсонской и Запорожской областей подавляющим большинством выразили стремление воссоединиться с Россией. В контексте рассматриваемой проблематики это свидетельствует о том, что жители этих территорий более не видели перспектив благополучного существования в прежних границах и статусе.

Список литературы

1. Никифоров А.Р. Специфика крымского региона в политическом пространстве Украины // Регіональні проєкції державної політики: Збірник наукових праць. Симферополь. 2003. Том 1. С. 28–41.
2. Стукалов П. Б. Политическая идентичность как предмет исторического исследования - URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/-pdf/history/2021/01/2021-01-12.pdf> (дата обращения: 31.01.2023).
3. Результаты всеукраинской переписи населения 2001 года. URL: <https://web.archive.org/web/20120922145058/http://2001.-ukrcensus.gov.ua/rus/regions/> (дата обращения: 31.01.2023).
4. Пашковский П.И. Генезис и специфика общественных противоречий в контексте проблемы внешнеполитического позиционирования Украины // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2018. Том 4 (40). № 3. С. 137-146.

БЕЛГРАДСКАЯ ОПЕРАЦИЯ 1944 ГОДА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЮГОСЛАВСКО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Миркович Эна

*Институт сербской культуры Приштина – Лепосавич,
научный сотрудник*

E-mail: ena04111986@gmail.com

Аннотация. Белградская операция, успешно завершившаяся 20 октября 1944 г., положила конец 1287-дневной немецкой оккупации столицы Югославии. В совместной операции НОАЮ и Красная Армия разгромили немецкую армейскую группу «Сербия». Победа открыла путь для

дальнейшего продвижения НОАЮ к Бачке, Срему и восточной Боснии, в то время как советские войска получили возможность прорваться через венгерские равнины в Австрию. Битва за Белград, хотя и была одним из самых важных сражений на Балканах, долго оставалась в тени других военных действий. В югославской послевоенной литературе о Белградской операции было написано очень мало. Ситуация изменилась с 1990-х годов, когда сербская историография стала больше заниматься этой важной темой. В данной статье анализируется Белградская операция через призму сложных югославо-сербских отношений на протяжении XX века.

Ключевые слова: Белградская операция, Коммунистическая партия Югослави, Красная Армия, Советский Союз, Сербия, Россия.

THE BELGRADE OPERATION IN 1944 THROUGH THE PRISM OF YUGOSLAV-SOVIET RELATIONS

Mirkovic Ena

Institute for Serbian Culture Pristina – Leposavic,
research Assistant

E-mail: ena04111986@gmail.com

Abstract. *The Belgrade operation, successfully finished on October 20, 1944, ended the 1,287-day long German occupation of the capital of Yugoslavia. In the joint action of NOVJ soldiers and the Red Army, the German army group Serbia was defeated. The victory opened the way for the NOVJ to further advance towards Backa, Srem and eastern Bosnia, while the Soviet forces were enabled to penetrate through the Hungarian lowlands towards Austria. Although one of the most important battles in the Balkans, the battle for Belgrade remained in the shadow of other military actions. In the Yugoslav post-war literature, very little was written about the Belgrade operation. The situation has changed since the 1990s, when Serbian historiography began to deal more with this important topic. In this paper, we tried to analyse the Belgrade operation through the prism of complex Yugoslav-Serbian relations during the twentieth century.*

Keywords: *The Belgrade operation, the Communist Party of Yugoslavia, Red Army, Soviet Union, Serbia, Russia.*

Введение.

Дружественные российско-сербские отношения были нарушены после вспышки Октябрьской революции 1917 года. Королевство сербов, хорватов и словенцев (Королевство Югославия с 1929 г.) с династией Карагеоргиевичей во главе не хотело признавать новое государственное устройство [12, с. 74]. Белград и Королевство Югославия были одними из крупнейших центров беглой русской интеллигенции и дворянства [14, с. 56]. Эта «белая» русская эмиграция оказала большое влияние на тогдашнюю архитектуру и культуру молодого югославского государства [15, с. 187]. Ситуация изменилась непосредственно перед Второй мировой войной, когда

Королевство Югославия признало Советский Союз в связи со сложными международными отношениями, а также под давлением коммунистов и традиционных пророссийских настроений сербского народа [18, с. 41]. В связи со спецификой обстановки и гражданской войной в Югославии, отношения с Советским Союзом в годы Второй мировой войны были сложными [13, с. 555-601]. В начале войны Коммунистическая партия Югославии и секретарь ее ЦК Иосип Броз Тито рассчитывали на поддержку СССР [5, с. 20]. Однако, чтобы вновь установившиеся отношения с официальным югославским правительством не были нарушены и чтобы это не сказалось негативно на отношениях в антифашистской коалиции с Великобританией, СССР не был готов открыто поддержать народно-освободительное движение (НОД). По этим причинам советское правительство проводило свою официальную политику, поддерживая отношения с югославским правительством, а через исполнительный комитет Коминтерна оно поддерживало связь с народно-освободительным движением [21, с. 34-35]. Со временем связь с НОД крепчает, особенно после Тегеранской конференции «большой тройки» и решений второй сессии АВНОЮ. В начале 1944 г. через советскую военную миссию была установлена непосредственная связь между представителями СССР и Национальным комитетом освобождения Югославии. С тех пор начинается интенсивное политическое и военное сотрудничество. Иосип Броз лично обратился за помощью к Сталину 5 июля 1944 года, после давления со стороны британского правительства с требованием принять возвращение короля Петра II в Югославию и выразил желание приезда Красной Армии на Балканы [17, с. 328]. Бои за освобождение Сербии начались в конце июля 1944 г. [8, с. 253].

Летом 1944 года значение Сербии как ключевой страны на югославской территории было ясно всем участникам югославского поля сражения. Причин для этого было несколько: геополитически Сербия была ключевым транспортным узлом и экономической базой для продолжения войны, необходимость предотвратить вывод армейской группы «Е»... Начались многочисленные операции по постепенному освобождению, в том числе операция по освобождению столицы [11, с. 69].

Белградская наступательная операция в октябре 1944 г.

Во время пребывания Иосипа Броза Тито в Москве до 21 сентября 1944 г. было согласовано совместное наступление частей НОАЮ и Красной Армии, и так началась Белградская операция [22, с. 240]. Две армии встретились под Великой Планой 10 октября и начали совместные действия, а через два дня началось решающее сражение [20, с. 230]. Именно поэтому Белградская операция, наиболее узко понимаемая в сербской научной литературе, длилась с 12 по 20 октября 1944 года. С немецкой стороны в операции участвовали две группировки: первая под командованием генерала Вилли Шнекенбургера дислоцировалась в самом городе. Второй группировкой с

таким же числом солдат командовал генерал Вальтер Штеттнер. Основную часть его корпуса составляли части 1-й горнострелковой дивизии, дивизии «Бранденбург» и 92-й моторизованной бригады. Она выступала из восточной Сербии, прокладывая путь в Белград [2, с. 208].

Для действий в Сербии 3-й Украинский фронт Красной Армии выделил свою 57-ю армию. В освобождении Белграда непосредственное участие принял 4-й гвардейский механизированный корпус под командованием генерала Жданова. Обеспечение операций немецких войск в районе Крагуеваца осуществлял 68-й стрелковый корпус Красной Армии под командованием генерала Шкодуновича [1, с. 666]. От частей Национального комитета освобождения Югославии участвовала 1-я армейская группировка под командованием генерала Пеко Дапчевича. Поддержку бойцам НОАЮ и Красной Армии оказывало и население города, организованное в боевые группы «К», «С» и «Д», насчитывавшие около 2000 активистов [6, с. 110-115].

Основная идея наступления на Белград заключалась в лобовом наступлении главных сил, быстром наступлении на Калемегдан и Савский мост. Подготовка велась и в самом городе, где действовал партком, занимавшийся организацией боевых ударных групп, сбором помощи частям НОАЮ, организацией охраны важных зданий, организацией госпиталей для приема раненых, организацией пропагандистской работы и т. д. [4, с. 154-156].

Сначала, 12 октября, части 4-го механизированного корпуса и части НОАЮ объединенными силами освободили сильный немецкий опорный пункт на дороге Белград — Крагуевац город Тополу, а затем прорвались к Младеновацу, который они освободили в течение двух часов [7, с. 314]. На следующий день немецкие позиции на Авале были освобождены, и уже 14 октября части вошли в Белград где в течение шести дней шли кровопролитные бои. Двадцатого октября из Белграда вышли последние немецкие части, и город был окончательно освобожден. Масса населения восторженно вышла на улицы и приветствовала освободителей [19, с. 319]. Сразу после освобождения в город переместилось военное и политическое руководство, так что Белград стал центром, из которого управлялись завершающие операции по освобождению оставшейся части Сербии.

Освобождение Белграда сорвало план германского верховного командования объединить армейскую группу «Сербия» с группами «Ф» и «Е» и создать таким образом южное крыло фронта на восточной границе Югославии. Победа открыла НОАЮ путь для дальнейшего продвижения к Бачке, Срему и восточной Боснии, в то время как советские войска получили возможность прорваться через венгерскую равнину в сторону Австрии. Президиум Антифашистского Совета Народного Освобождения Югославии наградил орденами и медалями за проявленное мужество и отвагу 794 югославских бойцов и свыше 2000 советских солдат и офицеров, из которых 13 были объявлены национальными героями. 300 бойцов и офицеров Народно-освободительной армии Югославии, сражавшихся вместе с

советскими бойцами, были награждены орденами и медалями Советского Союза [10, с. 523]. Иосип Броз Тито провел смотр частей, участвовавших в освобождении Белграда, на Банице, где выступил с речью в честь павших бойцов, точное число которых окончательно не установлено, но упоминается около 1000 убитых красноармейцев и около 3000 членов НОАЮ [16, с. 123].

*Культура памяти о Белградской операции
и югославско-советские отношения*

В югославской послевоенной литературе Белградской операции особого значения не придавалось. Примечательно, что в мемуарах видных сербских политиков послевоенного периода, таких как Милован Джилас, Светозар Вукманович Темпо, Владимир Дедиер, операции по освобождению Белграда упоминаются лишь в самых общих чертах, так сказать попутно. Хотя эти писатели-политики упоминают события в Белграде, они не вдавались в более подробные рассуждения о них, поэтому можно сделать вывод, что они не считали, что эти события следует как-то отделять от других военных операций. Причину столь малого места в литературе, посвященной боям за столицу, следует искать прежде всего в большом интересе к другим военным операциям на территории Югославии, но и в изменившемся отношении к Советскому Союзу после конфликта с Коминформбюро в 1948 году. Учитывая прекращение отношений и последствия, которые могли иметь хвалебные высказывания о Советском Союзе, не удивляет отсутствие информации, связанной с операциями в столице.

Мы замечаем, что с 1960-х годов отношение к Белградской операции стало меняться, поскольку в то время уже происходило очередное сближение Югославии и Советского Союза. Именно тогда впервые в печати появился совместный сборник югославских и советских авторов, который конкретно касается Белградской операции. С середины 1980-х гг., т.е. в период после смерти Иосипа Броз Тито, историография, а также отечественная общественность стали все больше интересоваться событиями, связанными с освобождением столицы. В те годы было организовано несколько научных собраний по случаю освобождения страны, на которых все чаще присутствовали доклады, касающиеся Белградской операции.

Несмотря на охлаждение отношений между двумя странами после принятия Резолюции Коминформбюро, с момента окончания битвы мы можем наблюдать преемственность в культуре памяти о жертвах Белградской операции. Одной из первых задач после окончания боев было удаление тел павших бойцов. В торжественной обстановке и с воинскими почестями были похоронены высшие советские офицеры 21 октября на сегодняшней площади Республики в самом центре Белграда [3, с. 463]. Позже, в 1954 г., все советские жертвы были собраны в одном месте и захоронены на объединенном мемориальном кладбище освободителей Белграда, где они покоятся и по сей день [20, с. 234]. Традиционно в

годовщину битвы в этом месте проводились церемонии в честь павших бойцов, на которых присутствовали гости из Советского Союза. Трагедия, случившаяся перед празднованием 20-летия Победы, осталась записанной и памятной, когда группа советских ветеранов во главе с командиром 4-го гвардейского V механизированного корпуса В. И. Ждановым погибла в авиакатастрофе по дороге на само торжество [9, с. 401].

Помимо мемориального кладбища, воспоминаниям о боях за освобождение Белграда посвящена постоянная экспозиция Военного музея, где помимо фотографий, оружия можно увидеть и книги со списком павших советских воинов. В архивном собрании музея имеются материалы, в которых указаны имена и фамилии 976 бойцов Красной Армии, погибших в боях за освобождение Белграда. Первая выставка, посвященная освобождению Белграда, была организована Музеем города Белграда в 1994 году.

В день освобождения, 20 октября 2009 года, в Архиве Югославии была организована международная конференция «Освобождение Белграда в 1944 году». Конференция организована Институтом новейшей истории Сербии, Архивом Югославии, Институтом славистики РАН и Российским институтом стратегических исследований при поддержке Министерства труда и социальной политики. В двухдневной конференции приняли участие сербские и российские историки и это было хорошо освещено в СМИ [23, с. 1].

К 70-летию битвы, в 2014 году, в Историческом архиве Белграда открылась выставка «Освобождение Белграда - 70 лет спустя» с участием многочисленных высокопоставленных лиц. На выставке через документы Исторического архива Белграда все важные аспекты событий октября 1944 были обработаны. Были представлены будни оккупации, страдания мирного населения, лагеря и бомбардировки. Освобождение было показано через панели, посвященные участникам - красноармейцам, бойцам Народно-освободительной армии и жителям Белграда. Та самая выставка прошла в 2015 г. в Доме русского зарубежья имени А. И. Солженицына в Москве в рамках празднования Дня Победы с участием высокопоставленных деятелей общественной и культурной жизни Москвы и Сербии [24, с. 1].

В современной историографии появляется все больше отечественных специалистов, занимающихся тематикой югославно-советских отношений в XX веке, а также в ежедневной прессе появляется все больше текстов, связанных с годовщинами Белградской операции. Причина этого, безусловно, кроется в большей исторической удаленности от события, меньшей идеологической нагрузке научной общественности, а также в хороших отношениях между Россией и Сербией в более новом периоде.

Список литературы

1. Виторовић А. Србија у Народноослободилачкој борби. Централна Србија. Београд: Нолит, 1967. 666 с.
2. Вишњић П. Битка за Србију. Београд: Београдска књига, 1984. 208 с.

3. Вишњић П. Београдски октобар 1944. Београд: Институт за савремену историју, 1994. 463 с.
4. Vukčević S. Borbe i otpori u okupiranim gradovima Jugoslavije 1941–1945. Beograd: Kultura, 1985. 154-156 с.
5. Глишић В., Миљанић Г. Руковођење народноослободилачком борбом у Србији 1941–1945. Београд: Институт за савремену историју, 1994. 20 с.
6. Група аутора. Завршне операције за ослобођење Југославије 1944–1945. Београд: Војноисторијски институт, 1957. 110-115 с.
7. Група совјетских и југословенских аутора. Београдска операција 20. октобар 1944. године. Beograd: Vojnoistorijski institut, 1964. 314 с.
8. Група аутора. Ослободилачки рат народа Југославије 1941–1945. Beograd: Vojnoistorijski institut, 1965. 253 с.
9. Група аутора. Народни хероји Југославије. Beograd: Narodna knjiga, 1982. 401 с.
10. Група аутора. Београд у рату и револуцији 1941–1945. Београд: Историјски архив Београда, 1984. 523 с.
11. Група аутора. Београдска операција 20. октобар 1944. Beograd: Vojnoistorijski Institut JNA, 1989. 69 с.
12. Животић А. Југословенско-совјетски односи 1939–1941. године. Београд: Филиш Вишњић, 2016. 4 с.
13. Животић А. Московски гамбит. Југославија, СССР и продор Трећег рајха на Балкан 1938–1941. Београд: Clío, 2020. 555-601 с.
14. Јовановић М. Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд: Стубови културе, 1996. 56 с.
15. Кнежевић М. Руси у Србији између два светска рата// Наслеђе. 2017. № 37. 187 с.
16. Кочовић Б. Сахрана једног мита: Жртве Другог светског рата у Југославији. Београд: Откровење, 2005. 123 с.
17. Петрановић Б. Историја Југославије 1918–1988. Београд: Нолит, 1988. 328 с.
18. Петрановић Б. Србија у Другом светском рату 1939–1945. Београд: Војноиздавачки и новински центар, 1992. 41 с.
19. Radanović M. Oslobođenje: Beograd, oktobar 1944. Beograd: Rosa Luxemburg Stiftung, 2014. 319-350 с.
20. Radle R., Pisarri M. Mesta stradanja i antifašističke borbe u Beogradu 1941–1944. Beograd: Rosa Luxemburg stiftung Southeast Europe, 2016. 230-234 с.
21. Strugar V. Jugoslavija 1941–1945. Beograd: Vojnoizdavački zavod, 1969. 34-35 с.
22. Čolić M. Pregled operacija na jugoslovenskom ratištu 1941–1945. Beograd: Vojnoistorijski institute, 1988. 240 с.
23. Arhiv Jugoslavije - skupovi u 2009. godini (arhivu.gov.rs)
24. Изложба Ослобођење Београда - 70 година после у Москви - Историјски архив Београда (arhiv-beograda.org)

РОЛЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СРЕДИ ПРАВОСЛАВНОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В РАМКАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РФ НАЧАЛА 20-ГГ. XXI В.

Миронова Л. В.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
кафедра религиоведения Института социально-философских наук и
массовых коммуникаций, студент
E-mail: lubovvasiliva11@gmail.com*

***Аннотация.** В данной работе затронута проблема необходимости формирования национальной идентичности у российского народа. Особенно ясно это проявляется в процессе участия Российской Федерации во внешнеполитических конфликтах, которые рождают вызовы, требующие укрепления национальной идентичности. На сегодняшний день обозначается низкий уровень развития подобных идей в современной России, что обуславливает актуальность работы. Государство решает данную проблему с помощью изменения внутривнутриполитического дискурса, вынося такие понятия как традиционные ценности, историческая память на законодательный уровень. В формировании убеждений, объединяющих россиян, не последнюю роль играют религиозные организации. Одним из таких примеров является Русская православная церковь, которая транслирует идеи, объединяющие прихожан не только как христиан, но и как граждан одного государства. На примере деятельности отдельного прихода – храма святителя Николая Чудотворца иллюстрируется, как Русская православная церковь осуществляет формирование национального общего патриотического духа у прихожан.*

***Ключевые слова:** национальная идентичность, Русская православная церковь, государственная политика, традиционные ценности.*

THE ROLE OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE FORMATION OF NATIONAL IDENTITY AMONG THE ORTHODOX POPULATION OF RUSSIA IN THE FRAMEWORK OF THE STATE POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE EARLY 20S. XXI CENTURY

Mironova L. V.

*Kazan (Volga Region) Federal University,
Department of Religious Studies of the Institute of Social and Philosophical
Sciences and Mass Communications, student
E-mail: lubovvasiliva11@gmail.com*

***Abstract.** In this paper, the problem of the need for the formation of national identity among the Russian people is touched upon. This is especially evident in*

the process of the Russian Federation's participation in foreign policy conflicts, which give rise to challenges requiring the strengthening of national identity. To date, there is a low level of development of such ideas in modern Russia, which determines the relevance of the work. The state solves this problem by changing the internal political discourse, bringing concepts such as traditional values, historical memory to the legislative level. Religious organizations play an important role in the formation of beliefs that unite Russians. One such example is the Russian Orthodox Church, which broadcasts ideas that unite parishioners not only as Christians, but also as citizens of one state. The example of the activities of a separate parish – the church of St. Nicholas the Wonderworker illustrates how the Russian Orthodox Church carries out the formation of a national common patriotic spirit among parishioners.

Keywords: *national identity, Russian Orthodox Church, state policy, traditional values.*

Современные внешнеполитические конфликты рождают вызовы, требующие формирования и укрепления идеи национальной идентичности. Ясно обозначается проблема низкого уровня развития подобных идей в современной России. Для решения данной проблемы необходимо осознание того, что наличие национальной идентичности не «данность» определенных наций, а результат грамотной сложной работы по ее созданию или возрождению. В данной статье рассматривается понятие национальной идентичности и ее формирование, укрепление и поддержание Русской православной церковью среди последователей православного вероучения.

Само понятие «национальная идентичность» имеет немало трактовок. Для определения его сущности важно подчеркнуть, что национальная идентичность определяется не происхождением индивида, необходимо отделять ее от этнической идентичности. По мнению Г.Д. Гриценко на национальную идентичность влияет связь гражданина «с политикой, государством и, следовательно, гражданством» [1, с. 1]. Ю.И. Семенов в своей работе подчеркивает, что этническое слияние происходит как бы само собой, «независимо от сознания и воли людей», тогда как национальная идентичность представляет собой «деятельность масс людей, направленную к достижению определенных целей, причем чаще всего политических...» [2, с. 6]. Рыбаков С.Е. выражает подобную точку зрения по данному вопросу, называя природу этноса естественной, а нации искусственной. При этом национальная идентичность частично включает в себя этнические культурные аспекты [3].

Таким образом, мы принимаем определение национальной идентичности – как самоотождествление индивидов со своей страной, с ее историческим и культурным прошлым, ценностями, а также ее судьбой.

За последние десятилетия с упадком национальной идентичности столкнулись многие государства. Причиной этого может являться усиленная глобализация и исчезновение ярких культурных проявлений. Как уже сказано, ряд ученых выдвигает мнение, что Россия особенно сильно

переживает упадок национальной идентичности. К этому привели события конца 20 века, распад Советского Союза и постепенное исчезновение его идей. Разрушение старой идеологии, на которой базировалось государство до 1991 года и неумение создать новую, постсоветскую, объединяющую граждан России идею привело к проблеме современного слабого национального самосознания россиян. Именно внутреннее осмысление своей национальной идентичности дает ответы на вопросы: зачем развиваться именно в этой стране, зачем рисковать собой ради ее сохранения в случае нападения и другие вопросы, возникающие у народа без понимания своего прошлого и настоящего.

В 2020 году политическая повестка в России начала меняться и четко обозначилась проблема необходимости возрождения идеи - восстановления понятия нации. В Конституцию РФ вносятся поправки о традиционных ценностях, объединяющих граждан России независимо от их вероисповедания [4]. Более того, в современной сложной политической ситуации часть населения транслирует не только готовность к формированию национального самоопределения, но и потребность в этом. Реализации данного запроса способствуют религиозные организации, в рамках данной статьи рассматривается деятельность конкретно Русской православной церкви Московского Патриархата, которая встала на сторону государства и поддерживает его.

Исторически православие является неразрывной частью культуры русского народа не только в нашем самосознании, но и в восприятии России в мире. Крещение Руси стало отправной точкой для впитывания православных идей в культурный код нашей страны, которые на протяжении истории определили «своеобразие национальной философии, искусства, языка, литературы, образования, традиций и обычаев русского народ» [5, с. 2]. Таким образом, православие настолько тесно вошло в жизнь русского народа, что и сегодня определяет образ мышления и поведение русского человека. Из этого можно сделать вывод о высоком авторитете позиции церкви среди части населения, а также высокой роли церкви в формировании национальной идентичности граждан. При этом необходимо отметить, что православный менталитет большинства граждан не мешает современной России представлять многонациональное государство с множеством различных религий.

Культурная и внекультурная деятельность православного храма помимо высокой духовной функции также системно реализует потребности паствы. Так начало специальной военной операции на Украине породило необходимость изменений деятельности храмов для поддержки прихожан и формировании общего единого национального настроения у паствы. В таком случае православная традиция для паствы становится не только путем к спасению в загробной жизни, но и гражданским мировоззрением в настоящей. Н.Н. Ткач в своей статье в данном контексте пишет о православии как об актуализации «базисных нравственно-моральных и социальных регуляторов, содержащих преемственность поколений,

социального опыта, отношения к государству как гаранту стабильности и процветания российского общества, практикам совместного проживания и созидания народов России» [6, с. 352].

В качестве иллюстрации к тому, как Русская православная церковь осуществляет формирование национального общего патриотического духа у прихожан, приведу пример изменений деятельности прихода храма святителя Николая Чудотворца в городе Казани. Наиболее активные изменения в культовой деятельности приходов РПЦ МП, в том числе, в приходе храма святителя Николая Чудотворца начинаются с изменением политической повестки в 2022 году, началом спецоперации на Украине. Эти изменения происходят системно, исходят от руководства РПЦ МП и распространяются на каждый храм. Уже 4 марта 2022 года появился официальный документ, транслирующий позицию РПЦ - Циркулярное письмо митрополита Воскресенского Дионисия, одобренное патриархом Кириллом Московским и Всея Руси [7]. В тексте письма содержится прошение о том, чтобы Бог утвердил в сердцах людей дух братолюбия и добра. Также возносится молитва о защите и помощи всем нуждающимся и военным. С этого момента читать молитвы о мире, прошения о защите воинов, Святой Руси начали во всех храмах РПЦ.

Несмотря на то, что изменения культовой деятельности произошли «сверху», по словам настоятеля храма, к этому моменту прихожане уже выразили потребность в молитве о защите своих близких и всех, кто находится в зоне СВО. Источником внекультовых изменений стала так же инициатива самих прихожан. Иерей Александр Данилов сообщил, что с началом мобилизации прихожане выразили активное желание помочь солдатам. Так в храме был организован пункт сбора помощи: собирают средства гигиены, питание, одежду и вещи первой необходимости для мобилизованных.

Церковь в этот момент выполняет сразу несколько функций:

а) приход является местом снижения психологического давления, так как в нем можно обратиться к Богу, пообщаться со священником, постараться с помощью молитвы защитить себя и своих близких, облегчить душевные переживания. Потребность в чувстве безопасности закрывается, насколько это возможно, с помощью молитвы, помощи тем, кто оказался в такой же ситуации.

б) приход является местом, объединяющим прихожан общей духовной идеей и традициями. Учитывая планы внутрисероссийской политики, направленные на формирование общих духовных ценностей и единого духа, возможно именно церковь является инструментом, на который опирается государство в реализации данных планов и формировании национальной идентичности определенной группы граждан.

Таким образом, на разных исторических этапах православие играло важную роль в процессе сохранения национальной идентичности, общей исторической памяти и в формировании общих духовных ценностей. Современная Россия столкнулась с необходимостью возрождения идеи

национальной идентичности и РПЦ выражает готовность помочь в разрешении этого кризиса. Учитывая многонациональный и поликонфессиональный состав населения Российской Федерации, возможно, государству необходимо обращаться к различным религиозным организациям для реализации своих идей, ведь именно религия составляет значимую часть культуры страны и жизни человека.

Список литературы

1. Гриценко Г.Д. Национальная идентичность – фактор стабилизации или напряженности в полиэтничном регионе // Социально-политические и историко-культурные аспекты современной геополитической ситуации: материалы III Международной научно-практической конференции и круглого стола (г. Сочи, 09-11 апреля 2019 г.) / Ред. В. В. Бобылев. Вып. 3. – М.: Перо, 2019. – С. 296–300.
2. Семенов Ю.И. Народ, этнос, нация. Статья 2. Общество, политодемотия, нация [Электронный ресурс]. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/narod-etnos-natsiya-statya-2-obschestvo-politodemotiya-natsiya>
3. Рыбаков С. Е. Анатомия этнической деструктивности. 1. Два облика национализма // Вестник МГУ. – Серия 18. Политология и социология. – 2001. – № 3. – С. 36.
4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года. : (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ30 декабря 2008 № 6-ФКЗ и № 8 – ФКЗ) // СПС «Консультант плюс» [Электронный ресурс] - URL: <http://www.consultant.ru/>
5. ЦуйЦзявэнь. Роль православия в формировании русской культурно-цивилизационной идентичности // Общество: философия, история, культура. 2021. № 5. С. 151–156.
6. Ткач Н.Н. Православная традиция в формировании российской идентичности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2019. № 44 (2). С.351–356.
7. Циркулярное письмо всем епархиальным Преосвященным Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5974845.html>

ЭТНИЗАЦИЯ МИГРАЦИИ: ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И АКАДЕМИЧЕСКИЙ ДИСКУРСЫ

Нам И.В.

*Доктор исторических наук
Национальный исследовательский Томский государственный
университет, профессор
Email: namirina@bk.ru*

Аннотация. В статье рассматривается роль этноцентристского дискурса в этнизации миграции в публичном дискурсе в историческом контексте. Показано влияние конструируемого и стихийного примордиализма в формировании этноцентричного восприятия миграции и политизации этничности. Делается вывод об ответственности академического сообщества при использовании «этничности» в качестве аналитической категории при изучении миграции.

Ключевые слова: миграция, мигранты, примордиализм, этнизация, этничность, этноцентризм, новые диаспоры

ETHNICIZATION OF MIGRATION: SOCIAL, POLITICAL AND ACADEMIC DISCOURSES

Irina V. Nam

*Doctor of Sciences (History), Professor
National Research Tomsk State University (TSU)
Email: namirina@bk.ru*

Abstract. This paper is about the role of ethnocentric discourse for ethnicization of migration in the public sphere and historical context. The study demonstrates the influence of constructed and spontaneous primordialism on development of ethnocentric comprehension of migration and politicization of ethnicity. The conclusion is that the academic community is responded for using the term "ethnicity" as analytical category for studying migration.

Keywords: migration, migrants, ethnicization, ethnicity, primordialism, ethnocentrism, new diasporas.

Исследование выполнено при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 "Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири".

Последние десятилетия XX и начало XXI столетий отмечены актуализацией этнической идентичности, вызванной глобализацией и возрастающей миграционной активностью населения. Сегодня и властью, и обществом в России миграционные проблемы рассматриваются

преимущественно в этнических категориях и терминах. Сказывается сложившееся в советское время примордиалистское понимание феномена этничности. Этнизация миграции способствовал известный «пятый пункт» – фиксация национальности «по крови» в советском паспорте наряду с такими идентификационными параметрами как дата и место рождения. Обязательным было указание национальности во всех анкетах и личных делах. Создавались научные классификации и официальные перечни национальностей в переписях населения. Все это наряду с политикой «коренизации» управленческой и профессиональной элит, этнофедерализацией государственного устройства и административно-территориального деления на этнической основе [1] придавало этничности чрезвычайную важность и незыблемость. Советский режим «раскроил» территорию государства на «автономные национальные родины», принадлежавшие «конкретным этнонациональным группам» и наделил каждого гражданина этнической «национальностью», которая приписывалась ему при рождении, «регистрировалась в личных идентификационных документах, фиксировалась в бюрократических реестрах и использовалась в целях контроля над доступом к высшему образованию и рабочим местам» [2, с. 109-110]. В рамках создаваемой таким образом «многоязычной этнократии» «стало легальным и морально допустимым деление по этническому признаку вплоть... до репрессий, массовых депортаций...» [3, с. 27].

Этнизация феномена миграции является прямым следствием этноцентричного дискурса, названного Д.В. Драгунским «навязанной этничностью» [3], при котором базисной категорией теоретического упорядочивания социальной реальности выступает «этнос», понимаемый в эссенциалистском (примордиалистском) смысле. Этноцентричный дискурс влечет за собой сведение социальных различий к этническим, а социального взаимодействия – к взаимодействию между этническими (этноконфессиональными и этнокультурными) группами. На бытовом уровне большинство людей полагает, что каждый человек *объективно* принадлежит к той или иной этнической группе («этносу») и из этого факта выводятся его личные характеристики и, соответственно, предрасположенность к определенному типу поведения. Главная опасность «навязывания» этничности заключается в «придании этносу политической субъектности» [3, с. 27] и, как следствие, *политизации этничности*. В идеологии и практике (этно)национальных движений, охвативших территории бывших автономных и союзных республик после распада СССР, слились воедино лозунги национального (этнического) «возрождения» с политической борьбой национальных элит за власть.

В производстве и воспроизводстве этноцентричного дискурса важная роль принадлежит представителям академического сообществ. Большое влияние на формирование этноцентричного дискурса оказала теория «этноса» Ю.В. Бромлея и Л.Н. Гумилева. В ситуации идеологического вакуума 1980-х – начала 1990-х гг. именно их последователи определяли как кадровую и институциональную, так и издательскую политику. Большинство российских

журналистов и значительная часть экспертов были вовлечены в распространение представлений об этносах как о «биосоциальных организациях» и степени их «пассионарности». На этом фоне возникли категории «этнического баланса» и «этнокультурной безопасности» и сформировалось представление о том, что превышение 10%-й доли иноэтничных мигрантов в российской среде чревато этническими конфликтами [4, с. 59], в основе которых лежат не социальные взаимодействия, а *различия* (этнические, конфессиональные, языковые и др.) [4, с. 61].

В работах российских ученых 1970–1980-х гг. проблема этничности в миграционном движении рассматривалась в основном в *культурно-идентификационной* плоскости, этнические группы определялись как *базисные* культурные и социальные единицы. Исследовательская работа сводилась к поиску показателей миграционной подвижности и приживаемости народов. Этнологи связывали их с исторически сложившимися социальными, этнодемографическими характеристиками, особенностями расселения, психологическими установками и ориентациями этнических групп, демографы – с особенностями среды выхода и вселения, долей в них представителей того или иного народа [5]. На фоне обществено-политических и экономических преобразований постсоветского пространства в 1990-е гг. проблематика миграции особенно актуализировалась и обострилась. Центральной темой исследований становится влияние этнических различий на проблемы адаптации и интеграции мигрантов. Сформулировав проблему в таком ключе, миграционные исследования переняли примордиалистский концепт, что позволило объяснять интеграционные проблемы как «культурный конфликт». Этничность понималась «как основополагающая константа человеческой социализации», а культура представлялась «в виде «снаряжения», которое мигранты приносят с собой в страну эмиграции в виде некоего «ментального багажа» [5].

Связь политики и этничности выражается в тесном переплетении национального и этнического в публичном дискурсе – общественно-политическом и академическом. При этом первое связано с государственностью и социальными отношениями, а второе – с *категоризациями*, основанными на признаках культуры, языка, представлениями об общности происхождения [6, с. 203]. Значение этничности, как политического фактора, определяется тем, «как этничность институционализована, а институционализация этничности, в свою очередь, определяется множеством агентов – общественными движениями, государственными структурами, научными и экспертными сообществами и пр.), принимает разные формы и имеет разные последствия» [6, с. 204].

К категоризации мигрантов в терминах этничности прибегают властные структуры на федеральном и региональном уровне, поскольку их включение в уже привычный для восприятия контекст позволяет выстраивать «понятные» практики контроля и управления. При таком подходе миграционный приток населения, «этнически отличного от основного населения принимающего

общества», воспринимается «не иначе, как в терминах угрозы» К примеру, в работе правоохранительных органов имеет место «этническое профилирование» (*ethnic profiling*) – применение этнических критериев при проверке документов у мигрантов из Центральной Азии, Закавказья, а также у российских граждан из республик Северного Кавказа [4, с. 63]. Выбирая «жертву» среди прохожих или среди торговцев на рынке, представители органов правопорядка, ориентируются прежде всего на «видимые» меньшинства «азиатской» или «кавказской» внешности [4, с. 172].

Этничность является «удобной» организационной формой консолидации» и для самих мигрантов, предоставляя этническим активистам («этнопредпринимателям») «понятный и разделяемый всеми членами общины-диаспоры культурный материал», позволяющий конструировать групповые границы [8, с. 469]. Национализм этнических предпринимателей и властных структур в ряде республик и регионов является дополнительным фактором устойчивости примордиализма в этнизации миграции и оценке ее роли миграции.

За счет притока мигрантов в общественном пространстве появляются «новые» этнические группы – «диаспоры», радикально увеличивается численность многих «старых» групп, меняется их облик. С появлением этих групп (именно в качестве групп) происходят ментальные изменения во взгляде на социальную реальность, которые Р. Брубейкер, американский социолог, исследователь проблем этничности и национализма, назвал «группизмом» [2, с. 23]. Этнические группы по умолчанию рассматриваются как некие целостности, имеющие внутреннюю структуру, выступающие как агенты социального действия и отделенные устойчивыми социальными границами от других таких же целостностей [6, с. 204].

И «новые» мигранты, и «местные» жители, приписанные советской и современной властью к той или иной этнической группе, ощущающие в той или иной степени свою связь с нею, «начинают чувствовать себя группой, в некоторых ситуациях вести себя как члены группы, формируют сеть связей и отношений на этнической основе» [9, с. 98]. Этот процесс лежит в основе формирования феномена «новых диаспор». При его изучении перспективным представляется *неоинституционалистский подход*, основанный на представлении о том, что институты не столько ограничивают пространство действия для группы, сколько создают («институционализируют») саму группу с ее идентичностью, интересами и прочими атрибутами. При этом группу целесообразно рассматривать не как совокупность людей, а как структуру отношений, объединяемых идеей разделения общества на группы и представлениями о смыслах этого деления [6, с. 204]. В исследовании миграции ученым следует отказаться от использования этнически окрашенных терминов при анализе ситуаций, в том числе конфликтных, в отношениях между группами «мы» (принимающее общество) и «они» (мигранты). Иными словами, исследователям следует отделять «*категории практики*», в том числе этнополитической, от «*категорий анализа*» [2, с. 27; 7, с. 175].

Список литературы

1. Соколовский С.В. Институты и практики производства и воспроизводства этничности // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. II. М., 2005. С. 144-167.
2. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
3. Драгунский Д.В. Навязанная этничность // Политические исследования, 1993. № 5. С. 24-31.
4. Малахов В. Этнизация феномена миграции в публичном дискурсе и институтах: случай России и Германии // Космополис, 2004. № 1 (7). С.56-69.
5. Габдрахманова Г.Ф. Этничность и миграция: становление исследовательских подходов в отечественной этносоциологии // Социологические исследования, 2007. № 1. С. 116-122. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9449970> (дата обращения: 15.03.2023).
6. Осипов А.Г. Механизмы институционализации этничности // Сообщества как политический феномен. М.: РОССПЭН, 2009. С. 202-221.
7. Паченков О.В. Роль «этнической идентичности» в исследованиях миграции и ответственность социального ученого // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Том XI. № 1. С. 162-182.
8. Переселенческое общество Азиатской России: миграции, пространства, сообщества / Науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск: Отгиск, 2013. 624 с.
9. Дятлов В.И. Миграции, мигранты, «новые диаспоры» фактор стабильности и конфликта // Байкальская Сибирь: из чего складывается стабильность. М.; Иркутск: Наталис, 2005. С. 95-137.

ГОСУДАРСТВО И ШКОЛА: ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА АДМИРАЛА А.В. КОЛЧАКА (1918-1920 ГГ.)

Наумова Н.И.

Кандидат исторических наук

Национальный исследовательский Томский государственный

университет, доцент

E-mail: tomnin@yandex.ru

Аннотация. Проблемы реформирования начального, среднего образования являлись предметом обсуждения в российском обществе до 1917 г., но не были решены властью. В годы революций, Гражданской войны

сохранили свою важность. Российское правительство адмирала А.В. Колчака предложило свой вариант решения проблемы образования, включая концепцию и механизм ее реализации, кадрового обеспечения. Требовалось решить вопросы организационного и правового порядка. В основе образовательной политики должны были лежать принципы всеобщего начального образования, единства образовательного процесса, доступности обучения, необходимости учета религиозной и языковой среды. Управление должно было осуществляться централизованно. Предлагалось объединить все учебные заведения в рамках одного ведомства - Министерства просвещения. Важной задачей должно было стать увеличение количества общеобразовательных школ. В процесс обучения, контроля, решения кадровых вопросов в образовательных заведениях могли быть привлечены представители общественности.

Ключевые слова: начальное, среднее, высшее образование, правительство А.В. Колчака, реформы.

THE STATE AND THE SCHOOL: EDUCATIONAL POLICY OF THE RUSSIAN GOVERNMENT OF ADMIRAL A.V. KOLCHAK. 1918-1920.

Naumova N.I.

Cand.Sc. (History)

National Research Tomsk State University, associate professor

E-mail: tomnin@yandex.ru

Abstract. *The issue of primary and secondary education reform was the subject of discussion in Russian society before 1917, but the government did not resolve it. During the years of revolutions and the Civil war this issue was also of great importance. The Russian Government of Admiral A.V. Kolchak proposed its solution to the issue of education, including the concept and mechanism of its implementation, as well as of personnel issue. Organizational and legal issues demanded their solution. The principles of universal primary education, the unity of the educational process, the availability of education, and the need to take into account the religious and linguistic environment were to be the basis of the educational policy. Management of education was to be centralized. All educational institutions were to be united under the authority of one department – the Ministry of Education. An important task was to increase the number of comprehensive schools. Representatives of the public could be involved to the process of education, control, and solving personnel issues in educational institutions.*

Keywords: *primary education, secondary education, higher education, government of Admiral A.V. Kolchak, reforms.*

Вопросы реформирования образования в России рассматривались в дореволюционный период. Экономические факторы и культурно-образовательные потребности определили необходимость реформы

образования. В процесс обсуждения проблемы включились общественные организации. Подготовлены проекты реформ школьного и внешкольного образования на принципах всеобщности, единства и обязательности обучения. Но они не были реализованы.

В революционный период и в условиях Гражданской войны этот вопрос сохранял свою актуальность. Советское государство реформировало сферу школьного образования на основе принципов всеобщности, равноправия, единой трудовой школы. Проблема стала частью политики меньшевистских государственных образований в 1918-1920 гг., включая Российское правительство адмирала А.В.Колчака с центром в Омске. Одной из задач власти стало создание управления на уровне государства, которое могло решить реформаторские задачи, располагая для этого административными, правовыми, политическими средствами.

На подконтрольной территории власть в лице правительства А.В. Колчака восстанавливала управленческую вертикаль - Совет министров, министерства. Определялись направления деятельности министерств, их полномочия. Государство брало на себя ответственность за образовательную политику, рассматривая школу как особую ценность, средство модернизации и полагая, что «одним из важнейших условий возрождения ... страны является возможно широкое распространение в массе населения образования и правильная его постановка» [1, л. 44]. Новая школа могла выполнять и функции объединения различных в социальном и этноконфессиональном отношении территорий. Основная роль в реформе образования отводилась Министерству народного просвещения (МНП) в решении важных проблем образования - демократизации (равенство и доступность), повышение грамотности населения, подготовки учительских кадров. Эти требования выдвигались на съездах учителей, представителей земств, национальных организаций и учитывались руководством МНП, которое должно было создать модель государственного управления и контроля за учебными заведениями в рамках новой стратегической задачи. Успех политики зависел от эффективности системы управления, ибо создавались условия для реализации цели.

Стратегия МНП правительства А.В. Колчака в сфере образования строилась на основах, предложенных Временным правительством в 1917 г., и созданных законопроектах о начальных училищах, обязательности обучения и др. Это служило ориентиром, давало возможность по-новому организовать образовательную деятельность. Определена была главная задача - реализовать политику реформ на основах единой общеобразовательной школы, всеобщего начального обучения.

Значение имело и то обстоятельство, что возглавляли Министерство профессионалы, знакомые с педагогической деятельностью и проблемами образования. Профессор В.В. Сапожников был ректором Томского университета. Во Временном Сибирском правительстве возглавлял МНП. В составе Совета министров Российского правительства занимал должность министра просвещения (ноябрь 1918-май 1919 г.) и ставил задачи реализации

программы демократизации и развития народного образования. На этой должности его сменил профессор Томского университета П.И. Покровский. В составе Временного правительства в 1917 г. он стал товарищем министра просвещения, разработал законопроект о единой школе, выдержанный в демократическом духе. Был сторонником развития народных университетов, внешкольного образования.

Свой проект комплексного реформирования образования В.В.Сапожников изложил в Докладной записке в июле 1918 г. Предложена была структура центрального управления в лице МНП и определена сфера деятельности, в которую включались высшая и средняя школа, специальные училища, внешкольные и дошкольные учреждения. Дополнялся проект реформами в средней школе, направленными на усиление влияния общественности в ее работе с помощью педсоветов. Предполагалось изменить программы в учебных заведениях. Рекомендовалось реализовывать принцип единства школы, добиваться «всеобщего обучения», развивать внешкольное и дошкольное образование, совершенствовать технологические школы. Требовалось разрешить ситуацию с преподаванием Закона Божьего. Документ включал предложение о переподготовке учителей и их материальном обеспечении.

Составной частью политики МНП должно было стать развитие высшего образования. Перспективы «процветания» (Сибири в том числе) В.В.Сапожников связывал с развитием высшей школы. Он считал необходимым для МНП учреждать «новые высшие школы» в Иркутске, Хабаровске, Владивостоке, создать институт исследования, «который заменил бы для Сибири» Российскую Академию наук. Высшие школы «создадут кадры преподавателей», которые обучат специалистов и тем обеспечат промышленное и культурное развитие Сибири [2, с. 38-40].

Многие предложения получили реальное воплощение, имели правовое обеспечение. В октябре 1918 г. учрежден Иркутский университет. Власть финансово поддерживала Омский политехнический институт. Принято решение о создании единого Сибирского института сельского хозяйства и промышленности [3, с. 390-391]. Создан Институт исследования Сибири как научный центр.

Власть ставила задачи развития образования, расширения сети государственных учебных заведений, включая национальные школы. Требовалось одновременно решать вопросы материального и кадрового обеспечения учебных заведений. Была изменена окружная система управления учебными заведениями. Эти задачи возлагались на МНП с целью создания единого образовательного пространства и единых требований. Для реализации политики были сформированы местные отделы народного образования. МНП планировало работать совместно с обществом, опираясь на лучшие педагогические традиции, опыт земской работы. Образовательные задачи должны были дополняться воспитательными «началами национальности и государственности» [4, с. 24-25].

В управление привлекалась общественность для согласования позиций в школьном деле благодаря созданным педсоветам. Учебно-воспитательный персонал педсоветов дополнялся представителями местного самоуправления и родительских организаций. Административное управление дополнялось коллективным, что должно было обеспечивать единство действий. Министерству отводилась контролирующая роль. Ставилась задача создания единой школы на принципах общегосударственной стратегии, что позволяло переходить учащемуся из начальной школы в среднюю и затем в высшую. Вводилась выборность на должности педсостава. Значимые образовательные и воспитательные задачи школы предполагалось обсудить на Государственном совещании по народному образованию с привлечением общественности [5, л. 158].

В число первоочередных задач входило решение проблемы «инородческой» школы. Главная роль в просвещении «инородцев» отводилась государству, которое должно было строить школы для них, издавать учебники, готовить учительские кадры. Но в тех условиях большинство таких школ содержалось на средства национальных обществ.

Намерения правительства отвечали интересам населения. Но условия Гражданской войны, экономическая и политическая нестабильность, неустойчивые административные границы не позволяли реализовать реформы и создать новую систему образования.

Список литературы

1. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Оп.1.Д.284.
2. «Реальная политика» Временного Сибирского правительства // Белая армия. Белое дело. Екатеринбург, 2001. №9. С. 29-41.
3. Рынков В.М. Социальная политика антибольшевистских режимов на Востоке России (вторая половина 1918 – 1919 г.) Новосибирск, 2008. 440 с.
4. Ключев И. Предстоящие задачи Министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. 1919. №1. С.23-84.
5. ГАНО.Ф. Д-97. Оп.1. Д.284.

ПАРЛАМЕНТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК ФОРМА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Пашковский П. И.

Доктор политических наук,

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
доцент кафедры политических наук и международных отношений
E-mail: petr.pash@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается происхождение и интерпретация парламентской дипломатии как формы внешнеполитической деятельности государства. Охарактеризованы особенности появления, введения в научный оборот и содержания понятия «парламентская дипломатия». Показаны противоречия, связанные с трактовками дефиниций, определением роли и механизмов данной формы внешнеполитической деятельности. Обоснована её актуальность в современных условиях. Выявлены особенности, касающиеся амбивалентности парламентской дипломатии. Раскрыта специфика её латентного проявления. Обозначено соотношение парламентской дипломатии с «дипломатией конференций», народной и профессиональной дипломатией. Отмечено противоречие касательно вероятности несовпадения данной формы внешнеполитической деятельности с официальной позицией государства. Показано, что при наличии дискуссионных вопросов относительно интерпретации парламентской дипломатии в настоящее время значительно изменяется понимание её сущности и роли.

Ключевые слова: парламентская дипломатия, внешняя политика, внешнеполитический механизм, международные отношения, народная дипломатия, публичная дипломатия.

PARLIAMENTARY DIPLOMACY AS A FORM OF FOREIGN POLICY ACTIVITY OF THE STATE

Pashkovsky P. I.

*PhD, Doctor in Political Science,
V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Associate Professor of the Department
of Political Science and International Relations
E-mail: petr.pash@yandex.ru*

Abstract. The article considers the origin and interpretation of parliamentary diplomacy as a form of foreign policy activity of the state. The period of appearance, introductions into scientific circulation, as well as the content of the concept of «parliamentary diplomacy» have been characterized. The contradictions that are associated with the interpretation of definitions, the identification of the role and mechanisms of this form of foreign policy activity have been shown. Its relevance in modern conditions has been substantiated. Features relating to the ambivalence of parliamentary diplomacy have been identified. The specificity of its latent manifestation has been revealed. The correlation of parliamentary diplomacy with «diplomacy of conferences», public and professional diplomacy has been indicated. A contradiction regarding the likelihood of this form of foreign policy activity not coinciding with the official position of the state has been noted. It is shown that in the presence of debatable

questions regarding the interpretation of parliamentary diplomacy, the understanding of its essence and role is currently changing significantly.

Keywords: *parliamentary diplomacy, foreign policy, foreign policy mechanism, international relations, people's diplomacy, public diplomacy.*

Резкое увеличение международной напряжённости в контексте обострения конфликта России и коллективного Запада, акцентирующего политику её изоляции и сдерживания, ускорили трансформацию миропорядка в сторону оформления полицентричности. В условиях проблематичности официальных внешнеполитических контактов между государствами, находящимися в состоянии конфронтации, перспективным направлением международного взаимодействия представляется парламентская дипломатия [1; 2]. Несмотря на обилие тематических публикаций, в отечественном и зарубежном дискурсе сегодня отсутствует чёткость в интерпретации термина «парламентская дипломатия» и его составляющих, что затрудняет понимание сущности, проблем и возможностей данной формы внешнеполитической деятельности.

Термин «парламентская дипломатия» был введён в научный оборот в 1955 г. американским государственным деятелем Д. Раском, видевшим её главной задачей улучшение взаимопонимания между государствами, усиление контроля над правительством, усовершенствование представительства своего народа и повышение демократической легитимности межправительственных институтов [3]. В научно-категориальный аппарат термин «парламентская дипломатия» был включен в 1956 г. благодаря американскому учёному и юристу Ф. Джессалу, который выделил следующие черты данного явления: создание постоянно действующего органа или организации, в чью компетенцию входит широкий круг вопросов; публичный характер встреч и сессий, проводимых такими органами, учитывая привлечение СМИ, представляющих интересы общественности; такой орган должен иметь фиксированный регламент работы и порядка проведения сессий, который необходимо соблюдать всем его членам; по итогам сессии подобного органа путём голосования всех его участников принимается совместный документ (резолюция) [4, с. 56].

Что касается методов и средств данной деятельности, то, по мнению российской исследовательницы М. В. Варлен, «в своем первоначальном виде парламентская дипломатия создавалась как инструмент классической дипломатии, форма парламентского участия в межправительственных отношениях» [4, с. 56]. При этом отечественные специалисты указывают на проявления амбивалентности парламентской дипломатии. С одной стороны, парламент практически во всех странах отстранён от принятия внешнеполитических решений и воздействует на внешнеполитический процесс косвенными методами. Учитывая отсутствие жёстких обязательств высказываться исключительно в русле официальной позиции, парламентарии преимущественно (или относительно) свободны в выражении собственного мнения. С другой стороны, парламентарии

являются законными представителями народа (или его части), тесно взаимодействуя с правительственными каналами, что подразумевает определённые ограничения и обязательства [5, с. 19, 26].

Поскольку парламентские каналы во внешнеполитическом процессе могут выступать альтернативной официальным, возникают обсуждения роли «дипломатии конференций». Ещё в 1965 г. американский специалист К. Томсон писал, что парламентская дипломатия вышла за рамки «дипломатии конференций» [6]. В дальнейшем наблюдается расширение сферы действия парламентской дипломатии и обозначение её специализированных направлений. Греческий учёный С. Ставридис отмечал, что парламентскую дипломатию следует отличать от традиционных форм межпарламентских контактов, т. к. она использует новые методы и, поэтому, должна развиваться и рассматриваться с помощью новых подходов [7]. В этом плане парламентская дипломатия понимается как новая ступень взаимодействия между парламентами или парламентариями. Российская исследовательница Е. В. Кондрашова считает основным признаком, отличающим парламентскую дипломатию от других форм взаимодействия парламента с иностранными и международными акторами, наличие активных действий, «проявляемых парламентариями с целью урегулирования существующих конфликтов или достижения новых уровней контактов» [5, с. 23].

Многочисленные дискуссионные вопросы относительно роли и механизмов парламентской дипломатии обусловили отсутствие общепринятого определения данного термина. Так, российский государственный деятель и учёный К. И. Косачев указывал: «Под парламентской дипломатией можно понимать совокупность международных действий парламента, групп в его составе и отдельных парламентариев в целях выполнения своих конституционных полномочий по законодательному обеспечению внешнеполитического курса страны и выполнения её международных обязательств». Эта деятельность, «осуществляемая выборными представителями народа, является важным ресурсом всей внешнеполитической работы, в особенности в сфере публичной дипломатии» [8, с. 26, 27]. Несколько отличающуюся от приведённой дефиницию этого термина предлагает Е. В. Кондрашова: «... парламентская дипломатия – это совокупность активных действий парламента, групп в его составе или отдельных парламентариев для достижения целей внешней политики и реализации гуманитарных установок» [5, с. 24]. Данное определение представляется более функциональным в плане характеристики этого явления.

С учётом наличия спорных вопросов относительно определения парламентской дипломатии, единство исследователей проявляется в констатации того, что в современных условиях, как в конкретных государствах, так и на площадках международных форматов, существенно изменяется понимание её сущности и роли. В контексте расширения интеграционных практик на первый план межпарламентского сотрудничества выходит идея народного представительства и

представительская функция парламента. Поэтому парламентская дипломатия всё чаще рассматривается как направление внешней политики, которое формируется на пересечении народной и профессиональной дипломатии [9, с. 203].

Ещё одной стороной парламентской дипломатии является взаимодействие отдельных парламентариев и / или их групп с представителями посольств иностранных государств. Так, новоназначенный посол может наносить визиты вежливости спикерам обеих палат парламента и руководителям комитетам по иностранным делам. Эти визиты могут иметь не только протокольный характер, подразумевая постановку рабочих вопросов межпарламентских отношений. Дипломаты более низкого звена могут наносить визиты тем парламентариям, с которыми у их предшественников складывались положительные, систематические контакты. Спикеры палат могут знакомить послов с другими членами парламента, с руководителями внешнеполитических комитетов, давая советы относительно организации ознакомления членов парламента с материалами посольства. Руководители внешнеполитических комитетов парламента могут приглашаться послом для участия в какой-либо дискуссии, организуемой в посольстве и, наоборот, послы, по приглашению руководителей таких комитетов, могут выступить и ответить на вопросы по ранее согласованной теме. Контакты с парламентариями, беседы и переговоры могут способствовать разрешению трудных вопросов. При этом следует учитывать, что в отдельных случаях парламента и / или конкретные парламентарии, уделяя внимание тем или иным внешнеполитическим вопросам, могут отстаивать точку зрения, противоположную позиции исполнительной власти. Дипломаты могут посещать заседания парламента и общаться в кулуарах с его членами. Значение для взаимодействия государств на международной арене может иметь посещение послом парламентских сессий, когда обсуждаются вопросы экономики, внешних связей, выступают премьер-министр, министр иностранных дел или министр экономики [10, с. 179–181].

Итак, парламентская дипломатия представляется формой участия высших представительных органов во внешней политике, которой свойственна определённая амбивалентность. В современных условиях парламентская дипломатия обретает особое значение, открывая для умело использующего её механизмы государства возможности расширения его гуманитарного присутствия в зарубежных странах, формирования позитивного имиджа на международной арене, а также, в обстоятельствах конфронтации, создания «дипломатической почвы» для ведения плодотворных переговоров на официальном уровне. Латентным проявлением парламентской дипломатии является взаимодействие парламентских институтов или отдельных парламентариев с дипломатами разного ранга, представителями иностранных посольств, представительных органов и исполнительной власти в виде формальных и неформальных контактов. Однако при всей значимости данное направление

внешнеполитической деятельности может не отражать официальную линию государства и являться личной или узкогрупповой инициативой, имея опосредованное отношение к функционированию государственного внешнеполитического механизма.

Список литературы

1. Пашковский П.И. Особенности участия парламентов во внешней политике: проблемные теоретические аспекты исследования // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2020. Т. 6 (72). № 2. С. 103–115.
2. Пашковский П.И. Парламентские институты во внешнеполитическом механизме Российской Федерации: проблемы и противоречия в реализации полномочий // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2018. Т. 4 (70). № 2. С. 94–106.
3. Rusk D. Parliamentary Diplomacy – Debate vs. Negotiation // World Affairs Interpreter. 1955. Vol. 26. № 2. P. 121–138.
4. Варлен М.В. О возрастающей роли парламентской дипломатии в многополярном мире // Lex russica (Русский закон). 2019. № 7 (152). С. 54–65.
5. Кондрашова Е.В. Эволюция парламентаризма в контексте внешнеполитической деятельности России: Дис. ... канд. полит. наук. М., 2008. 169 с.
6. Tomson K.W. The New Diplomacy and the Quest for Peace // International Organization. Summer 1965. Vol. 19. № 3. P. 394–409.
7. Stavridis S. Conclusions: Parliamentary Diplomacy as a Global Phenomenon // Parliamentary Diplomacy in European and Global Governance. 2017. Vol. 13. P. 368–387.
8. Косачев К.И. Парламентская дипломатия в многополярном мире // Диалог: политика, право, экономика. 2017. № 1 (4). С. 26–31.
9. Косов Ю.В., Торопыгин А. В. Содружество Независимых Государств: Интеграция, парламентская дипломатия и конфликты. М.: Аспект Пресс, 2012. 295 с.
10. Попов В.И. Современная дипломатия: теория и практика. Дипломатия – наука и искусство: Курс лекций. 2-е изд., доп. М.: Международные отношения, 2017. 576 с.

МАНИПУЛЯЦИЯ МАССОВЫМ СОЗНАНИЕМ МОЛОДЕЖИ КАК ИНСТРУМЕНТ НОВЫХ ПОЛИТТЕХНОЛОГИЙ (НА ПРИМЕРЕ УКРАИНЫ)

Перевозчикова К. С.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
студент*

E-mail: criswatson@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются способы манипулятивного воздействия на массовое сознание украинской молодежи в контексте инструментария новых политтехнологий, используемых странами Запада и особенно преуспевшими в данных сферах США. Особое внимание уделяется темам пропаганды западных демократий, становлению образа государства, работе украинских СМИ, институту украинского образования, превратившемуся за относительно короткий период в инструмент фальсификации истории, а также президенту, имеющему достаточный процент доверия среди граждан и не имеющему конкретных специализированных представлений о мировой политической арене.

Ключевые слова: массовое сознание, манипуляции, политтехнологии, Украина, молодежь.

MANIPULATION OF MASS CONSCIOUSNESS OF YOUTH AS A TOOL OF NEW POLITICAL TECHNOLOGIES (ON THE EXAMPLE OF UKRAINE)

Perevozchikova K. S.

*V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Institute «Taurida Academy»,
Student*

E-mail: criswatson@mail.ru

Abstract. The article examines the ways of manipulative influence on the mass consciousness of Ukrainian youth in the context of the tools of new political technologies used by Western countries and especially by the USA, which have succeeded in these areas. Particular attention is paid to the topics of propaganda of Western democracies, the formation of the image of the state, the work of the Ukrainian media, the institute of Ukrainian education, which has turned into a tool for falsifying history in a relatively short time period, as well as the president, who has a sufficient percentage of trust among citizens and who does not have specific specialized ideas about the world political arena.

Keywords: mass consciousness, manipulation, political technologies, Ukraine, youth.

В последнее время мировую политическую арену сотрясает множество новых для нас всех событий: новые стратегии, новые технологии, новые системы международных отношений и новый мировой порядок. В данном контексте особо актуальной становится проблема появления новых политехнологий, в которых весьма преуспевают США. Это неоднократно подтверждается историческим опытом, однако в связи с кризисом российско-украинских отношений, научное сообщество не может не обратить внимание на то, каким образом была перестроена на западный лад, непосредственно граничащая с Россией, Украина, которая не так давно являлась одним из наших важнейших партнеров с невероятным экономическим потенциалом. Но главное, мы все помним времена, когда русские и украинцы считали друг друга братскими народами, сейчас же ситуация кардинально изменилась.

Политтехнологии, как и политическая наука в целом, прошли не малый путь своего становления и развития, они продолжают обновляться и совершенствоваться, что также прослеживается и на наглядном примере Украины. Если немного углубиться в украинский вопрос, то мы можем наблюдать неутешительную картину: начиная с 1992-го года США и страны Запада взяли за проведение достаточно мощной и долгой по времени кампании, результат которой – дистанцирование граждан Украины от русского мира и российских ценностей на неопределенный период. Это была не просто реклама западных демократий при помощи уже известной политическому и научному сообществу, «мягкой силы», нет, американские спецслужбы пошли куда дальше. Манипуляция общественным сознанием в их ловких махинациях стала настоящим оружием массового поражения тонкой душевной организации украинской молодежи в невероятных масштабах.

Сам процесс манипулирования весьма прост и близок к западным ценностям. Нужно всего лишь вселить в объект уверенность в том, что он сам хочет совершить выгодное манипулятору действие. Однако когда речь идет о массовом сознании, перед манипуляторами стоит куда более сложная задача. Массовое сознание представляет собой объединяющий фактор для общественных ценностей, идеологической подоплеки этой же группы людей и источником их общих оценок, установок и взглядов [1]. Безусловно, государство будет стараться культивировать выгодные для контроля масс ценности, и, как правило, манипулирование распространяется на три сферы: идеологическую, экономическую и социальную, это соответственно, пропаганда, реклама и воспитание. Украинская молодежь находится в вакууме из-за воздействия насаждаемой Западом политики одновременно со всех сторон.

Во-первых, сюда относится процесс манипулятивной «демократизации» Украины, а именно «Цветные революции», подъем украинского национализма, государственные перевороты, и множество других событий, последствия которых внесли совершенно иной оттенок в восприятие украинской молодежью русского мира. «Оранжевая революция» дала

Украине определенный толчок к скорому поиску новой, простой для внедрения идеологии. В целом, многие ученые сходятся во мнениях о том, что «Цветные революции» являются признаком кризиса политической системы, а также идеологического строя. В данном контексте, идеология украинского национализма, опирающаяся, в первую очередь, на радикальную украинизацию всех сфер жизнедеятельности граждан, стала весьма «удобной». Возвращаясь к теме манипуляций массовым сознанием, хотелось бы отметить такой феномен как миф. Скорости и легкости внедрения мифов способствует то, что они основаны на предельно простых конструкциях, основой которых являются речевые клише и контрастные понятия. Идеология украинского национализма как раз-таки базируется на подобных мифах: «свой» и «чужой», «украинец» и «москаль»; предельно простой и древнейший принцип: «либо с нами, либо против нас», взывающий к массе, как к закрытой общности, чьи участники на подсознательном уровне теряют связь со своей индивидуальностью и критическим мышлением из-за вседозволенности поведенческих аспектов, недоступных отдельно взятому человеку, но доступных массе. Контролировать такую массу напрямую представляется достаточно сложно, однако не в том случае, если база определенных знаков, символов, слов и понятий была уже заложена в их культурно-нравственный код. Собственно, в этом и был секрет успеха «Оранжевой революции» и госпереворота 2014-го года.

Во-вторых, немалую роль сыграла политтехнологическая стратегия формирования позитивного образа государства в глазах украинской молодежи. Здесь речь скорее именно о вбитом в головы юных граждан мифе украинской «незалежности», плавно перетекающем в ценностную установку. Рассматривая Украину в качестве государства, не стоит забывать о том, что ту самую долю «государственности» им даровала Россия. Рассматривая историческую компоненту, отметим, что процесс становления Украины происходил по инициативе большевиков примерно в 1920-х, однако отправной точкой для осуществления идентификации людьми себя, как «украинцев», стала Вторая Мировая война. Но и здесь многое покрыто мраком: кто-то сражался с фашизмом, гордо принимая звание гражданина Советского Союза, другие же примкнули к захватчикам и, поддерживая фашистско-нацистские веянья, а также отрицая все советское, называли себя украинскими националистами. Если же обратить внимание на культурную составляющую, то очень примечательным примером будет факт из еще более раннего времени, а именно, то, как русские общественные деятели XIX-го века, поэт, учитель русской словесности царской семьи Василий Жуковский и великий русский художник Карл Брюллов, купили «вольную» знаменитому украинскому поэту, ставшему символом украинской культуры, Тарасу Шевченко; об этом, к слову, на Украине совсем позабыли. Но вопреки тому, чтобы поддерживать «теплые», дружественные связи с братским народом, во многом помогавшем украинцам обрести независимость, можно наблюдать лишь разросшийся до невероятных

масштабов конфликт, спровоцированный странами Запада, непосредственно при помощи длительного воздействия на массовое сознание украинцев.

В-третьих, превращение института образования в инструмент манипуляции сознанием украинской молодежи. О том, какую огромную роль играет образование в формировании новых граждан украинского государства, написано немало исследовательских работ. Нет более легкого способа аккуратно навязать нужные идеи или же пропагандировать какую-либо идеологию среди молодежи, чем внедрить определенные аспекты взятого политического курса в образовательные программы школ и университетов. Особое внимание стоит обратить на то, что в украинских учебниках полностью переписана история создания СССР и Вторая Мировая война. Темы, связанные с большевиками, преподносятся, как что-то чуждое, российское, насильственно насажденное. Эти же большевики, коллективизация и суть объединения стран в Советский Союз, основываясь на излагаемом украинскими авторами материале, будут вызывать отнюдь не приятные ассоциации, следовательно, любое действие России, как инициатора данного объединения, на международной арене будет рассматриваться грядущими поколениями украинцев, как проявление агрессии.

В учебниках собраны всевозможные мифы о сталинских репрессиях и ужасах тоталитарного режима. К слову, коммунизм приравнивается к фашизму (что запрещено российским законодательством). Присутствуют наводящие вопросы в практических заданиях после параграфов, которые с помощью манипуляций буквально заставляют ассоциировать коммунизм с фашизмом. Что же касательно советско-германских договоренностей, точки зрения украинских авторов расходятся не только с российским учебником, но и между собой. Каждый автор описывает предпосылки, цели и в целом пакт Риббентропа-Молотова по-своему. Но общая черта, присущая всем украинским авторам – это наличие большого количества карикатур с Гитлером и Сталиным, которыми сопровождается повествование. ООН и УПА, будучи коллаборационистами, выступают, наоборот, в роли героев, действующих исключительно с целью освобождения Украины от вечного «гнета» со стороны советского правительства. Это не может не повлиять на формирование определенных принципов и стереотипов у будущих граждан данного государства. К тому же мы уже можем наблюдать резкий подъем уровня украинского национализма среди молодежи. Война называется в целом не Великой Отечественной, а «советско-немецкой». Все действия советского руководства и стратегия Сталина описываются, мягко говоря, не в лучшем свете. День Победы 9 мая вообще не фигурирует – украинские авторы пишут лишь о 8-м мая и то, не как о празднике, а как о дне скорби по погибшим, в контексте подписания фашистской Германией капитуляции. Многие украинские авторы преувеличивают роль помощи со стороны США и ленд-лиза, который, бесспорно, имел место, но не в таких гиперболизированных масштабах. Впрочем, это лишь дает очередной повод

предположить, что Украина в будущем будет положительно расположена к сотрудничеству с Америкой и странами Запада, соответственно.

В-четвертых, роль СМИ в современном мире возросла и это также нельзя упускать из виду. Верно подмечено: «...основные геополитические успехи стран мира сегодня определяются не их военной или экономической мощью, а, прежде всего информационной мощью и установлением контроля над основными информационными, культурными и творческими процессами в мире» [2, с. 29]. То, что украинские СМИ начали использовать как способ политтехнологической корректировки массового сознания в условиях политико-коммуникативного пространства, неоспоримый факт. Безусловно, украинские СМИ прошли определенный путь развития от советских технологий распространения информации до периода правления В.А. Зеленского, когда независимых СМИ практически не осталось, все, кто критиковал нынешнего президента Украины, были политкорректно отстранены от деятельности в информационном пространстве. Однако из-за многочисленного потока информации из других источников создается ощущение плюрализма мнений и «демократии», понимание которой в наши беспокойные времена теперь совершенно иное. Надо подчеркнуть, вышеперечисленное также относится к технологиям манипуляций массовым сознанием.

В-пятых, президент Украины стал частью манипулятивного механизма масштабных политтехнологий, что отчетливо прослеживается на примере Владимира Зеленского. «В XXI веке меняется трактовка самого феномена лидерства в политике; с возрастающей ролью средств массовой информации непосредственное влияние личности лидера отходит на второй план, теперь важнее дистанционное лидерство» [3], – в котором весьма преуспел нынешний президент Украины Владимир Александрович Зеленский. То, что Зеленский отличный шоумен, хорошо известно: он обладает природным обаянием, богатым опытом выступлений на публику, умеет привлечь внимание аудитории, наделен высоким эмоциональным интеллектом, что делает его отличным манипулятором. Безусловно, он пользуется доверием украинской молодежи, поскольку и предвыборная кампания его была проведена более чем грамотно. Он создал себе образ «народного героя», за которым скрывается его неумение работать в одиночку, нерешительность, избегание слишком большой ответственности, что недопустимо для человека, занимающего должность президента государства. Однако тот факт, что граждане ему слепо верят, лишь еще раз подтверждает наличие длительного манипулятивного воздействия на массовое сознание граждан Украины, в том числе и молодежи.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что массовое сознание в реалиях современного мира стало объектом внедрения нужного политического курса. Современное общество, в частности молодежь, не умеет сопротивляться массивному воздействию на эмоциональный и человеческий фактор, а потому чаще всего становится жертвой манипуляции, а также движущей силой государственных переворотов.

Новые политтехнологии базируются на долгосрочных программах по установке американских «демократизированных» систем ценностей при помощи манипулирования массовым сознанием, противостоять которым представляется достаточно сложно в силу того, что внедрение этих самых программ происходит через такие компоненты политического влияния, как СМИ, образование и даже президента, что мы можем наблюдать на наглядном примере Украины.

Список литературы

1. Экология человека. Понятийно-терминологический словарь. Ростов-на-Дону, 2005. - URL: <http://bio.niv.ru/-doc/dictionary/human-ecology/index.htm>
2. Глепбергенова А.А. Страновой имидж: учебное пособие для студентов бакалавриата университетов, обучающихся по специальностям «Журналистика», «Связь с общественностью». – Алматы: Қазақ университеті, 2011. – 78 с.
3. Данилова А.С. Специфика образа президента как особого вида политического лидера // Молодой ученый. – 2018. – № 51 (237). – С. 178-180.

КОНЦЕПТ «ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ В АГЛОМЕРАЦИЯХ»

Попова О.В.

Доктор политических наук

*Санкт-Петербургский государственный университет, профессор,
заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований*

E-mail: pov_64@mail.ru o.popova@spbu.ru

Аннотация. В докладе представлены особенности трактовки категорий «политика идентичности» и «агломерация». Обсуждаются вопросы проблемы корректности анализа феномена агломераций за рамками только экономического ракурса и целесообразности исследования феномена политики идентичности в агломерациях в целом. Выделяются уровни анализа агломераций с центром в мегаполисах. Автор акцентирует внимание на особенностях и рисках осуществления политики идентичности агломераций с центрами в мегаполисах.

Ключевые слова: *идентичность, агломерация, мегаполис как центр агломерации, политика идентичности.*

CONCEPT «IDENTITY POLICY IN AGGLOMERATIONS»

Popova O.V.

Doctor of Political Science

*St. Petersburg State University, Professor, Head of the Department of
Political Institutions and Applied Political Researches*

E-mail: pov_64@mail.ru o.popova@spbu.ru

Abstract. *The report presents the interpretative features of the scientific categories "identity politics" and "agglomeration". There are discussed correctness of the analysis of the agglomeration's phenomenon beyond the framework only an economic perspective and the expediency of studying the phenomenon of identity politics in agglomerations as a whole. There are five levels in analysis of agglomerations centered in metropolitan areas. The author emphasizes the features and risks of implementing the identity policy of agglomerations with centers in megacities.*

Keywords: *identity, agglomeration, metropolis as the center of agglomeration, identity policy.*

Доклад подготовлен в рамках реализации гранта РФФ № 23-28-00933 «Политика идентичности в российских агломерациях в контексте международного опыта».

Значимость исследования феномена политики идентичности в современных агломерациях, оценка ее результативности, поиск наиболее эффективных механизмов и способов построения и реализации определяется системными запросами современной организации жизнедеятельности общества и влияния на него национального государства. Тема политики идентичности носит фундаментальный и междисциплинарный характер, связанный с публичным управлением, программами регионального развития, политическим сознанием и поведением населения.

В отечественной науке категория «политика идентичности» чаще всего выступает в качестве термина, синонимичного процессам конструирования конкретной модели идентичности в интересах определенных политических акторов. По мнению И.С. Семененко, политика идентичности соотносится с политическим курсом и является «совокупностью ценностных ориентиров, практик и инструментов формирования и поддержания национальной, гражданской и других форм макрополитической идентичности» [1, с. 647-654]. Политика идентичности определяется О. Ю. Малиновой как составная часть символической политики: это деятельность политических акторов, которая осуществляется с целью продвижения «определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих» [2, с. 5-28]. Таким образом, результат политики идентичности — усвоение человеком определённых стереотипов, ориентаций, паттернов восприятия, которые

транслируются элитой. Под «политикой идентичности» мы понимаем программу действий политических элит, заинтересованных в формировании определенного типа территориальной идентичности населения на основе взаимодействия с активной частью социума, что, безусловно, способствуют снижению рисков социальной и политической напряженности.

В качестве видов территориальной идентичности обычно называют надгосударственную, региональную, городскую, локальную; в последние годы наметился тренд обсуждения такого феномена, как агломерационная идентичность. В зарубежных исследованиях достаточно часто используют «размытые» понятия территориальной идентичности. Хотя в 1992 г. М. Лалли [3] для изучения феномена городской идентичности ввел в свое время термин «urban related identity» («связанная с городом идентичность»), но часто используется термин Анхольта «place identity» («идентичность места») [4], тем самым размывая понятие уровня территориальной идентичности. Итальянская исследовательница Т. Банини использует понятие «активная территориальность» (“active territoriality”) [5, p. 18]. Она определяет данный феномен как основную цель формирования территориальной идентичности, ее имплементацию, выраженную в осознании общих ценностей сообщества как жизненно необходимых факторов воспроизводства индивидуальной и общественной жизни наравне с биологическими и культурными составляющими жизни индивида и социума.

В настоящее время в России, где свыше 70% населения проживает в городах и других типах поселений городского типа, насчитывается свыше 120 сформировавшихся или находящихся в процессе формирования агломераций. Особый интерес для анализа представляют агломерации с мегаполисами в качестве образующего данное территориальное сообщество ядра. Согласно данным переписи населения 2021 г., под эти параметры в нашей стране подпадают 16 агломераций с центрами в Москве, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Екатеринбурге, Казани, Нижнем Новгороде, Челябинске, Самаре, Омске, Ростове-на-Дону, Уфе, Красноярске, Воронеже, Краснодаре, Перми, Волгограде. В Российской Федерации концепция развития территорий по сетевому принципу с центрами в агломерациях формируется в начале 2010-х годов.

Говоря об эффективности деятельности органов власти как основного актора политики идентичности, необходимо учитывать общественное мнение населения агломерации, поскольку в последние годы наблюдается тренд к усилению критики деятельности властей. Среди причин фрагментарности и отсутствия полноценной стратегии в этой сфере следует учесть недооцененность значимости формирования устойчивой территориальной идентичности политическими игроками. Преградой выступает дефицит доверия граждан к органам власти, который впоследствии мешает процессам вовлечения жителей в инициативы, продвигаемые «сверху».

Архитектурно-историческая символическая компонента политики идентичности исключительно значима для населения, однако эмоциональный отклик вызывают не только проблемы сохранения исторического наследия, но

и благоустройства новых районов, а также инфраструктурные изменения. При оценке матрицы территориальной идентичности жителей агломерации необходимо учитывать значение локальной, городской и региональной идентичностей, а также наличие межпоколенческих расколов в отношении к этим установкам. Эффективная политика идентичности не может носить директивный, односторонний характер. Необходимость вовлечения граждан в повестку дня территории проживания и формирование устойчивых, доверительных, партнерски равных отношений между обществом и властью становится базовым условием для успешной реализации политики идентичности.

Агломерация — совокупность скопления населенных пунктов городского и сельского типов, объединенная хозяйственно-трудовыми и культурно-социальными связями. Мегалополис, в свою очередь, является не только сложной системой концентрации людей и промышленных ресурсов, но и сочетает в себе такие процессы, как внедрение инноваций, диверсификацию деятельности, развитие качества и увеличение объема предоставляемых услуг. Он занимает политически и экономически стратегически выгодное положение, становится местом формирования научных центров. Все это является драйверами конкурентоспособности, поддерживает рост занятости и увеличение доходов жителей мегалополиса, который представляет собой сложную комплексную динамическую систему, чьи пространственно-культурные границы не совпадают с административными.

Важно учитывать функциональные возможности городов такого типа. Во-первых, мегалополис реализует функцию территориальной интеграции (речь идет об административных центрах); во-вторых, является центром принятия политико-административных решений; в-третьих, выступает хабом, где пересекаются пути сообщения и информационные потоки.

По мнению М. Кастельса, информационное общество и новый тип глобальной экономики имеют специфическую пространственную форму — мегалополисы как центры притяжения территориальных сообществ. И не размер выступает определяющей чертой данного феномена, а то, что именно мегалополисы становятся узлами мировой экономики и местами концентрации производственных, управленческо-административных функций глобального масштаба. Они обладают свойствами контроля СМИ, реальной политической силой и символической возможностью генерировать и транслировать ключевые сообщения. М. Кастельс рассматривает мегалополисы как особый тип информационных городов, который определяет глобальную систему потоков инноваций, капиталов, информации, людей, символов и товаров.

Мегалополисы как центры агломераций доминируют по доступу ко всем информационным ресурсам, а также по степени оснащенности техническими средствами коммуникации. Высоконасыщенная медиасреда опосредовано изменяет образ жизни и социальные практики включенных в нее индивидов, становясь фактором общественных трансформаций — модернизации, вестернизации, глобализации и массовизации.

Понятие «медиаполис», использованное впервые в работах британского

исследователя Р. Силверстоуна в 2007 г., трактуется как своеобразная нематериальная среда обитания человека и социума в целом, которая создается массовой медийной коммуникацией и лишена пространственной определенности. Перегруженность информационного поля мегаполисов ведет к тому, что массовое сознание их населения обладает более высоким уровнем критичности в процессе восприятия и анализа информации, что продиктовано необходимостью рутинного использования механизмов фильтрации контента в условиях информационного перенасыщения. Специфическая информационно-коммуникативная среда также оказывает влияние на процессы формирования политической культуры жителей мегаполисов. Выделяются три характеристики такого типа политической культуры: активное распространение поливариантных ценностей среди населения; высокий потенциал воздействия социальных институтов на приобщение индивидов к «мегаполисной» политической культуре; расширение возможностей консолидации населения и форм политического участия.

Ценностные ориентации жителей мегаполиса как центра агломерации являются значимыми драйверами территориального развития. К ним относятся индивидуализм, рациональность и свобода выбора. Жители центров агломераций демонстрируют более широкую вариативность установок политического сознания (либеральные, социал-демократические, консервативные и т.д.), чем жители небольших городов или сельских поселений.

Учитывая это, глобальные города как центры агломераций при определенных обстоятельствах могут рассматриваться как угроза национально-государственной идентичности. Есть риски формирования «государства в государстве», так как благодаря активной иммиграции в мегаполисах формируется особый стиль жизни, специфическое самосознание жителей, характеризующееся оторванностью от традиций прошлого. В идентификационной матрице европейцев уже произошло смещение от национально-государственной идентичности к принадлежности к городскому сообществу. Например, житель Лондона скорее опишет себя как лондонца, чем как англичанина.

Являясь важными игроками экономической жизни государства, мегаполисы как центры агломераций выходят за пределы хозяйственно-административной деятельности и обретают все больший символический и политический вес. На данный момент, вопросы противостояния городов-гигантов и государств не являются актуальными, однако существует ряд предпосылок к возникновению подобных проблем в ближайшем будущем. Как писал еще почти 100 лет назад Р. Парк, в крупнейших городах высвобождается максимум человеческой энергии, открываются возможности для исследования цивилизационного процесса в микроскопическом приближении.

Поскольку политика идентичности определяется властными структурами, то основной повесткой дня в политике идентичности агломераций могут стать локальные проблемы конкретных территорий, в

частности, социально-экономические и экологические проблемы, экономические и политические последствия политики «открытых дверей» для трудовых мигрантов из других государств, эффектов плотного сосредоточения в мегаполисах и агломерациях представителей значительного числа этнических групп, что в отсутствие четко проводимой работы с этими категориями может увеличивать риски конфликтов. В контексте изменения ряда законодательных документов в России в 2021 г. формулировка этой проблемы в большей степени должна быть связана с темой эффективности функционирования «этажей» публичного управления.

Специфика агломерации, центром которой является мегаполис, проявляется на нескольких уровнях: а) планетарном, формирующем сетевую структуру агломераций; б) макрорегиональном, формирующем макрорегиональные агломерационные системы; в) национальном агломерационном «коридоре», обеспечивающем баланс интересов государства и региона во внутренней и внешней политике, проявляющемся в зоне престижа и политической коммуникации; г) региональной агломерации, обеспечивающем распределение ресурсов всех типов; д) социально-административном центре, выполняющем функции ворот в глобальный мир, но при этом для функционирования которого исключительно важна внутренняя структура агломерации (муниципалитеты, районы), проблемы внутреннего развития территории, место жизни, учебы, работы, досуга.

Каждый из этих уровней соотносим с определенными типами территориальной идентичности (от макроидентичности до локальной идентичности, включая государственную, региональную и городскую) и политики идентичности. Глобальные города в этом контексте выполняют функции центров дипломатической активности, науки и образования, культуры, всех видов коммуникации, включая политическую. Агломерации как «ворота в мир» характеризуются высоким уровнем деловой активности, человеческого, информационного, культурного, инвестиционного капитала, значительным политическим весом, инновационным потенциалом.

Основной проблемой проведения политики идентичности в агломерациях является ее двойственный характер. Конструирование идентичности, с одной стороны, призвано способствовать объединению различных групп или встраиванию региональной идентичности в национальную, но, с другой стороны, может стать катализатором сепаратистских настроений. В центре политики идентичности всегда находится нарратив различия. Как писал в свое время знаменитый российский философ М.М. Бахтин, для целостного познания всегда необходим «Другой», поскольку само бытие человека есть постоянный, непрерывный диалог с «Другим» [6]. Наряду с проблемами событийного позиционирования или стратегического брендинга агломерации в политике идентичности необходимо встраивание системы равноправного взаимодействия и открытого публичного диалога между рядовыми жителями, представителями гражданского общества и властью.

Сама логика повсеместного формирования агломераций в современных

государствах подталкивает исследователей к признанию этого типа территориальных объединений как полноценного объекта исследований.

Список литературы

1. Семененко И.С. Политика идентичности // Идентичность: Личность, общество, политика / Под ред. И.С. Семененко. М.: Весь мир, 2017. С. 647–654.
2. Малинова О.Ю. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2010. № 1. С. 5–28.
3. Lalli M. Urban-related identity: Theory, measurement and empirical findings // Journal of Environmental Psychology. 1992. Vol. 12. P. 285–303.
4. Anholt S. Place branding: Is it marketing, or isn't it? // Place Branding and Public Diplomacy. 2008. Vol. 4. No 1. P. 1–6.
5. Banini T. Proposing a theoretical framework for local territorial identities: concepts, questions and pitfalls // Territorial Identity and Development. 2017. Vol. 2. No. 2. P. 16–23.
6. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М.М. Сочинения в 7 т. Т.1. М., 2003. С. 69–264.

ПОВТОР И ИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ

Преденна М. Ю.

кандидат философских наук

E-mail: m.y.predeina@gmail.com

***Аннотация.** Историки культуры, науки истории и капитализма (каждый в своих терминах) описывают изменения в течении времени истории: если воспользоваться языком историков, время истории становится «расширенным настоящим», вбирающим в себя прошлое (прошлое как настоящее) и будущее (будущее как настоящее). Не есть ли «расширенное настоящее» формой осознания (в терминах науки истории) того времени, которое образуют повторы, следующие один после другого? – Данная статья вводит или актуализирует ещё один термин: повтор. – Методологически я отталкиваюсь от соображений Карла Маркса о связи между выходящим за свои пределы капиталом и осознанием истории как процесса, сейчас бы сказали: современной истории, и соображений Фредрика Джеймисона о связи «постмодернизма» и «культурной логики позднего капитализма». Мой интерес заключается в том, чтобы восполнить пробел между просто логикой «позднего капитализма» и его культурной логикой, а также показать, что в самой современной истории (в логике старого-доброего капитала, описанного Марксом) заложена возможность смещения*

траектории исторического времени, образно выражаясь, от прямой к кругу. {Если предел (капитал как таковой) не будет преодолен.}

Ключевые слова: время истории, субъект истории, современная история, капитализм, «расширенное настоящее», повтор

REPEAT AND HISTORICAL TIME

Predeina M. Yu.,

Candidate of Philosophical Sciences

E-mail: m.y.predeina@gmail.com

Abstract. *Historians of culture, the science of history, and capitalism (each in their own terms) describe changes in the course of time in history: to use the language of historians, the time of history becomes an "expanded present", incorporating the past (past as present) and future (future as present). Isn't the "expanded present" a form of awareness (in terms of the science of history) of that time, which is formed by repetitions following one after the other? This article introduces or updates another term: repetition. Methodologically, I start from Karl Marx's considerations about the connection between capital that goes beyond its limits and the awareness of history as a process, now we would say: modern history, and Fredrik Jameson's considerations about the connection between "postmodernism" and "the cultural logic of late capitalism". My interest lies in filling the gap between the simple logic of "late capitalism" and its cultural logic, and also to show that modern history itself (in the logic of the good old capital described by Marx) contains the possibility of shifting the trajectory of historical time, figuratively speaking, from a straight line to a circle. {If the limit (capital) is not overcome.}*

Keywords: *time of history, subject of history, modern history, capitalism, "expanded present", repetition*

Пожалуй, первым, кто заговорил о повторе как явлении в современной (современной) истории, был Карл Маркс, я имею в виду его знаменитую работу «18 брюмера Луи Бонапарта». Повтор этот стал возможен в силу иллюзий, а осуществлён был в силу цинического познания. Рабочие разделили со всеми иллюзии, а собственную работу познания проделали слишком поздно, когда уже утратили инициативу. Циническое познание буржуазии, напротив, произошло для неё своевременно. Повтор, таким образом, свидетельствует об ошибке познания, запаздывании познания от исторического движения. История повторяется дважды, потому что на третий раз познавательная работа уже проделана. А если нет? – Маркс и Энгельс в работах, посвящённых европейским революциям 1848-го года, приходят к выводу (двигаясь в согласии с логикой самих революций), что период буржуазных революций в Европе завершён, точнее, рабочим нет нужды их повторять. Мотив повтора присутствует и у Фридриха Энгельса, увидевшего первообраз германского 1848-го в Крестьянской войне. {Не

менее знаменитая работа «Крестьянская война в Германии».} – Здесь следует подчеркнуть, что многократный повтор невозможен в силу *поумневшего* «субъективного фактора», ответственного за движение истории дальше некоторого установленного предела. Тут: *поумневшего* рабочего. Но что, если познания не произошло или оно произошло не у того? Французская буржуазия согласилась терпеть Луи Бонапарта в силу *успешно* проведённой, разумеется, в *своих* интересах познавательной работы. Оказалось, что её интересы не требуют выхода за достигнутую границу.

Итак, может ли современная история в определённый момент попасть в колесо «вечного» повтора?

История (модерная) и капитализм. В работах, рефлектирующих над основаниями своего предмета историков общим местом является то, что история приобрела чёткую направленность в будущее где-то между концом XVIII-го столетия и серединой XIX-го. «К концу XVIII века – не раньше – так называемое Новое время стало осознавать себя именно как новое», – пишет, напр., Райнхарт Козеллек. – «Прогресс, который тогда практически отождествлялся с историей, был понят как историческое время, постоянно опережающее самое себя» [1].

Историческое время, опережающее самое себя, подобно Фаусту или Капиталу. Однако пределом для Фауста является Фауст, а для Капитала – Капитал.

Карл Маркс неизменно определяет Капитал как стремящийся к выходу за установленный предел, беспрестанно преодолевающий любой предел, – *предел*, «который и осознаётся как предел, а не как некая *священная грань*» [2, с. 18]. «Отсюда, – процитирую более развёрнуто мысль Маркса, – проистекает также понимание его <индивида – М. П.> собственной истории как *процесса* и познание природы (выступающее также в качестве практической власти над ней) как своего реального тела». То есть *наука истории*, осознание истории как *процесса* есть одно из обнаружений разрушающей, разлагающей работы Капитала, прodelьваемой в отношении всех пределов и всех святынь. Дальше: «Сам процесс развития положен и осознан как предпосылка индивида». Выход *за пределы* положен как предпосылка современного общества и осознан в этом качестве, процесс истории и наука истории совпадают. «Но, – очень важное заключение, полагающее предел пределов, – для этого прежде всего необходимо, чтобы полное развитие производительных сил стало *условием производства*, чтобы определенные *условия производства* <читай: капитализм – М. П.> не являлись пределом для развития производительных сил» [2, с. 18]. Капитал, согласно крылатому выражению, «всё твёрдое растворяет в воздухе», но, добавлю, кроме самого Капитала. (Что касается Капитала, то его растворяет сознательное действие Пролетариата.)

Таким образом, есть Предел (с большой буквы), который при своём сохранении обещает изменить определённую историческую эпоху. Что произойдёт с историческим временем, если Предел уже будет данным нам как *Предел*, но останется непреодоленным? – Теория Маркса допускает

повтор в современной (капиталистической) истории, *кружение* вокруг достигнутого Предела, но сам Маркс ещё оптимист – более вероятным он полагает действие субъекта (рабочих), выводящее историю за Предел (Капитал).

Повтор и «поздний капитализм». «Надёжнее всего схватить понятие постмодерна как попытку исторически помыслить настоящее – в эпоху, которая первым делом забыла о том, что значит мыслить исторически» [3, с. 57], – первое что сообщает Фредрик Джеймисон читателю в своём «Постмодернизме». – Пожалуй, постмодерн и есть *форма забвения исторического мышления*, он не мыслит исторически себя сам, он освобождает своих писателей и читателей от диктатуры исторического мышления. Не постмодерн, а Джеймисон хочет *исторически помыслить настоящее*. Но суть дела в другом: *почему эпоха этого не хочет? Почему эпоха «первым делом забыла о том, что значит мыслить исторически»?* – А, собственно, *кто должен мыслить исторически?*

«Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма», полное название работы Джеймисона, очень плодотворное, но, кажется, работа в своём содержании оставляет зазор между *культурной логикой позднего капитализма и логикой позднего капитализма*. Если вернуться к Марксу, то он уже предвидел Предел капитализма, который не был для него Пределом культуры и истории, но *только по причине* сознательного действия субъекта, пролетария. Однако не становится ли *в отсутствие* такого сознательного действия *Предел Капитала Пределом Культуры и Истории?* – Происходит изменение самосознания «позднего капитализма», осознания «поздним капитализмом» своей собственной логики, он больше не видит себя несущимся по стреле исторического времени, скорее, он прочерчивает *пространственные* круги, смещаясь из одного центра (страны-гегемона) в другой. {*Историки* постмодерна пишут, что время уступает место пространству. Ещё одна уступка!} В работах, посвящённых истории капитализма, прежде всего, мир-системного подхода, Фернан Бродель, Иммануил Валлерстайн, Джованни Арриги, капитализм утрачивает определённую быть общественной формой существования *промышленного* капитала, что смещает время его начала в прошлое, {*возрожденческое* прошлое}, в этой *удлинившейся* истории капитализм приобретает временной простор для многократного *пространственного* преодоления самого себя, Предел уже не раз преодолевался – из Венеции в Голландию, из Голландии в Англию, из Англии в Соединённые Штаты, из Штатов – в Китай (?). *Предел, положенный в Истории, превращается в Предел, положенный в Географии. Предел временной – в пространственный.* Но есть ли изменение качества? Грубо-приближённо: есть Капитал. Перемещаясь в пространстве, *Капитал повторяет себя.*

{Что изменяется при перемещении центра? Похоже, «утопия» людской эмансипации больше никого не интересует}.

Повтор – одного и того же.

Новое и повтор. Изменилось самосознание культуры. {*Пост- и пост-постмодерн. Умножение пост-.*} Изменилось самосознание капитала. {*Циклы и круги.*} Изменилось осознание историками *времени* истории. «Будущее, освещавшее прошлое и придававшее ему значение, представляло телос, который поочередно назывался Нацией, Народом, Республикой, Обществом или Пролетариатом и каждый раз облачался в науку», – пишет французский историк Франсуа Артог. – «Если история и преподавала урок, то он приходил из будущего, а не из прошлого. Он находился в будущем, которое необходимо было осознать как разрыв с прошлым или, по меньшей мере, как нечто от него отличающееся» [4, с. 36]. Будущее – ключ к прошлому, как «анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны». Сегодня ключ – будущее – утерян, осталось настоящее, – «расширенное настоящее», прошлое как настоящее и будущее как оно же. Не есть ли «расширенное настоящее» «естественной» формой осознания времени истории, образованного следованием одного повтора после другого? Это «настоящее» было всегда. Правда, в статьях, посвящённых «презентизму», имя теории Франсуа Артога, речь идёт о «прошлом, которое не хочет уходить», о «травме», будь то Французская революция или Холокост. Речь идёт не о повторе, а об избегании повтора. Однако травмы симптоматичны, они отсылают к некоторому особому времени, времени события – в случае Французской революции состоявшемуся, а в случае Холокоста нет, если полагать нацизм реакцией на не произошедшую революцию, разумеется, немецкую социалистическую. Травмы отсылают ко времени вмешательства человека в историю, деланья истории и указывают на те грани, за которые не следует заходить. Не следует деланьем разрушать настоящее, которое художественно длится. {Потому, что разрушительно и само деланье, Французская революция, и реакция на его неудачу, Холокост}. Если следовать прочерченной мною логике, «прошлое, которое не хочет уходить» должно стать гарантией прошлому, которое длится, настоящему прошлому, прошлому настоящему. {Автоповтору капитала, его кризисов и кругов}.

Тогда нужно изобрести будущее...

{Разумеется, речь идёт о том, чтобы вывести из наличных тенденций...}

А что, если будущее уже изобретено? Что, если выходом из бесконечного кружения вокруг Предела (Капитала) тоже может быть только повтор? Повтор попытки выхода за Предел...

Список литературы

1. Козеллек Р. Можем ли мы распоряжаться историей? (Из книги «Прошедшее будущее. К вопросу о семантике исторического времени») / пер. с нем. М. Мироновой // Отечественные записки. 2004. №5 (20). – Режим доступа: <https://strana-oz.ru/2004/5/mozhem-li-my-rasporyazhatsya-istoriey-iz-knigi-proshedshee-budushchee-k-voprosu-o-semantike-istoricheskogo-vremeni>

2. Маркс К. Экономические рукописи 1857 – 1859 годов (Первоначальный вариант «Капитала») // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, 2-е изд. М.: Политгиздат, 1969. Т. 46. Ч. 2. 244 с.
3. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М.: Издательство Института Гайдара, 2019. 808 с.
4. Лоренц К. Вне времени? Критические размышления о презентизме Франсуа Артога / пер. с англ. А. Запольской // Логос. 2021. Т. 31 (№ 4) – С. 31 – 64.

ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Прибылов Д.М.

*Крымский федеральный университет им. В.И.Вернадского,
студент*

E-mail: dkorzh55555@gmail.com

*Научный руководитель **Киселёва Н.В.**, кандидат политических наук,
доцент кафедры политических наук и международных отношений Крымского
федерального университета им. В.И. Вернадского*

***Аннотация.** В докладе анализируются актуальные тенденции и факторы политической и электоральной активности молодежи. Опираясь на различные исследования и социологические опросы, автор отмечает тенденции и причины низкого уровня политической культуры и электоральной активности у молодежи. Выводы исследования основываются на предположении, что важным следствием такой электоральной и политической активности является принижение значимости проведения выборов и институтов политического участия в молодежной среде и поиск альтернативных путей выражения собственных политических убеждений, мнений и взглядов на политические события и т.д. Особую роль в обозначенной проблеме играет информационное пространство, которое упрощает молодежи возможность высказать собственное мнение и находить единомышленников по разным вопросам, а также объединяться в виртуальные сообщества с общей идеологией, мнениями и политическим мировоззрением.*

***Ключевые слова:** электоральная активность, политическая активность, выборы, голосование, молодежь, молодежная политика.*

ELECTORAL ACTIVITY OF YOUNG PEOPLE AS A FACTOR IN THE FORMATION OF THE RUSSIAN POLITICAL SPACE

Pribylov D.M.

V.I.Vernadsky Crimean Federal University,
student
E-mail: dkorzh55555@gmail.com

Abstract. *The article is analyzing current trends and factors of political and electoral activity of young people. Based on various studies and social surveys, the author identifies trends and reasons why young people have a generally low level of political culture, activity and electoral participation. The conclusions of the study are based on the assumption that an important consequence of such electoral and political activity is the belittling of the importance of elections and institutions of political participation as such among young people and the search for alternative ways to express their own political beliefs, opinions on political events, etc. Also, information space plays a special role in this problem, which makes it easier for young people to express their own opinions and find like-minded people on various issues, thereby uniting into societies with a common ideology, thought and political outlook.*

Keywords: *electoral activity, political activity, elections, voting, youth, youth policy.*

Политическая и, в частности, электоральная активность молодежи являются важными элементами в формировании российского политического пространства. Это объясняется, прежде всего, государственной молодежной политикой в области реализации избирательных прав молодежи и повышения электоральной культуры, поскольку молодежь – это самый мобильный слой населения, который в перспективе будет занимать государственные посты, а также должности в органах власти разного уровня. В настоящее время российская молодежь является уязвимой группой населения из-за огромного информационного потока, который трудно анализировать и обрабатывать неподготовленным для этого молодым людям.

В условиях современных геополитических кризисов для молодежи, как для самого интегрированного в информационное пространство слоя населения, характерно проявление политической активности в интернете, где молодые люди могут выражать своё мнение, которое они считают наиболее рациональным для оценки различных действий и ситуаций, в т.ч. и политических. Такое проявление своей политической активности молодежь считает наиболее удобным и адаптированным, игнорируя институты политического участия: партии, общественно-политические движения, группы интересов, выборы и т.д. [1].

По данным «Анализа степени вовлеченности молодежи в процессы политической коммуникации» больше половины молодых респондентов определяют свою политическую позицию, исходя из собственного жизненного опыта и около трети – из средств массовой информации [2]. В современном информационном пространстве существует множество средств, источников и сообществ, контекст которых направлен на дискредитацию,

открытую критику и провокации по отношению к государству, власти, политическому курсу и т.д. Подобный контекст увеличился с момента начала Специальной Военной операции на Украине, что усиливает недоверие к власти и участие молодежи в несогласованных митингах, диверсиях, актах вандализма, т.к. подобные способы самовыражения и проявления своей политической активности, кроме своей активности в сети, представители молодежной возрастной когорты считают наиболее рациональными и действенными. При этом электоральная активность молодежи в российском политическом пространстве находится на низком уровне, причинами которой часть молодежи называет недоверие избирательным процессам, считая, что путем создания беспорядков в социуме они способствуют более действенному реагированию власти на существующие проблемы в стране.

Результаты социологического исследования, опубликованные немецким Фондом имени Фридриха Эберта и «Левада-Центром»¹⁷, пессимистичны: лишь 20% российской молодежи проявляет интерес к политике и лишь 1% участвует в политической жизни (2020 год). Данные социологического исследования ВЦИОМ выглядят более оптимистично: на выборах депутатов Государственной Думы РФ в 2016 году уровень участия молодежи колебался в пределах от 11 до 20%; во время президентских выборов в 2018 году активность молодежи была «относительно высокой» и достигла 26,5% от общего числа избирателей, принявших участие в выборах. Эти данные свидетельствуют еще об одной тенденции в электоральном пространстве России – неравномерном отношении молодого поколения к выборам: молодежь проявляет более высокую электоральную активность на выборах главы государства и более пассивна на выборах других политических институтов [3].

Таким образом, как показывают социологические исследования и экспертные оценки, молодежь уделяет недостаточное внимание формированию и повышению собственной политической культуры, попадая в разряд наиболее уязвимой категории общества. Одним из основных факторов этого является более высокая интегрированность молодого поколения в информационное пространство, наполненное различной недостоверной информацией с сомнительным содержанием, а в современных условиях «гибридной войны» и «фейковой» активности в информационном поле такой риск очень высок. В связи с этим особую актуальность приобретает принятие достаточных и всесторонних мер по решению данной проблемы, обучению молодежи навыкам правильного выбора источников достоверной информации, формированию критического отношения к размещенным в соцсетях и мессенджерах материалам, что также относится к сфере молодежной политики государства и повышению электоральной активности молодежи.

¹⁷ Решением Минюста РФ от 5 сентября 2016 года Центр включён в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции «иностранный агент»

Список литературы

1. Ежов Д.А. «Актуальные тенденции и факторы электоральной активности российской молодежи» Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т.7 № 3(24). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-tendentsii-i-factory-elektoralnoy-aktivnosti-rossiyskoy-molodezhi/viewer>
2. «Анализ степени вовлеченности молодежи в процессы политической коммуникации. - URL: <https://sociotrix.com/result?id=264>
3. Голикова В.А. Молодежь и выборы // Просветительский журнал. - URL: <https://strikun.ru/molodezh-i-vybory/>

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ТВОРЧЕСТВЕ ЮГОСЛАВСКОГО РЕЖИССЕРА АЛЕКСАНДРА САШИ ПЕТРОВИЧА: МЕЖДУ ЛЮБОВЬЮ И ЦЕНЗУРОЙ

Ралович И. М.

*Факультет драматического искусства, Белград,
аспирант; Институт сербской культуры Приштина – Лепосавич,
ассоциированный эксперт
E-mail: ralovic@gmail.com*

***Аннотация.** В контексте культуры и искусства двадцатого века Александр Петрович представляет собой значимую фигуру вне национальных рамок. Центральное место в его творчестве занимает режиссерская деятельность (неотделимая от сценарной деятельности, так как он прежде всего был режиссером фильмов по собственному сценарию) и интенсивная работа над теоретической рефлексией кино. Он является одним из самых значительных и признанных югославских кинорежиссеров, оригинальным создателем аутентичных миров, которые он воображал, писал и снимал, но также и тем, кто, взяв со страниц книги великие литературные произведения за отправную точку своего искусства, повел целые армии людей, пейзажей и идей в трансмедийное путешествие. В данной статье основное внимание уделяется произведениям русской литературы, которые он приспособил для нужд своего искусства. Мы занимаемся как реализованными, так и нереализованными проектами из его творческого опуса.*

***Ключевые слова:** русская литература, фильм, театр, сценарий, Александр Саша Петрович, Федор М. Достоевский, Бесы, Михаил А. Булгаков, Мастер и Маргарита, Собачье сердце, Багровый остров, Исаак Э. Бабель, Бенья Крик, Леонид Леонов.*

RUSSIAN LITERATURE IN THE WORK OF YUGOSLAV DIRECTOR ALEKSANDAR SAŠA PETROVIĆ: BETWEEN LOVE AND CENSORSHIP

Ralović I.M.

*Faculty of Dramatic Arts Belgrade, PhD student;
Institute for Serbian Culture Priština – Leposavić,
Scientific associate
E-mail: ralovic@gmail.com*

Abstract. *In the context of culture and art of the 20th century, Aleksandar Petrović represents a significant figure beyond the national framework. The central part of his oeuvre consists of directorial activity (inseparable from screenwriting, as he was primarily a director of films based on his own script) and intensive work on the theoretical reflection of film. He is one of the most important and most awarded Yugoslav filmmakers, an original creator of authentic worlds that he imagined, wrote and filmed, but also one who, taking great literary works as a starting point for his art, led entire armies of people on a transmedia journey based on the pages of books, landscape, ideas. In this paper, the focus is on the works of Russian literature that he adapted for the needs of his art. We deal with both realized and unrealized projects from his creative oeuvre.*

Keywords: *Russian literature, film, theater, screenplay, Aleksandar Saša Petrović, Fyodor M. Dostoevsky, Evil Souls, Mihail A. Bulgakov, Master and Margarita, Heart of a Dog, Purple Island, Isaac E. Babelj, Benja Kralj, Leonid Leonov.*

Almost a hundred years after the world got to know Nikolai Vsevolodovich Stavrogin and Maria Timofeevna Lebyatkina (the novel was published in parts from 1869 to 1872 in *Russki Vesnik*) and decades after the Serbo-Croatian literary audience had the opportunity to get closer to them through a literary translation¹⁸,

¹⁸ Milosav Babović writes that *Evil Spirits* in Yugoslavia remained untranslated for a very long time – until after the First World War. In 1919, *Democracy* brought 14 sequels and stopped there, and the name of the translator was not mentioned. Two years later, *Misao* started publishing Kosara Cvetković's translation. According to Babović's observation, "interest in the novel has grown remarkably, because in these years a prophecy about the Russian revolution is being sought in it." Hence, it is understandable that in 1922 two editions appeared: the Rajković and Ćuković bookstores and the 'Misli' Library. In the 1933 edition of Dostoyevsky's Selected Works, the novel was published under the title 'Unclean Forces' translated by Kosara Cvetković" (Babović 1961, 408). The book says "translated from Russian for the second time by Kosara Cvetković". Until the moment when Petrović began shooting the film, Kosara Cvetković appeared as a translator in all editions of this novel, which also appeared under the name *Evil Spirits*. Under the title *Demons*, this novel was printed in three parts in Croatia <1919>. without specifying the name of the translator. The first edition in Zagreb, entitled *Bjesovi*, appeared in the translation of Ivan and Jakša Kušan (Zora 1975).

one other "artist of a great gift" (Milošević 1993) was inspired to translate them into another medium, but under different names and under significantly changed circumstances. Judging by the leitmotif and the opening credits of the film *Biće skoro propast sveta* (1969), Petrović adapted Dostoevsky's (Fyodor Mikhailovich Dostoevsky, 1821–1881) *Evil Spirits* (*Бѣсъи.*, 1871–1872). Explicitly, in the last inscription in the opening credits of the film, he states: "The author of the film was referring to the novel *Zli dusi* by F. Dostoyevsky". But, we soon become convinced that, although it was openly inspired by the novel, this film is not an adaptation, moreover, with the script, Petrović moved very far away from the literary work to which he draws attention in the opening note; he created a film, as the Prague journalist Pavel Branko noted, "authorial and distinctly authentic" (Petrović 1988, 299), "with an extremely large distance from the literary model" as defined by Nikola Milošević (1993, 10).

Aleksandar Saša Petrović (1928–1994) worked seriously and for a long time on the adaptations of the works of Mikhail Bulgakov (Mikhail Afanas'evich Bulgakov 1891 - 1940), within the framework of various projects, some of which had a more or less successful independent life, some changed their original purpose, and some were never realized. "I devoted half my life to catching the elusive thread of the master from the Patriarch's Ponds," wrote Petrović in his letters from Russia and Georgia (Petrović 2007, 125). He created an entire panopticon based on the free motifs of the works of the great Russian author (Redep 2007, 12). First, the movie *Master and Margarita* (1972) was filmed in a Yugoslav-Italian co-production.

The question arises: is there any internal legislation and what are the matrices in the choice of this particular novel after the movie *Biće skoro propast sveta*, if we know that even serious intertextual research has established that *Evil Spirits* served as a literary source for Bulgakov for *The Master and Margarita* on several levels (Jovanović 1993, 45). A painting by Dostoevsky hangs in the study of Petrović's maestro (Appendix 2).¹⁹

¹⁹ Apart from this one, although it is certainly the most interesting for our research, numerous literary and philosophical sources of Bulgakov's novel have also been registered. For the template of his film, Petrović chooses a novel that is an example of probably the most complex "novel of secrets" in world literature (Jovanović 1975, 167), a novel whose cultural-historical subtext and branched network of intertextual games have attracted the attention of interpreters since its appearance until today, which is marked by a spirit of confrontation with a certain literary-philosophical tradition (Jovanović 1975, 185), which was elaborated in detail within the framework of a branched and rich Bulgacology. Perhaps the closest confrontation, apart from Dostoevsky, is with Goethe, Dante, Gogol, Kant, who "can be considered Bulgakov's teachers of the highest order" (Jovanović 1989, 81), similar to the canonical and apocryphal gospels. With a wide range of thought, this work grappled with the problems of poetics, philosophy, (anti)utopia, mythology, religion, Danteology, Faustology, theaterology, the supernatural and the grotesque, the Middle Ages and carnivalization, power and politics, chivalry... and Bulgakov's other works were brought into connection with – for the director from the title of this work indicatively – Crnjanski (see Stojnić 1996).

The portrait of Dostoevsky in Maksudov's study, "and nothing in Petrović's film is accidental",

Between the question of whether it was an attempt to say out loud through these works what he had been prevented from saying for years or a kinship by similarity, one of the great interpreters of Petrović's creative worlds notes: "the great and unfinished journey of our Petrović in the cosmogony of Bulgakov (still) remains as one of the bloodiest and most painful autobiographies" (Ređep 2007, 11, 9). Petrović's *Hofmania*²⁰, we can say with certainty today, began with cinema screenings of a film based on Bulgakov's most famous work. It was Petrović's chronologically oldest adaptation of a Bulgakov work, paid for by one of the most expensive experiences in the entire generation of filmmakers to which he belonged.²¹ Despite the great initial success and winning the main awards in 1972 in Pula (and then numerous others at festivals around the world, among other things the Italian version of the film received an international award for the promotion of literature on film, i.e. for the best adaptation of a literary work²²), the fate of Petrović's film in Yugoslavia did not differ much from the fate of the master's play (Goulding 2004, 142), and a decade later it will be confirmed that this film is undesirable, no matter in what form it is shown. There was no official ban, the film was withdrawn from domestic distribution²³ soon after its screening in Belgrade, and disappeared "like a stone thrown into a dark abyss" (Drašković in Petrović 1988, 346). It cannot be said that the film *The Master and Margarita* is

has been said to mark a tradition, at the beginning of which stands Gogol, which leads through Dostoevsky to Bulgakov and Solzhenitsyn, and in relation to Gogol, Petrović's observation is indicative that "the entire creation, which in several stages laid a cornerstone in the film art of Yugoslavia and opened development paths, stands in the tradition of that creative will and that deep critical realism, which was opened in Russian literature by Gogol's *Šinjel*" (*Neue Zürcher Zeitung* 15. 6. 1975).

²⁰ Valentin Kataev wrote about Bulgakov in the twenties in his memoirs, *My Diamond Crown*, published in 1978 in the June volume of the Moscow magazine "Novij mir". He gave Bulgakov the nickname Blue-Eyes, and noted that it was Bulgakov who "put into circulation" the word *Hofmania*, which he used to define any incredible event, of which we were also witnesses, or even participants (Čolić 1980, 271).

²¹ In addition to prestigious world awards and two films (*Tri*, *Skupljači perja*) nominated for the *Oscar*, Petrović was left without social support for film work in the country after the film *Master and Margarita* and especially after Stojanović's *Plastic Jesus* (Lazar Stojanović, 1971) as a professor under whose mentorship the film was created. First, Stojanović as a target became the subject of investigation, and then in January 1973, a campaign was launched in the film institutions that were involved in the creation of the disputed film; among other things, disciplinary proceedings were initiated against Petrović as the most responsible person, in addition to the author of the film, and 10 In April 1973, he was expelled from the faculty, and then had to leave the country.

²² The list of awards is available on the director's official website. See: <http://aleksandarpetrovic.org/filmografija/igrani-filmovi/majstor-i-margarita/>

²³ In Petrović's opinion, in the case of the banning of the film *Master and Margarita*, it is "a monstrous example of manipulation of political circumstances" (*Studentski list* 10.10.1981). Petrović, like Bulgakov, presented his cross as a forbidden artist who refuses to serve the ruling ideology and illusions of social utopias.

banned, but it is not shown, Valcroz wrote (Jacques Doniol-Valcroze) for *L'Express* 29. 10. 1973.

It seems that the fate of Petrović's work intersected with the fate of Bulgakov's: "If anyone, Saša Petrović wrote his autobiography by dramatizing those *free motives* of Mihail Afanasievich, as well as by paying attention to the case of the famous Russian *apatrid* in his own country for several decades" (Redep 2007, 13). Redjep notes: "not only did the matrices of persecution coincide in an unbelievably and indescribably unimaginative but horribly vile way, but also those Dantean circles of hell were so irrevocably similar to each other, in a long plunge to the bottom" (Redep 2007, 13).

Then, in 1979, in the Belgrade theater *Atelje 212*, Petrović directed *Pseće srce* (premiered on September 17, 1979). Ten years after the film, Petrović returns to Bulgakov's testament novel through the staging of the play *The Master and Margarita* at the National Theater in Belgrade (premiered on April 6, 1982)

It remains unclear for what purposes Petrović adapted *The Purple Island* (Багрóвыј острóв, 1928) by Mikhail Bulgakov. Based on the dramatic pamphlet of the same name, as Bulgakov called the first, uncensored version of his play (Bulgakov 1985, 366), this adaptation²⁴ was published together with the dramatizations of *The Master and Margarita* and *Pseće srce* and although, unlike the other two texts, it was not realized, it constitutes a whole with them and completes Petrović's dealings with Bulgakov.

In Petrović's legacy and the memories of his wife, friends, close associates, newspaper articles and interviews, information is preserved about many projects based on literary works, which he wanted to transfer to another medium, or on which he worked. Petrović either did not realize his numerous ideas or "communicated them primarily as information about the possibilities of an ingenious solution that he carried deeply intimately with him for decades" (Redep 2011, 7). Among other things, Babel was on that list (Исаак Эммануилович Бабель), and on the basis of his work, Petrović's screenplay for a feature film *Ђења Краљ* was created.

According to the memories and records of Petrović's wife, from the first appearance of the *Crvena konjica* collection, Babel was Petrović's great inspiration. He recognized that pain of the historical injustice that was felt and depicted by Babel and took one of his heroes as the hero of a future feature film, building a solid construction from several narratives scattered in Babel's oeuvre. Petrović's *Ђења Краљ* is a palimpsest writing of the story of the life and adventures of the honorable bandit Bencion Krik, called Benja Kralj, where the layers of Babel's previous writings about this hero are visible. Benzion (Benja) Mendenevich Krik (called the *Kralj*)²⁵ – is the main character of numerous works

²⁴ According to one of the records we had access to (an electronic document that looks like a preparation for the press), the adaptation of *Purple Island* was made by Petrović even before the first translations of this play into Serbian, in 1971, but this information was not included in the printed edition from 2007.

²⁵ Бенцион (Ђења) Мэнделевич Крик (прозвище Король).

of Isaac Babel: the stories from *Odessa*, the play *Twilight* and the screenplay *Benja Krik* (Беня Крик).

Petrović assembles the events of Benja the King, but also social and other occasions scattered in the writer's oeuvre, into one scenario, with a great reliance on Babel's poetics and the bitter sense of humor that characterizes it. Petrović's Benja is not even similar to Babel's story planned for the film, although it is largely based on it, sharing some elements and entire episodes with it. At the same time, the script refers to stories from Odessa, Crvena konjica, the piece Twilight. This scenario, a "drama for reading", an "imaginary Petrović film", is perhaps "one of the most dramatic of Saša's films", "[d]isregarding that it was never filmed" (Redep 1998, 99).

Printed posthumously, in 1998, this script does not provide information about the time of creation, and versions were made in several languages (*Benya Le Roi*, *Benya The King*) and were preserved in the legacy of the director. After the premiere of the play *Master and Margarita*, Petrović said that he had been preparing a film with the working title of *Benja Kralj* for two years, that he had edited several Babel stories, that the film would be extensive, that he was the director and that American screenwriter Lou Garfinkel worked with, that the main actress was Isabelle Adjani, and that it is a co-production between Germany, France and Italy and the Belgrade film company *Avala*. He also said that the shooting had already been postponed twice in seven years, even though the casting was carried out in Iran ("Not quite rejected"). The actor Richard Berry confirmed that he and Petrović started to prepare the role according to this scenario, but that the director had to change the plan, and "*Benja the King*, who delighted Hollywood producers and actors [...] is still lying in some drawers in the Warner Brothers – directorate, as it lies in some collection of scripts by Elliott Gould, Kevin Costner and Richard Dreyfuss" (Dnevnik 01/08/2002).²⁶

There exists an information that Petrović adapted the novel *The Thief* by Leonid Leonov (Леонід Максимович Леонов, *Вор*, 1927), but due to the withdrawal of the Yugoslav partner *Dunav Film*, the film company *Aria Film* from Geneva did not enter into a co-production arrangement, and that for this film company, Aleksandar Petrović later prepared the screenplay for *Benja the King*. Furthermore, during the seventies he prepared the screenplay for *Pseće srce*, as well as the *Memoirs of Leopold Treper* for the companies *Sofracia-films* and *Trinacra-films* (Volk 1999, 279). We can agree that producers from abroad showed interest in cooperation with the director. The search for Leonov in the legacy of the director can be reduced to the information that an English text entitled *The Thief* exists and will probably be available to future researchers (Figure attached).

²⁶ "I worked on the Babel project for almost ten years and in the end I had to give it up because I came into a definite conflict with the producers. I think that what they want to make is not what I want to make" (*Azbučnik Aleksandra Petrovića* 2011, 251), and regarding the level of realization in the 80s see <http://aleksandarpetrovic.org/literarna-dela/knjige-autor-aleksandar-petrovic/>

Список литературы

1. Milošević, Nikola. „Umetnik velikog dara”. Petrović, Aleksandar. Skupljači perja. Novi Sad: Prometej, 1993.
2. Petrović Aleksandar. Novi film 2: Crni film 1965–1970, Beograd: Naučna knjiga, 1988, 299.
3. Milošević, Nikola. „Umetnik velikog dara”. Petrović, Aleksandar. Skupljači perja. Novi Sad: Prometej, 1993, 10.
4. Petrović, Aleksandar. „Pismo iz Rusije i Gruzije”. Pseće srce: dramatisacija po romanu Pseće srce; Majstor i Margarita: dramatisacija po romanu Majstor i Margarita; Purpurno ostrvo: adaptacija i dijaloz po dramskom pamfletu Purpurno ostrvo Mihaila Afanasijeviča Bulgakova, Paideia, Beograd, 2007, 125.
5. Redep, Draško. „Slobodni motivi Bulgakova i Petrovića”. Petrović, Aleksandar. Pseće srce: dramatisacija po romanu Pseće srce; Majstor i Margarita: dramatisacija po romanu Majstor i Margarita; Purpurno ostrvo: adaptacija i dijaloz po dramskom pamfletu Purpurno ostrvo Mihaila Afanasijeviča Bulgakova, Paideia, Beograd, 2007, 12.
6. Јовановић, Миливоје. „Бесы Достоевского как Литературный источник Мастера и Маргариты”. Зборник Матице српске за славистику. Бр. 44/45, 1993. 33–45, 45.
7. Бабовић Милосав. Достојевски код Срба, Титоград: Графички завод, 1961, 408.
8. Јовановић, Миливоје. Утопија Мhаила Булгакова, Институт за књижевност и уметност, Beograd 1975, 167.
9. Јовановић, Миливоје. Утопија Мhаила Булгакова, Институт за књижевност и уметност, Beograd 1975, 185.
10. Јовановић, Миливоје. Мhаил Булгаков друга књига. Beograd: Novo delo, 1989, 81.
11. Стојнић, Мила. „Сусрет Милоша Црњанског и Мhаила Булгакова на истој теми”. Књижевна историја. Год. 28, бр. 100, 1996. 495–509.
12. Neue Zürcher Zeitung 15. 6. 1975. Извор: Архив Фондације Александар Саша Петровић.
13. Ређеп, Драшко. „Сценарио? Оно што се гледа”. Петровић Александар. Соко. Зрењанин: Агора, 2011. 7–18, 11, 9.
14. Goulding, Daniel J. Jugoslavensko filmsko iskustvo, 1945–2001: oslobođeni film. S engleskoga preveo Luka Bekavac. Zagreb: V.B.Z., 2004, 142.
15. Petrović Aleksandar. Novi film 2: Crni film 1965–1970, Beograd: Naučna knjiga, 1988, 346.
16. L'Express 29. 10. 1973: Jacques Donio Valcroze, Le Diable et la Pouvoir, L'Express, 29. 10. 1973. Извор: Архив Фондације Александар Саша Петровић.
17. Redep, Draško. „Slobodni motivi Bulgakova i Petrovića”. Petrović,

- Aleksandar. Pseće srce: dramatizacija po romanu Pseće srce; Majstor i Margarita: dramatizacija po romanu Majstor i Margarita; Purpurno ostrvo: adaptacija i dijalozi po dramskom pamfletu Purpurno ostrvo Mihaila Afanasijeviča Bulgakova, Paideia, Beograd, 2007, 13.
18. Булгаков, Михаил. Дrame I. Приредили Миљивоје Јовановић и Миљан Чолић. Предео Миљан Чолић, Београд: Српска књижевна задруга; Народна књига, 1985, 366.
 19. Ређеп, Драшко. „Сценарио? Оно што се гледа”. Петровић Александар. Соко. Зрењанин: Агора, 2011. 7–18, 7.
 20. Чолић, Миљан. „Необјављена књига приповедака Михаила Булгакова”. Булгаков, Михаил. Стоглава, Просвета, Београд 1980, 271.
 21. Majstor i Margarita (Le Maître et Marguerite) <http://aleksandarpetrovic.org/filmografija/igrani-filmovi/majstor-i-margarita/>
 22. Studentski list 10. 10. 1981: Babić Jelena, Skomeršić Danilo, Studentski list, 10. 10. 1981.
 23. Ређеп, Драшко. „Александар Петровић је видео Бењу Краља”. Александар Петровић Бења Краљ: сценарио за дугометражни играни филм инспирисан кратким причама Исака Бабеља; адаптација и дијалог Александар Петровић, Нови Сад: Прометеј; Београд: Југословенска кинотека, 1998. 97–100, 99.
 24. Документ „Не сасвим одбијен”, недатиран интервју са Александром Петровићем. Извор: Архив Фондације Александар Саша Петровић.
 25. Документ „Дневник” или „Писма Саше и Драгану” (рукопис књиге Бранке Петровић који се налази код издавача и чије штампање је у току). Извор: Архив Фондације Александар Саша Петровић.
 26. Volk, Petar. Let nad močvarom Aleksandar Petrović, svojim životom, delom i filmovima. Beograd: Institut za film; Novi Sad: Prometej, 1999, 279.
 27. Azbučnik Aleksandra Petrovića. Beograd: YU film danas 98/99, 2011, 251.

**СОЦИЈАЛНО-ПОЛИТИЧЕСКИЈ ФЕНОМЕН
«СРЕДНЕГО ЧЕЛОВЕКА» В ЦЕННОСТНОМ ПРОТИВОСТОЈАНИИ
РОССИИ И ЗАПАДА**

Рожковскиј В.Б.

Доктор философских наук

Ростовскиј юридическиј институт МВД России,

профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин

E-mail: v-rozkovskiy@mail.ru

Аннотация. В статье концепт «средний человек» рассматривается в контексте современного ценностного противостояния России и Запада для характеристики тенденций развития западной политической элиты конца XIX – начала XXI века. Показывается, что крушение нравственных ценностей в современной жизни общества и элит на Западе было вызвано процессами общего духовно-религиозного и культурного кризиса. В противостоянии с Западом с начала специальной военной операции Россия осуществляет исключительный жертвенный выбор, принимая на себя христианскую миссию защиты высших духовных ценностей, на которых строится достойное человеческое бытие личности и общества.

Ключевые слова: средний человек, политическая элита, псевдо элита, ценности, Русский мир.

THE SOCIO-POLITICAL PHENOMENON OF THE "AVERAGE PERSON" IN THE VALUE CONFRONTATION BETWEEN RUSSIA AND THE WEST

Vitaly Rozhkovsky

Doctor of Philosophy

Head of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines,

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: v-rozhkovskiy@mail.ru

Abstract. In the article, the concept of "average man" is considered in the context of the modern value confrontation between Russia and the West to characterize the development trends of the Western political elite of the late XIX – early XXI century. It is shown that the collapse of moral values in the modern life of society and elites in the West was caused by the processes of a general spiritual, religious and cultural crisis. In the confrontation with the West, since the beginning of the special military operation, Russia has been making an exceptional sacrificial choice, assuming the Christian mission of protecting the highest spiritual values on which the worthy human existence of the individual and society is built.

Keywords: average person, political elite, pseudo elite, values, Russian world.

Содержательные характеристики концепта «средний человек» впервые, по-видимому, можно встретить в творчестве известного русского религиозного мыслителя второй половины XIX века К.Н. Леонтьева. Именно он в своей работе «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения» (1884 г.) обозначил понятием «средний европеец» масштабный социально-политический феномен западной культуры, являющийся одновременно и моделью будущего ее развития, и свидетельством распространения «усредняющих» разрушительных духовно-культурных тенденций бытия человека и общества во всем мире.

Проницательно обозначив эту угрозу доминирования антропологического идеала или типа «среднего человека», К.Н. Леонтьев предвосхитил тем самым идеи Х. Ортеги-и-Гассета о наступающей взамен власти избранных (элит) «власти масс», о формировании типа человека, для которого характерна «усредненность»

и безликость личного существования (понятие «das Man» у М. Хайдеггера и др.) и смежных идей целого ряда западных и русских мыслителей за последнее столетие. При этом одной из определяющих причин появления такого типа человека К.Н. Леонтьев (в отличие от многих западных мыслителей) считал искажение в западном обществе духовного опыта христианства и его нравственного и социального идеала и как следствие – последующий духовно-религиозный кризис, отраженный в мировоззренческом господстве атеизма, нигилизма и материализма.

На наш взгляд, понятие К.Н. Леонтьева применимо в настоящее время не только в качестве характеристики «эгалитарно-либерального процесса» [1, с. 126] его времени, выражающемся в господстве «европейского буржуа» - среднего класса, с одинаковым воспитанием и образованием, человека модерна, вдохновленного идеями индивидуального материального благополучия, политической свободы и научно-технического и социального прогресса, и оторванного от религиозных и сословных традиций. Но и в качестве прогноза в перспективе сегодняшнего дня и будущего развития России и мирового сообщества. «Обозначенный К.Н. Леонтьевым... антропологический тип можно рассматривать в настоящее время в качестве определяющей характеристики трансформаций в западной культуре и обществе, проявляющихся в чертах упрощения и деградации человеческой личности, и прежде всего в духовно-нравственном смысле» [2, с. 46]. Речь идет об угрозе бытию самого человека, его жизненным смыслом и идентичности, как наследника христианской цивилизации, угрозе, касающейся всех социальных слоев, в том числе и прежде всего представителей политической и культурной элиты.

В начале XXI века можно говорить уже не о «власти масс», усредненного в своих духовных, нравственных, эстетических и иных потребностях социального слоя большинства. А о власти элит, лишенных культурного и интеллектуального аристократизма, потерявших духовно-ценностные качества элиты, ставших людьми массы и переставшими быть собранием лучших, избранных, явившимися псевдоэлитами, узурпировавшими историческую субъектность элит.

Речь, прежде всего, идет о западных псевдоэлитах – как наследниках процессов, о которых говорил еще в конце XIX века К.Н. Леонтьев, имея в виду европейское буржуазное общество, приведших к отрицанию ценностей христианской культуры и традиционного общества. Согласно К.Н. Леонтьеву, идеалы Просвещения превращаются в господство однообразия и усредненности, в постепенное исчезновение незаурядных творческих личностей и подвижников, способных определять общественное развитие в историческом масштабе. Ведь, по его убеждению, появление таких личностей возможно благодаря влиянию религии и традиционной (христианской) морали, что утрачивается в европейском обществе.

В современном же западном обществе можно наблюдать очевидное (биологическое) старение и творческое «выгорание» политической элиты, выросшей на ценностях общества модерна, носящего в себе идеал рациональных действий во имя некоего всеобщего прогресса, гуманности и демократии. «Старая» элита деградирует, солидаризируясь с нравственной и культурной

деградацией части общества и утрачивая самую точку нравственной оценки собственной жизни и легитимности. Новая элита оказывается еще более «средней», формируясь из смешанной в национальном и культурном отношении социальной среды с достаточно низким уровнем образования и сомнительными личными нравственными ценностями, противоречащими не только религиозно-культурным традициям, но и всякой ориентации на рационально мотивированное согласие в обществе. Так называемая элита все более явно обнаруживает ущербность не только в нравственном поведении, но и в интеллектуально-творческих способностях. Погруженность в заботы об индивидуальном благополучии и эпикуреизм сочетается с неспособностью к творческим решениям и полным забвением национальных интересов и ценностей. Личную нравственную распущенность и политическую несостоятельность ряд представителей западных элит (Б. Джонсон, О. Шольц и др.) выставляют как некую естественную привилегию. Национальные интересы публично объявляются абсолютно вторичными по отношению к реализации глобального замысла противостояния России (как это имеет место быть в выступлениях А. Бербок по украинскому вопросу).

Ответом на кризис элит становится увеличение количества различных антиглобалистских политических и социальных движений, направленных, по сути, против господства международных элит, противоречащим национальным интересам стран. Можно отметить и рост национально-религиозной напряженности, что обусловлено презрением элит к ценностям религиозных сообществ и национальным традициям. Представители европейской и американской политических элит в большинстве своем недооценивают глобальные военно-политические риски, связанные с попыткой отстоять прежний мировой порядок на принципах американской гегемонии. В массах, как и даже в большей степени в элитах, процессы нравственной деградации и забвения религиозно-нравственных ценностей приводят от декларации идей равноправия и феминизма к противоестественным формам собственного самоутверждения – отрицанию гендерных различий между людьми (заключение однополых браков, реализация принципов гендерной условности или вариативности), и в этом смысле формируется настоящий «средний» человек. Остальная часть общества, придерживающаяся традиционных нравственных ценностей, вынуждена под давлением элит принимать позицию терпимости, в противном же случае быть готовым к вытеснению в маргинальную и даже противозаконную область экстремизма.

Следует сказать и об отечественных прозападных псевдо элитах, появившихся вследствие вовлеченности в 90-е годы прошлого столетия в процесс европеизации и американизации части общества на территориях бывшего СССР, воспитанных на ценностях западных элит. В свое время, в самом начале 2000-х А.С. Панарин точно определил диагноз состояния постсоветского общества (90-е и последующая инерция таковых): народ без элиты. Долгое время в маргинальной социальной сфере, на уровне «глубинного государства» оставались представители настоящей духовной и культурной элиты – духовные лица, учителя, врачи, военные. Однако среди власть предрежащих и владеющих

основными капиталами оказались «русские», чуждые русским духовным ценностям и потому, говоря языком экзистенциализма, живущие неподлинной экзистенцией, или иначе - «нелегитимные подпольщики» и «лишние люди» [3, с. 112]. Зародился вырожденческий антропологический тип элиты «новых русских». В ситуации проведения на территории бывшей УССР с февраля 2022 года специальной военной операции обнаружились новые последствия воспитания российской псевдоэлиты. Часть общества, известные представители сферы искусства и бизнеса, бежали из страны, давшей им материальный достаток, стыдясь своего происхождения, проявляя качества «средних» людей - озлобленности, инфантильности и обычного предательства. Антропологический нравственный катастрофизм в элитах способен определять социальный катастрофизм через отсутствие духовного единства и усиление конфликтности в обществе. Негативным примером, в особенности, явился и недавний странный запрет со стороны местных властей г. Горячий Ключ на похороны погибших в ходе военных действий воинов ЧВК «Вагнер», запрет, впрочем, благополучно преодоленный обществом, так как общество становится, очевидно, другим, по сравнению с предшествующим постсоветским периодом, обществом, способным по крайней мере к действенной оценке поступков представителей псевдо элиты.

Обвиняя Россию в будто бы объявленном «крестовом походе» против Запада и его ценностей [4], западные политические элиты в подавляющем большинстве своем осуществляют в последние годы настоящий «крестовый поход» против России и Русского мира. Причем если до последнего времени духовная составляющая агрессии Запада являлась несколько в прикровенном виде, то с началом специальной военной операции она стала заметна со всей очевидностью. Антихристианская, сатанинская сущность ценностей, навязываемых западными элитами, была обозначена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным в его выступлении [5]. Эти ценности состоят, по сути, в «расчеловечении человека... через уничтожение христианской нравственности» [6].

Западная псевдоэлита стремится элиминировать все социальные опоры бытия православного русского человека, как наиболее радикальной антитезы «среднему человеку». Выселение в конце марта 2023 года прозападными украинскими властями монахов из Киево-Печерской Лавры - места примеров (древне) русской святости и современного духовного подвига – знаковая попытка осуществить данное стремление, свидетельствующая о критическом моменте ценностного противостояния России и Запада, влекущая глубокие духовно-исторические последствия. И это неслучайно, поскольку признаками здоровья любого социального и культурного организма, как небезосновательно утверждал в свое время К.Н. Леонтьев, является живое действие и взаимодействие ведущих социальных сил – Церкви, верховной государственной власти, народа. А западные политические элиты и стремятся разрушить данное основание Русского мира. В ответ на эти действия, на наш взгляд, необходима политическая поддержка социального института Русской Православной Церкви на всей территории бывшей УССР.

С началом специальной военной операции в сознании российского общества происходит, на наш взгляд, постепенное преодоление идеологии «среднего человека», потребителя и обывателя, находящегося во власти либеральных ценностей, лишенного живого чувства Родины, неспособного к духовному подвигу и пониманию важности общих государственных задач. Заметная часть общества участвует в добровольческой помощи русским воинам и народу Донбасса. В пространстве Русского мира кеносис Божий продолжается в личных судьбах героев спецоперации. Все большее осознание общего дела дается через страдание и сострадание, через восприятие христианских качеств служения ближним, реализацию стояния за Правду и проявление милосердия к врагам. В современном противостоянии с Западом Россия осуществляет исключительный жертвенный выбор, по сути говоря, берет на себя христианскую миссию защиты высших духовных ценностей, на которых строится достойное человеческое бытие личности и общества. В современной ситуации как никогда необходимо созидание всеми общественными силами позитивного национального самосознания и воспитание новой элиты российского общества, не чуждой ее ценностям и государственным интересам.

Список литературы

1. Леонтьев К.Н. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // Леонтьев К.Н. Избранное. М.: Рарогъ, 1993. 400 с.
2. Рожковский В.Б. «Средний человек» в социально-политической концепции К.Н. Леонтьева // Философия права. 2022. № 3. С.45-51.
3. Панарин А.С. Народ без элиты. М.: Алгоритм, 2004. 420 с.
4. Канцлер Олаф Шольц считает нападение России на Украину крупным крестовым походом против Запада / Handelsblatt: 13.10.2022. –URL: <https://www.handelsblatt.com/politik/international/liveblog-zum-ukraine-krieg-alle-entwicklungen-macron-werde-jedes-mal-mit-putin-reden-wenn-es-noetig-ist-russland-meldet-erstmal-todgerade-einberufener-soldaten/27982126.html> (дата обращения 19.01.2023).
5. Стенограмма обращения Президента Российской Федерации (30.09.2022 г.) –URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-obraschenija-prezidenta-rossiiskoi-federacii-30-09-2022.html> (дата обращения 19.01.2023).
6. Митрополит Черногорский Амфилохий. Сегодня происходит расчеловечение человека [Электронный ресурс] - URL: https://azbyka.ru/otechnik/Amfilohij_Radovich/mitropolit-chernogorskij-amfilohij-segodnja-proishodit-raschelovechenie-cheloveka/ (дата обращения 19.01.2023).

ВЕРА И РЕЛИГИОЗНАЯ АКТИВНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА ВОРОНЕЖА

Романович Н. А.

*Доктор социологических наук,
РАНХиГС при Президенте РФ (Воронежский филиал),
профессор кафедры политологии и политического управления;
генеральный директор Института общественного мнения «Квалитас»
E-mail: nelly@qualitas.ru*

***Аннотация.** Декларация того или иного вероисповедания далеко не всегда совпадает с интенсивностью религиозной активности населения. В статье анализируются результаты социологических опросов жителей города Воронежа, проведенных в течение последних десяти лет. Установлены тенденции, связанные с численностью верующих горожан, называющих себя православными, и их религиозным поведением. Рассматривается традиционный парадокс, заключающийся в том, что православных респондентов насчитывается больше общего числа верующих. Выдвигается гипотеза о причастности населения скорее к православной культурной традиции, чем к конкретным религиозным убеждениям. Анализируются причины уменьшения числа исповедников и причастников за последние годы. Устанавливается количество горожан, соблюдающих установленные Православной церковью посты. Выявляется численность населения, религиозная жизнь которого сопряжена с молитвенным обращением к Богу и чтением религиозной литературы. Изучаются тенденции религиозной активности населения, имеющие место в последние годы.*

***Ключевые слова:** вера, вероисповедание, религиозная активность, исповедь, молитва, социологический опрос.*

FAITH AND RELIGIOUS ACTIVITY OF VORONEZH CITY RESIDENTS

Nelly A. Romanovich

*Doctor of Sociology,
Professor of the Department of Political Science and Administration,
General Director of the Public Opinion Institute "Qualitas"
Email: nelly@qualitas.ru*

***Abstract.** The declaration of one or another religion does not always coincide with the intensity of religious activity of the population. The article analyzes the results of sociological surveys of residents of the city of Voronezh, conducted over the past ten years. Tendencies associated with the number of believing citizens who call themselves Orthodox and their religious behavior have been established. The traditional paradox is considered, which consists in the fact that there are more Orthodox respondents than the total number of believers. A hypothesis is put*

forward about the involvement of the population in the Orthodox cultural tradition rather than in specific religious beliefs. The reasons for the decrease in the number of confessors and communicants in recent years are analyzed. The number of citizens who observe the fasts established by the Orthodox Church is established. The number of the population whose religious life is associated with a prayer appeal to God and the reading of religious literature is revealed. The tendencies of religious activity of the population that have taken place in recent years are being studied.

Keywords: faith, religion, religious activity, confession, prayer, sociological survey.

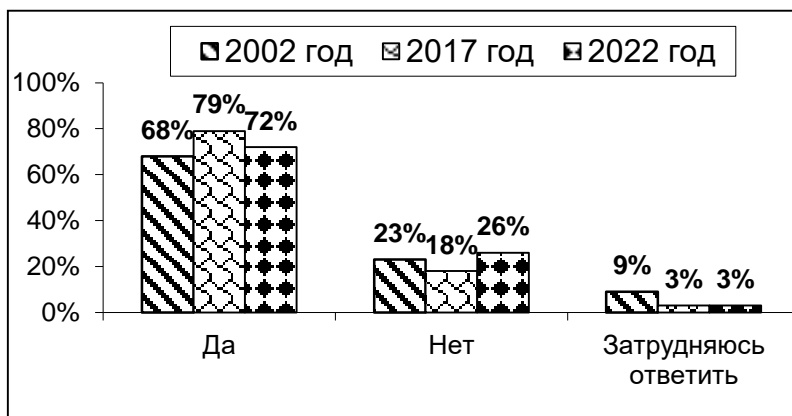
В атеистической атмосфере Советского Союза «верующим» назывался каждый противник государственной религии, которой был признан материализм. Поэтому «верующим» становился тот, кто признавал наличие высшего разума или попросту не был атеистом (вне всякой зависимости от вида конфессии и прочих тонкостей). Такое восприятие индифферентного слова «верующий» сохраняется и поныне.

Институт общественного мнения «Квалитас» в сентябре 2022 года опросил 600 человек по репрезентативной для взрослого населения города Воронежа выборке по вопросам, связанным с религиозной жизнью [1]. Подобный опрос был проведен 2017 году [2]. Некоторые из вопросов были заданы воронежцам в 2002 году [3]. Таким образом, мы располагаем результатами трех опросов, проведенных с разницей в пять лет, и имеем возможность сравнить ответы горожан.

Вера и верующие. На вопрос, «Считаете ли Вы себя верующим человеком?», в 2022 году 72% воронежцев ответили утвердительно, а 26% жителей города – отрицательно. Затруднились ответить на вопрос только 3% опрошенных (график 1).

График 1.

«Считаете ли Вы себя верующим человеком?»

В 2022 году люди чаще называли себя верующими (72%), чем в 2002 году (68%), но реже, чем в 2017 году. В первые десятилетия текущего века наблюдался мощный приток в религию самых различных слоев общества в качестве реакции на прекращение атеистической пропаганды и снятия запретов на веру. Пытались найти себя в религии и самые далекие от неё люди. А в настоящее время шелуха и мякина постепенно отсеивается, оставляя очищенные зерна.

Вероисповедание. В ответах на вопрос: «К какому вероисповеданию Вы себя относите?», - исследователи получают традиционный парадокс: православных респондентов (81%) насчитывается больше общего числа верующих (72%). Можно сделать вывод: декларируемая принадлежность к внушительной когорте православных чаще означает включенность в православную культуру России, чем наличие конкретных религиозных убеждений.

Расчет корреляционных связей между верой и исповеданием показывает, что среди людей, называющих себя православными, 14% откровенно не верят в Бога, а 2% находятся в подвешенном состоянии между верой и неверием (затруднились ответить на вопрос о наличии веры). А из тех, кто причислил себя к атеистам, 45% опрошенных считают себя православными людьми.

Среди тех, кто исповедует православие, мужчин (74%) заметно меньше, чем женщин (86%). Повышение возрастной планки увеличивает число исповедников православия с 61% до 93%.

В целом ответы на вопрос: «К какому вероисповеданию Вы себя относите?», - выглядели так: православие – 81%, католичество – 0,7%, ислам – 1,7%, другое – 9,6%, затрудняюсь ответить – 7%. А в 2017 году распределение по основным конфессиям было следующим: православие – 88%, католичество – 0,3%, ислам – 0,7%, протестантизм – 0,5% [2].

Посещение храма. Православие предполагает не только «веру в душе», но и следование определенным каноническим правилам, которые установлены Православной церковью. Одно из обязательных правил – это посещение храма, участие в церковных службах.

Как часто православные посещают храмы? Никогда не выполняют это правило 9% опрошенных, считающих себя «православными» (среди молодежи - 15%). Остальные с той или иной степенью регулярности посещают церковные службы.

Довольно регулярно (раз в месяц и чаще) посещают храмы 17% жителей Воронежа. Среди людей старшего возраста (от 50 до 60 лет) число регулярных посетителей церковных служб (прихожан) возрастает до 26%.

Менее регулярно – несколько раз в год – бывают на службе в церкви 45% жителей областного центра. Среди таких людей родители, имеющие несовершеннолетних детей, приходят в храм чаще (51%), чем те, у кого подрастающих детей нет (41%); женатые чаще (50%), чем холостые (31%) или люди, состоящие в гражданском браке (31%). Таких посетителей храмов по случаю меткий народный язык окрестил «захожанами».

Реже, чем раз в год, посещают храмы 30% «православных». Возможно, эти люди прибегают к церковной службе только в исключительных ситуациях, когда требуется обряд крещения, венчания, отпевания...

Пять лет назад воронежцы отвечали на этот же вопрос так: *реже, чем раз в год* – 21%, *несколько раз в год* – 48%, *раз в месяц и чаще* – 26%, *никогда* – 5% [2]. За прошедшее время уменьшилось как количество прихожан, так и «захожан». Увеличилось число тех, кто приходит в храм реже, чем раз в год или никогда.

Исповедь и причастие – неперенные атрибуты православной жизни. На вопрос: «Как часто нужно к ним приступать?», – можно найти разные ответы в истории христианства. В апостольские времена первые христиане к ним приступали ежедневно, это был пик напряжения духовной жизни. По мере удаления от апостольских времен и оскудения веры потребовалось установление правил. Например, 80 правило VI Вселенского Собора требует отлучения тех, кто не причащался три недели подряд. Правило обязательного причащения хотя бы раз в три недели с тех пор никто не отменял, но Церковь всегда ориентировалась на состояние духа своих прихожан. В Синодальный период в царской России установилась практика обязательного причащения и исповеди хотя бы один раз в год. Сегодня вновь нормой считается причащение за каждой Литургией, на которой присутствует христианин, но не реже раза в три недели.

В 2022 году старались соблюдать это правило только **3%** опрошенных – они исповедуются и причащаются раз в месяц и чаще. Среди молодежи это число возрастает до **6%**. Несколько раз в год подходит к евхаристической чаше **16%** православных христиан. Реже, чем раз в год, бывают на исповеди **40%**, а никогда не причащались **42%** респондентов. За пять последних лет число исповедников и причастников поубавилось, судя по ответам на вопрос в 2017 году: «**Как часто Вы исповедуетесь и причащаетесь?**», - *реже, чем раз в год* – 39%, *несколько раз в год* – 19%, *раз в месяц и чаще* – 4%, *никогда* – 38%. [Бюллетень 2027-07]. Не исключено, что это связано с двумя годами пандемии.

Православный пост. В Русской Православной Церкви число постных дней по церковному календарю в отдельные годы доходит до двухсот. В числе этих дней четыре многодневных поста (Великий, Петров, Успенский, Рождественский) и однодневные посты (среда и пятница) в течение всего года. Во время поста прекращается употребление "скоромных", т.е. мясных, молочных и других продуктов животного происхождения, в том числе яиц, но можно есть растительную пищу, включая овощи и фрукты, иногда рыбу.

Не соблюдают никакие посты **71%** жителей Воронежа, называющих себя «православными». Мужчины особенно неохотно себя ограничивают в пище. Так, среди женщин не признают постов **68%** опрошенных, а среди мужчин – **74%**.

Полностью придерживаются предписания Православной церкви и постятся не только все многодневные посты, но также и в среду, и в пятницу только **2%** опрошенного населения. Здесь нет различий между поведением

мужчин и женщин, но чаще других это практикуют пожилые люди (3%). Кроме того, ещё некоторые опрошенные (1%) соблюдают четыре многодневных поста (игнорируя среду и пятницу). А у каждого десятого респондента выработалась практика соблюдать только один Великий пост (10%), который длится 40 дней, плюс к нему присоединяется страстная седмица – неделя особо строгого поста перед Пасхой. Но чаще всего жители Воронежа отвечали: «Иногда пощусь, но нерегулярно» - 17%.

За последние пять лет мало что поменялось в сложившейся практике, если судить по ответам воронежцев в 2017 году на вопрос: «*Соблюдаете ли Вы посты?*», - *иногда пощусь, но нерегулярно* – 19%, *только Великий пост* – 10%, *все многодневные посты* – 1%, *все многодневные посты, а также среду и пятницу* – 1%, *не соблюдаю никаких постов* – 69%. Ответы горожан на протяжении пяти лет практически идентичны.

Молитва. А нужно ли молиться? Где и как часто? Иоанн Златоуст считал молитву лакомством для души: «Если для слепого бедствие — не видеть солнца, то сколь велико бедствие для христианина — не молиться непрерывно и не вводить посредством молитвы в свою душу свет Христов». Любое место, по его словам, нисколько не препятствует молитве. Ему вторит св. Василий Великий: «И молиться надобно всегда, при всяком случае». Ветхозаветный св. пророк Даниил говорил сурово: «Лучше мне умереть, нежели оставить молитву на мгновение ока». А уж в апостольских посланиях есть прямое указание на то, что молитва должна быть постоянной: «Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь. О всем благодарите» (1 Сол. 5, 16-18). Непрестанная молитва, тем не менее, была и остаётся редким и потаённым даром, поэтому мы спрашивали горожан лишь о регулярности молитвенного обращения к Богу.

Оказалось, что почти половина православных жителей Воронежа (46%) обращаются к Богу лишь в редких случаях. А регулярно беседуют с Богом 36% опрошенных. Регулярность молитвы возрастает по мере прожитых лет от 32% среди молодежи до 42% среди пожилых людей. В то же время 19% «православных» не молятся вовсе. Последние пять лет не внесли существенных изменений в молитвенное правило воронежцев, если обратиться к ответам горожан в 2017 году: «*Молитесь ли Вы Богу?*», – *в редких случаях* – 45%, *регулярно* – 39%, *не молюсь* – 16%. Хотя создается впечатление наметившейся тенденции сокращения молитвы, но разница в результатах опросов не выходит за рамки статистической погрешности измерения.

Чтение Евангелия и другой религиозной литературы. Говорят, что когда молишься – ты беседуешь с Богом, а когда читаешь Евангелие – Бог беседует с тобой. Чтение Евангелия и писаний святых отцов св. Игнатий Брянчанинов называет необходимейшим условием для жизни православного христианина, «родителем и царем всех добродетелей». В древности часто практиковалось заучивание Евангелия и других книг наизусть. Например, в монастыре св. Пахомия всякий входящий в обитель должен был непременно выучить на память Псалтырь и Евангелие.

Сегодня регулярно читают Евангелие и другую религиозную литературу **9%** православных жителей Воронежа. По мере взросления респондентов регулярность обращения к духовной литературе возрастает в три с половиной раза (с **4%** до **14%**). Женщины чаще открывают Евангелие (**11%**), чем мужчины (**5%**).

Обращаются к духовной литературе изредка **32%** опрошенных. А большинство людей, называющих себя «православными», никогда не читали Евангелие и другие книги религиозной тематики (**59%**).

За прошедшие пять лет чуть больше горожан стали изредка заглядывать в духовные книги, но в целом читательские пристрастия воронежцев не сильно изменились по сравнению с 2017 годом: *«Читаете ли Вы Евангелие и другую религиозную литературу?»*, - да, изредка – 27%, да, регулярно – 9%, нет, не читаю – 65% [2].

Выводы.

После мощного притока в религию самых различных слоев общества в начале века сегодня наблюдается некоторый отсев от религии тех людей, которые были от неё далеки изначально. Это естественный процесс, подобный тому, как отсеивается шелуха, оставляя очищенные зерна.

Имеет место традиционный парадокс: православных респондентов насчитывается больше общего числа верующих, что свидетельствует скорее о принадлежности населения к православной культуре, чем о наличии конкретных религиозных убеждений.

Годы пандемии вынужденно уменьшили число исповедников и причастников. Большинство воронежцев не соблюдают посты, а если и соблюдают, то нерегулярно. Более трети горожан часто обращаются к Богу с молитвой. Регулярность молитвы возрастает по мере прожитых лет. Около десяти процентов жителей города регулярно читают Евангелие и другую религиозную литературу, а треть опрошенных – изредка. Такая картина не меняется на протяжении последних десяти лет.

Список литературы

1. Ежемесячный Бюллетень социологических сообщений по г. Воронежу / под ред. Н.А.Романович. Воронеж: ИОМ «Квалитас», 2022-06. Электронный ресурс. URL: <http://qualitas.ru/ru/publications/bulletin/2022/September> (дата обращения 02.01.2023)
2. Ежемесячный Бюллетень социологических сообщений по г. Воронежу / под ред. Н.А.Романович. Воронеж: ИОМ «Квалитас», 2017-07. Электронный ресурс. URL: <http://qualitas.ru/ru/publications/bulletin/2017/July1> (дата обращения 22.12.2022).
3. Ежемесячный Бюллетень социологических сообщений по г. Воронежу / под ред. Н.А.Романович. Воронеж: ИОМ «Квалитас», 2002-02. Электронный ресурс. URL:

<http://qualitas.ru/ru/publications/bulletin/2018/April> (дата обращения 19.12.2022).

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СИСТЕМНО-СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКИМИ ПРОЦЕССАМИ

Сенюшкин Е. А.

*Кандидат политических наук,
Крымский федеральный университет им.В.И.Вернадского,
доцент кафедры политических наук и международных отношений
E-mail: seniushkin.evgen@yandex.ru*

Сенюшкин М.Е.

*Стажёр-исследователь
E-mail: senyushkin.m@yandex.ru*

Аннотация. *Исследования, посвящённые государственному управлению политическими процессами – наиболее динамично развивающееся направление, формирующееся в контексте междисциплинарного подхода, на стыке политологии и государственного управления, философии, социологии, психологии и др. В статье анализируются методологические возможности системно-синергетического подхода применительно к поиску действенных механизмов государственного управления политическими процессами, как с точки зрения его теоретико-методологического обоснования, так и практического применения.*

Ключевые слова: *Государственное управление, политические процессы, системно-синергетический подход, управление сложными системами, методология политической науки.*

FEATURES OF THE APPLICATION OF THE SYSTEM-SYNERGETIC APPROACH IN THE STATE MANAGEMENT OF POLITICAL PROCESSES

Senyushkin E. A.

*Candidate of Political Sciences,
V.I.Vernadsky Crimean Federal University,
Associate Professor of the Department of Political Sciences and International Relations
E-mail: seniushkin.evgen@yandex.ru*

Senyushkin M.E.

E-mail: senyushkin.m@yandex.ru

Abstract. *Research on public administration of political processes is the most dynamically developing direction, emerging in the context of an interdisciplinary approach, at the intersection of political science and public administration, philosophy, sociology, psychology, etc. The article analyzes the methodological possibilities of the system-synergetic approach in relation to the search for effective mechanisms of state management of political processes, both from the point of view of its theoretical and methodological justification and practical application.*

Keywords: *Public administration, political processes, system-synergetic approach, management of complex systems, methodology of political science.*

Объективная сложность и многоаспектность государственного управления политическими процессами обуславливают разнообразие подходов к исследованию этой темы и широкий спектр теоретических рефлексий, форм и способов ее осмысления, поиска путей решения конкретных политических проблем, определения основополагающих принципов построения стратегических программ и практических политических проектов с учётом их системного понимания.

Исследования, посвящённые государственному управлению политическими процессами в современной политологии – наиболее динамично развивающееся направление, формирующееся в контексте междисциплинарного подхода, на стыке политологии и государственного управления, философии, социологии, психологии и др. Одним из наиболее актуальных аспектов данной темы можно считать разработку методологического обоснования государственного управления политическими процессами на основе системно-синергетического подхода.

Анализ научных публикаций, посвященных государственному управлению политическими процессами, свидетельствует о многообразии концептуальных подходов и направлений в этой сфере исследований.

Методологические принципы системного подхода исследованы в трудах В.Г.Афанасьева, А.А.Богданова, Л.Берталанфи, В.М.Глушкова, Р.Мертон, М.Месаровича, Т.Парсонса, А.И.Умова, Э.Г.Юдина и др. Исследования по синергетике представлены в трудах В.В.Васильковой, В.А.Карташова, Е.Н.Князевой, С.А.Кузьмина, С.П. Курдюмова, И.И.Пригожина, В.Н.Спицнаделя, Г.Хагена и др.

Однако системно-синергетический подход в качестве методологической основы исследований в этой сфере знания остается недостаточно изученным, поэтому особую актуальность приобретает изучение методологических возможностей системно-синергетического подхода применительно к поиску действенных механизмов государственного управления политическими процессами, как с точки зрения его теоретико-методологического обоснования, так и практического применения.

Исходя из сказанного выше, целью данной статьи является анализ возможностей применения системно-синергетического подхода к государственному управлению политическими процессами.

Прежде чем перейти к рассмотрению методологических оснований системно-синергетического подхода, кратко остановимся на оценке проблемной ситуации, возникшей в современной политологии и связанной с поиском адекватных методов для научных исследований в этой сфере знания.

Политическая наука на современном этапе ее развития испытывает влияние методологического кризиса. Кроме того, в современной политологии становится заметным отставание теоретического осмысления объективных политических процессов от реальных проявлений социальной динамики. В решающей мере это связано с тем, что методология политической науки не сформировалась как ядро познавательной системы. По мнению многих исследователей, сегодня необходим качественный переворот в политической философии и методологии.

Одно из наиболее проблематичных направлений в политологии связано с поиском методологии, которая дает возможность адекватно реагировать на быстроменяющиеся условия в сфере политических отношений. В связи с этим возникает необходимость в качественно новом инструментарии, который дает возможность не только объективно оценивать политические процессы, но и своевременно и эффективно реагировать на новые вызовы. Возникает необходимость в новых типах категорий, которые помогают описать связи и отношения внутри политической системы с целью наиболее эффективного влияния на происходящие процессы.

В самом общем виде проблемная ситуация в методологическом смысле может быть охарактеризована как проявление противоречия между существующим старым знанием и вновь обнаруженными результатами теоретического или эмпирического исследования [3, с. 40]. В политологии такое противоречие выражается в несоответствии прежних методов теоретического познания новым явлениям в политической практике. В результате прежние методы оказываются неспособными объяснить новые политические тенденции и факты.

Для методологического обоснования целесообразности применения системно-синергетического подхода в сложившейся ситуации в политической науке обратимся к введенным Т.Куном [5] представлениям об аномальных фактах, которые обнаруживаются в рамках определенной парадигмы, с которой работает наука. Под *парадигмой*, вслед за Куном, мы будем понимать «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [1, с. 17].

Согласно Куну, первоначально аномалии устраняются путем модификации парадигмы. Однако когда количество аномальных фактов непрерывно возрастает, и они становятся необъяснимыми в рамках прежней парадигмы, тогда аномалия «оказывается чем-то большим, нежели еще одной головоломкой науки, начинается переход к кризисному состоянию, к периоду экстраординарной науки» [1, с. 113].

Чаще всего как методологию в современных отечественных политологических исследованиях используют системный подход. Однако по

мнению ряда авторов, невзирая на многолетние исследования, системная методология остается недостаточно определенной. Основной причиной этого является упрощенное понимание системного метода.

Второе обстоятельство связано с проблемами, которые возникли при использовании системного подхода для концептуального анализа политических процессов в российском обществе. Заимствование этого метода из западной науки, перенесение на отечественную почву и адаптация к местным условиям способствовали формированию механического видения политической системы и искажению системной методологии. В результате политическая система начала рассматриваться как завершенное состояние, хотя, в действительности, она чаще всего является переходом от одного состояния к другому. Кроме того, переходные типы политических систем возникли раньше, чем переходная методология, что привело к кризису метафизического понимания системности.

Для системного метода характерно целостное рассмотрение определенной совокупности объектов – материальных или идеальных – при котором выясняется, что их взаимосвязь и взаимодействие приводит к возникновению новых интегративных свойств системы, которые отсутствуют у составляющих ее объектов [3, с. 276]. При этом система представляет собой абстрактную схему в виде множества конкретных элементов (или их абстрактных представителей с определенным числом и видом отношений между этими элементами. При этом важно подчеркнуть, что любой предмет сам по себе системой не является, системой его делает наше моделирование в качестве такового [2, с. 251].

Исследователи, работающие в рамках системного подхода, выделяют разные типы систем. В рамках нашего исследования целесообразно рассмотреть два типа – *сложные* и *сверхсложные системы*. По мнению С.А.Лебедева, для сложной системы характерны следующие свойства:

1. Система состоит из достаточно большого количества элементов и / или свойств, связей и отношений.
2. Структура и поведение системы не могут быть описаны имеющимися средствами полностью и/или однозначно.
3. Изменения в системе не могут быть описаны линейными математическими уравнениями [2, с. 251-252].

Наличие первого признака характерно для онтологически сложных систем, к числу которых относят системы, имеющие либо *сетевую структуру*, либо *уровневую организацию*, либо состоящие из огромного числа элементов [2, с. 249].

Существуют также *сверхсложные системы*, которые состоят из нескольких сложных систем и обладают высокой степенью организованности и самоуправления. К числу сверхсложных систем исследователи относят общество, государство, национальные и мировые экономики, культуру, и др. [2, с. 249]. Все сверхсложные системы функционируют по своим собственным внутренним законам, обладают большим запасом энергии и способностью к эволюции.

Применение системного метода к исследованию государственного управления политическими процессами позволяет наиболее продуктивно использовать возможности абстрактного мышления. Это связано с тем, что объект исследования с самого начала строится как системный, причем системность этого объекта не дана исследователю изначально, а задается в ходе его методолого-теоретического конструирования. Рассуждая в этом направлении, можно сказать, что политологу в его работе необходим не столько какой-либо развернутый вариант общей теории систем, сколько методологическое осмысление принципов, на основе которых конструируется, задается объект его исследования. Таким образом, в контексте исследований проблематики, связанной с государственным управлением политическими процессами, становятся возможными переосмысление и конкретизация методологического содержания таких понятий системного подхода, как «связь», «организация», «целостность».

Используя рассмотренные выше методологические положения, можно утверждать, что целостное представление о государственном управлении политическими процессами как единой, сложной, иерархической, многоуровневой системе можно получить, используя *системный метод исследования*. Это тем более очевидно, что представление о государственном управлении политическими процессами как системе позволяет продуктивно использовать междисциплинарный синтез.

Опираясь на методологию и концептуальный аппарат системно-синергетического подхода, можно сформулировать *концептуальные обобщения*, которые, на наш взгляд, будут способствовать пониманию существа методологических проблем государственного управления политическими процессами.

Во-первых, политическая система представляет собой совокупность взаимосвязанных элементов, существующих в определенное социальное время и в определенном, но пластичном политическом пространстве.

Во-вторых, решающую роль в государственном управлении политическими процессами играют не только внутренние, но и внешние факторы. Согласно второму началу термодинамики, в закрытых механических системах (где доминируют внутренние противоречия) энтропия растет в строго определенном направлении. Сверхсложные системы рождаются из хаоса среды, под влиянием разового внешнего импульса, приводящего в движение внутренние силы самоорганизации. При этом следует иметь в виду, что в синергетике хаос ассоциируется с понятием случайности. Малое отклонение при определенных условиях может стать существенным для макропроцесса, для развития новой системы. К примеру, в состоянии неустойчивости политической системы деятельность каждого отдельного человека способна повлиять на политический процесс.

В-третьих, политические процессы в своем развитии подчиняются принципу нелинейности. Более того, можно утверждать, что все политические процессы могут быть описаны при помощи нелинейных законов. В свою очередь, нелинейность коррелируется с принципом синергии в политике. В

этом случае *Синергия* (греч.) – *содействие, или совместное действие, усиливающее эффект взаимодействия двух или более факторов* «существенно превосходит простую сумму действий каждого из указанных факторов» [4, с. 184]. Нелинейность также связана с феноменом аттрактора – притягивающего множества (в политических системах это партии, движения, общественные объединения со своими идеологическими установками), к которому сводятся все управленческие решения.

На наш взгляд, системно-синергетический подход также целесообразно использовать как методологическое основание для анализа развития сетевых взаимодействий в системе государственного управления, которые по своей сути являются «отражением нелинейных процессов в пространстве самоорганизации общества» [5, с. 204]. При этом «значительная часть исследований может быть посвящена объяснению динамики сетей, а также средств, с помощью которых они влияют друг на друга» [6, с. 148]. Наряду с этим, следует учитывать, что «исследования, выполненные в рамках этого методологического подхода, часто носят разрозненный и фрагментарный характер» [7, с. 266].

В целом, данный методологический подход позволяет проследить, «как изменяется соотношение между организацией и самоорганизацией в сфере государственного управления политическими процессами, благодаря чему становится возможным объединение методологии научного познания с методологией практического управления со стороны государства и гражданского общества» [5, с. 204].

Рассмотренные выше положения, применительно к изучению проблем методологического характера в исследованиях государственного управления политическими процессами, позволяют нам сформулировать следующие *выводы*:

При формировании и реализации механизмов государственного управления политическими процессами необходим учет механизмов самоорганизации, структурирования, функционирующих в политических системах в соответствии с их внутренними законами развития.

Наиболее перспективными направлениями дальнейших исследований методологических проблем государственного управления политическими процессами можно считать изучение влияния сетевых взаимодействий на формирование и реализацию государственной политики на основе синхронного использования эвристического потенциала сетевого подхода и системно-синергетического метода.

Список литературы

1. Кун Т. Структура научных революций. Пер. с англ. / Т.Кун; Сост. В.Ю.Кузнецов. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 605 с.
2. Лебедев С.А. Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории). Научное

- издание / С.А.Лебедев. – М.: Академический Проект, 2008. – 692 с.
3. Рузавин Г.И. Методология научного исследования. Учеб. пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 1999. – 317 с.
 4. Сеньюшкина Т.А. Синергия политического пространства и социального времени с точки зрения квантовой теории // Политическое пространство и социальное время: синергия смыслов и ценностей. Сборник научных трудов XXXIV Международного Харакского форума 17-20 мая 2018 г., г. Ялта / Под ред. Т.А. Сеньюшкиной. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2018. С. 181-188.
 5. Сеньюшкина Т.А., Сеньюшкин Е.А. Синергетический потенциал управляющего воздействия государства // Политическое пространство и социальное время / Под ред. Т.А., А.В. Баранова. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2016. С. 199-204.
 6. Сеньюшкин Е.А. Методологические возможности применения сетевого подхода к управлению этнополитическими рисками // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2015. Т. 11, № 4. С. 138–151.
 7. Сеньюшкин Е.А. Системный анализ и сетевой подход как методы управления международными конфликтами // Политическое пространство и социальное время: Власть символов и память поколений. Сборник научных трудов XXXVIII Международного Харакского форума 2–5 ноября 2021 г., г. Ялта / Под общ. ред. Т.А. Сеньюшкиной; [науч.ред.: Е.А.Сеньюшкин, Л.Н.Гарас] – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2022. С.265-268.

ЭКОСФЕРА И ЕЕ РОЛЬ В РАЗВИТИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Сеньюшкина М.А.

*Кандидат экономических наук,
доцент, Заслуженный работник образования Автономной Республики
Крым, почётный член Крымской Академии наук
E-mail: senyushkina@yandex.ru*

Сеньюшкин М.Е.

*Стажёр-исследователь
E-mail: senyushkin.m@yandex.ru*

Аннотация. В данной статье на основе развития идей В.И.Вернадского о биосфере и ноосфере обосновывается необходимость введения в научный оборот термина «экосфера» человека, что обусловлено цефализацией человека в развитии современной техногенной цивилизации,

соприкасающейся с фактами обостряющихся противоречий в политике, экономике и социально-культурной сфере.

Ключевые слова: биосфера, ноосфера, цивилизация, сфера, общество.

ECOSFERA AND ITS ROLE AT THE DEVELOPMENT OF CIVILIZATION

Senyushkina M.A.

Candidate of Economic Sciences,

Associate Professor, Honored Worker of Education of the Autonomous Republic of Crimea, Honorary Member of the Crimean Academy of Sciences

E-mail: marsen2@yandex.ru

Senyushkin M.E.

E-mail: seniushkin.m@yandex.ru

Abstract. *The processes of the cefalization of human at the context of the theory of V.I.Vernadsky about biosphere and noosphere are analyzed at the article. The significance of the ecosphere of human, which has influence on the interaction of people at the different spheres: politics, economics, culture, management and others spheres of interactions are defined at the scientific background.*

Keywords: *biosphere, noosphere, ecosphere, civilization, sphere, society.*

«В геологической истории биосферы перед человеком открывается огромное будущее, если он поймет это, и не будет употреблять свой разум и свой труд на самоистребление».

В.И. Вернадский.

Современная эпоха, т.е. XX и начало XXI в.в., характеризуется ускоренным развитием науки, техники, культуры и информатики. В этих условиях проявляется противоречие между развитием материальной базы и культурным потенциалом человека, так как длительное время целью человека оставалось достижение материального благосостояния, в отрыве от его духовных ценностей, что обусловлено отставанием развития коллективного интеллекта от существующей стадии развития общества.

Критический этап обострения глобального экологического кризиса нацеливает на необходимость более глубокого изучения научного наследия В.И. Вернадского, обосновавшего в своих трудах циклы геологического развития природы как «живого вещества» и вхождения в следующую фазу развития – ноосферу. Данная задача представляется нам особенно актуальной в юбилейный год 160-летия со дня рождения известного учёного-энциклопедиста, имя которого вошло в историю развития мировой науки.

В.И.Вернадский обосновал ноосферу следующим образом: «Сейчас мы переживаем новое геологическое эволюционное изменение биосферы. Мы вступаем в нее – в новый стихийный геологический процесс – в грозное время, в эпоху разрушительной мировой войны. Но важен для нас факт, что идеалы нашей демократии идут в унисон со стихийным геологическим процессом, с законами природы, отвечают ноосфере. Можно смотреть, поэтому, на наше будущее уверенно. Оно в наших руках. Мы его не выпустим» [1, с.177].

Исходя из сказанного выше, цель данной статьи заключается в следующем: обосновать вхождение человека, как объекта природы, одаренного мыслительной деятельностью в достижении любой цели, обусловленной новой геологической стадией информационного развития современного общества и раскрыть содержание и значение экосферы человека в наступившей эпохе.

Актуальность данной проблемы обусловлена необходимостью изучения современного состояния морально-этических норм, регулирующих взаимоотношения человека на различных уровнях деятельности. Ознакомление с источниками по данной проблеме показало, что научные исследования направлены на изучение экосферы городов Москвы, Санкт – Петербурга, промышленно-развитых регионов России и других территорий в связи с воздействием на природные ресурсы. Вопросы же, касающиеся экосферы человека, нами не обнаружены в доступных научных исследованиях. Современное состояние коммуникативного пространства отношений человека с другими людьми свидетельствует о проявлении неблагоприятных явлений, влияющих на микроклимат коллективов, в которых протекает жизнь и функциональная деятельность человека. Эти особенности и вызвали необходимость изучения экосферы человека в части обоснования теории и функционального проявления экосферы в современном мире.

Главной целью развития современного общества является сохранение природы и человека во имя будущего планеты. Так как природа под воздействием человека испытывает процессы ее разрушения в результате нерационального использования, которое характеризуется загрязнением почвы, водных ресурсов, атмосферы и самого человека, проживающего в зоне загрязнений. Все это требует вовлечения дополнительного труда и ресурсов для приведения в нормальное состояние загрязненных объектов с целью сохранения жизни на земле.

Современное развитие человечества представляет собой результат пережитых столкновений силовых факторов человеческого общества в реализации определенных целей по переустройству мира, что вызвало военные конфликты на континентальном уровне. Войны есть общественное историческое явление, возникшее с разделением первобытного человеческого общества на классы, связанное с временными, преходящими условиями общественной жизни. Это явление присуще классовым общественно-экономическим формациям, начиная от рабовладельческого строя и

заканчивая современным постиндустриальным обществом. В условиях растущего антагонизма между трудом и капиталом в присвоении современниками результатов наемного труда возникают конфликты по перераспределению богатства и природных ресурсов, морально-этических ценностей и других объектов и на этой основе возрастает значение человека, как объекта биосферы. В этой связи целесообразно провести анализ разрешения конфликтов на европейском континенте между государствами в первой мировой и второй мировой войнах в двадцатом веке.

На основе военного разрешения возникших конфликтов масштабы мировых войн, возникших в XX веке, характеризуются следующими данными:

Первая мировая война (1914-1918 г.г.): в войне участвовало 36 государств, было вовлечено в военные действия 1552 млн. человек, военные действия происходили на территории 14 государств, продолжительность военных действий составляла 1564 дня, и потери людей в боевых операциях достигли более 10 млн. человек.

Вторая мировая война была еще более жестокой и продолжительней, она длилась 2194 дня, то есть, была продолжительнее в 1,4 раза. В боевых действиях участвовали 59 государств, что в 4,2 раза больше, чем в первой мировой войне. В военные действия было вовлечено 2010 млн. человек, т.е. в 1,27 раза больше, а погибло более 30 млн. человек и ранено более 35 млн. человек, что больше в три раза, чем в первой мировой войне [2, с. 546]. Мне, как человеку, испытывшему на себе те трагические дни в жизни нашего народа, эти данные понятны и доступны не только из литературных источников, но и из опыта собственной жизни и окружающих мне людей того периода.

Анализ этих событий был применен нами для того, чтобы обосновать теорию экосферы человека, предлагаемой автором в качестве новой гипотезы в современной развивающейся биосфере как оболочки живого вещества Земли, обусловленной научной теорией В.И. Вернадского. Согласно исследованиям В.И. Вернадского, живое вещество Земли - это совокупность взаимодействующих между собой организмов растительного и животного мира, населяющих атмосферу, гидросферу, литосферу, как образующий особый слой Земли, т.е. биосферу, а именно, оболочку живого вещества. В результатах исследований В.И. Вернадского отмечается, что человек также имеет свою временную геологическую фазу развития. В частности, В.И.Вернадский считал, что «геологический эволюционный процесс отвечает биологическому единству и равенству всех людей - Homo sapiens и его геологических предков *Sinanthropus* и др., потомство которых для белых, красных, желтых и черных рас – любым образом среди них всех – развивается безостановочно в бесчисленных поколениях. Это закон природы. В историческом состязании, например, в войне такого масштаба, как нынешняя (т.е. вторая мировая война – М.С.) в конце концов побеждает тот, кто этому закону следует. Нельзя безнаказанно идти против принципа единства всех людей, как закона природы» [1, с. 174].

Следовательно, гипотеза Закона природы, который определяет безостановочное развитие во всех поколениях, следующих одно за другим, в условиях равенства и справедливости, действует и в современных условиях. Там, где ставятся равнодействующие и справедливые цели в достижении каких-либо задач, побеждает тот, кто следует данной цели. Этот закон, выведенный В.И. Вернадским, подтвердил победу здравых сил во второй мировой войне и построении общества после победы советского народа над фашизмом в 1945 году. Современный этап мирового развития по теории В.И. Вернадского представляет вхождение биосферы в ноосферу. Это характеризуется тем, что мыслительная деятельность человека вышла на более высокие рубежи общечеловеческой деятельности. Военные конфликты в мире разрешились достижением высокого уровня наукоемких производств, требовавших использования законов физики, химии, биологии, математики и других отраслей знаний для создания мощной материально-технической базы и интеллектуального потенциала для достижения целей развития человека и его растущих потребностей. Расширение интеллектуального потенциала во всем мире осуществлялось за счет развития науки и знаний. Свидетельством этому является выход человека в космическое пространство. В. И. Вернадский по этому поводу писал: «В будущем нам рисуются как возможные сказочные мечтания: человек стремится выйти за пределы своей планеты в космическое пространство. И, вероятно, выйдет» [1, с.176]. Его мечты оправданы тем, что экосфера человека способствовала такому интеллектуальному прорыву, который оказался способным вывести науку и знания за короткий период времени на высокий уровень ее развития.

Что же представляет собой экосфера человека? Анализ этого термина исходит из его этимологии, а именно – «эко» происходит от греческого – «*coiros*» – дом, родина, что означает состояние планеты как дом, или место обитания человека, окруженное особой оболочкой – биосферой. Сфера, также происходит от греческого – «*sphaira*» – шар и означает среду обитания. Следовательно, по определению В.И. Вернадского, биосфера - это совокупность живого вещества, населяющего нашу планету Земля. Человек же представляет высшую форму части биосферы, благодаря развитому разуму, который воздействует на биосферу и способен вызывать изменения в биосфере для создания материальных и интеллектуальных благ с целью собственного развития, которое сопровождается определенным воздействием на биосферу, т.е. для этих явлений характерна цефализация человека. Изменения самого человека, как «живого вещества», обосновано В.И. Вернадским.

В контексте сказанного выше рассмотрим научные факты, характеризующие процесс цефализации человека, приведенные В.И. Вернадским. Понятие «цефализации» человека обосновано В.И.Вернадским на основе научного анализа трудов Д.Д. Дана (1813-1895 г.г) – минералога и биолога. В.И. Вернадский указывает, что «в явлении жизни я ввел вместо понятия «жизнь» понятие «живого вещества», сейчас, мне кажется, прочно утвердившееся в науке. Живое вещество есть совокупность живых

организмов. Это не что иное, как научное, эмпирическое обоснование всем известных и легко наблюдаемых бесчисленных, эмпирически бесспорных фактов. ...В ходе геологического времени живое вещество изменяется морфологически согласно законам природы. История живого вещества в ходе времени выражается в медленном изменении форм жизни, форм живых организмов, генетически между собой непрерывно связанных, от одного поколения к другому, без перерыва» [1, с.170].

Следовательно, под влиянием времени происходят морфологические изменения живого вещества. А человек и есть живое вещество, которое также подвержено медленным изменениям его биологических, биохимических, биофизических свойств посредством мыслительной деятельности в интересах совершенствования самой жизни. В этой связи В.И. Вернадский отмечает: «...эмпирическое обобщение показывает, что эволюция живого вещества идет в определенном направлении. Это явление было названо Дана “цефализацией”, Дана подобно Дарвину, пришел к этой мысли, к этому пониманию живой природы во время своего кругосветного путешествия» [1, с.171].

Таким образом, цефализация - это объективное, характерное явление в развитии человека, которое проявляется в результате медленного воздействия сил природы на морфологические изменения человека, через мыслительную деятельность, изменения самих способов жизнедеятельности при использовании сил природы, т.е. ее живого вещества: растений, животных, микроорганизмов, а также и косного вещества, т.е. окружающей среды: полезных ископаемых, почвы, воды, солнечной и ветровой энергии и других природных богатств. Живое вещество с помощью разума превращается в другие виды продуктов труда, которые потребляются человеком для поддержания его жизни, т.е. в виде продуктов питания, одежды, обуви, жилища, создания интерьера, духовного наслаждения и т.д. Приведенный анализ показывает, что деятельность человека сопровождается объединением разума и физической силы для создания материальных, интеллектуальных благ для продолжения жизни в настоящем и будущем времени. Окружение оболочки человека, т.е. его сферы, сопряжено с использованием живого вещества, его сохранения и приумножения в интересах развития будущих поколений. Таким образом, *экосфера* - это составная часть ноосферы, определяющая состояние человечества на соответствующем этапе его развития. Экосфера, как совокупность элементов, определяющих структуру человеческого сообщества, выражается состоянием психофизиологических проявлений человека в общей совокупности людей: в семье, трудовой деятельности, политике, во взаимном общении на уровне региона, территории, государства и т.п., так как его деятельность является определяющим фактором состояния биосферы. Об этом свидетельствуют неблагоприятные ситуации, возникающие между людьми при отставании разума человека от его действий, проявляющихся в виде таких негативных нравственных качеств, как грубость, хамство, невежество и т.п. Следовательно, цефализация человека проявляется как элемент, характеризующий экосферу человека на определенном этапе

развития соответствующей эпохи, ибо экосфера есть процесс медленного морфологического превращения человека в более высокую степень ее выражения.

Экосфера, как оболочка человеческого общества, имеет важное социально-экономическое, политическое и культурное значение в развитии современной техногенной цивилизации. Экосфера выражена биохимической, биофизической, биологической морфологией развития человеческого общества, обусловленного развитием высшей нервной системы – мозга, кровообращения, обмена и усвоения веществ человеческим организмом. Поскольку индивидуальные свойства человека неповторимы, т.е. они не тождественны в сравнении с другим индивидом, то его проявления характеризуются признаками проявления темперамента, а также свойствами характера человека, зависящего от уровня воспитания, ибо темперамент выражает генетические свойства человека и не является результатом воспитательной функции окружающей его среды. В этой связи экосфера человека имеет различия в своем проявлении в общем контексте социального развития. Примером этому могут служить события, произошедшие в зале заседания Верховного Совета Украины 16 декабря 2010 года, когда разразился скандал среди отдельных групп депутатов с применением силовых приемов и соответствующих орудий, пущенных в ход при выяснении отношений между депутатами. Оценка же этих событий дана как безнравственная и определена привлечением к ответственности участников драки.

Из приведенного анализа видно, что экосфера человека имеет различия в разных сегментах социума. Следовательно, экосфера человека требует научного подхода к изучению проявляющихся противоречий в современном мире между индивидами, между политиками, государственными деятелями и всеми людьми, вовлеченными в геологическую фазу современного развития.

Поскольку экосфера – это оболочка, окружающая человека, и к тому же она не видима, неосязаема, т.е. не осязательна, т.к. не имеет свойств материального выражения, состоящего из определенных свойств атома. Строение любого вещества характеризуется свойствами тела, существующего в пространстве. В этой связи различаются твердые, жидкие, газообразные тела. Тело человека и других живых веществ обладает особыми свойствами, обусловленными физиологией и анатомией его строения и действием солнечной энергии. Экосфера как оболочка тела проявляется у человека через его воздействие на окружающую среду посредством умственной и физической деятельности в процессе любого вида труда. Сочетание умственного и физического труда проявляется функционированием мысли человека. В этой связи В.И. Вернадский отмечает: «Здесь перед нами встала новая загадка, Мысль не есть форма энергии. Как же может она изменять материальные процессы? Вопрос этот до сих пор научно не разрешен» [1, с. 176]. Думается, что мысль – это проявление экосферы человека, т.е. действие его оболочки, как воздействующей на окружающую среду, и зависит она (мысль) от уровня воспитания, постепенного формирования чувственности, т.е. проявления души и духа. Следовательно, В.И.Вернадский был прав, что мысль не есть

энергия. Экосфера человека как чувственное выражение формирует нравственность, как проявление психической деятельности, которая выражается темпераментом человека и его характером. «Темперамент в Павловском понимании, есть ни что иное, как наиболее общая характеристика высшей нервной деятельности» [3, с.157]. Однако наряду с темпераментом проявление чувственности зависит от способностей человека. Согласно исследованиям А.Г. Ковалева и В.Н. Мясищева «способность представляет собой выражение соответствия между требованиями деятельности и комплексом нервно-психических свойств человека, обеспечивающих высокую количественно-качественную продуктивность и рост его деятельности, которое проявляется в высокой быстро растущей (по сравнению со средним человеком) умелости овладевать этой деятельностью и владеть ею» [4, с. 60]. Следовательно, способности - это комплекс врожденных и приобретенных свойств человека, обеспечивающих ему возможность проявлять себя в определенном виде деятельности: музыке, науке, искусстве, управлении, в быту, семье и т.д.

Проведенный анализ показывает, что экосфера человека проявляется через его темперамент и способности. Они (темперамент и способности) являются функцией экосферы человека. Темперамент как врожденное свойство характеризует человека в качестве: холерика, сангвинника, флегматика или меланхолика. Использование свойств темперамента в оценке экосферы человека применяется при его характеристике для выдвижения на какую-либо сферу жизни: учебу, трудоустройство, при оценке моральных и физических качеств для рационального использования как «живого вещества» в общественной среде. Способности характеризуют экосферу человека как потенциал, составляющий элемент производительной силы человека, возможностей его появления «как живого вещества» в жизненной ситуации.

Выводы. Научный анализ особенностей проявления сущностных свойств человека в условиях современной техногенной цивилизации определяется состоянием экосферы.

Экосфера — это составляющая ноосферы, определяемая оболочкой жизненной среды, биосферы, обоснованной В.И. Вернадским как «оболочки, в которой могут происходить изменения, вызванные приходящим солнечным излучением» [1, с. 161].

Ноосфера по определению В.И. Вернадского «... есть новое геологическое явление на нашей планете. В ней, впервые человек становится крупнейшей геологической силой. Он может и должен перестраивать своим трудом и мыслью область своей жизни, перестраивать коренным образом по сравнению с тем, что было раньше» [1].

В условиях современного кризиса мировой политики концепция ноосферы приобретает новое звучание. «В решающей степени это связано с тем, что понятие ноосферы основывается на идее о неизбежности вхождения планеты Земля в новую эпоху – ноосферу, что может быть осуществлено при условии разумного управления основными процессами биосферы» [5, с. 262]. . Основываясь на исследованиях В.И. Вернадского, относительно ноосферы,

как особой геологической среды, можно утверждать, что экосфера человека направлена на изучение роли человека в преобразовании биосферы в интересах рационального развития природы и общества.

Экосфера человека обусловлена необходимостью развития науки и знаний в области экономики, политики, культуры и здоровья человека в настоящем и будущем в целях сохранения жизни на Земле.

Экосфера человека, по нашему определению, - это совокупность взаимосвязанных друг с другом элементов, окружающих человека, а также отражающихся в процессе мышления. Мысли и действия человека направлены на принятие решений на разных уровнях отношений, как между людьми, так и с силами природы для рационального развития самого человека и общества в целом, на основе сочетания физических, нравственных и духовных сил проявления роли человека в обеспечении его жизнедеятельности. Прежде чем принять решение, человек обращается к мысли с целью оценки качества решения и достижения заданной цели.

Список литературы

1. Биосфера. Мысли и наброски. Сборник научных работ В.И. Вернадского – М., Издательский Дом «Ноосфера», 2001. 244 с.
2. Малая Советская энциклопедия. Третье издание. Государственное научное издательство «Большая Советская энциклопедия». Т.2. М., 1958.
3. Ковалев А.Г., В.Н. Мясичев. Психические особенности человека. Характер. Т.1. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1957. – 262 с.
4. Ковалев А.Г., Мясичев В.Н. Психологические особенности человека. Способности. Т.2. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1960. 313 с.
5. Сенюшкин Е.А. Концепции ноосферы В.И.Вернадского и П. Тейяра де Шардена как теоретическое основание для преодоления системного кризиса мировой политики // Политическое пространство и социальное время: право силы vs сила права. Сборник научных трудов XI Международного Харакского форума 5–7 ноября 2022 г., г. Ялта / Под общ. ред. Т.А. Сенюшкиной; [науч.ред.: Е.А.Сенюшкин]. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2023. – С.261-265.

А.С.ПАНАРИН О СТРАТЕГИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ В XXI ВЕКЕ

Сенюшкина Т.А.

Доктор политических наук,

Заслуженный работник образования Республики Крым, Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского, профессор кафедры политических наук и международных отношений

E-mail: senyushkinata@cfuv.ru

Сенюшкин М.Е.
Стажёр-исследователь
E-mail: *senyushkin.m@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируется особенность методологического подхода А.С.Панарина, которая связана с исследованием двух парных категорий – «ценности» и «события». Через призму этой категориальной пары исследуются идеи А.С.Панарина, высказанные им в двух книгах: «Стратегическая нестабильность в XXI веке» (2003) и «Глобальное политическое прогнозирование» (2002). По мнению авторов, концептуальные положения А.С.Панарина, сформулированные в процессе исследования стратегической нестабильности в XXI веке, не только не утратили свою актуальность, но и приобрели новое звучание спустя 20 лет после их появления.

Ключевые слова: А.С.Панарин, стратегическая нестабильность в XXI веке, глобальное политическое прогнозирование, взаимосвязь ценностей и исторических событий.

A.S.PANARIN ON STRATEGIC INSTABILITY IN THE XXI CENTURY

Senyushkina T.A.

*Doctor of Political Sciences,
Honored Worker of Education of the Republic of Crimea, V.I.Vernadsky
Crimean Federal University, Professor of the Department of Political Sciences and
International Relations
E-mail: *senyushkinata@cfuv.ru**

Senyushkin M.E.

*E-mail: *senyushkin.m@yandex.ru**

Abstract. The article analyzes the peculiarity of the methodological approach of A.S.Panarin, which is associated with the study of two paired categories – "values" and "events". Through the prism of this categorical pair, the ideas of A.S.Panarin, expressed by him in two books: "Strategic instability in the XXI century" (2003) and "Global Political Forecasting" (2002), are investigated. According to the authors, the conceptual provisions of A.S.Panarin, formulated in the process of studying strategic instability in the XXI century, not only have not lost their relevance, but also acquired a new sound 20 years after their appearance.

Keywords: A.S.Panarin, strategic instability in the XXI century, global political forecasting, interrelation of values and historical events.

А.С.Панарин – российский политический философ, оставивший нам уникальное идейное наследие, которое сегодня, как никогда ранее, востребовано в социальном и политическом дискурсе нашего общества и государства. Наряду с этим, следует признать, что, несмотря на очевидную актуальность высказанных им идей, имя А.С.Панарина не является широко известным и активно популяризируемым как в образовательной среде, так и в академическом сообществе современной России. Основные его труды были опубликованы в конце 1990-х-начале 2000-х годов. Книга «Стратегическая нестабильность в XXI веке» вышла из печати в 2003-м году, и спустя 20 лет, не только не утратила своей актуальности, но и приобрела новое звучание.

Также следует отметить, что за год до выхода в свет этой книги А.С.Панарин опубликовал учебник «Глобальное политическое прогнозирование» [1], в котором он предпринял первую в истории российской политологии XX века попытку долгосрочного прогноза. По сути, идеи, высказанные в этой книге, предвосхищают труд, посвящённый исследованию стратегической нестабильности в XXI веке. В частности, укажем на прогностическое высказывание А.С.Панарина о том, что «Новая встреча более и менее развитых, более и менее защищённых народов... в открытом мировом пространстве чревата новыми потрясениями и коллизиями» [1, с. 4].

Размышляя над исследуемой темой, А. С.Панарин обратил внимание на то, что XXI век только начался, а в целом он уже охарактеризован как стратегически нестабильный [3, с. 138]. Что же может скрываться за стремлением автора охарактеризовать «биографию» века в момент его зарождения? Отвечая на этот вопрос, А.С.Панарин выделяет три аспекта: Первый относится к «историческому проекту». Второй относится к противоположному жанру антиутопии или предупреждения: «от каких иллюзий мы хотим излечить современников, от чего предостеречь?» Третий относится к жанру аналитики, которая разрабатывает возможные сценарии событий, исходя из тенденций развития, с одной стороны, и оценки акторов социального и политического действия, с другой. А.С.Панарину ближе этот жанр; при этом он отказывается «выстроить отношения объективных тенденций и субъективных мотиваций в духе известного базисно-надстроечного детерминизма» [2, с. 3]. Добавим к этому, что в своих трудах А.С.Панарин неоднократно критиковал экономоцентризм, обращая своё основное внимание на процессы, связанные с ценностями и их доминирующее влияние на исторические события.

Исходя из сказанного выше попытаемся очертить контуры методологического подхода А.С.Панарина к исследованию данной темы, а также зафиксировать сквозную идею автора, которая пронизывает всё его творчество. На наш взгляд, особенность методологии А.С.Панарина, которую он применяет во всех своих трудах, заключается в том, что он выходит за рамки традиционного политического анализа. Обладая уникальной политической и исторической интуицией, основной каркас своих исследований он строит на социокультурном, аксиологическом, когнитивном анализе, который, по мнению автора играет не меньшую роль в современной

аналитике, чем анализ закономерностей и тенденций. Таким образом, А.С.Панарин связывает на концептуальном уровне такие категории как «ценности» и «события», и исходит из того, что «высокомотивированные субъекты действия способны так реинтерпретировать события и тенденции, чтобы их намерения или их ценности получили событийное оправдание» [2, с. 2].

Ещё один важный момент, на который следует обратить внимание, — это наличие особой точки в развитии событий или некоего «поступка» (решения) ангажированного актора, после которых ход событий делается необратимым. Опираясь на концептуальный каркас синергетики, мы можем предположить, что А.С.Панарин фактически описывает состояние системы в точке бифуркации, когда система, с одной стороны, теряет устойчивость, с другой стороны – по законам самоорганизации она уже не может вернуться к прежнему состоянию.

Проецируя рассмотренную выше теоретическую рефлексию на прогноз развития в XXI веке, который был предпринят А.С.Панариным, сошлёмся на сформулированный им вопрос, который через 20 лет после написания этой книги обрёл для нас вполне очевидный смысл: «Может ли в начале века совершиться событие, которое определит всю его «биографию»?» А.С.Панарин отвечает: «Судя по опыту недавно ушедшего века — может: первая мировая война стала завязкой основных драм XX века и действительно предопределила всю его биографию, вместе с биографией проживавших в нем поколений» [2, с. 4].

Основная гипотеза, которую А.С.Панарин заложил в основу предложенного им аналитического сценария на XXI век, состоит в том, что «роковое событие (решение), способное определить характер и «имидж» начавшегося века, возникает сегодня, на наших глазах. Мы, таким образом, становимся свидетелями и соучастниками драмы, последствия которой определяют судьбу всех поколений XXI века, в том числе и последнего, которому суждено будет его проводить» [2].

В книге «Стратегическая нестабильность» присутствует также и одна из любимых тем А.С.Панарина - нелинейный характер исторических процессов. «На самом деле, - пишет он, - человеческое бытие не мозаично, а ход истории не является плавно линейным, они организуются вокруг некоторого «ядра», смыслового и событийного. События и поступки, идущие мимо этого ядра, не являются судьбоносными — программирующими биографию в целом. Как в биографии личности, так и в биографии народа банально-инерционное течение жизни прерывается в неких узловых точках, в которых совершается выбор и предопределяется судьба» [2, с. 5]. При этом «соответствующие прерывания инерции, задающие новую тональность целому веку, могут произойти и в середине, и в конце его», - считал А.С.Панарин.

Подводя итоги сказанному, вместо заключения приведём ещё одну цитату из книги А.С.Панарина: «Стратегическая нестабильность, по всей видимости, уже стала судьбой XXI века — вопреки всем ожиданиям "стабильного развития". Но исход этой нестабильности ни в коем случае не

предрешен. Парадокс заключается в том, что сильные, то есть хорошо устроившиеся в настоящем, объективно были наиболее заинтересованы в стабильности — в сохранении эволюции в рамках системы статус-кво, — и тем не менее именно они стали инициаторами ее подрыва — в надежде на еще большие шансы. В свою очередь, слабые и потерпевшие объективно более всего заинтересованы в качественном преобразовании ситуации и тем не менее субъективно менее всего готовы ее менять. Так, может быть, хитрость мирового исторического разума в том и состоит, чтобы подтолкнуть сильных на производство новой истории — той самой, которой они в конечном счете ни в коем случае себе бы не пожелали, но которую сами же и провоцировали?» [2, с. 6].

Список литературы

1. Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование. Учебник для студентов вузов. М.: Алгоритм, 2002. 352 с.
2. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке: М.: Алгоритм, 2004. 640 с.
3. Сенюшкина Т.А. Стратегическая нестабильность в XXI веке. Обзор работы международного круглого стола памяти А.С.Панарина // Проблемы цивилизационного развития. 2019. Т.1. № 1. С. 137-145.

ПРАВДА КАК ЦЕННОСТЬ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Сенюшкина Т.А.

Доктор политических наук,

Заслуженный работник образования Республики Крым, Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского, профессор кафедры политических наук и международных отношений

E-mail:senyushkinata@cfuv.ru

Аннотация. *Статья посвящена проблеме самообнаружения истоков русской политико-правовой культуры, которая, по мнению автора, немислима без консолидации общественного мировоззрения, без единства идеалов в массовом сознании. В свою очередь, такое единство возможно лишь в рамках ясной и понятной национально-государственной идеи, которая должна содержать фундаментальные нравственные ценности и моральные ориентиры - идеалы народного бытия. Эти идеалы коренятся в религиозной традиции народа, поэтому возрождение православного нравственно-религиозного идеала является предпосылкой совершенствования политико-правовой культуры в России. Одним базовых элементов народного идеала является правда, которая пронизывает мировоззренческий каркас русской политико-правовой культуры.*

Ключевые слова. *Православное мировоззрение, право, правда, политико-правовое сознание, политико-правовая культура, система ценностей.*

TRUTH AS A VALUE OF RUSSIAN POLITICAL AND LEGAL CULTURE

Senyushkina T.A.

Doctor of Political Sciences,

*Honored Worker of Education of the Republic of Crimea, V.I.Vernadsky
Crimean Federal University, Professor of the Department of Political Sciences and
International Relations*

E-mail:senyushkinata@cfuv.ru

Abstract. *The article is devoted to the problem of self-discovery of the origins of the Russian political and legal culture, which, according to the author, is unthinkable without the consolidation of the social worldview, without the unity of ideals in the mass consciousness. In turn, such unity is possible only within the framework of a clear and understandable national-state idea, which should contain fundamental moral values and moral guidelines - the ideals of national existence. These ideals are rooted in the religious tradition of the people, so the revival of the Orthodox moral and religious ideal is a prerequisite for improving the political and legal culture in Russia. One of the basic elements of the national ideal is the truth, which permeates the ideological framework of Russian political and legal culture.*

Keywords. *Orthodox worldview, law, truth, political and legal consciousness, political and legal culture, value system.*

В условиях актуализации общественного запроса на самообнаружение сущности российской политико-правовой культуры возникает необходимость в теоретической рефлексии, целью которой является всестороннее осмысление процессов, происходящих в идейном пространстве современной России. Особенность развития российского общества на современном этапе заключается в том, что на уровне коллективного сознания формируется запрос на соответствие политической системы ценностному каркасу политического и правового сознания. В связи с этим особую актуальность приобретают исследования, направленные на системное изучение ценностного измерения происходящих в российском обществе процессов, имеющих своеобразное проявление в сфере политико-правовой культуры, в контексте её развития и становления.

Исторически русское политическое и правовое сознание тесным образом связано с традиционными ценностями, которые транслировались из поколения в поколение благодаря определяющей роли православной веры в жизни русского человека. Политика и право являются смыслообразующими элементами общественной системы, поэтому политико-правовое сознание – это своеобразное отражение тех процессов, которые формируют ценностный каркас личности и общества. Не менее важным является анализ внешних культурных влияний и заимствований, способствующих изменению ценностных образцов в политике и праве.

Осмысление основных исторических этапов развития политического и правового сознания через призму аксиологии показывает, что, начиная с древнейших времен политические и правовые нормы, санкционированные обществом, были тесным образом связаны с религиозными ценностями. По мнению Эрнста Геллнера, «вера кодифицирует культуру» [11, р. 268]. Следовательно, религиозные ценности всегда вплетены в культурное пространство личности и социума. Применяя это положение к анализу особенностей политико-правовой культуры в России, следует отметить, что фундамент русской культуры составляет православная вера. Православие также определило и особенности русской религиозной философии. А.С. Панарин считал, что православный культурный тип воплотил то, что содержалось как заявка, но так и не получило реализации на почве немецкой культуры – ценностную рациональность (М. Вебер). Весь русский интеллектуализм – это не целевая рациональность, а ценностная рациональность. В ней содержится страстность, которой интеллект сам по себе не содержит, страстность интенций добра и красоты [7, с. 503].

Добро воодушевляет, красота чарует, - писал А.С. Панарин; - вместе это дает пассионарность русского Духа, которую на Западе по недоразумению приписывают темным иррациональным началам хтонического типа. Во всей инфраструктуре российского просвещения, воплощенной в крупных городах, в институтах науки и культуры, в системе образования, содержится то, чего, по правилам западной целерациональности, содержаться бы не должно: страстная энергетика эсхатологического прорыва к иным, высшим мирам, к иному измерению [7, с. 503-504].

Мало кто упоминает сегодня вклад православного духовенства в развитие политической и правовой культуры в России. К примеру, в правоведческой литературе практически не исследованы труды Архимандрита Гавриила (1795–1868), в миру известного как Василий Николаевич Воскресенский. Архимандрит Гавриил преподавал богословские и философские науки в Императорском Казанском университете, был настоятелем Зилантова монастыря в Казани, награжден орденом Святой Анны 2-й степени и в 1837-1840 гг опубликовал шеститомную «Историю философии». Особый интерес представляет шестой том данного издания, опубликованный в типографии Казанского университета в 1840 г., [2] в котором раскрывается сущность русской философии через её религиозный характер. В книге «Философия правды», опубликованной в 1843 году, Архимандрит Гавриил раскрыл содержание религиозного верования как «истинной основы прав и порядка между людьми и народами» [3].

В контексте исследования заявленной темы также целесообразно обратиться к идейному наследию Мстислава Вячеславовича Шахматова (1888-1943), русского эмигрантского юриста и историка. Основные труды он написал в эмиграции, будучи профессором Русского юридического факультета в Праге. 19 июля 1927 года он защитил магистерскую диссертацию на тему «Изучение русских летописей домонгольского периода о государственной власти» (оппонентами выступили Г.В.Вернадский и

Е.В.Спекторский) и публикует на основе этого исследования книгу «Опыт по истории древне-русских политических идей». Затем он защищает докторскую диссертацию на тему «Исполнительная власть в Московской Руси» [10, с.306-307].

Согласно М.В.Шахматову, «подвиг власти... является крайним проявлением стремления к её самосовершенствованию. Он возможен только там, где власть имеет действительное побуждение к такому совершенствованию и стремится по пути к нему вести за собой и весь народ. Он возможен только...на основах любви и правды, доброжелательного сотрудничества всех элементов государства» [10, с. 20].

Практически проигнорировав богатейшее культурное наследие России, связанное с сохранением и передачей базовых мировоззренческих ценностей, в 90-е годы XX века исследовательскую нишу в политико-правовой парадигме России заняли теоретики, пропагандировавшие приоритет ценностей либерализма, благополучно укладывающегося в систему ценностной иерархии протестантской этики. Либеральные реформы 90-х гг XX века были ориентированы на американскую модель самодостаточности рыночных отношений, облаченных в политическую одежду демократии.

У России никогда не было благополучной судьбы, при этом наша страна дала миру удивительные примеры величия духа, преданности своему отечеству, нравственной чистоты и силы религиозной веры. «В то время как западное человечество, - писал Аксаков, - двинулось путем «внешней правды», путем конституционализма, юридической справедливости, русский народ сохранил верность «внутренней правде» [1]. Внутренняя правда, внутренняя свобода, вера, не требующая рационального обоснования - основополагающие критерии русского религиозного сознания, объясняющие традиционную российскую «правовую неустроенность». Оценивая политико-юридический опыт России, уже Герцен сомневался в достоинстве идеала правового государства для русского человека. Рассуждая в рамках русской философской парадигмы, он спрашивал: А не содержит ли российская правовая неустроенность некоторой высшей моральной правды, не указывает ли она на ограниченность, условность, всемирно-историческую призрачность самого нашего устремления к юридически современной государственности? Это тяжко и печально сейчас, - писал он, - но для будущего это огромное преимущество. Ибо это показывает, что в России позади видимого государства не стоит его идеал, государство невидимое, апофеоз существующего порядка вещей.

Оценивая становление политического и правового сознания в России, следует отметить, что Древняя Русь обладала самобытной и яркой политико-правовой культурой. Как отмечает Э.В.Кузнецов, развитие и расцвет русского государства не могли не сказаться на праве и правовых взглядах [6, с. 27]. В частности, в одном из первых политических трактатов Древней Руси «Слове о законе и благодати» Иллариона центральная идея – «Благодать» противопоставляется «закону», которое рассматривается как формальное предписание, навязанное извне.

Следует также отметить, что в политико-правовом пространстве Древней Руси активно циркулировали идеи древнегреческих философов. К примеру, в сочинениях Иоанна Дамаскина присутствуют ссылки на Пифагора, Диогена, Сократа, Платона, Демокрита, Эпикура, Плутарха, Софокла. Особый интерес в этом смысле вызывает «Диалектика» Иоанна Дамаскина, написанная под большим влиянием Аристотеля.

В последующем развитии политико-правовой мысли в России особо следует отметить роль С.Е.Десницкого, который одним из первых указал на необходимость всестороннего изучения права «путём соединения философского, исторического и догматического методов» и добивался того, чтобы законоведение преподавалось «порядком историческим, метафизическим и политическим» [4, с. 17].

В целом, оценивая развитие политико-правовой культуры в России, важно отметить, что православная ценностная иерархия, оказывая влияние на сущность правового мировоззрения, принципиально отличает трактовку права в сравнении с классическими понятиями немецкой рационалистической философии. Сравним два подхода к праву: 1) «Право человека должно считаться священным, каких бы жертв ни стоило это господствующей власти. Здесь нет середины и нельзя измышлять среднее прагматически обусловленного права; всей политике следует преклонить колени перед правом» (Иммануил Кант); 2) «Иметь религию есть право человека, и это право - право быть духом - лежит в основе всех других его прав» (Иван Ильин).

По сути дела, два высказывания, приведенные выше, демонстрируют нам два разных подхода к обоснованию сущности права. В первом случае первична прагматическая обусловленность права, приобретающего священный ореол, во втором сущность права раскрывается через его религиозный смысл, являющийся изначальным условием существования права как такового. Для более полного разграничения двух подходов можно использовать категориальную бинарность: внутреннее - внешнее, рациональное - иррациональное, теоретическое - мистическое, прагматическое - созерцательное. На наш взгляд, указанное противопоставление коренится в отличии основ стилистики православия и католицизма, а еще более - протестантского типа мышления. В контексте православия особо актуализируется ценность иррационального, мистического познания, вчувствования в проблему, связанную с жизнью человека, и её переживания. Именно для православия (греч. правоверие) характерно мифологически-интуитивное восприятие сакрального начала, интуитивно-чувственное продумывание категорий. В стиле православного мышления заметно принципиальное отличие от католицизма: рационалистичного, отличающегося формально-логической разработанностью категориальных конструкций. Различны также и теоретические истоки православия и католицизма: неоплатонизм в первом случае, римский эклектизм и схоластика - во втором. Основным вопросом стиля православной мистики является сущностное приобщение в Богу, в то время как в католицизме преобладающим вопросом

стиля является соотношение Воли и Благодати. Не случайно и различие в понимании первородного греха: православие рассматривает грех Адама как сущностную деградацию человека, в то время как католицизм настаивает на юридической концепции первородного греха как правовой ответственности, переходящей от предков на потомков.

По сравнению с Византийским Православием в русской религиозной философии еще более оттесняется на задний план абстрактно-онтологическая тема, с особой колоритностью проявляется интуитивизм. Основные принципы русской философии никогда не выковывались на медленном огне теоретической работы мысли, а извлекались в большинстве случаев уже вполне готовыми из недр внутренних переживаний [9]. Приоритет внутреннего над внешним формирует стилистику и проблематику православной политико-правовой культуры в России. Поэтому и в философии права, развивающейся в русле этой традиции, смысл права выходит за рамки формального юридического поля, на первый план выдвигается вопрос о соотношении религиозности и права, через призму которого рассматривается момент перехода внутреннего мира во внешний как акт самоопределения человека.

С точки зрения православного мировзрения истоки правосознания находятся в религиозном созерцании, а правая жизнь по сути своей отождествляется с религиозной жизнью. В отношениях права и религии первое выполняет функцию ведомого, а второе - ведущего. Аналогичная взаимосвязь наблюдается в отношениях между религией и политикой: «Не вера станет средством власти, - писал Иван Ильин, - и не церковь станет орудием политической интриги и политического властолюбия, но власть станет орудием той цели, которая едина у религии и государства: эта цель - одухотворяющее преобразование жизни» [5, с. 395].

Ключом к одухотворяющему преобразованию жизни в России является обновленное с помощью религии правосознание. Религиозность раскрывает глубину человеческой души в ее поступках как актах нравственного самоопределения. Поступки, совершаемые людьми, определяются ценностной иерархией целей. Мерило всякой ценности - это чувство собственного достоинства, являющееся истоком духовной зрелости. В душе религиозного человека пробуждаются те благородные силы, которые необходимы для процветания благородной государственности. «Идеал религиозного гражданина, - писал Иван Ильин, - не только не таит в себе внутреннего противоречия, но есть одна из величайших идей, с которыми человечество имеет дело. Религиозный гражданин соединяет в душе своей силу подлинной религиозности с силою здорового и верного правосознания, и притом так, что правосознание его является зрелым проявлением его религиозности. Соединяясь с правосознанием, религия находит новый могучий путь для преобразования жизни; соединяясь с религиозностью, правосознание придает себе безусловную основу, утверждая волю к духу как волю к Богу» [5, с. 401].

Совершенная политико-правовая система, также как и эффективная государственная деятельность невозможны без религиозного очищения

общества, питающего нравственные корни правовой культуры. При этом речь не должна идти о новом способе государственного вмешательства в жизнь человека, о новой идеологии или о соединении государства с церковью. Здесь необходим не новый способ политического устройства, а новый способ жизни, наполненный духовным содержанием. Функционирование права, также как и государственной власти, нуждается в ясно осознанном нравственно-религиозном идеале. Без четкого разделения добра и зла, без всенародного соборного единения вокруг святынь православной веры право в России лишается своего животворящего источника.

Ценностное ядро русской политико-правовой культуры содержится в православной этике, которая в современных условиях подвергается коррекции со стороны жесткой хозяйственной регламентации нового экономического порядка. «Хозяйственный этос» капитализма, о котором писал М. Вебер, сегодня вторгается в сферу внутренних переживаний человека, навязывая ему новый набор нравственных качеств: черствости, эгоизма, расчетливости, индивидуализма. Соответственно, противоположные нравственные качества, такие как благородство, щедрость, чуткость, милосердие, составляющие каркас православной этики, постепенно исчезают из социально одобренных моральных императивов. Идеалы протестантской этики, сформировавшиеся в недрах Реформации и первоначального накопления капитала, медленно вытесняют традиционные православные ценности, сохранившиеся в русском человеке даже в условиях советского атеизма: милосердие, сострадание, безгневие, любовь к ближнему [8, с. 191].

В заключение отметим, что самообнаружение истоков русской политико-правовой культуры немислимо без консолидации общественного мировоззрения, без единства идеалов в массовом сознании. В свою очередь, такое единство возможно лишь в рамках ясной и понятной национально-государственной идеи, которая должна содержать фундаментальные нравственные ценности и моральные ориентиры - идеалы народного бытия. Эти идеалы коренятся в религиозной традиции народа, поэтому возрождение православного нравственно-религиозного идеала является предпосылкой совершенствования политико-правовой культуры в России. Одним базовых элементов народного идеала является правда, которая пронизывает мировоззренческий каркас русской политико-правовой культуры.

Список литературы

1. Аксаков К.С. Об основных началах русской истории // полн.собр.соч. Т.1. М., 1889. С.11-24.
2. Гавриил, архимандрит (Василий Николаевич Воскресенский) История философии. Часть VI. Прибавление второе. Русская философия. Казань: Университетская типография, 1840. 159 с.
3. Гавриил, архимандрит (Василий Николаевич Воскресенский). Философия правды. Казань: Университетская типография, 1843. 67 с.

4. Десницкий С. Слово о прямом и ближнем способе к научению юриспруденции. М., 1768. [Электронный ресурс] - URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003341010/
5. Ильин И.А. О сущности правосознания. Собр. соч.: в 10 т. Т. 4 / Сост. и коммент. Ю.Т.Лисицы. М.: Русская книга, 1994. С. 149-414.
6. Кузнецов Э.В. Философия права в России. М.: Юрид. лит, 1989. 208 с.
7. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. – М.: Эксмо, 2003. 541 с.
8. Сенюшкина Т. Одухотворяющее преобразование жизни: религиозность и государственность в русском правосознании // Москва. 1998. № 9. С. 187-191.
9. Сенюшкина Т. А. Православная система ценностей как фактор формирования правосознания в России [Электронный ресурс] / Т.А. Сенюшкина // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. — 2015. — Т. 9. — Вып. 1: Цивилизации в эпоху глобализма. К 75-летию со дня рождения А.С. Панарина. Тематический выпуск кафедры философии политики и права Философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова — Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-aprov1_e-ast9-1.2015.43.
10. Шахматов М.В. Государство правды. М.: Издательство «ФондИВ», 2008. 312 с.
11. Gellner. Nations and nationalism. Oxford: Blackwell Publishers, 2006.

ПРОРОЧЕСТВА Я. БРЕММЕРА О ГРАНИЦАХ ГЛОБАЛИЗМА

Серкова В. А.

Доктор философских наук

*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
профессор*

E-mail: henrypooshel@rambler.ru

Аннотация. *Идеология глобализма основана на идее «конца истории». Сегодня можно говорить о «конце конца истории» и о возрастающем влиянии значения аргументов в пользу государственности и национального самосознания. Глобализм еще несколько лет назад воспринимался практически как безальтернативная перспектива развития для любого государства. Вопрос стоял только относительно «частностей» такого хода истории. Итогом глобалистского сценария развития должна стать гибель национальных культур и государственности и установление вестернизированной псевдо-культуры. С точки зрения Яна Бреммера результат глобализационного процесса определяет фактор силы, и победитель будет утверждать формы и принципы культурной идентичности. Аргументы Бреммера изложены в получивших широкую известность монографиях, статьях и интервью.*

Ключевые слова: глобализм, прогнозирование, геополитика, геополитический кризис, Ян Бреммер, G-ZERO.

PROPHECIES BY J. BREMMER ON THE LIMITS OF GLOBALISM

Serkova V. A.

Doctor of Philosophy

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Professor

E-mail: henrypooshel@rambler.ru

Abstract. *The ideology of globalism is based on the idea of "the end of history". Today we can talk about "the end of history" and about the growing influence of the importance of arguments in favor of statehood and national consciousness. A few years ago globalism was perceived almost as an alternative-free prospect of development for any state. It was only a question of the "particularities" of this course of history. The result of the globalist scenario of development should be the death of national cultures and statehood and the establishment of a Westernized pseudo-culture. From the point of view of Jan Bremmer the results of the globalization process are determined by the power factor, and the winner will assert the forms and principles of cultural identity. Brenner's arguments are presented in widely acclaimed monographs, articles and interviews.*

Keywords: *globalism, forecasting, geopolitics, geopolitical crisis, Jan Bremmer, G-ZERO*

Мастер глобальной геополитики и политического прогнозирования и создатель глобального индекса политических рисков Ян Бреммер в статье «Четыре всадника геополитического Апокалипсиса», перечисляя основные факторы геополитического кризиса, объединяет их в конфигурацию «джи-нулевого» мира ("G-ZERO"), где США «менее заинтересованы в обеспечении своего глобального лидерства, и никто больше не желает или не способен вступать в эту роль» [1, с. 84]. Бреммер рисует апокалиптическую картину, в которой четыре всадника являются признаками неизбежного «конца истории» (на самом деле, конца "Pax Americana"): так называемый «ревизионизм» России как провал политики «перезагрузки» с ней (а точнее, начало утверждения ее собственных интересов и безопасности); «мертворожденная арабская весна» (точнее, политика дестабилизации арабского востока и как итог антиамериканский разворот политического курса этих стран); проблемы с «всё более могучим и самоуверенным Китаем», «изнашивание американских союзов с такими странами как Бразилия, Германия и Саудовская Аравия» [1, с. 87].

Бреммер в этой статье продолжает тему, начатую в работе 2012 года «Каждая нация за себя», в которой он высказал идею о "G-ZERO" эпохе, - «конце американского порядка», или пустого множества тех, кто хочет, а главное, способен, управлять глобальным порядком [2]. Однако теперь эту

идею следует понимать в контексте «второй волны глобализации», которая, согласно Бреммеру, наступает после всех этапов «вынужденной изоляции», какими бы ни были ее причины (пандемия, войны, кризисы, катастрофы), а также факторов влияния, идущих от «ядерных государств-изгоев», у которых не остается иных аргументов сдерживания коллективной агрессии. Кажется, что в новых обстоятельствах структура глобализации допускает перераспределение влияния внутри страт и между ними, вследствие чего разрушаются привычные мировые политические иерархии, и может наступить момент «нулевого фактора влияния», а далее в новой конфигурации восстанавливается глобалистское мироустройство в «мире после Америки», когда открывается «вакансия на самом верху». Бреммер рассматривал четыре варианта нового перераспределения сил: новая холодная война, новое соглашение наций, полное региональное разобщение, объединение двух сил, Китая и Америки (возникновение союза Чамерики). Другими словами, в концепции Бреммера в любом случае побеждают центростремительные силы, рассеивающие все, что не тяготеет к установкам глобализационного порядка. Глобалистский оптимизм Бреммера держится на том, что экономические основы устройства мира и технологические уклады воспроизводят глобализм в независимости от отношения к нему отдельных, сколь угодно могущественных экономических и политических игроков. И это несмотря на существование «отдельных онлайн-экосистем», возведенных США и Китаем: «Рынок товаров, особенно продуктов питания, металлов и энергоносителей, действительно становится все более глобальным» [2]. Согласно Бреммеру глобализм, основанный на экономических устоях транснациональной взаимозависимости, остается безальтернативным сценарием. Именно на такой аксиоме строится теория нулевого множества управляющих миром государств. Бреммер объявил о тенденциях отката США от политики господства за несколько лет до того, как она была провозглашена Дональдом Трампом в качестве политического кредо его президентства, и это может служить подтверждением геополитических интуиций его прогностики. Какие же аргументы лежат в основе «отката от власти»? Если коротко, то нежелание Америки и Китая тратить на это силы и неосуществимость претензий кого бы то ни было еще на эту роль является основной причиной пустоты G-множества управляющих миром. Итак, глобализация второй волны неизбежна, однако, согласно Бреммеру, «будущее глобализации не так просто» [3].

Но остается множество вопросов относительно позиций, которые займут в новой глобалистской иерархии потенциально состоятельные страны. Бреммер формулирует проблему в форме вопросов: «Где именно будет стоять новая Берлинская стена? Где мы находим исход между одной технологической системой и другой? Будет ли Европа присоединяться к Соединению Штатов? Или ЕС расследует отдельные решения внутри европейских стран? Как будет позиционировать себя Индия? Южная Корея? Бразилия? С каким давлением сталкивается даже Япония?» [2]. Д. Дробницкий, анализируя концепцию Бреммера, обращает внимание на

особое отношение последнего к России: «За исключением одной статьи 2012 года и редких упоминаний о русских возможностях в киберсфере, Бреммер в своих статьях и книгах вообще не говорит о России. О Китае сказано очень много. Разбираются кейсы Бразилии, Индонезии, Мексики, Саудовской Аравии, Вьетнама и даже Египта. Но о нашей стране - в сущности, ни слова» [3]. Текущие события международной политики заставляют менять оптику наблюдения. СВО и противостояние России и блока НАТО выдвигает именно эти отношения на первый план.

То, что касается *сбывающихся* пророчеств Бреммера, относится к взаимодействиям ЕС и США. Бреммер откровенно высказывается о характере отношений США и коллективной Европы. Чего стоит его пассаж относительно «особо важных вызовов безопасности (в которых Соединённые Штаты действуют без особой нужды советоваться с союзниками), в то время как американская экономическая политика склоняется к односторонним действиям по поддержанию привилегированного американского геополитического положения – что, грубо говоря, видно по нашей манере накладывать санкции» [1, с. 88].

Проблемы, связанные с конкретными глобальными рисками и усилением геополитической напряженности ко времени появления концепции “G-ZERO” еще не лежали на поверхности, и потому отдадим должное интуициям Бреммера, - это сегодня можно констатировать беспрецедентное использование Западом санкций, отсоединение российской финансовой системы и экономики от Запада; ставку на формы внешнего принуждения и давление в решении внутренних государственных вопросов, разрушение «устойчивых финансовых экосистем», «крах финансовых институтов от Нью-Йорка до Шанхая и Мумбаи», возросшее недоверие к взаимозависимости, эскалацию информационных, экономических и кибервойн, все более расходящиеся мировоззрения евразийского Востока и Запада в целом [3]. Бреммер проявляет исключительную прозорливость в понимании серьезности этих факторов геополитической нестабильности, «набирающих обороты» и делающих «статус-кво нежизнеспособным». Он уже давно играет роль консультирующего пророка, его предчувствия сбываются и соответствуют сегодняшней реальности. В пророчествах Бреммера поражает другое, - он даже не пытается продумать возможность откатиться или отодвинуться от апокалиптического «начала событий». И в этом суть результата его концепции пустого или нулевого G-влияния («G-ZERO World») как итога длительного периода однополярного лидерства, маскируемого какими угодно региональными политическими союзами. Выявляемые признаки краха политики силы и экономического принуждения, проводимого США, Бреммер подкрепляет многими примерами «суммарного стремления к нулю в трансатлантических взаимоотношениях» [1, с. 88]. Бреммер озабочен отсутствием у США стратегических целей, внятных для остального мира. Но в том-то и дело, что цели американского глобального давления, если и могут быть откровенно

высказаны, окажутся слишком циничными, и вряд ли их уже можно укрывать в упаковку свобод, демократии и терпимости.

И самым главным вопросом относительно целей, сроков и будущего глобализации, который Бреммер явно игнорирует, является экзистенциальный вопрос о том, можно ли смириться с тем, что У. Бек называет «принудительной идеологией глобализма» [4, с. 425], а Толеген и др. «присуждением к ролям» производителя, гражданина-космополита и потребителя в глобалистском сценарии существования [5, с. 423]? Другими словами, можно ли в ситуации неизбежности глобалистского сценария, ставить вопрос о действительных, а не навязанных пророчествами, альтернативах.

Список литературы

1. Бреммер Я. Четыре всадника геополитического Апокалипсиса // Ислам в современном мире. 2014. № 3. С. 84-89.
2. Bremmer J. Every Nation for Itself: Winners and Losers in a G-ZERO World. New York: Portfolio, 2012.
3. Дробницкий Д. Хроники мира G-0, или Взгляд на Восток глазами Яна Бреммера http://4pera.com/news/analytics/khroniki_mira_g0_ili_vzglyad_na_vostok_glazami_yana_bremmera/ (accessed 12 Februar 2023).
4. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма-ответы на глобализацию / Ульрих Бек; Пер. с нем. А. Григорьева и В. Седельника. Москва: Прогресс-традиция, 2001. 303 с.
5. Толеген М. А., Рякова Е. Г., Савчук Е. В. Человек в идеологии глобализма // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2022. Т. 38. Вып. 3. С. 423–435. doi.org/10.21638/spbu17.2022.313

THE CONCEPT OF SOFT POWER IN THE DOMESTIC POLICY OF MODERN KAZAKHSTAN (ELECTIONS OF THE RURAL AKIM)

Silam Assemay Zhandauletkyzy
L.N Gumilyov Eurasian National University
student of political science
E-mail: asem.silam@mail.ru

Scientific adviser: T.S.Kalenova, candidate of historical sciences, associate professor of ENU

Abstract. *The term "soft power", which is a short time became a topical political discourse at the global level, has become an important direction in the foreign and domestic policy of many countries. In general, there are various mechanisms for citizen participation in government. For example, everyone has the right to choose as an individual through elections to local maslikhats,*

members of parliament, and the president. If this citizen is directly involved in the management of the state, his indirect participation in the management of the state through the same deputies or the President as his elected representative is considered. This article considers the elections of rural akims in the country this year. Through the elections of akims, we have seen an increase in the quality of local self-government, as well as the expansion of our political culture among the population of districts and villages. It should also be noted that this year's mayoral elections were held through direct elections. In fact, in recent years, the election of local akims has been raised several times by experts and ordinary people, and has recently become an official process. The task of introducing direct elections of rural akims by following per under the President's Address of September 1, 2020 "Kazakhstan in the new situation: a period of action" gave an impetus to the development of political life in the country. After all, the people's election of their mayor will undoubtedly increase the efficiency of his activities.

Keywords: Soft power, election, Kazakhstan, domestic policy, self-government, party, candidates

КОНЦЕПЦИЯ МЯГКОЙ СИЛЫ ВО ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ СОВРЕМЕННОГО КАЗАХСТАНА (ВЫБОРЫ СЕЛЬСКОГО АКИМА)

Силам А. Ж.

Евразийский национальный университет

имени Л.Н. Гумилева

магистрант кафедры политологии

E-mail: asem.silam@mail.ru

*Научный руководитель: Т.С.Каленова, кандидат исторических наук,
доцент ЕНУ.*

Аннотация. Термин "мягкая сила", который за короткое время стал актуальным в политическом дискурсе на глобальном уровне, является важным направлением во внешней и внутренней политике многих стран. В целом, существуют различные механизмы участия граждан в управлении государством. Например, каждый человек имеет право на индивидуальный выбор путем выборов в местные маслихаты, членов парламента и президента. Если этот гражданин непосредственно участвует в управлении государством, учитывается его косвенное участие в управлении государством через тех же депутатов или Президента, что и его избранный представитель. В данной статье рассматриваются выборы сельских акимов в стране, которые состоялись в этом году. Благодаря выборам акимов мы стали свидетелями повышения качества местного самоуправления, а также повышения уровня политической культуры населения в районах и селах. Следует также отметить, что выборы мэра в этом году прошли путем прямых выборов. На самом деле, за последние годы вопрос о выборах местных акимов несколько раз поднимался

экспертами и простыми людьми, а недавно стал официальным процессом. Задача по введению прямых выборов сельских акимов в соответствии с Посланием Президента Казахстана от 1 сентября 2020 года "Казахстан в новой ситуации: период действий" придала импульс развитию политической жизни в стране. В итоге, народные выборы своего мэра, несомненно, повысят эффективность его деятельности.

Ключевые слова: Мягкая сила, выборы, Казахстан, внутренняя политика, самоуправление, партия, кандидаты.

The theory of "soft" force is a term that is actively followed by the world's major actors and is widely used in political science. A series of centuries-long military conflicts in the second half of the twentieth century, cultural, economic, political, ideological, etc. continued the policy of nonviolent means to achieve the goal.

This theory was first proposed by Joseph Nye, a professor at Harvard University in the United States. In a 1990 article in *Foreign Policy* entitled "Bound to lead: The changing nature of American power," he argued that the balance of power in the world was shifting, that the importance of armed warfare would disappear, and that "soft power" will be on the agenda.

In his book *Soft Power: The Means To Success In World Politics*, Joseph Nye put forward the following statement. It's not just the ability to persuade or reconcile "soft power" with different arguments. It is also an attractive ability, and attractiveness leads to success. In short, soft force is gravity. In terms of resources, "soft power" means assets that attract gravity [1, p. 4].

The term "soft power", which is a short time became a topical political discourse at the world level, has become an important direction in the foreign and domestic policy of many countries. Today, in line with the rapid development of globalization, the influence of "soft power" policy is growing.

Also applies to Kazakhstan. Cultural and political values form the basis of soft power. They attract others and give other people "whatever you want"

Political values:

- democratic elections, multi-party structure
- human rights - freedom
- charity [2, p. 31].

Soft power is associated not only with the foreign policy of the state but also with the process of domestic policy. The soft power between the people and the government in the domestic policy of the state is the election.

The concept of "election" is multifunctional and multifaceted in political science. It is difficult to convey its essence in a single definition that provides all aspects. In the broadest political sense, the political process of the transition of power of the ruling elite, group, party, governed by the rules of the electoral-political game and the rule of law. As an institution of democracy, it is a form of a political party, elite civic struggle for power. This is done by influencing the actions and perceptions of voters and getting their votes. In political relations,

elections are seen as a source of state power, a way for the people to vote by secret ballot, through which the people express and protect their interests [3, p.161].

This year, for the first time in our country, direct elections of akims of rural, settlements, and cities at the district level were held. This was a manifestation of the political soft power in the country. That is, citizens understand that this election is a real opportunity to express their civic position.

In general, the development of local self-government is a separate, wide-ranging, and topical issue. In all advanced countries, there is a system of municipalities and they are the most independent of the central government. Its structure and system are simple, open, and understandable to citizens. In other words, the system of local self-government in these countries is one of the most important institutions of democracy.

Kazakhstan has been striving to reform the system of local government and self-government since independence. Local self-government is the closest administration to the people.

Most developed countries strive to improve the models of local government and selfgovernment. This level of government is the closest to the population and solves the problem of meeting the basic needs of the population. With the rational formation of local government and selfgovernment, not only the optimal use of local resources but also a significant increase in public confidence in the government.

Administrative supervision of local self-government is not a purposeless mechanism of coercion against bodies of local self-government. Administrative supervision of local selfgovernment is linked to public interest. On the level of local self-government administrative supervision of local self-government helps to ensure transparency, openness, civic spirit, pluralism, democracy, and absence of corruption at bodies of local self-government and even active operation of non-governmental organisations. These features are in line with the paradigm of the new public governance. Therefore it can be maintained that administrative supervision of local self-government is a public good provided not on competition basis and one of the public administration forms fulfilling the objectives of public governance in order to benefit the public interest: ensuring legitimacy at local self-government [4, p. 24].

Akim - representative of the President and the Government of the Republic of Kazakhstan, head of the local executive body (in case of its creation) and providing of holding the state policy in relevant territory, coordinated functioning of all territorial subdivisions of central government bodies of the Republic of Kazakhstan, lead executive bodies, financed from relevant budget, invested with authority of local government and functions of self – government in accordance with the legislation of the Republic of Kazakhstan, responsible for the condition of socio-economic development in relevant territory.

Akim of region, district, city, district in the city, rural district, rural settlement and village, not included as a composition of rural district, in addition to functions of government shall carry out the functions of local self – government bodies.

For the first time in Kazakhstan, on May 29, 1999, an experimental indirect election of akims at the rural level was held in the Chamalgan rural district of Karasai district of the Almaty region. On October 20, 2001, as another experiment, elections were held in 28 rural settlements in each of the 14 oblasts of the republic, counting from 2 settlements. Further, until 2013, the election of akims of districts, cities of regional and district significance, as well as villages, settlements, rural districts was held several times as an experiment, which allowed to test the electoral mechanisms.

In 2013 and 2017, 1,416 of the country's 2,500 akims were indirectly elected. That is, akims were elected directly by maslikhat deputies, not by the population. Moreover, in the past, candidates for akimat were nominated by higher akims, ie district akims. Such an election would be a little different from an appointment if it did not have an election name. Taking all this into account, political analysts called the mayoral election a "decoration of democracy" [5].

Chronology of rural district akim elections in Kazakhstan:

<p>-May 29, 1999, Chamalgan rural district of Karasai district of Almaty region;</p>	<p>-Elections on October 20, 2001 in 28 rural settlements;</p>
<p>-June 13, 2013 - Law of the Republic of Kazakhstan on the development of local selfgovernment;</p>	<p>-July 25, 2021 - direct elections of akims of villages, settlements, rural distri</p>

Table 1. Chronology of elections of akims of local self-government.

Undoubtedly, these areas in the development of local government and self-government are a matter of time, as local authorities are closer to the people and are the first level of local government organization, ensuring a stable and democratic nature of the entire system of government institutions.

Elections are an important institution for the democratization of society, a manifestation of the will of the people, one of its main forms of governance.

To date, the election of akims of cities of district significance, villages, settlements, rural districts in the Republic of Kazakhstan is conducted indirectly by deputies of district (city of regional significance) maslikhats. Candidates were

nominated after approval by the akim of the district (city of regional significance) at a meeting of the local community.

In this regard, the President of the Republic of Kazakhstan Kassym-Zhomart Tokayev in his program article "Independence is the most precious thing" said that political reform in the field of rural akims is necessary for the people and local executive bodies to jointly address pressing issues. Kassym-Zhomart Tokayev signed amendments to the Constitutional Law "On Elections in Kazakhstan", which provides for the introduction of elections of akims and voting against all candidates [6, p. 3].

According to the law, direct elections of akims of cities of district significance, villages, settlements, rural districts will be introduced.

Changes:

- nomination of akims of cities of district significance, villages, settlements, rural districts: the procedure for self-nomination (by collecting signatures in support of at least one percent of voters living in the city or rural district); among its members in political parties; if at the end of the nomination period less than two candidates are nominated, the akim of the district (city of regional significance) nominates the candidate.
- Requirements for candidates: a citizen of Kazakhstan; age - not less than 25 years; qualification requirements for this position; general restrictions for all civil servants, such as criminal record, disability;
- the candidate pays an election fee in the amount of one of the minimum wages established by law;
- The election will be announced 40 days in advance, and the election itself will take place 10 days before the end of the term of office of the current akim. The term of the election campaign is 30 days;
- Financing of direct elections of village akims is carried out through the local budget.

"All these changes are big turning points. For example, for the first time this year, about 800 village akims will be determined through direct elections of village akims. The powers of previously indirectly elected village akims will be terminated. Accordingly, now akims are elected directly. This is also a great event in the political development of the country, a new stage. This is because our people will have an additional opportunity to directly elect their governors, thereby exercising their political rights on a large scale," Erlan Karin said.

Undoubtedly, this step will increase the political culture of citizens and the principles of political pluralism in the country. It is known that one of the main triggers of the rapid development of the Western world is the principles of local self-government. For the first time, the people have been able to directly elect their akims en masse. It is a very progressive step!

According to the Central Election Commission, there are currently 2,346 akims in Kazakhstan. By the end of this year, about 775 akims were elected. The direct election of the remaining akims in this category will take place in 2022-

2025 due to the different terms of their terms. At the same time, about 17.6 billion tenges was allocated from the national budget for the election of akims, including 4.8 billion tenges this year [7].

In the East Kazakhstan region, the majority of the population - 90.9% voted. In second place is the Zhambyl region - 90.7%.

The average voter turnout was 80 percent, with more than 90 percent in both regions.

The regions showed their activity through the election of akims. Let's look at the table to see the list of the most active regions.

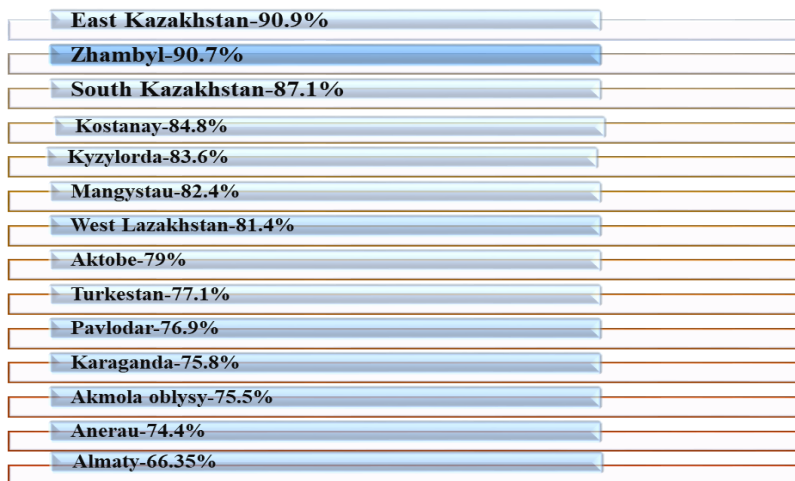

Table 2 Activity of regions during elections.

The official republican newspaper "Kazakhstanskaya Pravda" published the results of the election of rural akims by regions[8, 23].

Thus, in terms of the activity of political parties, in the elections, the ruling party Nur-Otan has once again become more active.

In conclusion, the term "soft power", which in a short time became a topical political discourse at the world level, has become an important direction in the foreign and domestic policy of many countries. Today, in line with the rapid development of globalization in the world, the influence of the policy of "soft power" is growing.

In a democracy system of government, urban and rural local bodies derive their powers, functions and responsibilities from the state government legislations. This concept of a local selfgovernment, or rather, local government, paves the way for a proper delineation of functions and powers of the latter, for the smooth flow of funds from state governments and also ensure community involvement in

activities. It will thus help strengthen local bodies at the lowest level, rejuvenating a system that has lain dormant for two centuries

This also applies to Kazakhstan. The term soft power plays an important role in domestic politics. Because now it seems to be a very fragile bridge between the people and the government. Today, the population reacts very quickly to what is happening in any country. Whether it was a negative reaction or a positive reaction was directly related to the delivery of the message. gave a great impetus to the formation and development of democratic institutions.

The election of rural akims, which took place for the first time in the political system of the country, was a success.

Список литературы

1. Saken Esirkep. Kazakhstan's "soft power" policy: current situation and potential. 2020. P.1-4.
2. Soft Power: The Means to Success in World Politics. 2017. P.31
3. https://www.wikiwand.com/kk/Жұмсақ_күш
4. Zhanpeisova KD. Political and legal regulation of the election process. Astana, 2014. P.161-168.
5. Bakaveckas A. Savivaldybių administracinės priežiūra: raida, teisinis reglamentavimas ir problemos [Administrative Supervision of Local Self-Government: Evolution, Legal Regulation and Problems]. Jurisprudencija, 2004. №57 (49). 24-33.
6. On the Draft Law of the Republic of Kazakhstan "On Amendments and Addenda to Certain Legislative Acts of the Republic of Kazakhstan on Elections. - URL: <https://adilet.zan.kz/kaz/docs/P180000022>
7. Address of the Head of State Kassym-Zhomart Tokayev to the People of Kazakhstan. 2021. P. 3-5.
8. Election of governors in the regions 2021. - URL: <https://baq.kz/news/-othernews/saylau-2021onirlerdegi-akimder-saylau/>
9. The results of the elections of village akims were announced by regions. 2021. P-23. - URL: <https://www.kazpravda.kz>

РАЗРУШЕНИЯ И СТРАДАНИЯ В РАШКОМ РАЙОНЕ ВО ВРЕМЯ АГРЕССИИ НАТО ПРОТИВ ЮГОСЛАВИИ

Йован Д. Симиянович

Доктор исторических наук,

Институт сербской культуры Приштина-Лепосавич,

научный сотрудник

E-mail: jovan_simijanovic@yahoo.com

Аннотация. Самый конец 20 века ознаменовался прецедентом в новейшей истории человечества - совместным нападением стран-участниц пакта НАТО на Югославию. Начав акт агрессии против суверенного государства и члена-учредителя Организации Объединенных Наций, Югославии, страны в самом сердце Европы, НАТО разрушила формальные

принципы международного права, установленные после Второй мировой войны. Заявленным намерением нападавших было предотвратить гуманитарную катастрофу и спасти албанских мирных жителей от преследований и страданий. Это нападение фактически еще больше обострило конфликты и увеличило страдания мирного населения всех национальностей на территории Югославии. После 78 дней агрессии и 22.000 тонн использованных боеприпасов (включая снаряды с обедненным ураном) был нанесен ущерб, по некоторым оценкам до 100 миллиардов долларов, около 240.000 сербов покинуло район Косово и Метохии, а точное число погибших до сих пор окончательно не известно. В этом тексте автор намерен познакомить российскую и иную научную общественность с подробностями страданий и разрушений в Раишском районе в центральной части Сербии. Во время вооруженной агрессии пакта НАТО против Союзной Республики Югославии жители Кралево и Раишского района понесли значительные и невозполнимые потери. Погибли мирные жители и солдаты. Нанесен огромный материальный ущерб, в первую очередь транспортной (автомобильной и железнодорожной) инфраструктуре, а также жилым и хозяйственным постройкам. После агрессии НАТО Кралево стало временным или постоянным местом жительства большого количества внутренне перемещенных лиц из района Косово и Метохии. В данной научной работе автор попытается внести свой вклад в знания о страданиях и разрушении района, опираясь на доступные на сегодняшний день источники. Также целью работы является сохранение памяти о жертвах, так как во время агрессии погибло 12 мирных жителей, в том числе один двухлетний ребенок на территории Раишского района. Также были убиты 45 военнослужащих югославской армии из Кралево. Статья основана на доступных источниках и официальных сообщениях Раишского и Районного штаба гражданской защиты. Кроме того, авторы использовали материалы, опубликованные в СМИ и соответствующую литературу.

Ключевые слова: агрессия НАТО, Раишский район, Кралево, Сербия, Югославия, жертвы среди гражданского населения, жертвы среди военных, ущерб от бомбардировок.

DESTRUCTION AND SUFFERING IN RAŠKA DISTRICT DURING THE NATO AGGRESSION AGAINST YUGOSLAVIA

Jovan D. Simijanović

Doctor of historical sciences,

Institute for Serbian Culture Priština-Leposavić,

scientific associate

E-mail: jovan_simijanovic@yahoo.com

Abstract. *The very end of the 20th century was marked by a precedent in the modern history of mankind - the joint attack of the member countries of the NATO pact on Yugoslavia. By launching an act of aggression against the sovereign state*

and founding member of the United Nations, Yugoslavia, in the heart of Europe, NATO also overturned the formal principles of international law established after World War II. The declared intention of the attackers was to prevent a humanitarian disaster and save Albanian civilians from persecution and suffering. The attack actually further escalated the conflicts and increased the suffering of civilians of all nationalities on the territory of Yugoslavia. After 78 days of aggression and 22,000 tons of munitions used (among which were grenades filled with depleted uranium), damage was done, according to some estimates, of up to 100 billion dollars, about 240,000 Serbs fled from the area of Kosovo and Metohija, and the exact number of dead is still unknown today. In this text, the author intends to acquaint the Russian and other scientific public with the details of the suffering and destruction in the Raška district in the central part of Serbia. During the armed aggression of the NATO pact on FR Yugoslavia, the inhabitants of Kraljevo and Raška district suffered significant and irreparable casualties. Civilians and soldiers died. Huge material damage was caused, first of all to the traffic (road and railway) infrastructure, then to residential and commercial buildings. After the aggression, Kraljevo became a temporary or permanent residence for a large number of internally displaced persons from the area of Kosovo and Metohija. In this paper, the author tried to, based on the sources available today, contribute to the knowledge about suffering and destruction. Furthermore, the aim of the paper is to cherish the memory of the victims, since 12 civilians were killed during the aggression, including one two-year-old child in the area of Raška district. 45 members of the Yugoslav Army from Kraljevo were also killed. The paper is based on available sources, the official announcements of Raška district and the announcements of the District headquarters of civil protection of the district. In addition, we used the press, as well as relevant literature.

Keywords: *Aggression, NATO, Raška district, Kraljevo, Serbia, Yugoslavia, civilian casualties, military casualties, damage from bombing.*

Among the first air attacks carried out by NATO bombers on Wednesday, March 24, 1999, was the attack on the Ladevci military airport near Kraljevo. The attack took place at 19:45, exactly at the time when a number of other targets were also attacked, which is taken as the beginning of the armed aggression against the Federal Republic of Yugoslavia. On the following night, March 25/26, another 20 missiles were fired at the aforementioned airfield. The aggression continued and lasted a total of 78 days, during which Kraljevo was targeted by bombers and cruise missiles for 54 days. According to the data of the Raška District Civil Protection Headquarters, more than 600 missiles of various types and destructive power were thrown on the territory of our municipality in 172 attacks [1]; [2, p. 104].

Due to the unavailability of primary sources, which are still embargoed due to historical distance, more extensive research today must be based on secondary sources such as the press, announcements of state authorities, or already published sources. We tried to obtain more detailed relevant knowledge about the general

situation in Kraljevo and Raška district with the help of the press release of the Raška district and the District Civil Protection Headquarters of the Raška district. The newspaper *Ibarske novosti* was also helpful in looking at the wider social picture. A valuable source was also the Report of the Reporting and Alarming Service of the Raška District Civil Protection Headquarters in Kraljevo, as well as the Collection of Documents of the Working Organization for Railway Maintenance, Kraljevo.

The announcements of the Raška District and the Civil Defense District Headquarters of the Raška District are certainly second-rate sources, but they certainly represent a vivid source about the organization of citizens' lives in wartime conditions, especially since they were issued daily. Among other things, these announcements were intended to appease the general public, to acquaint them with efforts to maintain the normal course of social, economic, traffic, health, cultural, and even sports life in wartime conditions. In the first of these announcements, it was emphasized that, in accordance with the measures taken by the Government of the Republic of Serbia at the time, production and economic flows in Raška district were then maintained [3, 1. April 1999, pp 1-2]; [4, 2. April 1999, pp 6-7]; [5, p 483-]

The normal functioning of health care was also given a high level of priority. On April 3, staffs were organized within the framework of healthcare in the territory of the district to monitor the health status of the population and to respond to possible emergency conditions [3, 3. April 1999, str. 1-2]. Health care was faced with the tasks of providing sufficient capacities of health infrastructure, medicines and medical equipment, with provision of additional and spare facilities in case of damage during enemy operations. Special emphasis was placed on preventing the possibility of an epidemic of infectious diseases. According to these announcements, the supply of medicines and other medical materials was regular. One of the priorities, which was emphasized in the announcements, was the regular control of the quality of the water from the water supply system, as well as the control of the quality of the air [4, 2. April 1999: 2-3]; [3, 1. April 1999, pp 1-2].

On the basis of the decree of the Federal Government, measures have been taken in the Raška district to ensure the uninterrupted supply of the population with basic foodstuffs at prescribed prices. The Republic Market Inspection, in coordination with the Ministry of Interior of Serbia, was additionally engaged in order to implement this regulation in practice [4, 2. April 1999: 2-3]; [3, 1. April 1999, pp 1-2].

The mentioned sources and the press also provide information regarding suffering and destruction. The area of the city of Kraljevo was the target of bombers and cruise missiles for 54 of the 78 days that the air campaign against Yugoslavia lasted. According to the data of the Headquarters for Civil Protection of the Raška district, during 172 attacks, more than 600 missiles of various types and destructive power were thrown on the territory of the city, 30 of which did not explode. The data presented by Miljojko Lučić in his book are somewhat different: 194 attacks were carried out, 659 missiles were fired, of which 22 did

not explode [6, p 389]. Two missiles of great destructive power are still located in the Bogutovac settlement, at the site of the destroyed "Beopetrol" warehouse, while an undetermined number of unexploded cluster bombs are located in the area of Kopaonik and some other settlements near the city itself [1].

During the bombing, 1,750 buildings were damaged or destroyed in the municipality of Kraljevo. In the area of the Raška district, 2,436 houses and 1,220 apartments were hit, 12 schools, 7 health centers, 2 kindergartens and 24 commercial facilities were damaged to a greater or lesser extent. Four relays were destroyed, and 6 roads and 20 road and railway bridges were severely damaged. The railway connecting central Serbia with Kosovo and Metohija was badly damaged in 13 places [3, from 1 April, until 25 June 1999]; [1].

Nevertheless, the greatest and irreparable consequences are human lives. During the bombing of the Raška district, 105 citizens were injured, while 12 were killed or subsequently died as a result of serious injuries [3, from 1 April until 25 June 1999]; [1].

In terms of tragedy, one day during the aggression stands out, it was May 31. During the bombing of Brvenik, on the last day of May, Saša Knežević from Kraljevo was killed [3, from 1 April, until 25 June 1999]; [1]. On that tragic May 31, NATO aircraft bombed the center of Novi Pazar as well, causing the greatest suffering and tragedy in the area of the Raška district during the aggression. On that day the residential building number 74 in Stevana Nemanje Street was hit. 11 civilians were killed, including the two-year-old boy Marko Simić, one of the youngest victims of NATO aggression. Marko ended his life in the arms and protective embrace of his father Vladan Simić, who also was killed at the time. Apart from them, Đorđe Pantović, Nikić Miodrag, Simović Dragan, Jajić Zvezdan, Ratković Golub, Biorac Dragomirka, Vranić Raco, Milošević Dejan and Marko Roglić also were killed. This at the same time represented the most numerous number of casualties in the Raška district during all days of aggression. Another 12 people were injured, 58 apartments were damaged, the *Bratstvo* elementary school, the Medical Healthcare Center and the *Jedinstvo* society were damaged, and a large number of family houses were also damaged [3, 1 June 1999]; [7, p 217, 226-227]; [8]. All 12 civilian victims from the Raška district died on that tragic May 31.

During the bombing of the NATO aviation, 11 employees of the Belgrade ŽTP railway, which includes the Kraljevo railway junction, were killed [9, from 24 March until 9 June 1999].

When it comes to the deaths of members of the armed and security forces of the FR Yugoslavia from Kraljevo, we must emphasize the fact that they were killed in the territory of Kosovo and Metohija in a series of terrorist attacks by the so-called KLA starting 1998. As a reminder, the first terrorist attacks of this organization took place on April 22, 1996. Thus, the armed aggression of the NATO pact was preceded by the armed, violent terror of the so-called KLA aimed at disrupting the legal and security system of the FRY and the RS. To the greatest extent, this implied the killing, expulsion and intimidation of the Serbian population in places where there was an opportunity to do so. Furthermore, there

were ambushes on members of the army and police, illegal crossings of the border with Albania and the introduction of various weapons and narcotics. It also implied the liquidation of Albanians, who were judged to be too close to the Serbs and the state authorities of the Republic of Serbia. With the armed aggression of the NATO pact in 1999, the war in which members of the army and the police had been fighting for a year only became more intense and dangerous. The same was true for members of the army from Kraljevo [10, p 32].

The total number of members of the army from Kraljevo who were killed during the NATO aggression is 45 people [3, from 1 April until 25 June 1999]; [1]. Members of the Yugoslav Army from Kraljevo were deployed in many units. However, except for the citizens of Kraljevo who were caught by NATO aggression during regular military service, the rest of the citizens of Kraljevo were mobilized during the conflict in Kosovo and Metohija in the 252nd Armored Brigade from Kraljevo and the 37th Motorized Brigade from Raška. Even before the beginning of the aggression of the NATO pact, the 37th brigade was deployed in Kosovo and Metohija and operated in the area of Drenica. On the other hand, only after the beginning of the NATO bombing, the deployment of the 252nd Armored Brigade to war positions began. The people, tanks and equipment of this unit were then transported from Kraljevo by train to Kosovo and Metohija, which traveled for several days while hiding in the tunnels on the route Kraljevo - Kosovska Mitrovica in order to avoid bombing by NATO aviation [10, p 33].

The largest number of Kraljevo residents who were killed were members of the 252nd Armored Brigade. 17 Kraljevo residents from this unit were killed, that is, 37.7% of all soldiers from Kraljevo who were killed during the aggression. Furthermore, 8 members of the 37th Motorized Brigade from Kraljevo were also killed, which is 17.7% of all the killed members of the Yugoslav Army from Kraljevo. On the territory of Kosovo and Metohija, 36 military personnel from Kraljevo died, which makes up 80% of all the killed members of the Army from this city. In the rest of central Serbia, nine more members of the army from Kraljevo lost their lives due to NATO attacks and other various causes. Most of the army members from Kraljevo in the territory of Kosovo and Metohija died as a result of anti-tank mines placed on the roads and then due to ambush attacks by terrorists. NATO aviation also killed numerous Kraljevo residents as members of the Army in Kosovo and Metohija. One of the most significant losses was the death of four members of the 252nd Armored Brigade in the area of Grabnik - Volujak in the municipality of Klina on April 4, 1999, who were killed by cluster bombs. Of the total number of killed Kraljevo residents members of the army, 11 were active military personnel, i.e. 24.4%, seven officers and four non-commissioned officers. The average age of all those killed Kraljevo residents was 30.9 years. Of all the killed people from Kraljevo, 40% were not married and had no children. Finally, we must also mention that 58% of the fallen soldiers from Kraljevo received decorations posthumously [10, p. 34]. We are obliged to remember their sacrifice, because it is the greatest that a person can give. It depends on us in the future whether their sacrifice was in vain.

The consequences of the aggression were that during and after it a large number of refugees left their homes. According to the data of the District Civil Protection Headquarters of the Raška District and the Municipal Red Cross Organization of Kraljevo, 18,822 persons who temporarily left the area of Kosovo and Metohija were registered in this district until June 25, 1999. In the municipality of Kraljevo, at that time, 9,774 persons were temporarily accommodated with relatives and friends and 1,540 persons were placed in collective accommodation formed in the area of the municipality of Kraljevo [3, 25 June 1999].

Remembering the victims and respecting them is our civilizing duty.

Список литературы

1. URL: <http://www.kraljevo.com/kraljevo/proslost/nato-agresija-99.htm>
2. Милисав Секулић. *Краљево на путевима историје, спомен књига погинулих у ратовима 1990-1999 године*. Краљево, 2019.
3. Историјска збирка Народног музеја Краљево. Саопштење Рашког округа и Окружног штаба цивилне заштите Рашког округа.
4. *Ибарске новисти*.
5. Симијановић Јован, Матијевић Милан, Владана Лилић Прилог изучавању страдања Краљева и Краљевчана током агресије НАТО пакта // *НАТО агресија на СРЈ (Републику Србију) : да се вечно памти*. Београд, 2021.
6. Лучић Миљојко. *Бесане ноћи када је 79 дана горела Југославија и Србија и када су падале НАТО летелице*. Краљево, 2005.
7. *Документа и докази. 2. НАТО злочини у Југославији : 25. април - 10. јун 1999*. Београд, 1999.
8. URL: <https://www.blic.rs/vesti/drustvo/nato-bombardovanje-srbija-jugoslavija-godisnjica-bombe-zrtve/zmzhycn>.
9. Документација Службе за јављање и узбуњивање Краљево Окружног штаба цивилне заштите Рашког округа. Дневник.
10. Тимотијевић Милош. *Споменица погинулих у ратовима 1991-2000 године са подручја Краљева*. Краљево, 2019.

CRETE IN COLLECTIVE MEMORY IN THE REPUBLICAN PERIOD IN TURKEY CRETE AS A MEMORY SPACE

Suda E.Zeynep

PhD.

*Istanbul University, Faculty of Political Sciences,
Department of Political Sciences and International Relations,
Chairperson of Political Science
E-mail: ezeynepsuda@gmail.com*

Abstract. *This study will examine how the Cretan issue was handled in the Republican period by dividing it into periods, and the characteristics and differences of the periods in terms of the handling of the issue will be exemplified through selected sources. As a basic thesis, it is possible to categorize the treatment of the Cretan issue in the official thesis and the sources that follow it as the memory of capture, loss, exchange and immigration during the Ottoman period. Crete has been included in the social memory in a way that ranges from the point where Turkish nationalism and the right consider it as a loss and see foreign powers as responsible for the loss, to the romantic memories of the immigrants and from there to a more “from below” perspective to cultural approach and finally as a touristic memory site.*

Keywords: *Crete, Cretan issue, Crete in social memory, loss of Crete, Cyprus and Crete, memory of immigrants.*

КРИТ В КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ В РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ИСТОРИИ КРИТА КАК ПРОСТРАНСТВО ПАМЯТИ

Суда Э.Зейнеп

Доктор философии

*Стамбульский университет, факультет политических наук, профессор,
заведующая кафедрой политологии
E-mail: ezeynepsuda@gmail.com*

Аннотация. *В статье исследуется решение критского вопроса в республиканский период, путем разделения его на периоды. Характеристики и различия периодов с точки зрения решения этого вопроса иллюстрируются на примере выбранных источников. В качестве основного тезиса можно классифицировать трактовку критского вопроса в официальном дискурсе и источниках, которые следуют за ним, как воспоминание о захвате, потере, обмене и иммиграции в период Османской империи. Крит был включен в общественную память таким образом, что варьируется от точки, где турецкий национализм и правые рассматривают его как потерю и считают иностранные державы ответственными за эту потерю, до романтических воспоминаний иммигрантов и более “низовой”*

перспективы, культурного подхода и, наконец, как памятный туристический объект.

Ключевые слова: Крит, критский вопрос, Крит в социальной памяти, потеря Крита, Кипр и Крит, память иммигрантов.

As a starting point it should be mentioned that in the formation of social memory there is a "memory from above" established by basically the ruling classes, elites and later on by nation states. How and in which processes the narrative from above is shaped in the Ottoman/Turkish tradition when it comes to issues such as losses of valuable territories in the Balkans and other regions, as a result migration and population exchange is a topic worthy of research. On the other hand, there is also a memory from below that emerges in the narratives of individuals, families and small communities who are subjected to migration, who experience migration, about their views, feelings and frame of evaluations [9]. These memories are reconstructed at the level of narratives, biographies and novels, photographs and films. Our study will examine how these two levels are formed and transformed within a historical framework.

Before the foundation of the Republic, one of the traumatic events that emerged as part of the disintegration process of the Ottoman Empire and accelerated by the fact of population exchange was the loss of Crete. This issue constitutes a kind of "regression" theme for Turkish nationalism. When countries do not develop and move forward, nationalist and right-wing ideologies, instead of creating a basis for a contemporary critique, dig up the past and evoke an oppressed and victimized mood by remembering the losses. Thus, they aim to strengthen and tighten nationalist sentiments.

In the 19th century, as the conflicts and problems in Crete gained momentum by penetrating communities and increasing enmity, the Ottoman public showed a great interest in Crete and Cretan history. However, with one or two exceptions, most of the works published were rather sensational. Studies on how this issue was handled in various newspapers during the Ottoman period have recently been published. In these publications, it can be argued that the issue was again narrowly framed in terms of the Ottoman peace on the island and the changing conditions of peace. To illustrate, in the *Ottoman Newspaper* (1897-1904), published every two weeks, the issue of Crete occupies an important place within the current events [10, p.89-111]. This newspaper was not only the opposition organ of the Committee of Union and Progress against Abdülhamit II, but also dealt with the Cretan issue, which was the main agenda of the day. I would like to present the following excerpt from the newspaper: "*The revolutionary uprisings that have fallen on the nation like a nightmare are due to Abdülhamit's rule. Crete is one of these revolts...*" [11, p.94]. The articles in this newspaper criticize Abdülhamit II's passivity in the handling of the Cretan issue and his appointment of incompetent and oppressive people to the administration of the island, which, in turn, led to the escalation of events and disaster. Censorship of the Ottoman press was also criticized. The articles in this newspaper gained momentum with the military evacuation of Crete in 1898, and not only the administration but also the

conditions that encouraged and supported this situation were criticized in the pages of the newspaper.

On the other hand, especially after 1908, the critical cartoons on the Cretan issue in various opposition magazines are noteworthy. In humor magazines such as *Beberuhi* and *Karagöz*, which featured cartoons and illustrations, it should be said that the Cretan issue was handled in a multi-dimensional and critical manner [12]. These cartoons satirize the fact that Crete was a toy in the hands of the great powers, that it was being pulled apart by both sides, and criticize the attitude of Abdülhamit II and other political actors on the issue.

Again, in the Ottoman period, from 1913 onwards, there are many critical articles about Ottoman's official surrender of the island and its loss, and the essence of these articles can be said to have an impressive tone such as "losing an arm", "Crete is our soul", and emphasizing mourning and loss.

We can say that this approach continued to exist in the early years of the Republic. In the press, as well as in sentiment, the Ottoman/Turkish presence in Crete, the movements against the Ottoman rule in Crete and the end of this presence because of the events called the Cretan revolutions were reproduced - starting from the end- as a kind of "pity". The main thesis of this period emphasizes the failures of the Ottoman state administration in Crete, the deterioration of the living conditions of the Muslim Turkish people living on the island as a result of the games of the great powers against the island, the cessation of the Turkish rule on the island and its eventual loss. Crete is perceived as a lost homeland, and those who emigrated from there, the exchangees, are perceived as people who fled from danger and reunited with their homeland.

Furthermore, it has also been observed that, starting from the 1930s onwards, the Turkish right wing politics dealt with the Cretan issue from a racial perspective. For instance, in Nihal Atsız' books and writings, Cretans are listed among those who are not racially Turkish though they speak Turkish and claim to be Muslims, as well as those who are converts and have the potential to betray Turkishness [13]. In Atsız' writings, such people are called "Türkümü" (pseudo-Turkish) and the real danger comes from this group, accusing them asking "*Why did Ahmet Cevat write in newspapers against Turkism during the Armistice years?*"

As for the periodization and content related to the issue of Crete in Turkish politics I would like to mention Rıdvan Turhan's publication titled "An Essay on Cretan Studies in Turkey", which is a valuable study on how the Cretan issue was handled in Turkish literature in different periods [14, p.191-204]. In this valuable study, it is emphasized that the Cretan issue entered our country through the Western literature and was mainly discussed in the context of the ATÜT debates after the 1960s. It discusses the discovery by Western literature of Cretan civilization in Western literature, which has an even older history than the Greek origins of Western civilization, and its inclusion in the literature in terms of the connections of Western civilization with the eastern Mediterranean civilization. There are then valuable references on Crete in the Ottoman period, including the censorship of the issue between the Ottoman-Greek War of 1897 and 1908, the

critical treatment of the issue by the Young Turk opposition after 1908, and the interest of the Istanbul and Anatolian press in the issue.

Crete in Encyclopedia Articles.

It is also worth examining how the subject of Crete is handled in encyclopedia articles, which claim to be impartial and are widely quoted and accepted as the main source of the subject in the following period. After the wars and the establishment of the Republic, the first scholarly article on this issue was written by Cemal Tugin in 1945 [15, p.3-4].

In the article on Crete written by Cemal Tugin in the *Encyclopedia of Islam*, the geographical location and history of Crete are described, and a great deal of space is devoted to the capture of the island as a result of several campaigns during the Ottoman period. The aim of this narrative is to highlight the conquest of the island of Crete as an imperial and great state policy tool and objective as shown in these lines:

"For a period of 150 years, from the conquest of Heraklion under Ottoman rule until the beginning of the Peloponnesian Revolution, no significant events took place in Crete. However, the Russian provocations that started with Tsar Peter and increased in intensity, the feelings of nationalism aroused by the French Revolution, the gradually deteriorating and weakening internal administration of the Ottoman Empire, the desire for secession among the Christian subjects, and finally the propaganda of the Heteria Society founded by the Greeks to realize such a movement led to the end of tranquility in Crete."

As can be seen in the quotation above, this article does not critically examine the old sources left from the Ottoman period in terms of historical methodology but transfers the old sources to the Republic of Turkey, and the expansionist policy of the Ottoman Empire in the Eastern Mediterranean is approved as a great state policy. Until 1821, the Ottoman rule on the island is portrayed as a period of peace and security, a period of internal peace and an incident-free period. Events such as the weakening of the Ottoman Empire, its defeats in wars and loss of territory are described as a kind of natural development like the geographical description of Crete [16, p.791a-804b]. The reasons for the subsequent developments in the field of international relations are not explained and the loss of Crete is presented as a natural event, a defeat in the equation of great powers. The periods of change in the relations between the great powers, of which the Ottoman Empire was a part, and the dynamics that developed against us are treated superficially as a conspiracy rather than in terms of social relations. Thus, the Cretan case, which is handed down to later years, remains as a kind of great loss, an irreparable defeat for which we are not to blame, and even the loss of one's child. As such, it remains in our history as a kind of historical wound, an incurable pain. This approach has been repeated in literary and academic works until recently.

This approach is included in the debates in connection with the Cyprus issue as an argument that strengthens the Turkish right and aims to mobilize nationalist sentiments on the issue. In the publications of 1950s, when the Cyprus issue

gained momentum and was presented as an important nationalist discourse in the Turkish public opinion, the issue was associated with Crete and its loss. From the beginning of the 1950s onwards, themes such as the conquest of the island of Crete were widely covered in the pages of “History, According to History Today”. The nationalist discourse formed by writers such as Feridun Fazıl Tülbentçi, one of the leading journalists of the period, weaves social memory in a way that oscillates between rejoicing at the conquest and boasting of the Ottoman glorious past on the one hand and loss on the other. In the 1950s, the trauma of loss was amplified through various discourses and arguments, revitalized in social memory and represented, for example, with expressions such as “*being slaughtered in a slaughterhouse with the support of the Russian navy on the shore*” during the Cretan rebellions [17, p.6].

During these years, the rising feeling of hostility towards Greece and the Soviet Union was covered in the nationalist press, supported by the government, and finally, the events of September 6-7, 1955 took place on the days when the Cyprus issue was being discussed at the diplomatic level in England.

The issue of Crete and the conquest of the island, which was linked to the conquest of the island of Cyprus, is justified in terms of its strategic location in the Eastern Mediterranean and the Ottoman Empire's desire to gain influence in this region and to achieve security and power politics in its struggle against the Venetians and was seen as a necessity. The justification and real reasons for the conquest of Crete are expressed as follows:

“In the 16th century, The Ottoman Empire, which had reached its territorial limits in the Eastern Mediterranean by conquering Syria, Palestine and Egypt, aimed to turn the Mediterranean into a Turkish lake. The victory in the Battle of Mohacs, the capture of Buda and the siege of Vienna had made the Turks dominant over Europe. Subsequently, the Turks aimed at dominating the Eastern Mediterranean.(...) The Venetians, on the other hand, after losing Cyprus and being left with only the island of Crete in the eastern Mediterranean, began to strengthen the fortresses on the island with all their might in order to prevent the loss of Crete, which had become even more important. In the meantime, while pursuing a policy of getting along with the Ottomans, the Venetians did not refrain from piracy in the Mediterranean and in the waters of Crete. However, due to their generally passive position and the Ottomans' unwillingness to risk an expedition to Crete, there were no significant changes in either policy or operations until the middle of the 16th century (1582-1644)” [18].

In the academic literature on Cyprus and in popular political culture, it is possible to mention many instances where this issue is mentioned together with the loss of Crete. For example, in Niyazi Ahmet Banoğlu's book compiled from newspaper articles published in 1976, Cemal Tükin's Cretan Rebellions in the Ottoman Period and Enver Ziya Karal's Ottoman History are used as main sources. In this study, a parallel is drawn between the persecution of Turks and Muslims during the Cretan rebellions and what happened in Cyprus. [19] In Mahir Aydın's Sarı Kitap (Yellow Book), which he constructs as a kind of transcript, the period of Ottoman rule is evaluated as a kind of golden age without any problems.

"After the Turkish rule, there were no problems in Crete for 150 years. But when the Greek uprising of 1821 started, then problems in Crete emerged." In the remainder of this study, the loss of Crete is discussed in relation to Cyprus [20].

Today, in the press and sometimes in academic publications, there are approaches such as the following:

"While the legal status of many islands in the Aegean Sea is disputed, Crete, the largest island in the region, is among them. After the Balkan War, a certain part of the island was ceded to Greece, while Montenegro, Serbia and Bulgaria, to whom the greatest part of it was ceded, renounced their rights." Retired Staff Colonel Ümit Yalım, former Secretary General of the Ministry of National Defense, said, *"Only one fourth of the island belongs to Greece. According to international agreements, three fourths of Crete and 14 islets around it belong to Turkey. What happened in Crete in the last 100 years is one of the many unspoken tragedies in our history"* [21].

New generation historiography and Crete

An important contribution to research on Ottoman Crete was made after 1980 by Ayşe Nühket Adıyeke and Nuri Adıyeke. In their dissertations and articles, as well as in their studies titled the Short History of Crete in the Ottoman Period, there is an effort to include the social dimensions of the subject [22]. These studies are based on the reading of old documents on Crete and comparative analysis methods. Research on social history is prominent. Since the 1990s, there has been an increase and new interest. There are also studies that differ from studies dealing with the history of Crete within the framework of diplomatic and inter-state, international relations, which, within the framework of the old school of big state politics and the realist school, accept and legitimize the politics of power.

Studies based on the narratives, memories and experiences of individuals, families and groups who have been subjected to migration include topics such as how these individuals and families found out about migration, what they thought about it, what they did, what happened to them during the migration process, what they encountered in their places of origin, their longings, and their perceptions of home and homeland [23]. Different types of studies dealing with these issues include topics such as how *exchangees* and refugees adapt to the places they arrive in, how their differences such as language and culture are perceived by the place and community they arrive in, how they are humiliated, as well as their losses, poverty and deprivation. Especially after the 2000s, oral history compilations containing interviews and in-depth interviews with people who have experienced exchange and migration have been published.

The studies of this period deal with the social history of Crete in various aspects of social and cultural history. It is generally argued that there are relatively fewer studies on the economic aspect. Nevertheless, there are studies on the economic activities of the Muslim population that lived in Crete before the population exchange [24, p.155-167]. These studies, which include a broad framework of villages, viticulture and olive cultivation, and professions in the cities, constitute an example of detailed historiography in the form of examining

the *Mukataa*, a tax segment of the island of Crete, by analogy with the manor system, or examining the *Kadi Registry Books* of Crete. An important publication is on the conversion movements in Crete during Ottoman rule [25]. Although the main focus of this study, in which the issue of conversion is discussed in the case of Crete, is centered on the calculation of the Muslim and Christian population, the fact that this issue is dealt with in detail with the inclusion of registry books constitutes an important contribution to the literature. Likewise, it is only in recent decades that population issues, occupations, villages and towns have been examined in such detail. Among these topics are studies of administrative and social areas such as Ottoman administration and earthquakes [26].

There are many studies, old and new, on the various dimensions of the population exchange. Among these, there are very few studies that address the economic dimension of the issue and aim to conduct bilateral ethnography [27]. Today, studies, articles, books and dissertations on the exchange are becoming more detailed and sophisticated [28, p. 127-154]. In our country, books consisting of the papers presented at the meetings held on the 90th anniversary of the exchange have been published. The most important among these is the symposium organized by the *Foundation of Lausanne Exchangees* and the compilation book published thereafter [29]. Among the researches included in this book are valuable studies focusing on issues such as the structure, geographical settlement and occupations of the Muslim population living in Chania before the exchange [30, p.216-231].

In the past two decades, there have been memoirs, monographs and valuable dissertations on forced migration, exchange, identity and trauma [31]. One such work is a family history monograph on the Çanakkale (Dardanelles) years of a family that migrated from Crete to Çanakkale in 1898 and their memories of Crete [32, p. 43-58]. Valuable works on migration and identity have emerged from Crete: Mustafa Olpak's work on family history has brought people of different origins and social strata, racial and class groups who lived in Crete into our literature [33]. In this way, the history and memories of Crete ceased to belong to the upper classes and the white Muslim Turkish population, and the potential for a more realistic and diverse analysis was realized.

In recent years, hybrid works have been published that deal with the cultural dimension of the subject and unlike the works of the older generation of historians, draw on different sources, economic and social history, memoirs, oral history narratives, tales and myths, and visual sources. I would like to give two prominent examples to summarize the many works on this subject: The first is a compilation of *manis* (folk rhymes), proverbs, idioms and nursery rhymes by Müfide Pekin [34]. The second work I would like to mention is the three-volume study on Crete prepared by Ali Ekrem Erkal [35]. Especially in the third volume of this work, Turkish Crete with its traditional culture is described by referring to various sources such as narratives, tales and legends, travels, experiences and visual materials. Another example of a work that deals with the subject from different angles is Seyit Ali Ak's work on a Cretan photographer [36]. In this work, Bahaeddin Rahmi Bediz's photography adventure starting from Crete is

exhibited. Among the sources that have contributed to and enriched the study of the exchange, works that addressed Crete in literature should also be included. A prominent example is *Kritimu: My Crete*, written by Saba Altınsay, the daughter of a family from Çanakkale [37]. The novel, which deals with a cross-section of her family before and during their migration from Crete, is considered a valuable work that has been published in many editions.

In addition to literary works such as novels and memoirs that deal with Crete and migration, it is also necessary to mention movies. Films such as "Grandfather's People" directed by Çağan Irmak, "Waiting for the Clouds" directed by Yeşim Ustaoglu and "Strangers in the House" directed by Kaçargil and Keser are works that deal in depth with the period before and after the exchange, the forced migration process, those who left and those who stayed, the pain, as well as language and cultural problems [38].

Old enmities, old approaches in the new era.

In recent years, some dissertations, especially in the field of international relations, have dealt with the issue in a superficial manner, again in connection with Cyprus. The comparison is not based on historical and social production processes or culture, but within the framework of nationalism literature or international relations in general. "*Rather than comparing Cyprus and Crete, the methodology followed here reveals the mistakes made by the Turkish side in the loss of Crete and the policy pursued by Greece and its reflections on Cyprus*" [39, p.90].

On the other hand, in some literary works on the subject, published in the 2000s, we come across instances where the assumptions of old-style, top-down historiography are adapted to the lives of individuals and families. For instance, "Lost Homeland Crete" deals with the story of a Cretan family's migration to the homeland, but the framing historical narrative is deeply influenced by right-wing and nationalist elements and historiography from above [40].

In this narrative, the early period of Ottoman rule is described as an environment of peace and tranquility, and is referred to as an old plane tree that suffered a natural death: "*Nationalist elements in collaboration with colonialist countries were gnawing away at this great plane tree, tearing off its limbs one by one. (...) Crete was one of our lost lungs. After 250 years of Ottoman justice, this paradise homeland was torn away from the motherland as a result of colonialist pressures and nationalist revolts*" [41].

Today, old quarrels, disputes and partisanships continue to exist within the framework of the new international environment, social relations and ideological positioning. An example is the *Blue Homeland* project, which plans to turn the Mediterranean into a Turkish lake and go south of Crete, and demands this from the political power:

"We are preparing to file international lawsuits on issues such as Crete, Libya, Mosul - Kirkuk, Crimea, Western Thrace, especially the Dodecanese. What offended us was that Crete was taken away from us with outrageous plans that could be compared to the Byzantine plots and were gradually implemented over a

long period of time. (...) If we do not talk about our rights over Crete, our rights over the Dodecanese, which the Italians first occupied and took away from us, then left to us again in exchange for Libya, but which have not been handed over to us until today, and our absolute rights over Libya since the Dodecanese have not been handed over to us, someone will question the Blue Homeland, our presence in Libya, our presence in Cyprus, and even our stance in Syria as the guarantee of the region.”

The issue turns into a war-mongering: “At the moment, since we have landed in the Mediterranean, which has been called the Turkish lake for centuries, on the order of our President after so long, we are de facto present. Then we are obliged to exist legally as well. We are waiting for our President Recep Tayyip Erdoğan to initiate the legal process in the international arena with a second instruction .While our navy, airplanes, research and drilling ships, military, UAVs and UCAVs are on the ground, it would be appropriate to initiate this legal process in terms of timing” [42].

On the other hand, it must be noted that the opposition's approach to this issue is in line with these elements and the findings and assessments of the Turkish right mentioned above. In a statement made in 2008, CHP Deputy Chairman Onur Öymen said: “At this rate, Cyprus will be lost like Crete was. Let everyone know. We have said this many times. This is how Crete was lost” [43].

Conclusion.

In conclusion, to summarize, although new sources, important methods, approaches and debates in terms of social history related to the issue of Crete in Turkey have been added to the literature in the last decades, it is also seen that the old style of historiography and old sources are recurring in the new period on the axis of new debates and alignments. Although this approach continues to predominate in dissertations, articles and books, the emergence of promising studies increases the possibility that the economic, political and social history dimensions of the subject will be addressed from a different perspective. For example, information about the women of Cretan families is obscured or left behind when genealogical trees are analyzed [44]. Since genealogies are based on paternal lineage, they do not include women, and there are gaps in birth and death dates. New studies in such areas will expand and deepen our knowledge in the field. However, political, ideological and methodological differences in the approach to history will continue to manifest themselves in every work.

Literature

1. Mustafa Bin Musa. *Tarih-i Sefer ve Feth-i Kandiye: Fazıl Ahmed Paşa'nın Girit Seferi: 1666-1699*. 2016.
1. Gülsoy, E. *Girit'in Fethi ve Osmanlı İdaresinin Kurulması*. TATAV, 2004.
2. Uçarol, R. *Gazi Ahmet Muhtar Paşa*. İstanbul: Filiz, 1989. Mahir Aydın. *Girit: Sarı Kitap*. Arkeoloji ve Sanat, 2008.

3. Tukin, C. "Girit", *İslam Ansiklopedisi*. İstanbul: Milli Eğitim Publishing, C.4, 1946.
4. Çorlu, S.M. *Girit İhtilalleri Birinci ve İkinci Safha*. Yeni Türk Mecmuası, C: IV, No: 42, June 1936 and C: IV, No: 43, July 1936.
5. Güvenç, S. *Mübadiller: Onlar İki Kere Yabancıydılar*. Lozan Mübadilleri Vakfı, 2015. Pekin, M. ed. Mübadil Kentler: Mekân ve İnsan. Lozan Mübadilleri Vakfı, 2014.
6. Online: <http://www.lozanmubadilleri.org.tr/>, Accessed in: 29.08.2022
7. Yorulmaz, A. *Girit'ten Sonra Ayvalık: Savaşın Çocukları*. İstanbul: Belge, 1998.
8. Saba Altınsay. *Kritimü: Giritim Benim*, İstanbul: Can, 2004.
9. Erkal, A.E. *Geleneksel Kültürüyle Türk Girit* (Three volumes), İzmir: Self Publication, 2008, Olpak, M. *Kenya, Girit, İstanbul - Köle Kıyısından İnsan Biyografileri*, Ozan, 2006, Güler, E.Z. "Şu gemide ah ben de olsaydım..." *Çanakkale'den Savaş Dışı Anılar*, İstanbul: Turkuaz, 2007. Güler, E.Z. "Sözlü Tarih Anlatılarında Çanakkale Merkez'e Girit'ten Göçler: Giritli Başı Bitli..", *Çanakkale Araştırmaları Türk Yılığ*, Yıl: 10, Spring, No: 13, 2012.
10. Alpan, A.S. "But the Memory Remains: History, Memory and the 1923 Greco-Turkish Population Exchange". *The Historical Review / La Revue Historique, Department of Neohellenic Research / Institute of Historical Research*. Volume IX, 2012.
11. Oğuz, Gülser. "Osmanlı Gazetesinin (1897 - 1904) Girit İsyanlarına Bakış". *Ahi Evran Üniversitesi Kırşehir Eğitim Fakültesi Dergisi (KEFAD)*. V: 7, No: 2, 2006.
12. Mentioned by Oğuz, Osmanlı Newspaper, Kanun-i sani 1898, No 4.
13. Beberuhi, March 1st, 1898, Karagöz, 1325 (1908)
14. Atsız, H.N. (1934) "Türk Irkı=Türk Milleti", *Orhun*, 16 July 16, 1934, No: 9, online: <https://www.bilgicik.com/yazi/turk-irki-turk-milleti-huseyin-nihal-atsiz/>, accessed: 21.01.2013.
15. Rıdvan Turhan. "Türkiye'de Girit Çalışmaları Üzerine Bir Deneme", *Sosyoloji Dergisi*, No: 22. 2011.
16. Tukin, C. "Girit", *İslam Ansiklopedisi*, Cilt 4, Leiden Baskısı, 1948. Also see Tukin C., "Girit", Online: <https://islamansiklopedisi.org.tr/girit>, Accessed: 7.12.2022.
17. Tukin, C. *ibid* .
18. İnci, T. "Kıbrıs Meselesi Münasebetiyle Girit İsyanı", *Yeni İstanbul*, 1955.
19. Türk Silahlı Kuvvetler Tarihi-Kıbrıs Seferi-1570-1571. Üçüncü Cilt, Üçüncü Kısım Eki, Ankara: Genelkurmay Basımevi, 1971.
20. Banoğlu, N.A. Tarihte Girit ve Osmanlılar Dönemi, Kastaş, 1991. (A series of articles namely "Girit Bizim Canımız" published in 1976 in Tercüman Newspaper)
21. Aydın, M. *Girit: Sarı Kitap*. Arkeoloji ve Sanat, 2008.
22. Erarslan, A.F. "Çalıntı ada Girit: Ada hukuki olarak Türk toprağı", *Yeni Şafak*, 12 August, 12 2020, Online:

- <https://www.yenisafak.com/dunya/calinti-ada-girit-ada-hukuki-olarak-turk-topragi-3552817>, Accessed: 24.09.2022.
23. Adıyeke, A.N. – Adıyeke, N. *Osmanlı Dönemi Kısa Girit Tarihi*. İstanbul: İş Bankası, 2021.
 24. Özsoy, İ. *İki Vatan Yorgunları: Mübadele Acısını Yaşayanlar Anlatıyor*, Bağlam, 2003.
 25. Adıyeke, N.- Adıyeke, N. “Olive Production in Crete in 19th Century”, *Bulgarian Historical Review*, v.3-4, 2006.
 26. Adıyeke, A.N. “Farming Out of Mukataas as Malikane in Crete in the Eighteen Century: The Rethymno Case”, Online: https://www.academia.edu/37378366/Nukhet_ADİYEKE_Farming_Out_of_Mukataas_As_Malik%C3%A2ne_in_Crete_in_the_Eighteenth_Century_the_Rethymno_Case_pdf, Accessed: 5.12.2022.
 27. Adıyeke, N. “XVII.Yüzyıl Girit (Resmo) Şeriye Sicillerine Göre İhtida Hareketleri ve Girit’te Etnik Dönüşüm”, 14.Türk Tarih Kongresi, Ankara: Conference paper, 2005.
 28. Belli, M. *Türkiye-Yunanistan Nüfus Mübadelesi-Ekonomik Açından Bir Bakış*, Translated by Pekin, M, Belge, 2006.
 29. Emgili, F. “Tarsus’ta Girit Göçmenleri (1897-1912)”, 2006. Online: <http://dergiler.ankara.edu.tr/dergiler/18/34/297.pdf>, Accessed: 9.12.2022.
 30. Parlak, C. “Çanakkale Merkeze ve İlçelerine Yerleştirilen Giritli Mübâdil Göçmenler”, *Çanakkale Araştırmaları Türk Yılığ*, Year: 10, Autumn, No: 13, 2012.
 31. *Yılında Türk-Yunan Zorunlu Nüfus Mübadelesi: Yeni Yaklaşımlar-Yeni Bulgular: Sempozyum Bildiri Metinleri, Lozan Mübadilleri Vakfı*, 2016.
 32. Adıyeke, A.N. “Mübadele Öncesi Hanya’da Türk Giritliler (Turkokrites)”. 90.Yılında Türk-Yunan Zorunlu Nüfus Mübadelesi: Yeni Yaklaşımlar-Yeni Bulgular: Sempozyum Bildiri Metinleri içinde, Lozan Mübadilleri Vakfı, 2016.
 33. Alpan, A.S. “But the Memory Remains: History, Memory and the 1923 Greco-Turkish Population Exchange”, *The Historical Review / La Revue Historique*, Department of Neohellenic Research / Institute of Historical Research, Volume IX, 2012.
 34. Suda - Güler, E.Z. “Suda Ailesi Çanakkale’de”, “Şu gemide ah ben de olsaydım...”, inside *Çanakkale’den Savaş Dışı Anılar*. İstanbul: Turkuaz, 2007.
 35. Suda – Güler, E.Z. “Sözlü Tarih Anlatılarında Çanakkale Merkez’e Girit’ten Göçler: Giritli Baş Bitli..”, *Çanakkale Araştırmaları Türk Yılığ*, Yıl: 10, Güz, Sayı: 13, 2021.
 36. Olpak, M. *Kenya, Girit, İstanbul - Köle Kıyısından İnsan Biyografileri*. Ozan, 2006.
 37. Pekin, M. (editor). *Belleklerdeki Güzellik Girit: Maniler, Atasözleri, Deyimler, Tekerlemeler..*, Lozan Mübadilleri Vakfı, 2007.
 38. Erkal, A.E. *Geleneksel Kültürüyle Türk Girit* (Üç Cilt), İzmir: Kendi Yayını, 2008.

39. Ak, S.A. *Fotoğraf ve Kartpostallarıyla Girit'ten İstanbul'a Bahaettin Rahmi Bediz, Beyaz Atlı Fotoğrafçı, 1875-1951*, İletişim, 2004.
40. Altınsay, S. *Kritim: Giritim Benim*. İstanbul: Can, 2011 Second Edition: Düşbaz, 2022.
41. Ustaoglu, Y. *Bulutları Beklerken*. 2004. Irmak, Ç. *Dedemin İnsanları*, Tiglon, 2011.
42. Kaçargil, U.G. and K.Dilek. *Evdeki Yabancılar*, biz film, 2013.
43. Aksoy, İ. “Girit ve Girit’teki Ayrılıkçı Hareketlerin Tarihi Süreci ve Kıbrıs’a Yansımalar”, İstanbul Üniversitesi, Sosyal Bilimler Enstitüsü, İstanbul, 2006.
44. Ünal, H. *Kayıp Vatan Girit*, Nesil, 2007.
45. Mavi Vatan olarak tanımlanan alan Doğu Akdeniz’den Adalar Denizi’ne, iç deniz Marmara’ya ve Karadeniz’e uzanan devasa bir bölgeyi içermektedir.
46. Kanak, H. “Girit Bizim Canımız, Feda Olsun Kanımız”, *Akit*, 2 Mayıs 2020, Online: <https://www.yeniakit.com.tr/yazarlar/halit-kanak/girit-bizim-canimiz-feda-olsun-kanimiz-32105.html>, Accessed: 27.01.2023.
47. Öymen, O. (2008) CHP’den Kıbrıs Uyarısı: Girit Gibi Gider”, *Hürriyet Gazetesi*, 2008. Online: <https://www.hurriyet.com.tr/-gundem/chpden-kibris-uyarisi-girit-gibi-gider-9488482>, Accessed: 28.01.2023.
48. Suda- Güler, E.Z. “Suda Ailesi Çanakale’de”, “Şu gemide ah ben de olsaydım...”, inside *Çanakale'den Savaş Dışı Anılar*, İstanbul: Turkuaz, 2007.

ХРИСТИАНСКИЙ ЕВРОСКЕПТИЦИЗМ: ПРИМЕР ПАРТИИ ХРИСТИАНСКИХ ДЕМОКРАТОВ ЭСТОНИИ

Тамби С.А.

МГИМО МИД России

соискатель

E-mail: sergey.tambi@gmail.com

***Аннотация.** В статье рассказывается о евроскептицизме на примере функционировавшей в период с 1998 по 2012 гг. Партии христианских демократов Эстонии. Раскрывается сущность христианского евроскептицизма в этом прибалтийском государстве (где исторически преобладало лютеранство), а также евроскептическая риторика лидеров данной политической партии. Показана критика со стороны этой политической силы Европейского союза в целом, а также некоторых положений его семейной, социальной и миграционной политики. Отмечаются электоральные неудачи и провалы так и не вошедших в парламент (Рийгикогу) христианских демократов Эстонии на фоне малой востребованности у эстонских избирателей исповедуемых ими христианских ценностей, а также принимая во внимание вхождение Эстонии в число «наименее религиозных» стран Европы.*

Ключевые слова: евроскептицизм, Европейский союз, Эстония, евроинтеграция, христиане, партия, политика

CHRISTIAN EUROSCEPTICISM: THE CASE OF THE ESTONIAN CHRISTIAN DEMOCRATS

Tambi S.A.

Candidate for a degree, MGIMO University

E-mail: sergey.tambi@gmail.com

Abstract. *The paper tells about Euroscepticism on the example of the Party of Estonian Christian Democrats that functioned from 1998 to 2012. The essence of Christian Euroscepticism in this Baltic state (which was historically a country with a predominance of Lutheranism), as well as the Eurosceptic rhetoric of the leaders of this political party, is shown. The paper tells about the criticism by this political force of the European Union as a whole, as well as some provisions of its family, social and migration policy. The electoral failures of the Christian Democrats of Estonia, which did not enter the Estonian Parliament (Riigikogu), are noted against the background of the low demand among Estonian voters for the Christian values they profess, and also taking into account Estonia's entry into the list of the "least religious" countries in Europe.*

Keywords: *Euroscepticism, European Union, Estonia, European integration, Christians, party, politics*

В настоящей статье рассмотрим евроскептическую позицию функционировавшей в период с 1998 по 2012 гг. непарламентской *Эстонской христианской народной партии* (с 30.03.2006 г. она называлась *Христианские демократы Эстонии*; название она сменила из-за стремления больше соответствовать своей правоцентристской и консервативной идентичности [6]; далее – ЭХНП или ХДЭ) [22, с. 2]. Насчитывавшая к 2003 г. около 2,3 тыс. членов [12], эта партия являлась правоконсервативной и христианской по своей сути [1, с. 196]. Общественности она во многом запомнилась нещадной критикой вступления Эстонии (ЭР) в ЕС (эту точку зрения она часто защищала в ходе предвыборных теледебатов) [20]. В январе 1999 г. было создано отделение ЭХНП в Таллине, а несколько позже – во многих уездах страны [21, с. 11].

На выборах в Рийгикогу в 1999 г. (незадолго до проведения которых она и была создана) [11, с. 3], партия получила 2,43% голосов, не пройдя минимальный порог для вхождения в парламент. Весной 2001 г. ЭХНП решила выдвинуть своего кандидата в президенты ЭР – Ааранда Рооза, который на тот момент был «единственным кандидатом в президенты Эстонии, являющимся противником вступления страны в ЕС» [3, с. 2]. В выборах в органы местного самоуправления в 2002 г. ЭХНП приняла участие со своими списками в трех муниципалитетах. В г. Курессааре она получила 294 голоса (5,6%; 1 мандат) [18], в волости Пихтла – 163 голоса

(24,7%; 2 мандата), в г.Пюсси – 191 голос (31,8%; 4 мандата) [15]. На выборах в Рийгикогу в 2003 г. партия получила 5 275 голосов (1,1%), не преодолев избирательный барьер. В выборах в Европейский парламент в 2004 г. она не принимала участия, хотя и заявляла о своем намерении участвовать [2], ставя перед собой цель *«воспрепятствовать принятию идей, которые противостоят христианским ценностям»* [8, с. 6]. К выборам в Рийгикогу в 2007 г. ХДЭ организовала самую масштабную и дорогостоящую в своей истории предвыборную кампанию [5], но всё равно так и не смогла преодолеть избирательный барьер в 5%. Был собран 9431 голос (тогда за партию отдали свои голоса 1,72% избирателей, что позволило ей получить минимальную поддержку от государства на 4 года). По сравнению с предыдущими парламентскими выборами поддержка партии избирателями увеличилась на 0,6%. В 2009 г. партия участвовала в выборах в Европейский парламент с тремя кандидатами: Пеэтер Высу (одним из его главных лейтмотивов было *«прекращение курса ЕС на федерацию»*) [13, с. 6], Тойво Тезкель и Андрес Тооме [4]. На выборах в Рийгикогу в 2011 г. в списке ХДЭ значилось 15 кандидатов, за которых проголосовало 2934 человека (0,5% избирателей; избирательный барьер так же не был преодолен). Расходы на предвыборную кампанию составили тогда всего лишь около 2 тыс. евро.

Партия в значительной степени состояла из представителей лютеранской, баптистской, методистской, католической, пятидесятнической и других церквей (а также людей, разделявших христианские ценности) и руководствовалась в своей деятельности Библией (согласно Уставу партии, Конституции ЭР в общем перечислении отводилось лишь 2-е место после Библии). Будучи защитником традиционного брака, партия утверждала, что *«семья является первой и самой важной частью структуры общества»* (другой их лозунг: *«основа жизнеспособного общества – сильная и здоровая семья»*). Сожительство однополых пар ХДЭ не приравнивала к браку, выступая против его легализации [23, с. 5]. Партия ратовала за то, чтобы *«касающиеся Эстонии решения в сфере миграции не передавались на рассмотрение в Брюссель»*.

В апреле 2008 г. на очередном Конгрессе ХДЭ был избран новый председатель – Пеэтер Высу, который заявлял, что для Эстонии важно, чтобы ЕС не превратился в союзное государство или федерацию (чего, по его мнению, было не избежать и в случае ратификации Лиссабонского договора): *«Если Лиссабонский договор вступит в силу, механизм принятия решений станет еще более ориентированным на Брюссель»*. Он подчеркивал, что *«эстонская нация не выживет в Европейской федерации. Став федерацией, Эстония не будет иметь оснований защищать свой язык и народ. Никто, кроме эстонцев, этого делать не будет»*. Он призывал Эстонию к сотрудничеству с Великобританией, *«которая до сих пор успешно отражала попытки ЕС расширить свою власть»*. П. Высу выступал за оставление государствам-членам ЕС большего суверенитета, сокращение бюджета ЕС, уменьшение субсидирования сельского хозяйства,

установление более справедливого распределения субсидий, ужесточение контроля за направлением фин. средств из фондов ЕС на Ближний Восток. Он ратовал за прозрачную систему выплаты зарплат и назначения льгот депутатам Европарламента, а также поддерживал расширение полномочий Европарламента в сфере принятия решений *«как единственного европейского института с народным мандатом (по сравнению с Еврокомиссией, которая сегодня обладает слишком большой властью)»* [17]. Он был убежден, что *«члены Европарламента, представляющие Эстонию, должны отстаивать в Брюсселе интересы именно Эстонии»* [24].

Критикуя излишнюю ЕС'овскую забюрократизованность, политик призывал укреплять конкурентоспособность Евросоюза. Неизменно подчеркивал он и то, что *«отказ Эстонии от проведения собственной внешней политики, передача ее на уровень ЕС опасны. В отсутствие проведения своей внешней политики, зарубежные страны больше не станут иметь дело с Эстонией как с государством»* [25]. П. Высу резюмировал: *«Свободная Европа становится такой же диктатурой, от которой мы оторвались всего несколько десятилетий назад»* [26, с. 1].

Партия выступала за верховенство национальных законов и *«полное сохранение эстонского суверенитета»* [19], полагая, что независимость их страны будет ущемляться или уже ущемляется. Так, глава Вильяндского отделения партии Пёттер Алвре, отвечая в ноябре 2002 г. на вопрос, как он относится к вступлению ЭР в ЕС, отметил, что *«эстонский народ не хочет слушать, а эстонская независимость продаётся. Эстонцы поработочены экономическими рычагами. Такое вопиющее насилие для нас неприемлемо.»* [14].

Партия не могла смириться и с отсутствием *«формулы по возможному выходу Эстонии из ЕС»*. Она критиковала поддержку *«уполномоченными из структур ЕС части некоренного населения, которые ходят вокруг да около эстонцев и требуют принятия изменений в законах Эстонии, вплоть до самоотречения представителей коренного населения»*. Партия отмечала *«внутреннюю неготовность Эстонии к членству в ЕС»*, стараясь «отодвинуть» перспективу вступления на как можно более поздний срок: *«Может быть, лишь для следующего поколения нашего народа ситуация сложится иным образом?»* [16, с. 7-8]. Она призывала гармонизировать сельскохозяйственные субсидии в странах-членах ЕС. По ее мнению, инфраструктурные субсидии не нужны самодостаточным странам/регионам.

В августе 2001 г. партия подала заявление в Полицию безопасности Эстонии (КаПо) с ходатайством о *«проверке соответствия подготовки к вступлению ЭР в ЕС Конституции Эстонии»* и попросила провести соответствующее расследование. Партия желала, чтобы КаПо расследовала *«групповые действия, направленные против нац. независимости и суверенитета ЭР»*. Правление ЭХНП подчеркнуло тогда, что *«целью деятельности специалистов по подготовке к вступлению в ЕС является изменение эстонского конституционного положения, принятого на*

референдуме в июне 1992 г., в сторону необратимого отказа от нац. независимости». Правление партии даже обвиняло ЕС в осуществлении насильственных действий в отношении ЭР («ЕС – это группа иностранных государств, которые хотят присоединить к себе Эстонию») и просило «остановить неконституционное слияние ЭР с ЕС, восстановить законность в стране и защитить независимость и конституционный порядок ЭР» [7, с. 2]. Последовал ответ КаПо: «преступление, связанное с вступлением в ЕС, может быть совершено только в том случае, если кто-то незаконно будет содействовать деятельности, направленной против независимости и суверенитета ЭР, при условии, что данная деятельность осуществляется вопреки официальной политике и взглядам государства. <...> Поэтому, при возможном присоединении к ЕС, эстонское государство действует добровольно» [9, с. 1].

Двадцать шестого октября 2012 г. в Ныммеском районе г.Таллина состоялся Конгресс ХДЭ, на котором решался вопрос о будущем партии. Будучи так и непредставленной в Рийгикогу за период всей истории своего существования (в отличие, например, от своей тезки, действовавшей в межвоенный период, с которой ХДЭ неизменно подчеркивала континуитет [10]), партия была признана банкротом и прекратила свою деятельность. Бывший же ее председатель Пеэтер Вису присоединился к в общем-то еврооптимистической партии *Союз Отечества и Res Publica*, в которой тогда было создано внутрипартийное *Христианское объединение*.

Таким образом, евроскептической партии – *Христианским демократам Эстонии* – так и не было суждено добиться своего прохождения в Рийгикогу, что можно объяснить малой востребованностью у эстонского электората (одного из самого атеистического в Европе) запроса на исповедуемые ХДЭ христианские ценности, а также недостаточную вовлеченность этой партии в политическую жизнь страны. Хотя евроскептицизму в Эстонии, который исповедовали именно *Христианские демократы* страны, и были присущи некоторые свои отличительные особенности (например, евроскептицизм с акцентом на христианские и традиционные семейные ценности), в целом он не сильно отличался от евроскептицизма, который исповедовали другие эстонские политические партии/движения, не имевшие христианский уклон.

Список литературы

1. Дырина А.Ф. Праворадикальные движения в странах Балтии (Реферативный обзор) // Правый радикализм в Восточной Европе. 2018. № 2018. С. 196.
2. Евроскептики против эвтаназии // Молодежь Эстонии. 30.09.2003. - URL: <http://www.moles.ee/03/Sep/30/news.php> (дата обращения: 15.01.2023).
3. Aarand Roos – EKRP presidendikandidaat // Vaba Eestlane. 2001. № 34. 03.05.2001. Lk. 2.

4. Albers M.-L. Eesti kristlikud demokraadid pürgivad Europarlamenti // Õhtuleht. 22.04.2009. - URL: <https://www.oh tuleht.ee/-325776/eesti-kristlikud-demokraadid-purgivad-europarlamenti> (дата обращения: 20.01.2023).
5. Baturin I. Süütuse aeg // Äripäev. 16.01.2007. - URL: <https://www.aripaev.ee/uudised/2007/01/15/suutuse-aeg> (дата обращения: 18.01.2023).
6. Eesti Kristlik Rahvapartei muutis nime // Eesti Päevaleht. 30.03.2006. URL: <https://ep1.delfi.ee/artikkel/51035283/eesti-kristlik-rahvapartei-muutis-nime> (дата обращения: 30.01.2023).
7. EKRP kaebas Eesti liitumise ELiga kaposse // Vaba Eestlane. 2001. № 62. 21.08.2001. Lk. 2.
8. Euroopa Liiduga liitumise vastased erakonnad kavatsevad // Vaba Eesti Sõna. 2003. № 41. 08.10.2003. Lk. 6.
9. Kapo: EL'iga liitumises pole midagi kuritegelikku // Vaba Eestlane. 2001. № 64. 28.08.2001. Lk. 1.
10. Keda valime – Eesti Kristlik Rahvapartei: № 8. Riigikogu valimise 1999 // ERR.ee. 1999. - URL: <https://arhiiv.err.ee/video/vaata/keda-valime-eesti-kristlik-rahvapartei> (дата обращения: 12.01.2023).
11. Kristlaste erakond pääseb valimistele // Eesti Päevaleht. 1998. № 335. 22.12.1998. Lk. 3.
12. Kristlikud Demokraadid seisavad kristlike väärtuste eest ühiskonnas // Estonian World Review. 19.01.2007. - URL: <https://www.eesti-ca/kristlikud-demokraadid-seisavad-kristlike-vaartuste-eest-uhiskonnas/article15177> (дата обращения: 25.01.2023).
13. Miks kandideerin europarlamenti ja millised on ideed, millele loodan valimistel toetust leida? // Koit. 2009. № 64. 06.06.2009. Lk. 6.
14. Raba R. Eesti Kristlik Rahvapartei eelistab Piiblit põhiseadusele // Sakala. 19.11.2002. - URL: <https://sakala.postimees.ee/-2389847/eesti-kristlik-rahvapartei-eelistab-piiblit-pohiseadusele> (дата обращения: 20.01.2023).
15. Romanovitš G. Püssi pääses võimuvaakumist // Põhjarannik. 17.12.2002. - URL: <http://arhiiv.pohjarannik.ee/article.php?-sid=2945> (дата обращения: 22.01.2023).
16. Roos A. Kristliku partei esiletõus // Vaba Eesti Sõna. 1999. № 7. 11.02.1999. Lk. 7-8.
17. Soonvald U. Peeter Võsu: euroraha suunamine Lähis-Idasse peaks olema parema kontrolli all // Delfi.ee. 05.06.2009. - URL: <https://www.delfi.ee/a/23767091> (дата обращения: 20.01.2023).
18. Takkis T. Kuressaare linnavolikogu VI koosseisu tegemistest (2005-2009) // Saarte hääl. 21.10.2009. - URL: <https://arhiiv.saartehaal.ee/2009/10/21/kuressaare-linnavolikogu-vi-koosseisu-tegemistest-2005-2009> (дата обращения: 26.01.2023).
19. Valimisstuudio – Eesti Sinine Erakond – Eestimaa Ühendatud Rahvapartei – Eesti Kristlik Rahvapartei: № 8. 1999 // ERR.ee. - URL: <https://arhiiv.err.ee/video/vaata/valimisstuudio-eesti-sinine-erakond->

- eestimaahendatud-rahvapartei-eesti-kristlik-rahvapartei (дата обращения: 17.01.2023).
20. Valimisstuudio – Põllumeeste kogu – Eesti Kristlik Rahvapartei: 1. 1999 // ERR.ee. - URL: <https://arhiiv.err.ee/video/vaata/-valimisstuudio-pollumeeste-kogu-eesti-kristlik-rahvapartei> (дата обращения: 30.01.2023).
 21. Vill R. Vinklist väljas partei // Sõnumileht. 1999. № 12. 16.01.1999. Lk. 11.
 22. Vinkel A. Hästi läheb piibellikke põhimõtteid järgides // Eesti Päevaleht. 1999. № 5. 08.01.1999. Lk. 2.
 23. Vinkel A. Väljakutse pereväärtustele // Videvik. 2006. № 43. 23.11.2006. Lk. 5.
 24. Võsu P. Euroopa liitriigiks muutumine ei too Eestile head // Virumaa Teataja. 28.04.2009. - URL: <https://virumaateataja.postimees.ee/112339/peeter-vosu-euroopa-liitriigiks-muutumine-ei-too-eestile-head> (дата обращения: 15.01.2023).
 25. Võsu P. Millist Euroopa Liitu me tahame? // Virumaa Teataja. 03.08.2007. - URL: <https://virumaateataja.postimees.ee/2305155/-millist-euroopa-liitu-me-tahame> (дата обращения: 09.01.2023).
 26. Võsu P. Vajame otsustajate ringis kristlasi // Infoleht. Eesti Kristlike Demokraatide tegemisi kajastav leht. 2010. № 1. Lk. 1.

СОВЕТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ВЗАИМОПОМОЩИ КАК МОДЕЛЬ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Тарасевич А.С.

*Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, студент
кафедры политических наук и международных отношений*

E-mail: *sasha_tarasevich_02@bk.ru*

Научный руководитель:

доктор политических наук, профессор Сеньюшкина Т.А.

Аннотация. В статье рассматривается проблема политико-экономической интеграции на примере СЭВ (Совет Экономической Взаимопомощи), который был создан в 1949 году для укрепления экономических связей между социалистическими странами. СЭВ оказал значительное влияние на развитие экономической интеграции в мире. Он стал примером для создания других региональных интеграционных организаций, таких как Европейский союз и АСЕАН. На основе анализа экономических интеграционных процессов на постсоветском пространстве автор делает вывод, что основной идеей проектов экономической интеграции в формате Евразийского Экономического Союза и в меньшей мере Содружества Независимых Государств (СНГ) является специализация и выравнивание экономик стран, входящих в интеграционные объединения. Как

и в случае с СЭВ основой экономической интеграции является сырьевой сектор, который определяется интересами государственных корпораций сильнейшего игрока в регионе в лице Российской Федерации, что предопределяет текущий вектор развития экономической интеграции на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: политико-экономическая интеграция, СЭВ, сырьевая база, наднациональная интеграция.

COUNCIL OF MUTUAL ECONOMIC ASSISTANCE AS A MODEL OF POLITICAL AND ECONOMIC INTEGRATION

Tarasevich A.S.

V.I. Vernadsky Crimean Federal University, student of the Department of Political Sciences and International Relations

E-mail: *sasha_tarasevich_02@bk.ru*

Scientific supervisor: Professor Senyushkina T.A.

Abstract. *The article deals with the problem of political and economic integration on the example of the CMEA (Council of Mutual Economic Assistance), which was established in 1949 to strengthen economic ties between socialist countries. COMECON has had a significant impact on the development of economic integration in the world. It has become an example for the creation of other regional integration organizations, such as the European Union and ASEAN. Based on the analysis of economic integration processes in the post-Soviet space, the author concludes that the main idea of economic integration projects in the format of the Eurasian Economic Union and, to a lesser extent, the Commonwealth of Independent States (CIS) is specialization and alignment of the economies of the countries included in the integration associations. As in the case of COMECON, the basis of economic integration is the raw materials sector, which is determined by the interests of state corporations of the strongest player in the region in the person of the Russian Federation, which determines the current vector of development of economic integration in the post-Soviet space.*

Keywords: *political and economic integration, comecon, raw material base, supranational integration.*

Прежде чем говорить о Совете Экономической Взаимопомощи (СЭВ) в контексте политико-экономической интеграции, необходимо рассмотреть основное содержание экономической интеграции, так как она является основой данной темы. Интеграция подразумевает под собой добровольное объединение двух или более ранее самостоятельных субъектов, путем установления между ними различных типов и форм связей для достижения целей через сотрудничество каждого из объединяемых субъектов. Развитие интеграционных процессов, по мнению Л.Б. Вардомского, зависит от ряда факторов [1, с. 95]. Первый – интересы стран-участниц, приоритеты их социально-экономического развития и внешней политики, готовность

ограничить свой суверенитет и степень этой готовности в связи с участием в интеграционном проекте. Второй – это динамика международных экономических и политических отношений, в частности, конъюнктуры мировых рынков, изменения соотношения между мировыми финансовыми, технологическими и ресурсными центрами, которые оказывают сильное влияние на интеграционные объединения. Третий фактор – потребность в общей интеграционной идентичности, которая помогает преодолевать неизбежно возникающие между странами в ходе интеграции противоречия. В этой связи Л.Б. Вардомский утверждает: «СЭВ, пожалуй, единственное интеграционное образование, которое в своем институциональном развитии прошло все этапы развития до официального прекращения деятельности» [1, с. 98].

Говоря о политической интеграции, стоит отметить, что это процесс сближения двух или более политических структур, направленный в сторону взаимного сотрудничества. Политическая составляющая интеграции обусловлена хаотизацией мировой политики в целом, усилением у государств чувства глобальной опасности и кризисом механизмов, претендующих на роли агентов глобального регулирования. Можно выделить несколько направлений теоретических дискуссий о том, как интеграционные процессы влияют на устойчивость государственных и региональных политических систем. Прежде всего, необходимо учитывать ключевой вопрос соотношения глобализации и государственной независимости, выраженный в «дилемме суверенитета». Один из выводов современных исследований заключается в том, что в интеграционных системах разделенный и заново собранный суверенитет не ослабляет, а усиливает независимость отдельных государств. Снижение уровня разногласий по вопросам независимости между наднациональными интеграционным центром и государствами стабилизирует политические системы последних [2, с. 143]. Подключаясь к интеграции, государства, руководствуясь собственными политическими и экономическими интересами, согласуют их с другими участниками интеграционного процесса и фиксируют ту или иную общность этих интересов в основополагающем договоре интеграционной группировки с целью достижения совпадающих интересов совместными усилиями. Это согласование должно предполагать возможность для стран-участниц влиять на определение такой общности и принимать суверенные решения об условиях и степени их вовлеченности в интеграционные процессы. Без принятия осознанного политического решения о присоединении к такому договору, без его добровольной ратификации данное государство не может полнокровно участвовать в интеграции. Принимаемые политические решения такого рода не являются результатом неконтролируемых, навязываемых объективными обстоятельствами процессов, вынуждающих государства помимо их воли становиться на этот путь. Это в большинстве случаев их суверенный и самостоятельный выбор.

Рассматривая предпосылки к созданию Совета Экономической Взаимопомощи в январе 1949 г., следует обратить внимание на то, что из доставшихся СССР по итогам раздела сфер влияния в послевоенной Европе

восточноевропейских стран, помимо различий в уровне развития, Болгария, Венгрия и Румыния были союзниками нацистской Германии и были обязаны выплачивать репарации СССР. Наиболее технологически развитыми и устремленными в будущее были Польша и Чехословакия. Они первыми начали «тесное экономическое сотрудничество», которое в последствии привело к созданию экономического союза двух стран в 1948 году. Польско-чехословацкий союз заявлял об увеличении взаимного двустороннего товарооборота, совместном выступлении на мировом рынке, включая совместную тактику в отношении международных экономических организаций, а также совместных действиях в отношении сальдо с остальными странами народной демократии, включая СССР.

Следует отметить, что страны, пытавшиеся встать на путь плановой экономики, безусловно, ориентировались на СССР. Политико-экономическая интеграция Чехословакии и Польши происходила на фоне обострения ситуации на Балканах: Албания и Болгария всячески намекали СССР на возможность внешней помощи, а также говорили о зависимости от Югославии. Два этих события не могли не беспокоить СССР, так как, во-первых, это грозило выходом из-под контроля и обретением внешнеэкономической самостоятельности Чехословакии и Польши, а во-вторых, - антисоветское отношение Югославии. В частности, отношения с Югославией Л.Я. Гибианский назвал «внутренней холодной войной» [1, с. 97].

Практически все запросы Албании были удовлетворены как в двустороннем порядке, со стороны СССР, так и в многостороннем, по линии СЭВ. Исходя из этого, Албания стала второй страной в СЭВ по размерам советской помощи после Польши. Исходя из этого, на наш взгляд, нельзя данные события сводить к предпосылкам создания СЭВ, политико-экономический интерес к участию в СЭВ имелся не только у стран-основательниц этой структуры.

Другой побудительной причиной образования СЭВ, несомненно, послужила реакция на действия США по «плану Маршалла». Обращаясь к истории, отметим, что Координационный комитет по многостороннему экспортному контролю (КОКОМ) был создан на Западе лишь в январе 1950 г., а санкционная политика США началась еще в 1948 г. Принятие в 1948 г. «Закона об экономическом восстановлении» и подписание параллельно соглашению о создании многосторонней Организации европейского экономического сотрудничества двухсторонних соглашений с каждой из 16 стран-получателей американских кредитов предполагало введение ограничений на их торговлю со странами Восточной Европы. В связи с этим, в 1949 г. был создан Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ) как прямой ответ на консолидацию Западной Европы в рамках американской финансово-экономической помощи. Об этом говорилось в приложении к секретному протоколу закрытого совещания представителей правительств Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, СССР, Чехословакии 5 января 1949 г. «О тесном экономическом сотрудничестве СССР и стран народной демократии». В нем отмечалось, что «отсутствие постоянных связей по согласованию

экономической политики стран народной демократии и СССР в их торговых отношениях с другими государствами наносит ущерб экономическим интересам этих стран и объективно помогает США и Англии использовать в своих интересах указанную несогласованность действий стран народной демократии и СССР. В 1950 г. к СЭВ присоединилась Германская Демократическая Республика, в 1962 г. – Монгольская Народная Республика, в 1972 г. – Республика Куба, в 1978 г. – Социалистическая Республика Вьетнам.

Главной целью СЭВ провозглашалось содействие, посредством объединения усилий стран-членов СЭВ, планомерному развитию народного хозяйства, усилению индустриализации промышленно неразвитых стран, а также содействие техническому и экономическому прогрессу. На первый план СЭВ ставил следующие вопросы: развитие добычи нефти, добычи руд, производство хлопка, согласование планов производства автомобилей, тракторов, тяжелых станков, искусственного волокна, строительства моста через Дунай между Болгарией и Румынией. Согласно установкам Госплана, во внешнеэкономических отношениях СССР на период действия генерального плана особое место отводилось отношениям со странами народной демократии.

Предполагался рост экспорта оборудования со стороны СССР. Импорт СССР из этих стран предвиделся в основном в виде сырья, материалов и полуфабрикатов. «Торговый баланс СССР со странами новой демократии будет складываться все более в направлении активного сальдо, вместо существующего в настоящее время принципа равенства взаимных поставок товаров, что связано с предоставлением Советским Союзом этим странам товарного кредита» [3, с. 87]. Так, в протоколе №8 заседания Бюро СЭВ от 30 июня 1949 г. по пункту «О внешней торговле стран-участников с капиталистическими странами и о ценах на товары» после обсуждения с участием Лаврищева был принят проект постановления для утверждения на второй сессии СЭВ. В нем прописывалось, что в отдельных случаях допускалась торговля с западными странами, но исключительно в обмен на дефицитные для стран СЭВ товары и после консультации со странами-членами. До конца 1963 г. сущность этого соглашения сводилась в основном к тому, что страны-члены СЭВ, осуществлявшие товарооборот на основе двусторонних соглашений, могли производить между собой дополнительный товарообмен и расчеты на многосторонней основе.

В 60-х гг. в рамках СЭВ впервые начали развиваться идеи о перспективе взаимовыгодного сотрудничества не только между странами с различным общественным строем, но и между их экономическими объединениями. В связи с этим появились идеи о наделении СЭВ наднациональными полномочиями. Появились высказывания о том, что СЭВ станет гораздо более эффективной структурой в случае перехода от сотрудничества к экономической интеграции, что следует учредить орган центрального планирования, который обладал бы правом принимать обязательные решения большинством голосов (в отличие от первоначального Устава СЭВ 1959 г.,

устанавливавшего принцип единогласия и право вето каждого участника). Таким образом, сущность СЭВ в 1960-хх сводилась к «координационному плану», который включал в себя свободный обмен технической информацией, создание банковских учреждений, строительство скоординированных транспортных сетей, линий электропередач и нефтепровода «Дружба». Несмотря на тот факт, что два последних проекта были совместными, они не предусматривали трансферта капитала за границу. Так как каждая страна несла ответственность только за тот участок строительства, который находился на ее территории. 1960-е гг. для СЭВ также стали периодом осознания того, что чем больше попыток сопротивления и координационных проблем встречается среди стран-участниц, тем меньше вероятность развития полноценной интеграции.

С 1 января 1964 г. во взаимоотношениях социалистических стран – членов Совета Экономической Взаимопомощи стала применяться новая система многосторонних расчетов в переводных рублях. С того же времени приступил к осуществлению своей деятельности учрежденный этими странами Международный банк экономического сотрудничества (МБЭС). Введение системы многосторонних расчетов и создание Международного банка экономического сотрудничества означало появление новой, более совершенной формы товарно-денежных отношений между государствами-членами СЭВ, коренным образом изменившей организацию валютно-финансовых связей этих стран, и тем самым определившей следующий этап в развитии экономического сотрудничества социалистических стран.

Изменения в области валютно-финансовых отношений получили свое выражение и юридическое закрепление в подписанном 22 октября 1963 г. странами – членами СЭВ Соглашении о многосторонних расчетах в переводных рублях и организации МБЭС. «Это Соглашение отражает выявившуюся необходимость координации усилий социалистических стран в валютно-финансовой области для активного содействия дальнейшему расширению их экономических отношений, как между собой, так и с другими странами» [4, с. 183]. До 1964 г. расчеты стран-членов СЭВ велись на двусторонней основе – по принципу двусторонней компенсации. Межгосударственными соглашениями о взаимных поставках товаров устанавливалась система двустороннего клиринга. Эта система расчетов способствовала планомерному товарообмену и обеспечивала проведение межгосударственных расчетов без необходимости погашения возникающей задолженности, конвертируемой валютой или золотом.

Введение в оборот переводного рубля было первым масштабным проектом создания наднациональной денежной единицы. Золотое содержание переводного рубля приравнивалось к 0,987412 г. чистого золота [4, с. 38]. Переводной рубль служил расчетной единицей и служил измерителем цен во взаимном товарообороте стран-членов СЭВ. Переводной рубль не имел выражения в виде банкнот или монет, и использовался только в торговле между странами-членами СЭВ, исключая использование внутри отдельной страны. В то же время, переводной рубль не ограничивал использования

национальных валют странами-членами СЭВ. Переводной рубль способствовал независимости СЭВ от западных рынков и защищал от международных кризисных процессов. Исходя из этого, введение системы расчетов в переводных рублях на многосторонней основе и создание Международного банка экономического сотрудничества положило начало полноценной интеграции в СЭВ.

Период 70-х гг. формально начался с создания Комплексной программы для интеграции в 1971 г. Данная программа основывалась на плановом подходе. Согласно Комплексной программе, интеграция – это развитие торговой и производственной специализации, совместных экономических проектов, разработанных странами-членами СЭВ. Одна из проблем, с которыми столкнулся СЭВ, состояла в том, что определенная часть торговли была основана не на реальной специализации, а на обмене товарами, например, такими, как садовая техника. Это происходило из-за того, что страны были связаны между собой товарами, которые им действительно были нужны. Такое сотрудничество можно назвать «неэффективным обменом», который снижает выгоды от торговли для обоих партнеров. В период с 1960-1980 гг. Советский Союз проводил субсидированную политику, продавая товары тяжелой промышленности (топливо, сырье) по ценам ниже рыночных, в обмен на импорт товаров легкой промышленности (машины, оборудование) по ценам выше рыночных. Торгуя на таких невыгодных условиях, СССР лишался прибыли, которую мог бы извлечь из торговли с западными странами на более удачных условиях.

Важную роль в торгово-экономических отношениях социалистических стран играло предоставление этими странами друг другу кредитов. За счет взаимопредоставляемых кредитов в социалистических странах осуществлялось развитие тяжелой промышленности. На основе кредитов страны СЭВ поставляли друг другу оборудование, сырье и материалы, необходимые для промышленности. Кредиты предоставлялись на основе полного равноправия сторон и на чрезвычайно льготных условиях, как в отношении сроков их погашения (обычно в виде долгосрочного кредита сроком на 5-10 лет), выплаты процентов по ним (не выше 2 % в год) [5, с. 56]. Иногда кредиты предоставлялись без всяких процентов по ним или без взимания их на начальном этапе использования. В тех случаях, если социалистические страны испытывали затруднения в расчетах по внешней торговле с западными странами, кредиты предоставлялись в свободной валюте (золоте, долларах). В целях облегчения взаимных расчетов по кредитам, социалистические страны практиковали погашение кредитов за счет поставок в страны-кредиторы продукции, перерабатываемой на построенных за счет кредитов промышленных предприятиях.

В 1957 г. Советский Союз предоставил Венгрии долгосрочный кредит на сумму 750 млн. руб., в том числе 200 млн. в свободной валюте. Кредит был предоставлен на льготных условиях в счет поставок товаров, обычно экспортируемых Венгрией. В этом же году СССР предоставил Венгрии кредит

в 100 млн. руб. (40 млн. руб. в свободной валюте и 60 млн. руб. поставками Венгрии из Советского Союза различных товаров).

В связи с ускоренной индустриализацией и военной подготовкой восточноевропейских стран в период Холодной войны требовалось широкое использование энергетических ресурсов. Так, в 1950-х гг. уголь был преобладающим источником энергии (68%). Эта доля сократилась до 20 % в 1960-х и 1970-х гг. Поскольку акцент на промышленное производство стал снижаться, нефть, и в меньшей степени газ, стали более востребованными как источники энергии и сырье для промышленного производства. Изначально главными экспортёрами угля в СССР были Польша и Чехословакия. Однако к началу 1960-х гг., частично из-за структуры потребляемой энергии, эти страны стали зависимыми от нефти и газа СССР [5, с. 122].

СЭВ был таможенным союзом, в котором капитал являлся дефицитным фактором, а природные ресурсы – избыточным фактором. В таких условиях было ожидаемо появление ряда цен в СЭВ, обеспечивающих более благоприятные условия торговли для экспортёров капиталоемких товаров и более плохих условий для экспортёров ресурсоемкой продукции, чем это было на мировом рынке. Учитывая такие условия торговли, распределение субсидий зависело от обеспеченности страны ресурсами. Те страны-члены СЭВ, которые обладали дефицитным ресурсом, капиталом, получали большую долю от перераспределения прибыли от торговли, или другими словами, большие субсидии. В число таких стран вошли Чехословакия, ГДР, т.е. наиболее богатые капиталом страны. За ними следовали Польша, Венгрия и Болгария, т.е. страны, которые в наименьшей степени обеспечены капиталом. Румыния оказалась на последнем месте, так как это была наименее развитая страна, но относительно хорошо обеспеченная природными ресурсами, что уравнивало факторы производства.

Приход Горбачева к власти в 1985 г. не стал поворотным моментом в реформах СЭВ. На политику реформ по-прежнему влияли конкуренция и сравнение с Западом. В 1985 г. была принята новая «Комплексная программа научно-технического прогресса до 2000 г.», целью которой стало сделать СЭВ независимым от западных технологий, а также сделать его неуязвимым от давления и шантажа со стороны Запада. В целом, реформы внешней торговли Горбачева были направлены на упорядочение административных механизмов и улучшение бюрократической эффективности. Было разрешено создание совместных предприятий и так называемых «свободных корпоративных зон». Система центрального планирования и государственная монополия на внешнюю торговлю осталась неизменной. Тем не менее, новая внешняя политика Горбачева по примирению с Западом сыграла решающую роль для СЭВ, т.к. она положила конец концепции капиталистического Запада как врага. Таким образом, восточная Европа потеряла свое значение «буферной зоны» для СССР. Накануне развала СЭВ в 1989 г. на его страны приходилось 55,6% товарооборота СССР, в том числе 69,6 млрд долл. в экспорте и 73,76 млрд долл. – в импорте (экспорт СССР достигал 113,5 млрд долл., импорт – 118,97 млрд долл. при курсе 1 руб. за 0,606 долл.).

На протяжении существования СЭВ система внутреннего ценообразования практически не подвергалась реформам. Цены на внутреннем рынке фиксировались каждой социалистической страной самостоятельно и были средством перевода доходов между предприятиями, а не средством распределения. Они не отражали реальной ценности. Поэтому СЭВ разработал новую систему ценообразования для торговли в форме адаптированных мировых цен, переведенных в «переводные рубли». «Переводной рубль» был условной, неконвертируемой валютой, которая использовалась только для торговли между странами-членами СЭВ.

Фактическая цена товаров заключалась в рамках двухсторонних соглашений, которые предусматривали разделение товаров на легкую промышленность и тяжелую промышленность. Товарами тяжелой промышленности являлись сырьё и товары, которые могли быть проданы на мировом рынке за твердую валюту. Товарами легкой промышленности являлись те товары, на которые не было большого спроса на международном рынке.

Общий анализ системы ценообразования приводит к выводу о том, что товары тяжелой промышленности, как правило, недооценивались, а товары легкой промышленности переоценивались. Цены на одни и те же товары могли сильно варьироваться в зависимости от двусторонних соглашений. Западные и советские ученые предпринимали попытки оценки прибыли и убытков в торговле СЭВ и приходили к разным результатам. До 1991 г. существовало несколько различных подходов к установлению цен на внутреннюю торговлю СЭВ на основе мировых рыночных цен. Однако эти изменения не затрагивали сущность изменения ценообразования. На XLV встрече стран-членов СЭВ в Софии все надежды на подобную реформу были отброшены и достигнуто единогласное решение перевести всю торговлю на твердую валюту. Введение конвертируемой валюты было обозначено в качестве одной из причин распада СЭВ. Можно сделать вывод о том, что СЭВ скорее преследовал политические цели, а процесс реформ был вызван политическим кризисом. Отличительной чертой СЭВ стала модель торговли с Советским Союзом в центре. Исходя из этого, СЭВ можно назвать политически мотивированной зоной свободной торговли.

Подводя итоги, можно сделать следующие *выводы*.

Изначально интеграция в рамках СЭВ была предельно ограничена. Совместная деятельность стран-членов СЭВ в основном сводилась к унификации форм статистической отчетности и составлению планов. Страны-члены СЭВ стремились к экономической автаркии и развитию в соответствии с советской моделью, т.е. к быстрой индустриализации, делая упор на тяжелую промышленность.

Страны восточной Европы достигли высоких годовых темпов роста – в среднем 23,5 в период с 1947-1950 гг. [6, с. 113]. Основой роста стало ориентирование на промышленность, а не на сельское хозяйство. Подобный вид индустриализации позволил создать модель двусторонней торговли, где СССР выступал центром и главным поставщиком энергии и сырья.

СЭВ был создан как многостороннее соглашение, основанное на принципах взаимной выгоды и равноправия. Он предоставил участникам доступ к ресурсам и технологиям, которые они могли бы использовать для своего экономического развития.

СЭВ также способствовал укреплению политических отношений между странами-участниками. Создание СЭВ было ответом на вызовы того времени, когда многие страны-участники только что вышли из Второй мировой войны и столкнулись с разрухой и экономическими трудностями. Он помог им восстановиться и развиваться, обеспечивая доступ к ресурсам и технологиям.

Проанализировав экономическую интеграцию в интеграционных объединениях СЭВ можно увидеть тренд на развитие экономической интеграции на постсоветском пространстве с опорой на сырьевую базу. Так, при анализе экономических интеграционных процессов на постсоветском пространстве можно сделать вывод, что основной идеей проектов экономической интеграции в формате Евразийского Экономического Союза и в меньшей мере Содружества Независимых Государств (СНГ) является специализация и выравнивание экономик стран, входящих в интеграционные объединения. Как и в случае с СЭВ основой экономической интеграции является сырьевой сектор, который определяется интересами государственных корпораций сильнейшего игрока в регионе в лице Российской Федерации, что предопределяет текущий вектор развития экономической интеграции на постсоветском пространстве.

Список литературы

1. Беляев Ю. Экономические интересы и сотрудничество стран – членов СЭВ // Вопросы экономики. 1970. № 12. С. 93–101.
2. Бирюкова О. А. Региональная интеграция на постсоветском пространстве: проблемы и перспективы: дис... канд.ист.наук / О.А. Бирюкова. – М., 2008. – 200 с.
3. Богомолов О.Т. Развитие стран СЭВ по пути экономической интеграции / О.Т. Богомолов // Коммунист. – 1971. – № 16. – 83-90 с.
4. Захарова Н.В. Экономическая интеграция в условиях двух систем: критика буржуазных трактовок / Н.В. Захарова. – М.: Высш. шк. эк-ки, 1988. – 282 с.
5. Липкин М.А. Совет Экономической Взаимопомощи: исторический опыт альтернативного глобального мироустройства (1949-1979). М.: Издательство «Весь Мир», 2019. 184 с.
6. Попов А. А. Из истории Совета экономической взаимопомощи: проекты долевого участия в сырьевом секторе (1950-е – 1960-е годы) // Новый исторический вестник. 2018. № 1. С. 105–119.

**ИДЕОКРАТИЧЕСКИЙ КРИЗИС ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ
В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ В УСЛОВИЯХ АПОСТАСИИ
ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ (К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ
Л.А. ТИХОМИРОВА)**

Трухан А.В.

кандидат философских наук

Ростовский филиал ФБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия», доцент кафедры гуманитарных и социально-
экономических дисциплин

E-mail: axioma.maxima@mail.ru

***Аннотация.** В статье на материале кризиса постсоветской идентичности актуализируется концепция идеократического государства А.Л. Тихомирова. В проблемном поле современного социально-политического дискурса устанавливается связь между понятийным аппаратом Тихомирова и авторской концепцией русского идеократического сознания. Показывается структурное соответствие между кризисом «верховой власти» в России второй половины XIX – начала XX вв. (в понятиях Тихомирова) и кризисом «постсоветской идентичности» в России второй половины XX – начала XXI вв. (в понятиях идеократической парадигмы). Важнейшим результатом проведенного исследования является установление структурного тождества между рассматриваемыми кризисами в русском идеократическом сознании. В обоих случаях сущность кризиса выражается в неадекватности социокультурного воспроизводства общественного идеала архетипическому содержанию русского идеократического сознания. Устанавливается, что главным фактором выявленной неадекватности является солидаризация русской православной церкви с политическим либерализмом. Для объяснения данного феномена в статье вводится термин «апостасия христианской церкви», теоретическое значение которого раскрывается в рамках эсхатологической логики истории Л.А. Тихомирова. В работе делается вывод, что основным препятствием на пути преодоления идеократического кризиса верховной власти в постсоветской России является легализация русской православной церковью свержения самодержавной власти в Феврале 1917 г. и разрушения советского государства в 1991 г. В статье утверждается тезис, что несомненным условием выхода из кризиса постсоветской идентичности является удержание русской церкви от вхождения в последний период церковной апостасии. Важнейшим фактором этого удержания является разрыв солидарности русского православия с политическим либерализмом. Данный разрыв может быть совершен лишь через признание русской церковью своей ответственности за двойной слом русской государственности в XX веке и публичное раскаяние на Поместном соборе.*

***Ключевые слова:** идеократическое государство Л.А. Тихомирова, кризис постсоветской идентичности, идеократия, верховная власть,*

метафизика власти, эсхатологическая логика истории, русское идеократическое сознание, апостасия, христианство и либерализм.

**THE IDEOCRATIC CRISIS OF SUPREME POWER IN POST-SOVIET
RUSSIA IN THE CONDITIONS OF THE APOSTASY OF THE CHRISTIAN
CHURCH (TO THE 100TH ANNIVERSARY OF THE DEATH OF
L.A. TIKHOMIROV)**

Trukhan A.V.

*Rostov branch of the Russian State University of Justice,
Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-
Economic Disciplines*

Abstract. *Based on the material of the post-Soviet identity crisis, the concept of the ideocratic state of A.L. Tikhomirov. In the problematic field of modern socio-political discourse, a connection is Resume: Based on the material of the post-Soviet identity crisis, the concept of the ideocratic state of A.L. Tikhomirov. In the problematic field of modern socio-political discourse, a connection is established between the conceptual apparatus of Tikhomirov and the author's concept of Russian ideocratic consciousness. The structural correspondence between the crisis of "supreme power" in Russia in the second half of the 19th - early 20th centuries is shown. (in terms of Tikhomirov) and the crisis of "post-Soviet identity" in Russia in the second half of the 20th – early 21st centuries. (in terms of the ideocratic paradigm). The most important result of the study is the establishment of a structural identity between the considered crises in the Russian ideocratic consciousness. In both cases, the essence of the crisis is expressed in the inadequacy of the sociocultural reproduction of the social ideal to the archetypal content of Russian ideocratic consciousness. It is established that the main factor of the identified inadequacy is the solidarity of the Russian Orthodox Church with political liberalism. To explain this phenomenon, the article introduces the term "apostasy of the Christian church", the theoretical meaning of which is revealed within the framework of the eschatological logic of the history of L.A. Tikhomirov. The paper concludes that the main obstacle to overcoming the ideocratic crisis of supreme power in post-Soviet Russia is the legalization by the Russian Orthodox Church of the overthrow of autocratic power in February 1917 and the destruction of the Soviet state in 1991. post-Soviet identity is to keep the Russian church from entering the last period of church apostasy. The most important factor in this retention is the break in the solidarity of Russian Orthodoxy with political liberalism. This break can be made only through the recognition by the Russian Church of its responsibility for the double demolition of Russian statehood in the twentieth century and public repentance at the Local Council of the Russian Orthodox Church.*

Keywords: *ideocratic state L.A. Tikhomirov, post-Soviet identity crisis, ideocracy, supreme power, metaphysics of power, eschatological logic of history, Russian ideocratic consciousness, apostasy, Christianity and liberalism.*

1. Актуализация теоретического наследия Л.А. Тихомирова в условиях «стратегической нестабильности XXI века». Двадцать первый век обещал стать веком Pax Americana, однако современность проходит под знаком «стратегической нестабильности» А.С. Панарина. Свою последнюю книгу с таким названием Александр Сергеевич начинает словами: «новая мировая война уже началась. Идет она уже несколько лет, мое свидетельство о ней относится к 1998 году» [1, с. 13]. Это свидетельство он выражает в тезисе: «если победившая в «холодной войне» сверхдержава, не довольствуясь этой победой, продолжает свое наступление на все независимые государства *во имя* осуществления гегемонистской программы полного контроля над миром, то это означает, что она ведет мировую войну (курсив наш – А.Т.)» [Там же].

В этом тезисе мы остановимся на выделенном курсивом выражении «*во имя*», которое имеет идеократическое значение указания на высший идеал, именем которого освящается начатая американской сверхдержавой мировая война. Имя этому политическому идеалу Pax Americana. Но во имя чего и каким именем освящается сам проект гегемонистского контроля над миром? Этот вопрос ставит нас лицом к лицу с апокалиптической проблематикой и требует перехода к рассмотрению современности в эсхатологической логике истории.

Апокалиптический образ «зверя, выходящего из бездны» (Откр. 11, 7) был явлен в 2020 году глобальному человеку в феномене пандемийного консенсуса мировых элит. *Что произошло с этим консенсусом после события 24 февраля 2022 года? Был ли он разрушен началом военных действий за освобождение Украины или продолжает действовать на надгосударственном уровне?* Решение этого вопроса находится не в сфере политической и политологической мысли, а в области *метафизики* и *историософии власти*.

В XX веке *лучшую концепцию метафизики и историософии власти* создал Л.А. Тихомиров. Решая проблему кризиса монархической государственности в России второй половины XIX – начала XX вв., он разработал концепцию идеократического государства, в которой вводит понятие верховной власти. «В государстве, цель которого есть общее благо, - пишет Тихомиров, - нация стремится создать охрану того, что она считает должным или справедливым» [3, с. 76]. В понятии верховной власти выражается ни что иное, «как степень напряженности и ясности идеальных стремлений нации». Именно эти стремления нации, выраженные в напряженности верования в единый для всех идеал, являются необходимым условием создания высшей формы верховной власти, каковой является монархия. Отсутствие у нации такого, охватывающего все стороны жизни идеала, предполагает иную форму верховной власти, каковыми являются аристократия и демократия. Таким образом, Тихомиров воссоздает

платоновскую идеократическую иерархию политических форм, наполняя ее собственным теоретическим содержанием. *Монархия* выражает доверие по преимуществу к силе нравственной; *аристократия* – доверие к авторитету, проверенному опытом, которое есть доверие к разумной силе; *демократия* – доверие к силе количественной [Там же].

Метафизика власти Л.А. Тихомирова, изложенная в книге «*Монархическая государственность*», является важнейшим источником разработки нашей концепции русского идеократического сознания и методологии социального анализа в идеократической парадигме. Не меньшее значение в условиях возрастания апокалиптической напряженности современного мира имеет для нас и *эсхатологическая историософия* Льва Александровича, представленная в работе «*Религиозно-философские основы истории*» [4]. Столетней годовщине со дня смерти этого выдающегося борца и мыслителя нашего Отечества (16 октября 1923 года) посвящается эта статья.

2. Понятие верховной власти в идеократической теории государства Л.А. Тихомирова. Основной замысел нашей статьи состоит в том, чтобы рассмотреть в рамках концепции Тихомирова идеократический кризис верховной власти в постсоветской России. Главная цель этого замысла – определить место современной России на апокалиптической карте, начавшейся пересборки глобального миропорядка.

Сама формулировка темы статьи дается в терминах Л.А. Тихомирова, которые требуют пояснения. Начнем с его тезиса «*Всякая верховная власть идеократична, т.е. находится единственно под властью своего идеала*» [3, с. 75-76]. В политической структуре всякого общества Тихомиров выделяет четыре обязательных элемента: *нацию, верховную власть, государство и правительство* [Там же, с. 43-44]. Эти элементы тесно связаны, но имеют отдельное существование. Их гармония является целью политического искусства. Нарушение этой гармонии может характеризоваться как проблема, а разрушение взаимодействия между элементами – как кризис. Взаимоотношение между ними следующее.

Нация, представляющая собой всю массу совместно проживающих лиц и групп, «порождает идею Верховной власти, над ними одинаково властвующую». Государство помогает сплочению нации, но не заменяет и не упраздняет собой нацию. История полна примерами, свидетельствующими, что нации после полного крушения своих государств, спустя столетия их восстанавливают, а также меняют и преобразуют государственный строй. *Верховная власть* есть «конкретное выражение принципа, принимаемого нацией за объединительное начало». *Государство* есть совокупность Верховной власти и подчинившихся ей подданных, членов нации, в нем «нация, однако, живет лишь некоторой частью своего существования, и каждый отдельный член нации есть лишь отчасти член государства». *Правительство* представляет собой организацию системы управления, которая организуется Верховной властью, но является только ее орудием.

Таким образом, Тихомиров выделяет в понятии «*верховная власть*» идею или принцип властвования, которому добровольно подчиняется нация, создающая свое государство. *Государство* же есть подчинившаяся верховной власти нация. *Правительство* – это орган, создаваемый верховной властью, которому подчиняется нация, создавшая свое государство.

Отождествление верховной власти с общественным идеалом и есть *идеократия*. Общественный идеал как принцип верховной власти един и неделим. Его источником и носителем является нация, а форма и содержание «обуславливается известным психологическим состоянием нации, которому наиболее соответствует тот или иной принцип власти» [Там же, с. 75]. Аристотелевская классификация форм политической власти (монархия, аристократия, демократия) определяется тем или иным психологическим состоянием той или иной нации. А в содержании принципа верховной власти «выражается дух народа, его верования и идеалы, то, что он внутренне сознает как высший принцип, достойный подчинения ему всей национальной жизни» [Там же]. Так раскрывается значение основного тезиса Тихомирова, определяющего идеократическую природу государства. Верховная власть как наивысший принцип власти, создаваемый нацией, «ограничивается лишь содержанием своего собственного идеала» [Там же].

3. Идеократический кризис верховной власти и кризис постсоветской идентичности: тождество и различие. Идеократическая природа кризиса постсоветской идентичности является предметом нашего рассмотрения. Последняя работа по этой теме представлена в коллективной монографии «Национальная идентичность и коллективная память: между прошлым и будущим» [5].

Введение понятия русского идеократического сознания позволяет оценивать ход текущих событий и строить теоретически обоснованный прогноз в идеократической парадигме анализа социально-исторического процесса. В первом приближении идеократическая парадигма – это универсальная система мысли, в которой социальные процессы исследуются сквозь призму общественных идеалов. В общественном идеале осуществляется концентрированное выражение высших ценностей и высших целей идеократического сознания, которые выступают телеологическими и аксиологическими детерминантами общественного единства и социальных преобразований в идеократическом государстве. При этом общественный идеал понимается как образ совершенных общественных отношений (социальный идеал), который коррелирует с образом нравственно-совершенной личности (нравственным идеалом).

То, что Тихомиров относит к национальной психологии и называет «психологическим состоянием нации», мы определяем категорией общественного сознания, в структуре которого выделяем *архетипический уровень коллективного бессознательного и социокультурный уровень воспроизводства общественного сознания*. Использование введенного понятийного аппарата позволяет нам провести отождествление кризиса

верховой власти (в понятиях Тихомирова) с кризисом постсоветской идентичности (в понятиях идеократической парадигмы) и соответственно все выводы, полученные в одной понятийной системе, интерпретировать понятийными средствами другой применительно к современным социальным процессам и состояниям. Таким образом, мы получаем теоретическую возможность через установление структурных соответствий переходить из парадигмы кризиса «верховой власти» Тихомирова в парадигму кризиса «постсоветской идентичности» и наоборот.

Базовое структурное соответствие может быть установлено на уровне *неадекватности социокультурного воспроизводства общественного идеала архетипическому содержанию идеократического сознания*. Постсоветский кризис идентичности на этом уровне характеризуется разрушением политической и социокультурной инфраструктуры, необходимой для реализации социальной энергии советских архетипов сознания в постсоветской России. *С одной стороны*, советские архетипы сознания, задающие критерии справедливости социального строя, такие как «осознание себя хозяином своей страны», «борьба за власть трудящихся», «жертва частным ради общего», «всестороннее и гармоническое развитие личности», «достоинство по труду», «уравнительное распределение доходов», «запрет эксплуатации человека человеком», «коллективная ответственность за результат» и др., не находят реализации из-за отсутствия соответствующей им социокультурной инфраструктуры. *С другой стороны*, такие культивируемые либеральные идеалы, как «свобода предпринимательства», «самосознание успешной личности», «свобода самовыражения», «достоинство престижа», «обогащение любой ценой», «самоценность потребления» и др., – не находят соответствующих архетипов в структуре коллективного бессознательного советского сознания.

Обращаясь к четырем элементам политической структуры Тихомирова, мы обнаруживаем у него следующую постановку проблемы: «Вопрос теоретически важный, а практически наиболее запутанный, - это вопрос: 1) об отношении нации и Верховной власти, с одной стороны, и 2) об отношении Верховной власти и правительства» [3, 44]. В решении этих двух вопросов состоит понимание идеократической природы кризиса постсоветской идентичности как кризиса содержания и формы Верховной власти в постсоветской России.

Прежде всего, следует отметить, что рассмотренный нами выше кризис неадекватности социокультурной инфраструктуры архетипам идеократического сознания по линии разделения между *либеральными идеалами* и *советскими архетипами* характеризует кризис «отношения Верховной власти и правительства». В то время как кризис постсоветской идентичности в «отношении нации и Верховной власти» обуславливается разрушением целостности общественного сознания по линии раскола между «советским» и «православным» идеократическими началами.

Этот последний разрыв имеет своим источником исторический антагонизм между двумя главными социокультурными институтами

воспроизводства идеократического сознания в Советской России: Коммунистической партии и Русской православной церкви. Инерция этого противостояния проявляется в доминировании антисоветской и антикоммунистической позиции официального православия и православной общественности уже после исчезновения советского государства и разрушения его социокультурной инфраструктуры, создаваемой Коммунистической партией. Эта православная борьба с коммунистической идеей и советским прошлым имели бы значение фантомных болей, если бы не работала на поддержку политического либерализма в постсоветской России.

Из последнего суждения следует, что солидаризация Русской православной церкви и православной общественности с политическим либерализмом, с одной стороны, закрепляет и углубляет раскол между «советским» и «православным» идеалами в постсоветском идеократическом сознании, с другой – поддерживает своим авторитетом либеральные идеалы постсоветского политического режима, блокируя возможность актуализации советских архетипов русского идеократического сознания. В парадигме Тихомирова – это значит, что постсоветская православная церковь препятствует восстановлению национального единства в выработке идеи «Верховной власти» и выступает на стороне «Правительства» против Верховной власти, создаваемой нацией.

4. Постсоветский кризис верховной власти в условиях церковной апостасии русского православия. Определяя солидаризацию русской церкви с политическим либерализмом в постсоветской России в качестве главного фактора кризиса Верховной власти, необходимо сказать, что подобная ситуация уже была в истории русского государства.

Позднесоветский и постсоветский период повторяет историю русской революции 1905–1917 гг. Россия впервые попадает в условия кризиса верховной власти во время проведения либеральных реформ 60-х гг. XIX века. Политический идеал самодержавия был разрушен либеральными реформами и действующий самодержец утратил идеократическое основание своей власти. Практические действия российского самодержавия были направлены на разрушение политической и социокультурной инфраструктуры самодержавной власти точно также, как это происходило в годы Перестройки и либеральных реформ 90-х годов. В обеих эпохах мы видим общий структурный кризис неадекватности социокультурного воспроизводства общественного идеала архетипическому содержанию русского идеократического сознания. Только во второй половине XIX – начале XX вв. это несоответствие проходило по линии между либеральными идеалами и христианско-монархическими архетипами сознания русского дворянства и крестьянства. Падение русского царства в Феврале 1917 года и попадание России в ситуацию межвременья стало разрешением этого кризиса, которое выразилось в уничтожении русского государства.

В этой истории русское православие так же, как и в ходе разрушения советского государства, солидаризовалось с политическим либерализмом и

поддержало своим авторитетом низложение царя и уничтожение русского теократического государства. Этот феномен двойного соучастия Русской православной церкви в разрушении российской государственности в XX веке требует какого-то теоретического обоснования. Это обоснование мы находим в эсхатологии Л.А. Тихомирова, изложенной им в ряде публикаций [2; 4].

На основании авторитетных богословских и философских толкований Апокалипсиса Л.А. Тихомиров составил обобщенную схему регрессивной логики истории христианской церкви. Основная идея толкования заключается в интерпретации символов Апокалипсиса в качестве духовных характеристик семи новозаветных эпох, хронологически следующих друг за другом от Первого до Второго пришествия Спасителя, имена которым даются по названиям семи церквей из послания их Ангелам: Ефесская, Смирнская, Пергамская, Фиатирская, Сардийская, Филадельфийская, Лаодикийская. Главной содержательной характеристикой движения христианской церкви в истории является нарастающее усиление греха внутри земной воинствующей церкви, которому церковь небесная торжествующая не может противостоять. В последний период церковной истории произойдет окончательное отпадение земной церкви от Христа, которое знаменует собой период Лаодикийской церкви. В Апокалипсисе этот процесс символизируется образом «Жены любодейной», который толкуется Тихомировым как «измена Богу ради какого-то иного бога» [4, с. 567].

Вводимое нами понятие «апостасия христианской церкви» соответствует переходу земной церкви в *Сардийский* период (Откр. 3, 1-6), который в Европе начинается с XVII столетия, а в России – с XIX века. Главный признак апостасии – чрезвычайное усиление греха в церкви и отпадение от Христа лишь формально принадлежащих ей. В Сардийскую эпоху происходит качественный перелом преобладания в церкви отпавших от Христа на верных Ему. «В эпохи Пергамскую и Фиатирскую голос Божий, воздавая вообще похвалу церквам, говорит лишь, что в них есть некоторые люди, изменившие Христу. В Сардийскую эпоху положение оказывается противоположным. Голос Божий лишь в виде некоторого извинения говорит: «Впрочем у тебя в Сардисе есть несколько человек, которые не осквернили одежд своих». Раньше неверные Христу составляли незначительное исключение. В Сардийскую эпоху исключение составляет уже «не осквернившие одежд своих» [Там же, с. 568].

Таинственной эпохой в церковной истории выделяется Филадельфийский период. «О ней из Апокалипсиса известно только то, что она должна представлять время чрезвычайного духовного подъема» [Там же, с. 570]. Л.А. Тихомиров дает ему следующую трактовку. «Общий характер времен от Сардийской церкви до конца мира, по-видимому, представляет такую картину. Духовное настроение как бы все больше раздвояется на два русла. С одной стороны, Сардийская эпоха, по существу уже мертвенная, конечно, создает материал для Лаодикийской церкви, которая породит «Жену любодейную». Но рядом с этим все, которых Христос в Сардийскую эпоху зовет к покаянию и которые еще носят «белые одежды», - они своим

духовным порывом дадут начало Филадельфийской церкви. В эпоху Жены любодейной эти избранники, конечно, услышат голос Божий: «выйди от нее, народ мой» (Откр. 18, 3) – и будут скрываться в том убежище, которое им было изначально приготовлено, а по уничтожении Жены любодейной перейдут в состоянии Невесты Агнца (Новый Иерусалим) [Там же, с. 569].

Эта трактовка позволяет оценивать духовный процесс как противостояние Филадельфийской церкви устремлению Сардийской церкви к переходу в Лаодикийский период, что позволяет интерпретировать феномен Филадельфийской церкви как силу, противостоящую регрессивной логике усиления греха в земной церкви. Эта сила входит и действует в истории земной церкви через покаяние.

Окончание работы Тихомирова над книгой приходится на 1918 год – т.е. события социальной революции в России вошли в круг его осмысления в выстраиваемой им эсхатологической логике истории. «Эту Сардийскую эпоху мы, вероятно, должны считать и теперь продолжающейся, хотя, быть может, уже подходящей к концу» [4, с. 568].

Что следует дальше, после смерти Тихомирова? *Не является ли советский период переходом к Филадельфийской церкви, остановившим наступление Лаодикийской эпохи? Не явлен ли нам в подвиге исповедания веры новомучеников расцвет русской церкви перед концом?* Об этом судить пока трудно. Но зато на основании историсофской концепции Тихомирова мы можем твердо свидетельствовать о возвращении русской церкви в Сардийскую эпоху после падения советского государства и дать определение самому феномену церковной апостасии.

Апостасия христианской церкви – это процесс вероотступничества земной церкви от Христа по мере усиления в церкви греха любодейания (нарушения заповедей «первой скрижали» Моисея по отношению к Богу), при котором сохраняется действительное присутствие небесной церкви в таинствах и осуществлении Промысла Божьего до скончания века. Из богословского различения *торжествующей небесной церкви и воинствующей земной церкви* следует, что церковная апостасия проявляется в отказе земной церкви от противоборства с мировым злом и в сотрудничестве с миром земным, который «во зле лежит». При этом *церковь небесная торжествующая* сохраняет свое присутствие в мировой истории, но не в силах удержать мир от его кончины по причине умножения греха в церкви земной.

Важнейшим политическим признаком этого процесса в современной общественной жизни являются либерализация постсоветского православия на антисоветской пропагандистской платформе. Апостасийный компромисс постсоветской церкви и либерального государства достиг высшей точки в 2020-ом, пандемийном, году, в котором «мерзость запустения на святом месте» (Мф. 24, 15) стала совершаться в евхаристическом таинстве во исполнение антиковидных предписаний «глобалистского интернационала».

Разрешение кризиса верховной власти в постсоветской России требует учета данного фактора и выработки соответствующего решения. Политический проект восстановления монархической формы политической

власти не может быть реализован по той же причине, по которой не устояло русское самодержавие в XX веке, – апостасии русской православной церкви. Для выхода из кризиса постсоветской идентичности требуется иное решение. Но несомненным условием этого решения является удержание русской церкви от падения в последний Лаодикийский период церковной апостасии. Важнейшим фактором этого удержания является разрыв компромисса русского православия с политическим либерализмом. Данный разрыв может быть совершен лишь через признание русской церковью своей ответственности за двойной слом русской государственности в XX веке и публичное раскаяние на Поместном соборе Русской православной церкви.

Список литературы

1. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Изд-во Эксмо, Изд-во Алгоритм, 2004. – 640 с.
2. Тихомиров Л.А. Апокалиптическое учение о судьбах и конце мира» // Тихомиров Л.А. Христианство и политика. М., Калуга: ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 2002. – С. 367-392.
3. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М.: ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1998. – 672 с.
4. Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории. М.: «Москва», 1997. – 592 с.
5. Трухан А.В. Кризис постсоветской идентичности: постановка проблемы в идеократической парадигме мысли // Национальная идентичность и коллективная память: между прошлым и будущим [коллективная монография] / отв. ред. Т.А. Сенюшкина; науч. ред. Е.А. Сенюшкин – Симферополь: Н. Орианда, 2022. – С. 28-59.

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ ВОПРОСА О ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ «ПЕРЕЗАГРУЗКЕ» РОССИИ

Угрин И. М.

*кандидат политических наук,
Институт философии РАН,*

научный сотрудник сектора философских проблем политики

***Аннотация.** В докладе на Харакском форуме, прошедшем минувшей осенью, автором были представлены результаты исследования проблемы выбора стратегии цивилизационного развития России. Описаны пять вариантов решения этой проблемы. Логика их формулирования связывается с историческими этапами развития России как локальной цивилизации. Кратко данные варианты можно обозначить как: Европейская Россия, Социалистическая Россия, Православная имперская Россия, Православная Социалистическая Россия, Новая Россия. Автору близка идея Новой России. При этом следует подчеркнуть, что выбор цивилизационного развития неразрывно связан с выбором сакральных смыслов и ценностей,*

направляющих жизнь как отдельного человека, так и всего общества. Предполагается, что будущее за новым проектом цивилизационного развития, при котором в основе стратегии развития будут лежать смыслы и ценности, не сводимые к духовным системам, господствовавшим в социокультурном пространстве в прошлом, но в то же время не отрицающие их значение, а показывающие их правду в свете более полной истины. В настоящем докладе рассматривается проблема субъекта развития, который мог бы стать движущей силой в деле построения новой российской цивилизации. Обосновывается идея о том, что в качестве такой силы на данном этапе могут выступить относительно небольшие социальные общности, солидарные группы и коммуны, объединенные общим образом жизни. В последующем их опыт может стать достоянием всей российской (евразийской) цивилизации, послужить отправной точкой для «перезагрузки» матрицы цивилизации. В этом же ракурсе рассматривается проблема «новой» религиозности как цивилизационнообразующего фактора.

Ключевые слова: цивилизация, исторический выбор, субъект развития, сакральная вертикаль, духовно-экологическая цивилизация, Новая Россия.

THE PROBLEM OF THE SUBJECT OF DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF THE QUESTION OF THE CIVILIZATIONAL «RESET» OF RUSSIA

Ugrin I. M.

Candidate of Political Sciences,

*Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences,
Researcher of the Sector of Philosophical Problems of Politics*

Abstract. *In a report at the Harak Forum held last fall, the author presented the results of a study on the problem of choosing a strategy for the civilizational development of Russia. Five potential solutions to this problem are described. The logic behind them is associated with the historical stages of Russia's development as a local civilization. Briefly, these options can be described as: European Russia, Socialist Russia, Orthodox Imperial Russia, Orthodox Socialist Russia, New Russia. The author leans towards the idea of New Russia. At the same time, it should be emphasized that the choice of civilizational development is inextricably intertwined with the choice of sacred meanings and values that guide the life of both an individual and the whole society. It is assumed that the future belongs to a new project of civilizational development, in which the development strategy will be based on the meanings and values that are not reducible to the spiritual systems that dominated the socio-cultural space in the past, and, at the same time, do not deny their significance, but show their truth in the light of a more complete truth. This report examines the problem of the subject of development, which could become a driving force in building new Russian civilization. It is also substantiated that relatively small social communities, solidarity groups and communes united by a common way of life can, at this stage, act as such a force.*

In the future, their experience may extrapolate to the entire Russian (Eurasian) civilization, serve as a starting point for the "reset" of the civilization matrix. The problem of "new" religiosity as a civilizational factor is looked into from the same perspective.

Keywords: *civilization, historical choice, subject of development, sacred vertical, spiritual and ecological civilization, New Russia*

В докладе на прошлом Харакском форуме автором были рассмотрены варианты цивилизационного выбора, необходимость которого стоит перед современной Россией. Не воспроизводя подробную характеристику каждого из них, просто назовем их здесь: Европейская Россия, Социалистическая Россия, Православная Имперская Россия, Православная Социалистическая Россия, Новая Россия. У каждого из вариантов есть свои сторонники, есть свои идеологи. Выбор в пользу того или иного варианта цивилизационного развития не может быть осуществлен сугубо рационально, это экзистенциальный выбор, который в полной мере пока не осуществил российский народ коллективно, но который уже способен совершить каждый из нас индивидуально. Опираясь на труды сибирских ученых (А.В. Иванова, И.В. Фотиевой, М.Ю. Шишина) [1,2,3,4], автор данного доклада, в целом солидаризуясь с их концепцией духовно-экологической цивилизации, считает наиболее перспективным и желательным для нашей страны пятый вариант – Новая Россия. Но при каких условиях и, самое главное, кто способен стать движущей силой «перезагрузки» российской цивилизации?

Цивилизацию мы понимаем в классическом смысле, наследуемом от А. Тойнби и уточненном В.Л. Цымбурским, как «социальную общность, по преимуществу привязанную к определенным географическим ареалам и выступающую носителем такой религии, идеологии, социальных практик и культурных стилей, которые в совокупности составляют особый образ «человечества», но при этом претендуют на универсальную, всемирную значимость» [8]. Три признака характерны для цивилизации как социокультурного сообщества: это наличие сакральной вертикали (регулирующая роль религии или постулирующей «священные» ценности идеологии, иногда смешанной религиозно-идеологической доктрины), государственно оформленное «основное человечество» (Л.Н. Гумилев использовал для его описания термин «суперэтнос») и «основная земля» (локализация «основного человечества» на определенной территории).

На наш взгляд, цивилизация – это, в первую очередь, люди. Не абстрактные идеи, не философские концепции, не культурные ценности, а люди, являющиеся носителями особой энергии духа, которая проявляется, как в их убеждениях, так и в практике жизни. И главная проблема в деле изменения вектора цивилизационного развития не в том, чтобы концептуально осмыслить основы будущей цивилизации (хотя это важная и большая задача, без всякого сомнения), а в том, чтобы изменить самого человека. Повернуть его сознание, преобразить его душу. Но как изменить человека, если он не готов или не хочет меняться? Без добровольного

желания никакое благотворное изменение невозможно. Меняться способны лишь те, кто желают меняться. Это проблема по-настоящему актуальна в том случае, если мы совершаем выбор в пользу проекта новой цивилизации, Новой России. Новая Россия начинается с Нового Человека. В свое время это проблема, буквально с таким же названием, ставилась в советское время. Она решена не была. Да, советский человек обладал рядом замечательных черт, но противостоять потребительскому соблазну он оказался не в силах. Отказ от собственных ценностей, от своего идеала, который совершила не только большая часть партийной элиты, но вслед за ней и остальное общество, - неоспоримое свидетельство этого утверждения. На основе марксизма-ленинизма оказалось невозможно воспитать нового человека, по-настоящему свободного и творческого, хотя мечтали именно об этом.

Здесь следует оговориться, что сама проблема не будет стоять так остро, если мы склоняемся к одному из первых четырех вариантов цивилизационного выбора, не предполагающих создание нового цивилизационного фундамента. Мы можем опереться на европейский опыт цивилизационного строительства. Или на своей собственной опыт, дореволюционный, взяв за основу православную веру, либо на опыт постреволюционный, взяв за основу социалистические идеалы. Но если мы рассуждаем о новой цивилизации, то и проблема ставится иначе. Преобразить человека способна только «религия». Слово «религия» взято в кавычки, потому что речь может идти не о традиционной религии, акцентирующей много внимания на догматике и ритуальной составляющей, а о религии нового типа, дающей достаточно простора для человека, обладающего свободным мышлением, не скованного в своих действиях одной традицией. Духовность – это не столько о традиционном, о том, что сложилось когда-то и воспроизводится поныне. Духовный мир – это область вечного. То, что пребывает неизменным. Способен ли человек оставаться преданным вечному в быстро меняющихся условиях современной эпохи? Если да, то как? Какие институты и методы ему в этом могут помочь? Речь идет о религиозности, как связи с Высшем Началом. О том праксисе, который позволяют эту связь осуществить. И тех вечных знаниях, которые позволяют привести жизнь человека в гармонию с космическими законами.

Новая цивилизация может начаться с небольшого числа людей. Христианская цивилизация началась с небольшой горстки людей. Число учеников Христа, присутствовавших на первом соборе в Иерусалиме, было невелико. Дело не в количестве, а в качестве. Это должны быть люди совершенно иного качества. Люди горящего духа. Образ преображенного человечества должен просматриваться в них. Но откуда возьмутся такие люди?

Перой представители академической философии стремятся обойти религиозную тематику стороной. На это существует несколько причин. Во-первых, острота этих тем, которая способно вызвать широкий резонанс, в том числе и множество негативных откликов со стороны той или иной конфессиональной группы. Во-вторых, в советское время утвердилось

понимание философии как научной дисциплины. Научность же подразумевает непредвзятость, которая, как считалось, не совместима с религиозным типом мышления. Зададимся вопросом: позволяет ли методология науки, ранее претендовавшей на объективность (в постнеклассической парадигме науки это уже не так [7]), дать хотя бы один однозначный ответ хотя бы на один из коренных вопросов философии? В-третьих, само погружение в эту тему требует не только умения оперировать рациональными понятиями, но и наличия личного духовного опыта, открывающего способность интуитивного созерцания невербализируемой реальности. На наш взгляд, без рассмотрения религиозной тематики по существу, невозможно и рассмотрение по существу вопроса о цивилизационном развитии.

Нет цивилизационного развития без субъекта. Кто является субъектом, главным актором духовно-экологической (обновленной российской) цивилизации? Если мы скажем, что таковым является российский народ в его целом, то наше утверждение будет противоречить реальности, в которой мы находимся. Паттерны потребительской цивилизации весьма глубоко укоренились в народной психике и во многом определяют жизнь обывателя. Конечно, в коллективном сознании наличествуют и другие тенденции. В том числе ориентирующие на ценности солидарности и справедливости. Но сейчас они слабо проявлены в социальном измерении. То, что верно в отношении целого народа, верно и в отношении субнародности отдельного региона. Можно говорить о ряде положительных качеств, которые выделяют, скажем, сибиряков в сравнении с москвичами (хотя, видимо, по ряду других качеств в лучшую сторону будут отличаться москвичи), но нельзя говорить, что эти отличия несут настолько отчетливый характер, чтобы было возможно вести речь о принципиально ином качестве ментальности.

Не менее иллюзорно, на наш взгляд, будет и стремление увидеть субъекта новой цивилизации в той или иной социальной страте или социальном классе. Несмотря на то, что многие слои российского общества находятся в достаточно непрестом экономическом положении (около трети населения, по данным Института Социологии РАН, находится за чертой бедности), надеяться на то, что они окажутся заинтересованы в изменении существующего положения вещей с опорой на духовное учение, содержащее в себе актуализацию вечных ценностей, сейчас, в текущей исторической ситуации, не приходится. Люди чувствуют потребность в том, чтобы сделать жизнь более справедливой. Но не видят альтернатив. Старое разделение на рабочих и капиталистов уже не работает как прежде. Иной наемный рабочий (скажем, высокооплачиваемый топ-менеджер крупной кампании) занимает гораздо более высокое положение в обществе, чем капиталист средней руки. Обобществление средств производства, само по себе, не кажется достаточным средством для решения проблемы справедливости. Новый подход к решению этой проблемы может привлечь внимания и вызвать энтузиазм широких масс. Но, представляется, лишь в том случае, если будет

явлено такое решение в какой-то конкретной части общества. В какой-то конкретной коммуне или общественной организации.

Без духовных лидеров и социальных общностей, сформированных вокруг таких лидеров и тех принципов жизни, которые они транслируют, концепция духовно-экологической цивилизации останется только на бумаге. Необходимо единство чувства, мысли, желания и действия. Только так творится новая реальность. Необходимо общее дело, которое могло бы сплотить на началах соборности близких по духу людей. Необходимы большие и малые социальные группы, занятые общим делом, в каждой из которых принцип духовного совершенствования, будет иметь первостепенное значение. В качестве такого общего дела могут выступать как хозяйственно-экологические проекты, например, высокотехнологичное производство на основе последних достижений науки. Так и социогуманитарные проекты. Например, частная школа, использующая новаторские подходы обучения и воспитания гармоничного человека. Или коллектив оздоровительного центра, использующей методики холистической медицины. Общими чертами таких групп должны стать, во-первых, коммунитаристский принцип их функционирования, во-вторых, ориентированность их членов на индивидуальное совершенствование, в-третьих, твердость нравственных устоев, позволяющих неформально регулировать взаимоотношения между членами данных групп. В качестве социального эксперимента можно попробовать создать одну небольшую общину, учитывая уже имеющийся опыт подобного рода образований.

На наш взгляд, в этом и будет действительное решение задачи создания духовно-экологической цивилизации на данном этапе. Необходимо заняться устройством эко-общины, пусть относительно небольшой, но зато живущей согласно духовным ценностям. Это будет первый шаг. И дело ведь не в формальном признании членами общины тех или иных принципов, а в живом действенном осуществлении их в своей повседневной жизнедеятельности. Такая община могла бы послужить прообразом нового общества. Ошибкой было бы уповать на государственную власть в деле построения новой цивилизации. Власть всегда отражает условно «средний» уровень духовного состояния общества. В особенности это характерно для власти, избираемой демократическим путем. Новое, понимаемое как лучшее, как наиболее совершенное, всегда начинается с небольших групп людей. Такая небольшая группа, достигнув высокого уровня нравственного сознания и согласованности волевого устремления, способна повести за собой остальной народ. Но благодаря чему она будет способна достичь такого уровня, такого единства?

И здесь мы снова возвращаемся к уже поднятой теме. Если мы определяем цивилизацию через наличие определенной сакральной вертикали, объединяющей определенную социокультурную общность, ключевой вопрос в том, что позволяет эту вертикаль выстраивать. Так или иначе, мы снова вернемся к вопросу о необходимости «религии», соответствующий духовным, социальным, нравственным и

психологическим запросам современного человека. Такой «религии», которая, открывая пути к *вечной истине*, позволит осуществить религиозно-философско-научный синтез. Следует признать, что такой синтез во всей полноте пока не осуществлен. Следует признать, что традиционные религии оказываются не способны в нынешних реалиях поддерживать высокий духовный уровень народа. Следует признать, что академическая философия и классическая наука в принципе не решают этой задачи, впрочем, и требовать этого от них нецелесообразно. Появится ли такая «религия»? Или, говоря другим языком, школа совершенствования человека, позволяющая достигать ему высших ступеней самореализации, в том числе реализовать состояние Богочеловека (если выражаться в христианской терминологии)? В этом, на наш взгляд, заключается ключевой вопрос. Но он не может быть решен теоретически. Будет ли он решен практически, покажет время.

Список литературы

1. Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Скрижали метаистории: творцы и ступени духовно-экологической цивилизации. Барнаул: Изд-во АлтГТУ им. И.И. Ползунова; Изд-во Фонда «Алтай – 21 век», 2006. 640 с.
2. Иванов А.В. Духовно-экологическая цивилизация: устои и перспективы: монография / А.В. Иванов, И.В. Фотиева, М.Ю. Шишин. Изд. 2-е, испр. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2010. 133 с.
3. Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Человек восходящий: философский и научный синтез «Живой Этики». Барнаул: Изд-во Фонда «Алтай - 21 век», 2012. 512 с.
4. Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. На путях к новой цивилизации (очерки духовно-экологического мировоззрения). Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2014. 219 с.
5. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. 496 с.
6. Спиридонова В.И. Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; В.И. Спиридонова, Р.И. Соколова, В.Н. Шевченко; Отв. ред.: В.И. Спиридонова, В.Н. Шевченко. М. ИФ РАН, 2016. 122 с.
7. Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.
8. Цымбурский В.Л. Идентичность цивилизационная // Новая философская энциклопедия. в 4 т. / Институт философии РАН; Национальный общественно-научный фонд; Председатель научно-редакционного совета В.С. Степин. 2-е изд., испр. и допол. М. Мысль, 2010. - URL: <https://iphlib.ru/library/-collection/newphilenc/document/HASHfa8f52a5682673891d14fa>
9. Русский мир как цивилизационное пространство. М.: ИФ РАН, 2011. 301 с.

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОРПОРАЦИИ КАК АКТОРЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Фароян Э. М.

ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»,

аспирант

E-mail: kisame1122@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена выявлению роли транснациональных корпораций (ТНК) в мировой политике, исследованию их функций, степени их влияния на мировые политические процессы. В настоящее время ТНК все более интенсивно распространяют свое влияние на формирование мировой политики. Поскольку данные корпорации имеют статус негосударственных акторов международных отношений, они способны достаточно активно участвовать в обсуждении и решении важнейших проблем и вопросов, касающихся мировой политики. Транснациональные корпорации, зачастую, занимаются спонсированием и инвестированием в национальную экономику, а иногда и непосредственно способны управлять ею. В Российской Федерации находятся и действуют как ТНК, которые произошли и базируются непосредственно на ее территории, так и те, которые представляют зарубежные страны. Деятельность ТНК нуждается в специальных методах и формах регулирования со стороны государства, в котором они находятся и функционируют. Для эффективного выполнения данной задачи требуется целая система институтов или специализированных органов.

Ключевые слова: международные отношения, политика, транснациональные корпорации, мировая политика, политическая система, государство, политический процесс, безопасность.

TRANSNATIONAL CORPORATIONS AS ACTORS OF INTERNATIONAL RELATIONS

Faroyan E. M.

V.I. Vernadsky Crimean Federal University,

PHD-student

E-mail: kisame1122@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the identification of the role of transnational corporations (TNCs) in world politics, the study of their functions, the degree of their influence on world political processes. Currently, TNCs are increasingly actively spreading their influence on the formation of world politics. Since these corporations have the status of non-state actors in international relations, they are able to actively participate in the discussion and solution of the most important problems and issues related to world politics. Transnational corporations are often engaged in sponsoring and investing in the national

economy, and sometimes they are directly able to manage it. Both TNCs that originated and are based directly on its territory and those that represent foreign countries are located and operate in the Russian Federation. The activities of TNCs need special methods and forms of regulation by the state in which they are located and operate. To perform this task effectively, a whole system of institutions or specialized bodies is required.

Keywords: *international relations, politics, multinational corporations, world politics, political system, government, political process, security.*

В современных международных отношениях роль транснациональных корпораций (ТНК) как экономического и политического актора, несомненно, высока. Это прежде всего обусловлено вступлением человечества в эпоху глобализации, где государственные границы все больше начинают носить формальный характер. Такие условия способствуют еще большему стимулированию развития корпораций, действующих на международном уровне.

ТНК сегодня по праву рассматриваются многими исследователями как наиболее мощные нетрадиционные акторы, способные влиять на принятие политических решений любого уровня. Любая корпорация будет считаться транснациональной, если она имеет производственные подразделения в двух или более государствах, управляется из единого центра и имеет существенную долю активов за рубежом (не менее 25%).

Не вдаваясь в сугубо экономические показатели ТНК, важно лишь отметить, что именно экономические интересы вынуждают их вмешиваться в политику как на локальном, так и на региональном и международном уровнях.

Транснациональные корпорации в современном государстве являются одним из ведущих факторов мировой политики. Данные корпорации признаются бизнес-субъектами, основная цель которых - извлечение прибыли. Особенностью данных субъектов считается то, что они не имеют ни суверенитета, ни своей территории. Они не ограничиваются территорией одного или нескольких государств, что может привести к возникновению конкуренции между ТНК и национальными правительствами.

В таких конкурентных отношениях ТНК имеют свои преимущества: они менее восприимчивы к мировым политическим кризисам, собственники ТНК обладают возможностью коммуницировать с властными элитами и лидерами иностранных государств, а также имеют частные коридоры и каналы транснационального транзита капиталов, ресурсов, персонала, что позволяет пересекать границы государств, несмотря на действия таможенных, пограничных и других служб. Кроме того, крупные ТНК имеют собственные достаточно мощные спец. службы для бизнес-разведки и контрразведки. В силу этого ТНК чаще воспринимаются как угроза национальной безопасности, чем как новый инструмент или фактор ее обеспечения.

Говоря о влиянии ТНК политику национальных государств, стоит отметить, что преобладает мнение об их влиянии именно на мировую экономику: их считают «несущей конструкцией всей современной международной экономики». По мнению А.И. Подберезкина, «в сфере экономики в настоящее время наблюдаются более сложные схемы взаимодействия государства и ТНК. В период глобализации ТНК фактически вышли из национальной юрисдикции. Однако через лоббизм они продолжают взаимодействовать с государствами, а государства через различные юридические, политические, экономические и кадровые механизмы продолжают влиять на ТНК. Это и создает очень сложную структуру коалиционных взаимодействий в данной области» [1, с. 233].

Отчет «Глобальные тенденции — 2030: альтернативные миры», подготовленный Национальным советом США по разведке, отмечает рост влияния ТНК на внешнюю и внутреннюю политику наций-государств как устойчивую мировую тенденцию. Эксперты, подготовившие отчет, описывают будущий миропорядок, идущий на смену эпохе однополярного доминирования США, как «негосударственный мир». Согласно их прогнозу, негосударственные акторы, ТНК, субнациональные объединения и «единицы» (территориальные анклав, крупные города и агломерации, обособленные экономические районы и др.) будут доминировать в мировом политическом пространстве и «лидировать в противодействии глобальным вызовам» [2].

Авторы отчета правы в том, что рост влияния ТНК действительно приведет к изменению функций государств и государственных структур, которые все больше будут эволюционировать в сторону общей координации, контроля или наблюдения.

Таким образом, под влиянием вторжения ТНК в политическую сферу мировая политика меняется и вместе с ней меняется роль ТНК. Усиление роли ТНК на мировой арене — это устойчивая тенденция, однако она в ближайшее время не может привести к трансформации ТНК в абсолютно самостоятельных участников, чьи поступки смогут противостоять интересам и политике национальных государств. Скорее всего, ТНК будут стараться оказать все большее влияние на политический курс принимающих государств и использовать их возможности для достижения своих целей в международных отношениях. Так, Маруев А.Ю. считает, что «масштаб влияния ТНК на политику наций-государств будет непосредственно связан с их способностью создавать синергетические коалиции по интересам, вовлекая в них другие ТНК. Вместе с тем нации-государства никогда не были так зависимы от ТНК, как сейчас. ТНК спонсируют, кредитуют, инвестируют в национальную экономику государств, а в отдельных случаях напрямую ею управляют. У существующих ТНК имеются большие возможности для вмешательства во внутривнутриполитические процессы национальных государств и для воздействия на их внешнюю политику» [3, с. 96-97].

Таким образом, совершенно очевидно, что сегодня ТНК имеют все необходимые ресурсы для защиты собственных интересов на локальном, региональном и глобальном уровнях.

Во-первых, огромные финансовые возможности ТНК делают их наиболее влиятельными негосударственными акторами, основная цель которых – получение как можно большей прибыли. Для достижения экономических и финансовых целей ТНК стараются минимизировать контроль государства над ними.

Во-вторых, ТНК продвигают свои интересы в основном двумя способами: лоббированием и коррупцией. ТНК прибегают к первому способу продвижения своих интересов в основном в тех государствах, где законодательно разрешена деятельность лоббистских организаций. Второй метод ими в первую очередь используется в странах, где лоббизм – официально не признанный акт.

В-третьих, совершенно очевидно, что большие корпорации, как и государства, различаются по степени влиятельности. ТНК, которые непосредственно формируют международную политику, прежде всего действуют в топливно-энергетическом комплексе, машиностроении и военно-промышленном комплексе. Их нужно рассматривать как наиболее влиятельные ТНК, которые не только влияют на международную политику, но и нередко ее формируют.

В-четвертых, наибольшая концентрация ТНК в рамках одного государства не только показатель уровня его экономической развитости, но и может говорить о том, что внутренняя и внешняя политика данной страны формируется под воздействием и с учетом интересов представителей крупного бизнеса.

В-пятых, одно из важных качеств успешности ТНК в принимающих странах состоит в том, что они умеют адаптироваться практически к любым условиям. Для защиты своих интересов они могут пойти на самые крайние меры. Практика показала, что ТНК могут при помощи материнских стран привести к власти в принимающей стране лояльного к ним лидера.

Все рассмотренные выше положения нацеливают на необходимость оформить совершенствованием регуляторов деятельности ТНК внутри Российской Федерации в сочетании с государственным регулированием импорта инвестиций. Кроме того, необходимо создание соответствующих институтов или специализированных органов для должного регулирования данной деятельности. В частности, предлагается создать федеральное агентство по взаимодействию с ТНК, подчиняющееся Правительству Российской Федерации; обсуждается также идея создания «нового международного института или организации» для решения данных задач [4, с. 81].

Другой путь заключается в создании саморегулируемой организации — объединения действующих в России ТНК, которое выстраивает с государством отношения в формате государственно-частного партнерства.

Наконец, третий путь может быть реализован за счет уже существующих в Российской Федерации общественных объединений собственников крупного бизнеса (куда входят в том числе и многие владельцы и совладельцы ТНК) — Российского союза промышленников и предпринимателей, деятельность которого может быть расширена на сферу представления интересов ТНК.

Список литературы

1. Подберезкин А.И. Стратегическое прогнозирование международных отношений. М.: МГИМО–Университет, 2016. 476 с.
2. Global Trends 2030: Alternative Worlds. Washington: National Intelligence Council, 2012. - URL: <https://info.publicintelligence.net/GlobalTrends2030.pdf>
3. Маруев А.Ю. Транснациональные корпорации в современной системе международных отношений // Вестник московского университета. Серия 12. Политические науки. 2018. № 2. С. 93-102.
4. Евсюков А.А. Транснациональные корпорации в мировой политике и угрозы национальной безопасности // Социально-политические науки. 2016. № 3. С. 78-81.

ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЗМА В УСЛОВИЯХ ПРОПАГАНДЫ ТРАНСГУМАНИЗМА В ГЛОБАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

Цахидис Р.

*кандидат теологических наук,
Общество греков -понтийцев «Агиос Трифонас», президент,
Республика Кипр, г. Пафос*

Аннотация. В статье приводится анализ современных вызовов, связанных с глобальным трансгуманизмом с точки зрения теологической науки.

Ключевые слова: патриотизм, трансгуманизм, православная христианская вера, геополитическое пространство, Бог, человек, отечество, любовь, неоязычество.

FORMATION OF PATRIOTISM IN THE CONDITIONS OF PROPAGANDA OF TRANSHUMANISM IN THE GLOBAL SOCIETY

R. Tsakhidis

Republic of Cyprus, Pafos

Abstract. *The article provides an analytical interpretation of the modern challenges facing global transhumanism from the point of view of theological science.*

Keywords: *patriotism, transhumanism, Orthodox Christian faith, geopolitical space, God, man, fatherland, love, neo-paganism.*

В основе патриотизма лежат такие нематериальные ценности, как язык, вера, культура, национальные традиции и обычаи. Трансгуманизм полностью нивелирует эти духовные сокровища, придает им не человеческую энергию, а интеллектуально-искусственную форму и содержание. Таким образом, патриотизм становится не востребовавшимся чувством в глобальном обществе.

В последние десятилетия сторонники трансгуманизма проповедовали идеи демократии, толерантности, поощряли гендерную политику, под видом гуманных идей расчеловечивания человека как прелюдии к трансгуманизму. В творчестве современных русских писателей этот феномен находит широкое отражение. В отдельных произведениях Виктора Пелевина понятие «трансгуманизм» рассматривается как явление на современном этапе развития человечества. Единственным источником, показывающим нам истинное лицо трансгуманизма, является православная христианская вера.

Бог в своем Откровении первым выходит на встречу с человеком. Со стороны человека при этом предполагается свободный отклик веры и любви. Вера является «дверью таинств», условием и основанием богословской мысли. В Новом завете Библии говорится: «Верую Христос вселил в сердце человека [Ер.3.17], верую приобретаемый Ум Христов, способный судить о вещах божественных», (перевод с новогреческого) [1 кор. 2, 12-16]. Верую познаем, что веки устроены словом Божиим [Ев.11.3], пишет Апостол. Так вера дает возможность правильно мыслить и постигать то, что не доступно для рассудка.

Здесь справедливости ради надо отметить, что аналогичную работу по просветлению молодых людей выполняют не только религиозные деятели, но и все прогрессивно мыслящие ученые, теологи разных конфессий, журналисты, независимые политики, а также простые люди, которым безразлична судьба современной молодежи. В современном геополитическом пространстве вызовам трансгуманизма отвечают те страны, где традиционно основное население исповедует православное христианство. Это, прежде всего, Россия, Греция, Кипр, Грузия, ибо большинство граждан этих стран являются православными. По святому Евангелию христианская душа не может воспринять идеологию, где не существует любви и свободы. Человек создан как икона Бога по своему образу и подобию.

Отечество в переводе с греческого patria - «страна, где человек родился и к гражданам которой он принадлежит». Патриотизм — это преданность и любовь к своему отечеству и своему народу и готовность к любой жертве и

подвигам во имя интересов своей Родины. Для трансгуманизма не существует patria, ибо в корне этого слова отец — «отец».

В основе христианской православной цивилизации лежит любовь. Отменяя этот основополагающий элемент человеческого существования, трансгуманисты идут против естественного закона человеческого счастья, которое может привести к многочисленным конфликтам, инициируемым центрами принятия решений для выполнения своих политических или амбициозных задач.

Изучая философию трансгуманизма, проведя исторический анализ его эволюционного развития, мы видим невооруженным глазом явные признаки неоязычества, которое с каждым годом все больше захватывает умы и сердца молодежи во всех уголках нашей планеты. Православное христианство, видя данную угрозу для духовного здоровья человека, ведет просветительскую работу. Как говорили Святые Отцы Христианской церкви, «нет тьмы, есть отсутствие света».

В завершение хотелось бы обратить внимание академических кругов и теологического сообщества России и Греции, что трансгуманизм в перспективе будет стремиться осваивать территории народов русского и греческого мира. Завоевать эти два мира есть первая и основная задача идеологов трансгуманизма как новой религии неоязычества. Главный удар в борьбе Добра и зла принимает на себя Церковь, являющаяся неделимой, святой, Апостольской и Соборной.

Список литературы

1. Библия. Новый завет. М: Синодальная тип., октябрь 1715. – 495 с.
2. Православная Богословская энциклопедия / под ред. А.П. Лопухина Т.3. Петроград, 1902. – 790 с.
3. Преподобный Исаак Сирин. Слова подвижнические. - Слов.82 / Под ред. В.Пономарева. - Даниловский благовестник, 2018. – 816 с.

Н.Я. ДАНИЛЕВСКИЙ О РУСОФОБИИ ЗАПАДА В КОНТЕКСТЕ СЕГОДНЯШНЕЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

Шевченко В.Н.

*доктор философских наук,
профессор, заслуженный деятель науки РФ
Институт философии РАН,
главный научный сотрудник
E-mail: vladshevchenko@mail.ru*

***Аннотация.** В статье рассматриваются геополитические взгляды и идеи Н.Я. Данилевского. Автор показывает несостоятельность либеральных обвинений Данилевского в проповеди насилия и обмана. В статье излагается ряд теоретически вопросов русской геополитики, одним*

из создателей которой был Данилевский. Интересы России, как он считал, не только иные, чем интересы Европы, но они и взаимно противоположны, поэтому в политическом смысле Россия не только не-Европа, но Анти-Европа. Далее обращается внимание на важный вывод Данилевского о том, к каким опасным последствиям ведет европейничанье во внешней политике. В этом контексте дается анализ рассуждений Данилевского о ложности русофобских измышлений, раскрываются основные причины русофобской истерии, охватывающей практически все европейские страны. В заключение обращается внимание на актуальность взглядов Данилевского на природу российского государства, как государства-цивилизация. Вопрос о форме правления государства, как показывает Данилевский, решается не политической метафизикой, а историей.

Ключевые слова: *новая современность, геополитика, Россия как Анти-Европа, европейничанье, русофобия, российское государство-цивилизация, русский (российский) консерватизм.*

N.YA. DANILEVSKY ABOUT WESTERN RUSSOPHOBIA IN THE CONTEXT OF TODAY'S RUSSIAN POLITICS

Shevchenko V.N.

Doctor of Philosophy, Professor,

Honored Worker of Science of the Russian Federation, Chief Researcher

Institute of Philosophy RAS

E-mail: vladshevchenko@mail.ru

Abstract. *The paper deals with the geopolitical views and ideas of N.Ya. Danilevsky. The author shows the inconsistency of Danilevsky's liberal accusations of preaching violence and deceit. The paper presents a number of theoretical issues of Russian geopolitics, one of the founders of which was Danilevsky. The interests of Russia, as he believed, are not only different from the interests of Europe, but they are mutually opposite, therefore, in the political sense, Russia is not only not-Europe, but Anti-Europe. Further, attention is drawn to Danilevsky's important conclusion about the dangerous consequences of Europeanism in foreign policy. In this context, an analysis of Danilevsky's arguments about the falsity of Russophobic fabrications is given, the main causes of Russophobic hysteria, covering almost all European countries, are revealed. In conclusion, attention is drawn to the relevance of Danilevsky's views on the nature of the Russian state as a state-civilization. The question of the form of government of the state, as Danilevsky shows, is decided not by political metaphysics, but by history.*

Key words: *new modernity, geopolitics, Russia as Anti-Europe, europeanization, russophobia, Russian state-civilization, Russian (Russian) conservatism.*

Сегодня, когда началась новая историческая эпоха, эпоха новой современности, когда многополярный, много-цивилизационный мир идет на смену гегемонии одной сверхдержавы, наша страна делает решающий в политическом отношении шаг с точки зрения выбора своего собственного, особого пути цивилизационного развития на длительную историческую перспективу. Россия возвращается к себе. Большую и глубокую трансформацию претерпевают также отношения России и россиян к «коллективному Западу» практически по всем жизненно важным аспектам. Точка невозврата, начавшаяся с использования Западом территории некогда «братского» для нас государства для достижения своих антироссийских целей, в настоящее время пройдена.

В своем выступлении хотел бы обратить внимание на геополитические взгляды и идеи Данилевского, которые, на мой взгляд, становятся все более актуальными и злободневными. Многие его высказывания до сих пор упоминаются мимоходом. С момента выхода его книги «Россия и Европа» (1871) либеральная пресса неизменно нападала на Данилевского за признание неизбежности военного столкновения между Россией и Западом. Известный философ Владимир Соловьев, критикуя Н. Страхова, защитника Данилевского, упрекает его в том, что «Страхов упорно закрывает глаза на проповедь насилия и обмана в книге «Россия и Европа» [4. 547]. Это либеральное обвинение остается неизменным при всех перипетиях отечественной истории и по сегодняшний день. Его нужно отвести самым решительным образом, ничего не утаивая при этом. Сегодня наступил момент истины в отношениях с «коллективным Западом». Известно, что Данилевский нередко упрекал царскую власть за двойственность, которая наблюдалась на протяжении всего XIX века, точнее после смерти Екатерины II, проводившей, с его точки зрения, истинно русскую (российскую) политику. Хочется верить, что с этой двойственностью в наше время будет наконец покончено.

Говоря о геополитических взглядах Данилевского, важно видеть два аспекта – практический и теоретический. Конкретная работа Данилевского с географическими картами есть действительно огромный поворот в понимании необходимости для эффективной внешней политики детального знания географических пространств - земного, воздушного, морского, океанического, космического пространств и, как теперь обнаруживается, внутриземного. Значимость проделанной им работы в полной мере становится ясной, когда чтение его работ требует постоянного обращения к географическим материалам.

В своих политических статьях 70-х - начале 80-х гг. XIX в. Данилевский помимо анализа реальных геополитических действий европейских государств формулирует целый ряд теоретических положений русской школы геополитики.

Так, он ставит главный вопрос, является ли Европа политической целостной системой и какое отношение к ней имеет Россия. Европа есть совокупность европейских государств, сознающих себя в принципе как одно

целое, общеевропейские интересы которого противоположны интересам России и Славянства. Но за общеевропейскими интересами наглядно просматриваются стоящие за ними и подчиняющие их подлинные интересы Англии. Данилевский приводит многочисленные примеры обмана ею России. Откуда, пишет Данилевский, это меряние разными мерами, это вешание разными весами, когда дело идет о России и о других европейских государствах. Данилевский неоднократно замечает, что «Россия была недостойным образом обманута». Сегодня мы слышим те же слова от президента РФ. Мы же поверили, говорит Данилевский, в честное слово, которое основано на доверии. Мы действовали исходя из наших убеждений, из европейской солидарности, в то время как Запад действует исходя только из своих эгоистических интересов. Мы не хотим, делает вывод Данилевский: жить по принципу: «с волками жить, по волчьи выть», но приходится. Те же слова недавно произнес и президент российского государства, говоря о сегодняшних отношениях с «коллективным Западом». Россия начинает следовать тому известному принципу, который всеми силами поддерживал Данилевский, «око за око, зуб за зуб, строгое право, бентамовский принцип утилитарности, т.е. здраво понятой пользы – вот закон внешней политики [2, с. 34]. «Ею же мерою мерите – возмеритесь к вам» - приводит здесь Данилевский слова из Нагорной проповеди Христа.

Интересы России не только иные, чем интересы Европы, но они и взаимно противоположны, следовательно, в политическом смысле Россия не только не-Европа, но Анти-Европа. Борьба между Англией и Россией сделалась в XIX веке неизбежной. Англия дерзко вызывает нас на бой, прямо и открыто без всякой маски, без чьего-либо посредства. Поэтому неизбежно сокрушение того исполинского хищника, той громадной неправды, того угнетения, распространяющегося на все народы земли, которые именуется английским всемирным морским владычеством. Оно приводит к обладанию всеми лучшими частями неевропейских материков, эксплуатации их всеми возможными средствами политическими и торговыми, доходящие, в частности, до насильственного развращения и отравления такой огромной страны, как Китай. Таковой должна быть, по мнению Данилевского, геополитическая стратегия Российского государства.

Отсюда чрезвычайно важен вывод Данилевского о том, как опасно европейничанье во внешней политике России. Ложная политика угодливости перед Европой, жертвование ей своими интересами, принятие этих интересов за что-то высшее, требующие большого внимания и уважения, чем наши собственные русские интересы. Такая политика свидетельствует не о сомнении в силах и средствах, имеющихся в данную минуту для достижения предположенной цели, а о сомнении в смысле, цели, значении самого исторического бытия России, которые как нечто несущественное, сравнительно маловажное, второстепенное, должны уступить место более существенному, более важному, первостепенному. С такими сомнениями в сердце исторически жить невозможно!» [1, с. 269].

Данилевский призывает руководствоваться русско-славянскими интересами, которые были прямой противоположностью европейским.

Данилевский писал о том, насколько опасно для нас политическое равновесие в Европе. Оно для нас губительно, а нарушение равновесия идет во вред Европе и на пользу России. И этим нужно умело пользоваться. Поэтому Россия не должна стремиться к сохранению политического равновесия в Европе. Россия возвращается к себе и вместе с этим возвращается во внешнюю политику жесткий прагматизм. Именно сегодня можно удивляться научной смелости и прозорливости Данилевского в разборе и оценках отношений между Европой и Россией. В этом контексте Данилевский и рассматривает ложь русофобских измышлений, непрерывно распространяемых в Европе, о которых он говорит в первых главах книги «России и Европы», раскрывая основные причины европейской русофобской идеологии.

Говоря о русофобии, основное внимание Данилевский уделял внешним отношениям между Россией и западными государствами. Данилевский уклонялся от подробного рассмотрения влияния враждебной европейской пропаганды на наш образ мыслей и на наши внутренние дела, но затронул ряд чувствительных для общества тем. В частности, у него есть один интересный сюжет, на котором стоит остановиться подробнее. Данилевского замечает, что «та общая (поглощающая все различия партий и интересов) ненависть к России, которую и словом, и делом обнаружила Европа, начала наконец открывать нам глаза. К сожалению, это отрезвляющее действие восточной войны не было довольно сильно, потому что ему не помогало хотя сколько-нибудь свободное публичное слово. Всякое оскорбительное слово о России было тщательно не допускаемо до нашего слуха, точно до слуха молодой девушки, девственную чистоту и деликатность которой могло нарушить все непристойное и грубое. От официальной защиты русского интереса все еще продолжало веять официальной казенщиной, которая нам претила [2, с. 298]. Данилевский хотел, чтобы печать знакомила читателя с тем, что пишут о России на Западе. И давала отпор клевете и злословию, что чрезвычайно важно, ибо это является условием взросления российских людей, общества в целом, преодоления инфантилизма и наивной веры в достоверность ложных обвинений.

Сегодня критика русофобии одна из самых распространенных тем в журналистике и СМИ. Население, российские люди должны пройти школу достойного противостояния русофобии. Тогда после ее успешного окончания можно будет решать более серьезные политические, идеологические и идейные вопросы дальнейшей трансформации общества. Становится более понятной для россиян, что вся эта русофобская истерия, которая продолжается все последние столетия [5], обусловлена вовсе не попытками российских людей решительного отказа от чужих традиций, ценностей и смыслов жизни.

В разработках цивилизационной проблематики последнего времени государство, как ни странно, осталось без должного внимания. Данилевский

ясно пишет о том, что каждый культурно-исторический тип проходит три периода. Из этнографического состояния общество переходит в государственное. А из государственного в цивилизационное или культурное. При этом Данилевский особо выделяет то обстоятельство, что между собственно цивилизацией и племенной жизнью располагается «посредником тот промежуток времени, в который народы готовят, так сказать, место для своей деятельности, строят государство и ограждают свою политическую независимость, без которой, как мы видели, цивилизация ни начаться, ни развиться, ни укрепиться не может» [2, с. 111]. Цивилизация на третьем этапе развития культурно-исторического типа представляет собой государство-цивилизацию.

Причина недостаточного внимания к разработке государственной проблематики состоит в том, что сегодняшнее российское государство было и продолжает оставаться предметом острой научной и идейной полемики между сторонниками западного либерализма, русского (российского) консерватизма и социализма. У Данилевского есть очень важное замечание о том, «что идеальной формы правления не существует... Если бы такая форма действительно существовала в теории, то на практике от нее было очень мало пользы, ибо вопрос заключается не в абстрактном существовании такого политического идеала, а в применимости его к данному случаю, то есть к данному народу и государству в данное время, и следовательно, вопрос о лучшей форме правления для известного государства решается не политической метафизикой, а историей» [2, с. 277].

Здесь мы выходим на важность для понимания современной ситуации консервативных взглядов Данилевского и русского консерватизма в целом. Вопрос здесь не в том, что Данилевский глубоко убежден в необходимости самодержавной форме правления. Эта «форма органическая, то есть такая, которая не разделима от сущности того, что ее на себе носит, которая составляет необходимое выражение и воплощение этой сущности» [2, с. 459]. Религиозные взгляды Данилевского требуют правильной интерпретации. Мне кажутся подходящими для этого случая слова Лазаря, митрополита Симферопольского и Крымского. Говоря о своего рода светской апологии христианства в работе Данилевского, он в своем выступлении на конференции по Данилевскому подчеркнул, «что ради этой цели свои религиозные воззрения он высказывает во многом прикровенно, однако православность его взглядов не ставилась под сомнение» [3, с. 16]. Это важно подчеркнуть.

Осторожное отношение к консерватизму в целом во многом связано с неразработанностью того, что названо светской апологией православия, которую можно назвать и светской интерпретацией. Сегодня российскому консерватизму уделяется большое внимание в связи с идущей в социальных науках и философии дискуссии об оптимальной форме российского государства, о том, в каком направлении должно идти дальнейшее реформирование или оптимизация всей системы государственной власти

России, может ли социальный консерватизм стать перспективной целью для Российского государства и общества.

Список литературы

1. Данилевский Н.Я. Горе победителям. Политические статьи // М.: «АЛИР», ГУП «ОБЛИЗДАТ». 1998. – 416 с.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа // М.: Книга, 1991. - 574 с.
3. Творческое наследие Николая Яковлевича Данилевского и его значение для научной мысли России и Крыма (материалы международной научно-практической конференции, г. Симферополь, 21 – 23 мая 2015 г.). – 2-е изд., – Курск: Изд-во Курск. гос. с.-х. ак., 2016 – 256 с.
4. Соловьев В. Национальный вопрос в России. Выпуск второй // Соловьев В.С. Соч. в 2-х т. Том 1. Философская публицистика. М.: Изд. «Правда». 1989. – 688 с.
5. Шевченко В.Н. Особенности цивилизационного развития России в контексте противостояния с Западом. Феномен русофобии // Личность. Культура. Общество. 2022. Том XXIV. Вып. 2. №114. С.70-88.

ИРАНО-АЛБАНСКИЙ КРИЗИС 2022 ГОДА

Шеметова Ю.Н.

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
студент направления «международные отношения»
E-mail: yuliashemetova@mail.ru*

***Аннотация.** В статье рассмотрено беспрецедентное событие, а именно разрыв дипломатических отношений из-за кибер-атаки между Ираном и Албанией. Выявлены возможные причины, которые послужили катализатором данного происшествия. Рассмотрена роль и участие глобальных акторов в этом событии. Разработан и предложен комплекс мер по повышению эффективности и защиты информации в киберпространстве. Освещаются парадигмы современных международных отношений и геополитики. Особое внимание уделяется методу анализа - теории игр. С помощью изучения мягкой и жесткой силы были проанализированы все возможные варианты исхода событий для России и США с целью понять необходимость и успешность вмешательства и активного действия этих двух стран. Выработан самый оптимальный вариант развития событий для Российской Федерации.*

***Ключевые слова:** дипломатические отношения, кибер-атака, киберпространство, утечка данных, конфликт, акторы.*

THE IRAN-ALBANIA CRISIS OF 2022

Shemetova Y. N.

Saint Petersburg State University of Economics,
student, International Relations
E-mail: yuliashemetova@mail.ru

Abstract. *The article examines an unprecedented event, namely the rupture of diplomatic relations due to a cyber-attack between Iran and Albania. Possible causes that served as a catalyst for this incident have been identified. The role and participation of global actors in this event is considered. A set of measures to improve the efficiency and protection of information in cyberspace has been developed and proposed. The paradigms of modern international relations and geopolitics are highlighted. Special attention is paid to the method of analysis - game theory. Through the study of soft and hard power, all possible outcomes of events for Russia and the United States were analyzed. To understand the necessity and success of the intervention and active action of these two countries. The most optimal scenario for the development of events for the Russian Federation has been worked out.*

Keywords: *diplomatic relations, cyberattack, cyberspace, data leak, conflict, actors.*

В сентябре 2022 года в мировой политике произошло уникальное событие — разрыв отношений Ирана и Албании из-за кибератаки. Возможное повторение таких атак требует от всех специалистов в сфере международных отношений и информационной безопасности осмысления данной проблемы. Кибератаки являются глобальной проблемой XXI века. Кибербезопасность стала одним из важнейших факторов в стратегиях национальной безопасности различных глобальных акторов. Эпоха современных уникальных кибертехнологий привела не только к выдающемуся техническому прогрессу, но и предоставила возможность для проведения масштабных кибератак. Важно подчеркнуть факт того, что ущерб мировой экономике от кибератак в 2021–2022 году составил \$8 - \$9 трлн. [6].

Для более детального изучения кризиса в отношениях Ирана с Албанией стоит дать определение кибербезопасности.

Кибербезопасность — это комплекс мер, направленный на предотвращение и предупреждение «атак» в информационной сфере. Кибербезопасность является одним из важнейших направлений внешней политики современных государств. Активный рост глобализации способствовал развитию кибертерроризма. В связи с этим, некоторые государства вырабатывают как определенные конкретные меры по кибербезопасности, так и создают или поддерживают национальные хакерские группировки.

15 июля 2022 года хакерская группировка из Ирана «HomeLand Justice» нанесла серию кибератак на серверы Национального агентства информационного общества (AKSHI) Албании. Это агентство занимается разработкой и управлением государственными информационными системами Албании. В связи с масштабным информационным ударом произошла утечка конфиденциальных данных. Более того, хакеры смогли взломать справочно-информационный интернет-портал «e-Albania» и ряд правительственных сайтов. Также была нарушена работа Системы управления общей информацией (TIMS), которая регистрирует пересекающих границу Албании. Нормализация и стабилизация работы албанских государственных сайтов произошла в 20-х числах июля 2022 года. Ущерб, который нанесла группировка «HomeLand Justice», оценивается миллиардами долларов. Некоторые западные аналитики назвали эту серию кибератак «Цифровой Хиросимой», так как был нанесен большой вред и ущерб не только властям Албании, но и мирным гражданам [1].

Ответственность за данный кризис Албания возложила на Иран. Мотивом для Ирана могли послужить неуважительные высказывания албанской стороны в отношении Высшего руководителя (рахбара) Хаменей и генерала КСИР Касема Сулеймани. Крайне важно подчеркнуть тот факт, что высока вероятность того, что хакерские группировки Ирана действовали по собственной инициативе и без прямого указа от Тегерана. Несмотря на то, что иранская сторона отрицает свою причастность, мировое сообщество в данном кризисе поддерживает Албанию [2].

Правительство Албании приняло решение нанять американскую компанию Jones Group International для укрепления своей кибербезопасности после масштабной утечки данных. Министр инфраструктуры Албании Белинда Баллуку, под руководством США, разработала следующий план действий. Во-первых, сначала компания проведет полное сканирование албанских систем, чтобы определить степень подверженности дальнейшим атакам. Во-вторых, произойдет планирование стратегии установки многослойных защитных систем для предотвращения кибератак в Албании. Таким образом, Албания как малая страна вынуждена подчиняться крупным игрокам в сфере кибербезопасности [4].

Существует альтернативное объяснение хакерской атаки. На мой взгляд, серия кибератак могла быть спланирована противниками Ирана. Не случайно Вашингтон сразу применил новый пакет санкций. Они коснулись Министерства информации и национальной безопасности Ирана, а также списка высококоранговых иранских чиновников [3].

Подводя промежуточный итог, следует сказать, что в данный момент сложно назвать «заказчика» серии кибератак. Будь то Белый Дом или правительство Ирана. Но в итоге, очевиден факт беспрецедентности этого события. 7 сентября 2022 года впервые произошел разрыв дипломатических отношений из-за кибератаки.

Для более детального изучения нашей проблемы мы обратимся к методу теории игр. Теория игр - математический метод изучения оптимальных стратегий в играх. Под игрой понимается процесс, в котором участвуют две и более сторон, ведущих борьбу за реализацию своих интересов. Каждая из сторон имеет свою цель и использует некоторую стратегию, которая может вести к выигрышу или проигрышу — в зависимости от поведения других игроков. Теория игр помогает выбрать лучшие стратегии с учётом представлений о других участниках, их ресурсах и их возможных поступках [5, с. 52].

Сначала дадим краткую характеристику по теоретическим аспектам теории игр:

Во-первых, игра здесь имеет Real-time, то есть противник лишается дееспособности. Далее здесь возможны следующие три варианта развития событий: уничтожить военный потенциал, уничтожить экономику, подключить третью сторону.

Во-вторых, игра находится в переходной фазе со стратегического на политический уровень и подразумевает вмешательство третьей стороны.

В-третьих, это игра с положительной суммой, так как имеется рост выигрыша.

Перейдем к характеристике по выше заданным критериям:

Real-time. Аргументы: группировка «HomeLand Justice» нанесла серию кибератак на государственные сайты Албании, произошла утечка информации, сайты не работали. Ответного удара не было. США вмешались, прислали специалистов (подключение третьей стороны).

Переходная фаза со стратегического на политический уровень. Аргументы: США вмешались. Правительство Албании наняло американскую компанию Jones Group International для укрепления своей кибербезопасности после масштабной утечки данных.

Игра с положительной суммой: Аргументы: Иранские хакеры получили доступ к огромной базе секретных данных Албании. От Албании ответной кибератаки не было.

Теперь перейдем к более детальному моделированию конфликта в рамках теории игр:

Отправной точкой выберем следующее событие: вмешательство США в Ирано-Албанский конфликт. Наша цель: понять, как следует реагировать России на американское вмешательство.

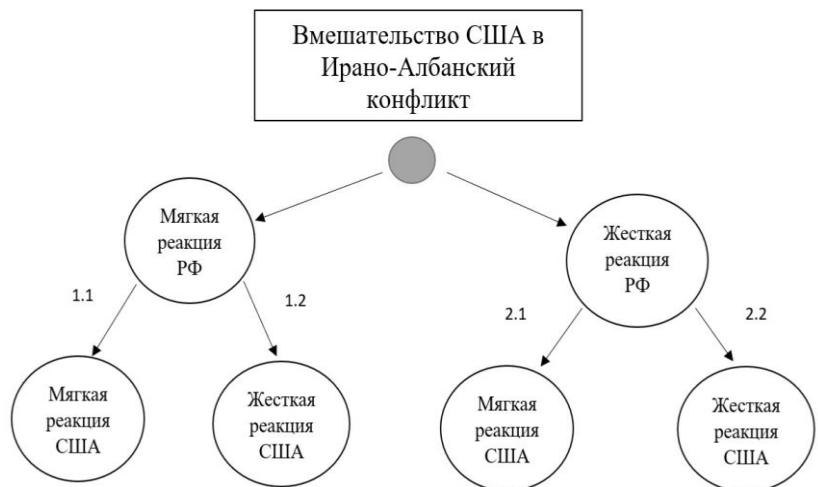

Рисунок 1. Анализ Ирано-Албанского конфликта в рамках теории игр

Номер трека (согласно рис.2)	Реакция РФ (мягкая или жесткая) + выгода в баллах	Реакция США (мягкая или жесткая) + выгода в баллах	Сумма выгоды для РФ (в баллах)
1.1.	Мягкая реакция РФ	Мягкая реакция США	
Выгода для обоих игроков	+2	+3	-1
1.2.	Мягкая реакция РФ	Жесткая реакция США	
Выгода для обоих игроков	+1	+2	-1

2.1.	Жесткая реакция РФ	Мягкая реакция США	
Выгода для обоих игроков	+3	+1	+2
2.2.	Жесткая реакция РФ	Жесткая реакция США	
Выгода для США	-1	+2	-3

Перейдем к анализу полученных результатов:

1.1. Выгода России составляет -1.

Это обусловлено тем, что США уже используют мягкую силу в Албании. То есть, они уже прислали специалистов, которые занимаются разработкой нового обеспечения кибербезопасности Албании. В свою очередь, Иран теперь может легко подвергнуться кибератаке на свои государственные сайты. Таким образом, помощь России необходима Ирану, с целью разработки коллективной системы информационной безопасности сайтов, для избежания масштабной утечки данных.

Мягкая сила России существенно уступает мягкой силе США, в связи с этим, действия России будут обречены на проигрыш. Это связано с тем, что США имеет больше влияния в мире и больше «зависимых» стран, чем РФ.

Можем обратиться к информационно-сетевцентрической парадигме геополитики. Информация выступает как главный фактор геополитики. В настоящее время именно США определяют и контролируют ежедневную повестку мировых СМИ.

1.2 Выгода России составляет -1

США занимают первую строчку в позиции расходов на военное обеспечение (\$752,9 млрд на расходы национальной обороны). Несмотря на то, что Иран также является ядерной державой, он не сможет полноценно противостоять США и коллективному Западу. Если РФ будет использовать мягкую силу, то они избегут «строчки» расходов на военную сферу. Однако Россия все равно будет в минусе, что связано с коллективным Западом во главе с гегемонией США. Мягкая сила России имеет гораздо меньший вес. Свое военное «вторжение» в Иран США обоснуют необходимостью демократизации и защиты прав человека. И подавляющая часть всего

мирового сообщества будет с этим согласна. США не просто избегут всеобщего осуждения, они еще и в очередной раз «докажут свою преданность идеям, целям демократии».

Таким образом, если США вторгнутся в Иран, а Россия использует мягкую силу, высока вероятность «завоевания» Ирана военным контингентом США, и последующим размещением там баз НАТО.

2.1 Выгода России составляет +2

Если Россия применит жесткую силу, а США мягкую, то «победа» России станет возможной. Обоснуем это с той точки зрения, что Россия получает колоссальное влияние в регионе, если разместит там своих военных. Они смогут контролировать многие сферы, в том числе оказывать помощь в кибербезопасности.

Мягкая сила США будет успешной, но уступит жесткой силе РФ. Россия столкнется с мировым осуждением и санкциями, однако будет иметь прямое сильное влияние в регионе через Иран.

2.2 Выгода для России составляет -3

Учитывая военный потенциал России, у Ирана возможно появится шанс выиграть в военно-политической конфронтации с США. Однако, скорее всего, РФ и Иран потерпят поражение, из-за количества союзников у США. В свою очередь, Китай как «возможный союзник» России откажется вести открытые военные действия в поддержку РФ и Ирана, что усугубит ситуацию еще больше.

Несмотря на то, что мы живем в эпоху формирования многополярного мира, количество стран, поддерживающих гегемонию США, все еще велико. И это крайне усложнит победу России, тем более Иран не имеет границ с РФ. (прослеживаем опыт Украинского кризиса 2022 года: Россия активно ведет боевые действия, потому что конфронтация у ее границ). Таким образом, при открытом военном столкновении, Россия и Иран скорее всего потерпят поражение.

Подводя итог всему вышесказанному, отметим, что сценарий 2.1 является наиболее привлекательным и наиболее нереальным для России. Вариант 2.2 скорее всего также не будет возможен, из-за обострившегося Украинского кризиса.

Следовательно, реально возможные сценарии это 1.1 и 1.2, где Россия использует мягкую силу в обоих вариантах, а США в первом случае- мягкую, а во втором случае- жесткую. Везде мы прослеживаем минус, который имеет Россия. То есть, при любом вмешательстве в Ирано-Албанский конфликт, действия РФ не будут успешными из-за мирового геополитического влияния США.

Резюмируя все вышесказанное, стоит отметить, что в XXI веке мировое сообщество вошло в эпоху цифровизации, которая несет в себе глобальные угрозы. С кибертерроризмом можно и нужно бороться совместными усилиями. Однако не стоит забывать факт того, что все кибертеррористические группировки финансируются акторами мировой политики.

Специфика угрозы кибертерроризма заключается в высокой степени анонимности атаки, поэтому преступление такого рода легко можно приписать любому государству. Такой высокий и растущий ущерб от атак обуславливается цифровизацией общества.

Для того, чтобы национальная кибербезопасность могла соответствовать мировому уровню, необходимы последовательные действия со стороны государства, которые будут направлены на повышение эффективности и защиты информации в киберпространстве:

- повышение безопасности граждан в онлайн-среде;
- построение отечественной модели политики, направленной на борьбу с кибератаками;
- формирование специального органа по борьбе с кибертерроризмом;
- международное сотрудничество в сфере кибербезопасности.

Данный комплекс мер поможет государству обеспечить безопасность в информационной сфере.

Подводя итог и делая общий вывод, мне бы хотелось вновь подчеркнуть факт беспрецедентности рассматриваемого события – разрыв отношений между Ираном и Албанией из-за кибератаки. С помощью теории игр был найден самый оптимальный и подходящий вариант развития событий для Российской Федерации, при вероятном вмешательстве США в конфронтацию между двумя вышеупомянутыми странами.

Список литературы

1. Цуканов Л. Ирано-албанский кризис отношений: куда ведет цифровой след? // Российский совет по международным делам. Выпуск №1. 2022. С. 1–4.
2. Смагин Н. Из-за чего Албания разорвала отношения с Ираном // Профиль 2022. №1. С. 2–5.
3. Албания обвинила Иран в кибератаке и прервала дипломатические отношения [Электронный ресурс]. - URL: <https://ria.ru/20220907/kiberataka-1815136993.html> (дата обращения: 01.11.2022).
4. Власов Д. А. Философско-методологические проблемы классической теории игр // Молодой учёный. 2016. №20 (124). С. 23–46.
5. Ущерб мировой экономике от кибератак в 2021 году составил \$9 трлн // RB [Электронный ресурс]. - URL: <https://ria.ru/20211216/khakery-1764024104.html> (дата обращения: 01.11.2021).
6. Maclean A. Albania cuts Iran ties over cyberattack, U.S. vows further action // Reuters 2022. No. 4 P. 121–129.

ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ В КИБЕР-ЭПОХУ

Шеметова Ю.Н.

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
студент направления международные отношения

E-mail: yuliashemetova@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрена роль ядерного вооружения в киберпространстве. Проанализированы возможные угрозы кибератак. Рассмотрены предполагаемые вызовы кибербезопасности современного мира. Подчеркнуты эвентуальные риски несанкционированного запуска ядерного оружия, которые приведут к несправимым последствиям. Говорится о месте различных хакерских группировок, которые проводят кибератаки. На конкретных примерах продемонстрированы беспрецедентные случаи хакерских атак на ядерные силы различных глобальных акторов. Особое внимание уделяется действиям конкретных ядерных держав. На примере США рассмотрена система, занимающаяся активной деятельностью в киберпространстве. Освещаются парадигмы современных международных отношений и геополитики. На их основании строятся предположения о возможных участниках кибератак в ближайшее время. Выявляются возможные тенденции и угрозы ядерной проблемы в киберпространстве.

Ключевые слова: ядерное оружие, киберпространство, хакеры, кибербезопасность, ядерная система, система ядерной безопасности, кибератаки.

NUCLEAR WEAPONS IN THE CYBER AGE

Yulia Shemetova

Saint Petersburg State University of Economics,
student, International Relations

E-mail: yuliashemetova@mail.ru

Abstract. The article examines the position of nuclear weapons in cyberspace. The possible threats of cyberattacks are analyzed. The proposed challenges of cybersecurity in the modern world are considered. The eventual risks of an unauthorized launch of nuclear weapons, which will lead to irrecoverable consequences, are emphasized. The role of various hacker groups that conduct cyber-attacks is mentioned. Unprecedented cases of hacker attacks on the nuclear forces of various global actors have been demonstrated using concrete examples. Special attention is also paid to the actions of certain nuclear states. A system active in cyberspace is considered on the example of the USA. The paradigms of modern international relations and geopolitics are highlighted. On their basis, assumptions are made about possible participants in cyber-attacks in the near future. Possible trends and threats of the nuclear problem in cyberspace are identified.

Keywords: *nuclear weapons, cyberspace, hackers, cybersecurity, nuclear system, nuclear safety system, cyber-attacks.*

Активизация в сфере киберпространства в XXI веке связана с ростом глобализации в последние десятилетия. Кибербезопасность стала одним из важнейших факторов в стратегиях национальной безопасности различных глобальных акторов. Эпоха современных уникальных кибертехнологий привела не только к выдающемуся техническому прогрессу, но и предоставила возможность для проведения масштабных кибератак.

Угроза ядерной войны, повисшая над всем человечеством, стимулирует ядерные державы обезопасить свое вооружение от несанкционированного применения. Непредсказуемость, скрытность, а также угроза кибератаки усложняют ядерную безопасность. Обеспечение работы систем кибербезопасности – трудоемкий и сложный процесс, требующий особого подхода.

Говоря о роли ядерного оружия в киберпространстве, выделим следующие три уровня: ядерное оружие внутри страны, государственная ядерная национальная стратегия, а также международная ядерная система. Все вышеперечисленные системы ядерного оружия находятся под угрозой вмешательства извне. Для обеспечения безопасности данного вида вооружений стоит особое внимание уделить следующим важным аспектам киберпространства. Во-первых, усложнение самой системы, для снижения риска кибератаки, в связи с цифровизацией. Во-вторых, чем сложнее система, тем выше риск уязвимости [1, с. 5]. Таким образом, становится очевидным тот факт, что система ядерного вооружения постоянно находится в зоне риска кибератаки. Перед кибертеррористами открывается реальная возможность взлома системы и использования ядерного оружия, что приведет к гибели человечества.

Ядерный кибершпионаж является угрозой, учитывая нынешнее геополитическое пространство и современные конфликты, он может обеспечить противникам доступ к засекреченной информации оппонента. Риск кражи тайных данных о ядерном оружии является особенно актуальным для ядерных держав. Расширение методов ядерного кибершпионажа было вызвано цифровым форматом хранения данных. Хакеры подвергаются меньшему риску, так как нелегальный сбор информации о ядерном оружии страны проводится удаленно.

Эпоха ядерного кибершпионажа получила свое распространение в середине 1980-х годов. Примером является операция «Кукушкино яйцо», проведенная в 1991 году голландской хакерской группировкой. Целью стал взлом сети армии США, поиск ядерных секретов и данных о характеристиках ракет. Кибертеррористы собирали данные для продажи Саддаму Хусейну. В 1998 году произошла утечка данных США о разработке термоядерной боеголовки W88, за этим инцидентом стояли хакеры из Китая. В 1999 году был проведен ядерный кибершпионаж “Moonlight Maze” против Пентагона [1,

с. 7]. В связи с вышесказанным, можно сделать вывод, что именно США становятся главной мишенью при ядерном кибершпионаже.

Кибердиверсионная деятельность берет начало в 80-х годах прошлого века. Тогда ЦРУ была организована поставка модифицированного компьютерного оборудования в СССР. Операция получила название «Прощальное досье». Советский военно-промышленный комплекс получил фальшивые чертежи и компьютерные схемы с дефектами.

Отличительная особенность кибердиверсионной деятельности заключается в возможности обмануть систему раннего оповещения, а также внедрить ложные данные в систему ядерной кибербезопасности. Одним из примеров является активность Израиля в 2007 году. Для блокировки радара ПВО Сирии была использована программа «Сутер». Программа внедрилась в ПВО и уничтожила сигнал радара. В следствие этого Израиль смог беспрепятственно бомбить намеченные цели [1, с. 10]. Эта атака послужила важным предупреждением для всего мирового сообщества, ведь произошел анонс новых уязвимых мест в системах безопасности.

Далее, очень важно отметить, что кибератаки имеют возможность воздействовать на стратегическую стабильность среды ядерного оружия. Обычно это происходит в четырех следующих областях.

Во-первых, хакеры способны вывести из строя каналы связи, что приведет к усложнению в управлениях ядерными силами страны. Для этого используются атаки «отказ в обслуживании» (DDoS).

Во-вторых, хакеры могут затормозить процесс выработки превентивного или ответного удара.

В-третьих, имеется возможность сокращения поиска реальных альтернатив.

В-четвертых, особую опасность представляет внедрение ложной информации о наличии ядерного оружия, нештатная работа ПВО, а также создание помех в системе сигнализации.

Четыре вышеперечисленных фактора в совокупности несут серьезную ядерную угрозу всему миру.

Однако на сколько же реальна угроза? Отвечая на поставленный вопрос, следует сказать, что в условиях конфликта или войны риск очень сильно возрастает. Киберугрозы в ядерной среде эволюционируют крайне стремительно. Тем не менее, выработаны три наиболее главных риска, касающихся ядерного оружия в киберпространстве.

- Использование ядерного оружия в результате ошибки. (Учитывая нынешние положения стратегий ядерных держав, тысячи ракет готовы к запуску в любую минуту. Ядерные боеголовки уязвимы перед кибератакой на систему раннего предупреждения, которая сможет правдиво имитировать запуск ракет, а также нанести «ответный» ядерный удар в результате технического сбоя или просчета.);
- Несанкционированное применение ядерного оружия. (Кибератака может быть направлена на обход мер по безопасности ядерного

вооружения страны. Учитывая человеческий фактор, риск запуска ядерного оружия может быть санкционирован по приказу противоборствующей стороны.);

- Снижение эффективности ядерного сдерживания. (Киберугрозы безопасности ядерных вооружений ставят под удар основы ядерного сдерживания) [2, с. 12].

Резюмируя все вышесказанное, обратимся к современным геополитическим реалиям. Для определения акторов, между которыми может возникнуть ядерная проблема в киберпространстве, следует осветить некоторые аспекты «канонических» парадигм международных отношений.

1. Согласно парадигме политического реализма – основной стратегической целью государства в международной политике является обеспечение своей собственной безопасности даже в ущерб другим странам [3, с. 12].
2. Геополитическая парадигма - Конфликт между Талассократией и Теллурукратией перманентен.

Таким образом, имеется прямая киберугроза конфликта между ядерными силами США и России, особенно учитывая Украинский кризис 2022 года. В число основных вызовов входят атаки, которые могут быть направлены на повреждение или нейтрализацию систем, отвечающих за ядерные вооружения [4]. Однако не стоит исключать и привлечение третьих сторон – ядерных держав. И Китай, и Иран, являясь противниками США, имеют ядерное вооружение в своем арсенале. Справедливо назвать Иран одним из санкционных рекордсменов, следовательно, можно предположить, что со стороны США вполне возможна кибератака на пункты управления ядерным оружием Исламской Республики.

В Стратегии национальной безопасности США подчеркивается, что конфронтация держав ведется в социальной, экономической, политической, военной сферах, а также на уровне киберпространства. В информационном поле возможно провести диверсию против ядерного производства. К примеру, такая участь постигла иранскую АЭС в Бушере. Персональные компьютеры работников подверглись хакерскому взлому. Интересный факт, но иранская АЭС считается наиболее крупнейшим российско-иранским совместным проектом [5].

В 2009 году в США было создано новое стратегическое Киберкомандование (CYBERCOM). Работники этой организации подчеркивают, что «киберпространство» является местом постоянного взаимодействия, в котором можно достигнуть своих стратегических целей и политических интересов, не прибегая к войне. В доктринах CYBERCOM за 2018 год говорится: «Посредством настоячивых действий и более эффективной конкуренции, ниже уровня вооружённого конфликта, мы можем влиять на планы наших противников, сдерживать их агрессию и указать им на различие между приемлемым и недопустимым поведением в киберпространстве».

Подводя итоги, подчеркнём, что совершенно очевидным становится факт «хрупкого» положения ядерного оружия в киберпространстве. Ядерные державы должны усиливать системы безопасности, для избежания несанкционированного запуска межконтинентальных баллистических ракет. Ядерный взрыв принесет гибель всему человечеству. В 2022-2023 гг ядерная напряженность достигла пика со времен Карибского Кризиса 1962 года. Странам следует выработать универсальные принципы положения ядерного оружия в сфере киберпространства. В противном случае, хакерские группировки смогут подвергнуть ядерной угрозе весь мир.

Список литературы

1. Футтер Э. Ядерное оружие в век информационных технологий: новые вызовы с точки зрения безопасности, стратегии и стабильности // Валдайские записки. 2016. №56. 16 с.
2. Стаутлед П., Питтс-Кифер С. Ядерное оружие в новую кибер-эпоху // Доклад Аналитической группы по изучению киберугроз безопасности ядерных вооружений. 2018. 38 с.
3. Нурышев Г.Н. Теория международных отношений: учебное пособие. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2015. 224 с.
4. Футтер Э. Кибератаки выбирают атомное оружие [Электронный ресурс] // Независимая газета. 2016. 19.09. - URL: https://www.ng.ru/courier/2016-09-19/10_cyber.html (дата обращения: 09.03.2023).
5. Леонков А. От военных операций в киберпространстве к боевым действиям на планете [Электронный ресурс] // Еженедельник ЗВЕЗДА. 2020. - URL: <https://zvezdaweekly.ru/news/202010131052-dvb46.html> (дата обращения: 09.10.2022).

ОСНОВНЫЕ ЦЕННОСТИ СЛАВЯНОФИЛЬСКОГО ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ИДЕАЛА

Широкова М. А.

доктор философских наук

*Алтайский государственный университет
профессор кафедры философии и политологии
E-mail: mshirokova1@rambler.ru*

Аннотация. *Рассматривается концепция общественно-политического идеала основоположников славянофильства - А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, К.С. Аксакова и Ю.Ф. Самарина. Несмотря на то, что славянофильские авторы уделяли сравнительно меньше внимания «вопросам политическим», чем «вопросам общественным», их наследие содержит достаточно разработанное и целостное политическое учение, частью которого является идея самодержавия как лучшей из возможных*

государственных форм, наиболее близко подошедшей к принципам христианской, православной этики. В соответствии с данными принципами, славянофилы выделяли следующие базовые ценности своего общественно-политического идеала: народность власти; юридическая неограниченность власти монарха; взаимное невмешательство народа и самодержавной власти в дела друг друга совместно с их взаимным доверием; отсутствие бюрократии как посредника между государством и обществом; нравственные качества правителя.

Ключевые слова: славянофильство, общественно-политический идеал, самодержавие, аксиология, этика, русская философия, русская культура.

THE MAIN VALUES OF THE SLAVOPHILE SOCIO-POLITICAL IDEAL

Shirokova M.A.

The Altay State University

Professor

E-mail: mshirokova1@rambler.ru

Abstract. *The concept of the socio-political ideal of the founders of Slavophilism - A.S. Khomyakov, I.V. Kireevsky, K.S. Aksakov and Yu.F. Samarin. Despite the fact that the Slavophile authors paid comparatively less attention to "political questions" than to "public questions", their legacy contains a sufficiently developed and holistic political doctrine, part of which is the idea of autocracy as the best possible state form, which came closest to the principles of Christian, Orthodox ethics. In accordance with these principles, the Slavophiles singled out the following basic values of their socio-political ideal: nationality of power; legal unlimited power of the monarch; mutual non-interference of the people and the autocratic power in each other's affairs, together with their mutual trust; absence of bureaucracy as an intermediary between the state and society; moral qualities of the ruler.*

Keywords: *Slavophilism, socio-political ideal, autocracy, axiology, ethics, Russian philosophy, Russian culture.*

Говоря о целях исторического и культурного развития России, основоположники славянофильского учения не могли логически не прийти к конструированию общественно-политического идеала, то есть оптимальной, по их мнению, модели государственного устройства, политико-властной организации, а также связей государства с церковью и иными общественными институтами.

Необходимо вспомнить, что политические построения славянофилов всегда были детерминированы их общесоциологическими взглядами. «Вопросы общественные» для А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, К.С. Аксакова, Ю.Ф. Самарина и их единомышленников всегда выступали более фундаментальными и заслуживающими внимания, чем «вопросы

политические». Тем не менее, политика интересовала славянофильских авторов как форма, находящаяся в диалектическом единстве с содержанием – жизнью народа, его духовными началами, реализацией его предназначения. Отсюда, правомерно говорить о наличии в славянофильском наследии достаточно разработанной концепции общественно-политического идеала. Немаловажно и то, что одним из ключевых методологических оснований славянофильского учения в целом являлся провозглашенный Хомяковым принцип «церковности». Иными словами, свой проект наиболее совершенной политической и общественной организации славянофилы выводили из православной этики, а также органически включенных ими в русскую национальную философию догматов православного богословия. «Христианское, православное» государство, необходимость приближения к которому конкретных, земных социально-политических форм постоянно подчеркивалась славянофилами, едва ли может быть полностью достижимо в наличном мире, и все же, этот идеал открывает перспективу исторического движения, как для России, так и для человечества в целом.

Постоянно соотнося свой идеал с реальностью, славянофилы подвергали резкой критике все существующие общественно-политические институты, в особенности, конкретные формы и механизмы реализации государственной власти. Никакая государственная система не может быть автоматически распространена на все страны и народы в качестве универсальной. Будучи сторонниками сохранения национально-культурного многообразия мира, славянофильские идеологи утверждали также необходимость плюрализма государственных форм. «Какая форма правления есть лучшая? – рассуждал Ю.Ф. Самарин. – Этот вопрос очень похож на следующий: по какой мерке всего лучше кроить платье? Задайте этот вопрос портному. Он вам ответит, что такой мерки нет и быть не может, а нужно кроить по росту и складу того, на кого шьется платье» [1, с. 267]. С точки зрения Самарина, «доискиваться единой, всесовершенной и безусловно применимой формы правления» – часто наблюдаемая ошибка и «заблуждение в области политики». Именно в такое заблуждение впадают многие представители русского западничества, стремящиеся некритически заимствовать для российской реальности чужие политические институты. На самом же деле «достоинство всякой формы заключается в полнейшей ее гармонии с содержанием». «Чем свободнее форма облекает содержание, чем вернее проявляет собою сущность его, тем лучше форма и тем она прочнее» [1, с. 268].

Хотя все имевшие место конкретно-исторические формы государств, по убеждению славянофилов, так или иначе, отклоняются от идеала, они могут быть оправданны и эффективны, каждая в определенных исторических обстоятельствах. В данном контексте родоначальники славянофильства упоминают монархию и аристократию, олигархию и демократию. Таким образом, можно констатировать применение славянофилами исторического подхода в построении их социально-политической концепции. «Легко и

вместе бесполезно превращать всемирную историю в предисловие к какой бы то ни было форме правления» [1, с. 268], – отмечал Самарин. Отвергали славянофильские авторы и возможность реставрации уже отживших государственных механизмов, в частности, древнерусской государственности. Известны слова А.С. Хомякова о том, что в будущем российском государстве, «представляющем нравственное и христианское лицо», «воскреснет Древняя Русь» [2, с. 470], но ни сам глава славянофильского кружка, ни его соратники не подразумевали буквального возвращения к прошлому. Напротив, последовательно выступая за технический и социальный прогресс и призывая использовать предоставляемые этим прогрессом возможности, представители славянофильского направления вполне отдавали себе отчет в свершившейся кардинальной трансформации общественных условий. Даже наиболее консервативно настроенный философ славянофильства, И.В. Киреевский, который полагал, что нравственные принципы христианства, уже нашедшие свое воплощение в допетровской Руси, к сожалению, оказались утрачены в результате раскола, проникшего сначала в церковь, а затем привнесенного в политику деятельностью первого императора, не питал иллюзий относительно восстановления «однажды прошедшей» формы. Чтобы ее восстановить, писал Киреевский, «нужно чудо», логики недостаточно, «по несчастью, даже недостаточно и любви!» [3, с. 155].

Однако славянофилы все же выделяли наиболее приближенную к идеалу и наиболее свободную, по их мнению, от человеческих нравственных пороков политическую форму – самодержавие. Так, К.С. Асаков, во взглядах которого многие исследователи склонны усматривать анархические черты, тем не менее, утверждал, что Россия исторически верно выбрала «лучшую (меньшее из зол) из правительственных форм» и «держалась ее постоянно, не считая ее совершенною» [4, с. 306].

Совмещая исторический и логический подходы, славянофилы рассматривали самодержавие и как наилучшую государственную форму для современного им российского общества середины XIX столетия, и как вообще наиболее подходящее оформление для своего социального идеала. Россия, в которой, несмотря на все потрясения, сохранились основы православной веры и «русского быта», находится к этому идеалу гораздо ближе, чем западноевропейские страны, впавшие, как постоянно повторяли славянофилы, в религиозные заблуждения католицизма и протестантизма и направившие свое просвещение в целом по ложному пути.

Противопоставив самодержавие всем другим формам правления (в том числе и «абсолютизму» или «деспотизму» абсолютных монархий Запада и Востока), славянофилы выделяли базовые ценности, которым, с их точки зрения, соответствует данная государственная модель, и которые позволяют ей максимально приблизиться (впрочем, не совпадая с ним полностью) к идеалу христианского, православного государства.

Первой из этих ценностей следует назвать народность власти. Славянофилы восприняли идею просветителей о народном суверенитете и

трактовали ее в пользу народной монархии. Народность есть происхождение власти из народной жизни и народной воли. И если в официальной идеологии Российской империи, триаде С.С. Уварова, принцип «народности» означал сакрализацию самодержавного государства, то славянофильские мыслители сакрализовали народ как источник и самой государственной власти, и ее легитимности.

Вторая ценность славянофильского общественно-политического идеала – неограниченность власти монарха законом. Славянофильские авторы были убеждены, что подлинно самодержавная власть должна быть ограничена не «извне», а «изнутри», не формально-юридическими установлениями, а нравственными принципами, важными для монарха так же, как для его подданных. Наиболее определенно по этому поводу высказался Ю.Ф. Самарин: «Правительство не полновластно потому, что подданные признают над собою власть правительства православного и русского; перестав быть православным и русским, оно бы перестало быть для них правительством» [5, с. 61].

С двумя предыдущими тесно связана третья ценность, лежащая в основе славянофильской концепции общества и государства – признание взаимного невмешательства народа и государственной власти в сферы деятельности друг друга, а также их взаимного доверия. Таким образом, славянофилы создали своеобразную альтернативу либеральному учению о гражданском обществе и о реализуемых в нем индивидуальных правах и свободах. Именно самодержавие, по мысли славянофилов, лучше других государственных форм обеспечивает свободу народа.

Следующая, четвертая характеристика общественно-политического идеала славянофилов – отсутствие бюрократии как посредника между государством и обществом, между народом и самодержавным правителем. Бюрократия сложилась в западных странах как механизм, рационализирующий взаимодействие власти и общества. Но в России, как подчеркивали славянофилы, иное понимание власти, чем на Западе. Власть рассматривается не как право и привилегия, а как бремя, которое берет на себя монарх с согласия народа. Отношения народа и монарха должны быть внутренними, нравственными, а не внешними, формализованными.

И еще один, пятый признак и ценность самодержавия у славянофилов – моральные качества правителя. Если власть самодержавного государя юридически не ограничена, то его личные качества, нравственные добродетели, становятся определяющими в его деятельности и влиянии на общество и государство. Согласно славянофильской этике и антропологии, государь воплощает собой идеальный тип «цельной» личности, способной собрать воедино все силы своей души: веру, разум, волю, чувства, – и направить их к достижению собственного нравственного совершенства и совершенства общества.

Итак, славянофилы выдвигают концепцию общественно-политического идеала, в соответствии с которой должна быть преобразована российская действительность. Идеалом для них является самодержавие – форма

единоличной неограниченной власти, но олицетворяющая и выражающая волю народа.

Список литературы

1. Самарин Ю.Ф. Православие и народность. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 720 с.
2. Хомяков А.С. Сочинения: В 2-х т. Т. 1. М.: Медиум, 1994. 591 с.
3. Киреевский И.В. Избранные статьи. М.: Современник, 1984. 383 с.
4. Аксаков К.С. Государство и народ. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 608 с.
5. Самарин Ю.Ф. Статьи. Воспоминания. Письма. М.: Терра, 1997. 279 с.

АКСИОЛОГИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ

Юнусса Курума

*Российский университет дружбы народов,
Юридический институт,
кафедра публичной политики и истории государства и права,
аспирант*

***Аннотация.** В современном мире идут большие споры между соотношением аксиологии власти и общественного идеала. Многие исследователи отмечали, что любая власть является насилием над народом, но лучшего средства пока изобретено не было. В ходе исследования было отмечено, что власть должна ориентироваться на простых людей. В выводах было подчеркнуто, что необходимо держать оптимальный баланс между властью как насилием и как необходимостью.*

***Ключевые слова:** власть, народ, идеал, политика, аксиология власти.*

THE AXIOLOGY OF POWER AND THE SOCIAL IDEAL: THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS

Kuruma Yunussa

*Peoples' Friendship University of Russia,
Law institute,
Department of Public Policy and History of State and Law,
PHD student*

***Abstract.** In today's world there is a great debate between the importance of the axiology of power and the social ideal. Many researchers have noted that any power is violence against the people, but a better means has not yet been invented. The study noted that power should be oriented toward the common people. In the conclusions it was stressed that it was necessary to keep an optimal balance between power as violence and as a necessity.*

Keywords: *power, people, ideal, politics, axiology of power.*

В современном мире политическая структура власти как с теоретической, так и с практической точек зрения подвергается большим обсуждениям. Многие исследователи убеждены в том, что власть является необходимым насилием, другие же уверены в том, что власть является легким пережитком прошлого, отклоняясь немного к анархическим течениям.

Однако, рассмотрение власти с аксиологической точки зрения не проводилось в достаточной степени, что и объясняет **актуальность** нашего исследования, **целью** которого является выявление новых, ранее не изученных моментов баланса между аксиологией власти и общественным идеалом.

Цель исследования определяет следующие **задачи**:

1) Рассмотрение темы исследования с точки зрения обоснования необходимости аксиологии власти;

2) Рассмотрение темы исследования с точки зрения нравственного общественного идеала.

Исследователем Н.С. Цинцадзе было отмечено, что «Концептуализм, по нашему мнению, является наивысшей и продуктивной формой в подлинно научном осмыслении базовых проблем юриспруденции. Его подмена псевдонаучными спорами, сводящимися, порой, исключительно к филологическим, ведет к деградации и профанации юридического знания в целом, а значит – тормозит развитие научной доктрины, а следовательно, и всей области правоприменения» [3]. Полагаем, что это определение является очень важным для практической части нашего исследования. Ряд ученых делали акцент на том, что «Аксиологический подход к постижению отдельных сторон жизни получил дальнейшее развитие в этике, эстетике, религиозной философии, социологии» [1, 2]. Полагаем, что с таким теоретическим запасом мы можем перейти к практической части нашего исследования, где отметим важность баланса между аксиологией власти и общественным идеалом.

Прежде всего, стоит отметить, что власть является необходимостью. Без наличия власти не было бы законов, и жизнь каждого человека находилась бы под постоянной угрозой в силу того, что любой другой человек мог бы совершить над ним самосуд, отобрать у него имущество, нажитое долгим трудом, убить его детей и так далее. То есть власть в начале была создана человеком для предотвращения действий подобного рода, для поддержания стабильности в обществе.

С другой стороны, как уже было указано выше, власть является насилием с точки зрения элементарной логики. Любая власть ограничивает свободу отдельно взятого человека, ставит его в жесткие общественные рамки, которое, как нетрудно догадаться, противоречит политике общественного идеала, которая была заложена еще античными мудрецами.

Однако, именно они же были первыми, кто говорил о необходимости поиска оптимального баланса между насилием и свободой. По сути, свобода

является ничем иным, как химерным идеалом. Власть будет ограничивать свободу человека, но, гораздо больше свободу человека будет ограничивать отсутствие власти.

Представим себе такую ситуацию. Власть запрещает человеку применять физическую силу для решения конфликтов различного рода. Безусловно, это является насилием над отдельно взятой личностью, которая любит драться, чтобы выпустить негативную энергию. Анализируемой личности драки помогают почувствовать себя лучше. Эта личность будет чувствовать дискомфорт, неуверенность в себе, зажатость, так как она не выплеснула до конца свою энергию в уличной драке, так как это запрещено законом. С этой точки зрения, власть является безусловным насилием над отдельно взятой личностью.

Однако, если бы не было законов, любитель выпускать свою энергию в уличных драках в один прекрасный день встретил бы человека с пистолетом. Учитывая тот факт, что законов нет, так как нет власти, человек с пистолетом легко бы застрелил того, кто полез бы с ним драться, и ему за это ничего бы не было, так как нет правовой системы.

Следовательно, в первом случае анализируемый персонаж бы просто испытывал большой дискомфорт, во втором случае это стоило бы ему жизни.

На таком простом бытовом примере мы доказали важную роль нахождения баланса между аксиологией власти и общественным идеалом. Мы считаем, что это является очень важным фактором для успешного функционирования человеческого общества.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Собрание сочинений: в 10 т. М., 2010. Т. 3.
2. Неновски Н. Право и ценности / вступ. ст. и пер. В.М. Сафронова; под ред. В.Д. Зорькина. М., 1987.
3. Цинцадзе Н.С. Концепция дуализма права в осмыслении дореволюционных и современных российских правоведов: проблемы преемственности в условиях модернизации // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2012. Вып. 4 (108). С. 351-354.

СОДЕРЖАНИЕ

МЕДИА В ГЛОБАЛЬНОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПОЛЕ КАК СЕГМЕНТ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ Андреева Ю.В.	3
ЦИФРОВИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ Арап С.Л.	11
ИССЛЕДОВАНИЕ ЛИДЕРСКОГО ПОТЕНЦИАЛА И ОСНОВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ЛИДЕРОВ В МЕСТНЫХ САМОУПРАВЛЕНИЯХ РЕСПУБЛИКИ СЕРБИЯ Арсениевич Оля, Перич Ненад.....	16
МЕЖДУНАРОДНОЕ МОЛОДЁЖНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОСТИ Афонина А.А.....	28
ФЕНОМЕНОЛОГИЯ «МЕТАВСЕЛЕННОЙ»: ЭВОЛЮЦИЯ ВООБРАЖЕНИЯ ИЛИ ДЕКОНСТРУКЦИЯ РЕАЛЬНОГО Балтезаревич Боривое В.	33
АКСИОЛОГИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ В СТИЛЕ МЫШЛЕНИЯ ПОЛИТИКОВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ Баранецкий А.Н.	38
ВЛИЯНИЕ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА НА РОССИЙСКОЕ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО Баранов А.В.	43
СТАБИЛЬНАЯ НЕСТАБИЛЬНОСТЬ КАК ТРЕНД МИРОВОГО РАЗВИТИЯ ИЛИ МОЖНО ЛИ УПРАВЛЯТЬ «УПРАВЛЯЕМЫМ» ХАОСОМ Барматова С.П.	48
СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ РОССИИ НА УКРАИНЕ И ПАТРИОТИЗМ РОССИЙСКИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ Беляева А.И.	56
АКСИОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ Беспалова Т.В.	61
СТРАТЕГИИ ВОСПИТАНИЯ ПАТРИОТИЗМА У МОЛОДЕЖИ В НЕПРЕРЫВНОМ КАЗАЧЬЕМ ОБРАЗОВАНИИ Бродская К.Ю.	70
СОЦИАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ: СОЗДАНИЕ И КРАХ ИДЕОЛОГИЙ Брюханцева Н.В.	78

ПОЛИТИКА ГОРОДСКОГО РАЗВИТИЯ И ЭТНИЗАЦИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК, ВЛАСТНОЙ РИТОРИКИ И МЕДИЙНЫХ ОБРАЗОВ (НА ПРИМЕРЕ Г. ИРКУТСКА)	
Брызгина Д.Е.	84
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЯЗЫКА В ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ	
Милена М. Видосавлевич	88
ТЕХНОЛОГИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА В УПРАВЛЯЕМЫХ КОНФЛИКТАХ (НА ПРИМЕРЕ КРЯШЕН ТАТАРСТАНА)	
Вилкова Д.В.	95
ФОРМЫ И ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТОВ ЛИТЕРАТУРНО-ЭПИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ	
Гаффаров И.З.	100
ФИЛОСОФСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА А.С. ПАНАРИНА: ПРЕДМЕТ И МЕТОД	
Гончаров Ю.А.	105
К ВОПРОСУ О ФЕНОМЕНЕ СОЗДАНИЯ НОВЫХ ЭТНИЧЕСКИХ РЕЛИГИЙ НА БАЗЕ ИУДАИЗМА ПОСЛЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ХРИСТИАНСТВА	
Горин А.А.	110
ЮРИДИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СЫНОВЕЙ ПО СРЕДНЕВЕКОВЫМ ГОРОДСКИМ СТАТУТАМ КОТОРА, СКАДЕРА И БУДВЫ	
Декич Н. Дорде	116
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ОБЩЕСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ МИГРАЦИИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОГО КРИЗИСА (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ)	
Дихтемиров М.С.	120
ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ: НЕГАТИВНЫЕ ЭФФЕКТЫ ВЛИЯНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕОЛОГИЙ НА ИСТОРИЮ СЕРБСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КОСОВО И МЕТОХИИ	
Мария Ефтимиевич Михайлович	130
ПРАВОВАЯ СИСТЕМА ВО ВРЕМЯ ПЕРВОГО И ВТОРОГО ПЕРИОДОВ СУЩЕСТВОВАНИЯ ИСЛАМСКОГО ЭМИРАТА АФГАНИСТАН: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	
Закиржанов Р.И.	136

АЛЕКСАНДР АРКАДЬЕВИЧ РОСТКОВСКИЙ – ЗАЩИТНИК И ЖЕРТВА ЗА СВОБОДУ СЕРЬСКОГО И СЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В БИТОЛЬСКОМ ВИЛАЙЕТЕ Заркович С. Весна	141
ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ИНКЛЮЗИИ: ЦЕНТР ДОСТУПНОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ В ВУЗЕ КАК АГРЕГАТОР «КОРОБОЧНЫХ РЕШЕНИЙ» Зиновьева В.И.	148
ИДЕАЛЬНОЕ И КОГНИТИВНАЯ СФЕРА ЛИЧНОСТИ: К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ Иванкина Л.И.	152
«АУТЕНТИЧНОСТЬ» VS «ПСЕВДОМОРФОЗА» КАК ДИХОТОМИЯ ОСМЫСЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ Ильинская С.Г.	158
ПРЕЛОМЛЕНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТУИЦИЙ АЛЕКСАНДРА ПАНАРИНА В КОЛЛЕКТИВНОМ ТРУДЕ УЧАСТНИКОВ ХАРАКСКОГО ФОРУМА Ильинская С.Г.	165
СТРАТЕГИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ (НА ПРИМЕРЕ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ РЕСПУБЛИКИ) Кнухова Ж.Н.	171
ПРОРОЧЕСКИЙ ДИАГНОЗ РОМАНА ДМОВСКОГО ОТНОСИТЕЛЬНО ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ СОЗДАНИЯ УКРАИНСКОГО ГОСУДАРСТВА Ханна Ковальска-Стус	176
КОНЦЕПЦИЯ «ГЛОБАЛЬНАЯ БРИТАНИЯ» В ГЕОПОЛИТИКЕ ТУМАННОГО АЛЬБИОНА Когут В.Г., Нурышев Г.Н.	184
ДАНИЛЕВСКИЙ И ХЛЕБНИКОВ: КОДЫ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ Коробкина Е.Н.	191
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ (ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТ) Кубанова Л.В.	195
ФЕНОМЕН НОВОМУЧЕНИЧЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИОСОФСКОГО И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА: РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ЕПИСКОПА НЕСТОРА (ДОНЕНКО) «НЕ МИР, НО МЕЧ» Масаев М.В.	199

УКРАИНСКАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛЯРИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ВОССОЕДИНЕНИЯ С РОССИЕЙ Мельничук С.В.	207
БЕЛГРАДСКАЯ ОПЕРАЦИЯ 1944 ГОДА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЮГОСЛАВСКО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ Миркович Эна	211
РОЛЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СРЕДИ ПРАВОСЛАВНОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В РАМКАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РФ НАЧАЛА 20-ГГ. XXI В. Миронова Л.В.	218
ЭТНИЗАЦИЯ МИГРАЦИИ: ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И АКАДЕМИЧЕСКИЙ ДИСКУРСЫ Нам И.В.	223
ГОСУДАРСТВО И ШКОЛА: ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА АДМИРАЛА А.В. КОЛЧАКА (1918-1920 ГГ.) Наумова Н.И.	227
ПАРЛАМЕНТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ КАК ФОРМА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА Пашковский П.И.	231
МАНИПУЛЯЦИЯ МАССОВЫМ СОЗНАНИЕМ МОЛОДЕЖИ КАК ИНСТРУМЕНТ НОВЫХ ПОЛИТТЕХНОЛОГИЙ (НА ПРИМЕРЕ УКРАИНЫ) Перевозчикова К.С.	237
КОНЦЕПТ «ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ В АГЛОМЕРАЦИЯХ» Попова О.В.	242
ПОВТОР И ИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ Предеина М.Ю.	248
ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА Прибылов Д.М.	253
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ТВОРЧЕСТВЕ ЮГОСЛАВСКОГО РЕЖИССЕРА АЛЕКСАНДРА САШИ ПЕТРОВИЧА: МЕЖДУ ЛЮБОВЬЮ И ЦЕНЗУРОЙ Ралович И.М.	256

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН «СРЕДНЕГО ЧЕЛОВЕКА» В ЦЕННОСТНОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ РОССИИ И ЗАПАДА Рожковский В.Б.	263
ВЕРА И РЕЛИГИОЗНАЯ АКТИВНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ ГОРОДА ВОРОНЕЖА Романович Н.А.	269
ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СИСТЕМНО-СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКИМИ ПРОЦЕССАМИ Сенюшкин Е.А., Сенюшкин М.Е.	275
ЭКОСФЕРА И ЕЕ РОЛЬ В РАЗВИТИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ Сенюшкина М.А., Сенюшкин М.Е.	281
А.С.ПАНАРИН О СТРАТЕГИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ В XXI ВЕКЕ Сенюшкина Т.А., Сенюшкин М.Е.....	289
ПРАВДА КАК ЦЕННОСТЬ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ Сенюшкина Т.А.	293
ПРОРОЧЕСТВА Я. БРЕММЕРА О ГРАНИЦАХ ГЛОБАЛИЗМА Серкова В.А.	300
THE CONCEPT OF SOFT POWER IN THE DOMESTIC POLICY OF MODERN KAZAKHSTAN (ELECTIONS OF THE RURAL AKIM) Silam Assemay Zhandauletkyzy.....	304
РАЗРУШЕНИЯ И СТРАДАНИЯ В РАШСКОМ РАЙОНЕ ВО ВРЕМЯ АГРЕССИИ НАТО ПРОТИВ ЮГОСЛАВИИ Йован Д. Симиянович	311
CRETE IN COLLECTIVE MEMORY IN THE REPUBLICAN PERIOD IN TURKEY CRETE AS A MEMORY SPACE Suda E.Zeynep.....	318
ХРИСТИАНСКИЙ ЕВРОСКЕПТИЦИЗМ: ПРИМЕР ПАРТИИ ХРИСТИАНСКИХ ДЕМОКРАТОВ ЭСТОНИИ Тамби С.А.	329
СОВЕТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ВЗАИМОПОМОЩИ КАК МОДЕЛЬ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ Тарасевич А.С.	335
ИДЕОКРАТИЧЕСКИЙ КРИЗИС ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ В УСЛОВИЯХ АПОСТАСИИ ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ (К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ Л.А. ТИХОМИРОВА) Трухан А.В.	345

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ ВОПРОСА О ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ «ПЕРЕЗАГРУЗКЕ» РОССИИ Угрин И.М.	354
ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОРПОРАЦИИ КАК АКТОРЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ Фароян Э.М.	361
ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЗМА В УСЛОВИЯХ ПРОПАГАНДЫ ТРАНСГУМАНИЗМА В ГЛОБАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ Цахидис Р.	365
Н.Я. ДАНИЛЕВСКИЙ О РУСОФОБИИ ЗАПАДА В КОНТЕКСТЕ СЕГОДНЯШНЕЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ Шевченко В.Н.	367
ИРАНО-АЛБАНСКИЙ КРИЗИС 2022 ГОДА Шеметова Ю.Н.....	373
ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ В КИБЕР-ЭПОХУ Шеметова Ю.Н.....	381
ОСНОВНЫЕ ЦЕННОСТИ СЛАВЯНОФИЛЬСКОГО ОБЩЕСТВЕННО- ПОЛИТИЧЕСКОГО ИДЕАЛА Широкова М.А.	385
АКСИОЛОГИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ Юнусса Курума	390

Для заметок

Научное издание

**«ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
И СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ:
АКСИОЛОГИЯ ВЛАСТИ
И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ»**

**Сборник научных трудов
XLI Международного Харакского форума**

(Ялта, 25-27 апреля 2023 г.)

Под общей редакцией Т.А. Сеньюшкиной

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 23,25 . Тираж 500 экз.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ».
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии «ИТ «АРИАЛ».
295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru